

ВЕСТНИК ЧЕРЕПОВЕЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в декабре 2002 г.

№ 4 (33). Т. 1 • 2011

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

№ 4 (33). Т. 1 • 2011 • ДЕКАБРЬ. Выходит не менее четырех раз в год.

Решением президиума ВАК от 19 февраля 2010 г. № 6/6 научный журнал «Вестник ЧГУ» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Научный журнал «Вестник ЧГУ» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2009 г.

Направления: ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ, ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ.

УЧРЕДИТЕЛЬ: ФГБОУ ВПО «Череповецкий государственный университет»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-26579 от 20 декабря 2006 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Н.И. ШЕСТАКОВ, д-р техн. наук, проф., засл. работник высшей школы РФ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Аветисян И.А., д-р экон. наук, проф. (ВГТУ)
Андронов В.П., д-р психол. наук, проф. (МордГУ им. Н.П. Огарева)
Аншелес В.Р., д-р техн. наук, проф. (СПбИБиП)
Васильцова В.М., д-р экон. наук, проф. (СПбГТУ)
Володина Н.В., д-р филол. наук, проф. (ЧГУ)
Гарбер Э.А., д-р техн. наук, проф., засл. деятель науки и техники РФ (ЧГУ)
Грызлов В.С., д-р техн. наук, проф., засл. деятель науки РФ (ЧГУ)
Денисова О.А., д-р пед. наук, проф. (ЧГУ)
Доманский Ю.В., д-р филол. наук (ТвГУ)
Дороговцев А.П., д-р экон. наук, проф. (ВГТУ)
Егоров А.Н., д-р ист. наук, проф. (ЧГУ)
Ершов Е.В., д-р техн. наук, проф. (ЧГУ)
Игонин В.И., д-р техн. наук, проф. (ВГТУ)
Ильин В.А., д-р экон. наук, проф. (ВНКЦ ЦЭМИ РАН)
Кабаков З.К., д-р техн. наук, проф. (ЧГУ)
Калягин Ю.А., д-р техн. наук, проф. (ВГТУ)
Камкин А.В., д-р ист. наук, проф. (ВГПУ)
Карпов С.В., д-р техн. наук, проф. (Северный (арктический) федеральный университет (САФУ))
Коровушкин В.П., д-р филол. наук, проф. (ЧГУ)
Кузьминов А.Л., д-р техн. наук, проф. (ЧГУ)
Лаврова С.Ю., д-р филол. наук, проф. (ЧГУ)
Любов В.К., д-р техн. наук, проф. (Северный (арктический) федеральный университет (САФУ))
Маралов В.Г., д-р психол. наук, проф., засл. деятель науки РФ, зам. гл. редактора (ЧГУ)
Меркер Э.Э., д-р техн. наук, проф. (НИТУ «МИССИС»)
Милошевич З., д-р соц. наук (Институт международной политики и экономики, Белград)
Морозов А.Н., д-р экон. наук, проф. (ОАО «Системные технологии», Москва)
Осипов Ю.Р., д-р техн. наук, проф., засл. деятель науки РФ (ВГТУ)
Петелин Б.В., д-р ист. наук, проф. (ЧГУ)
Плашенков В.В., д-р воен. наук, проф., зам. гл. редактора (ЧГУ)
Рыбаков А.А., д-р искусствovedения, проф. (ЧГУ)
Сабуров Э.Н., д-р техн. наук, проф., засл. деятель науки и техники РФ (Северный (арктический) федеральный университет (САФУ))
Селин М.В., д-р экон. наук, проф. (ВГМХА)
Сергиевский Э.Д., д-р техн. наук, проф. (МЭИ)
Синицын Н.Н., д-р техн. наук, проф. (ЧГУ)
Ситаров В.А., д-р пед. наук, проф. (МГУ)
Славов В.И., д-р техн. наук (Военно-космическая академия им. А.Ф. Можайского)
Солодянкина О.Ю., д-р ист. наук, проф. (ЧГУ)
Стенин В.А., д-р техн. наук, проф. (Северный (арктический) федеральный университет (САФУ))
Телин Н.В., д-р техн. наук, проф. (ВГТУ)
Цаплин А.И., д-р техн. наук, проф. (ПГТУ)
Цейтлин С.Н., д-р филол. наук, проф. (РГПУ им. А.И. Герцена)
Черкасова М.А., д-р ист. наук, проф. (ВГПУ)
Чернов А.В., д-р филол. наук, проф., зам. гл. редактора (ЧГУ)
Черняк М.А., д-р филол. наук, проф. (РГПУ им. А.И. Герцена)
Чиршева Г.Н., д-р филол. наук, проф. (ЧГУ)
Юдин Р.А., д-р техн. наук, проф., засл. изобретатель РФ (ЧГУ)
Яковлева Е.В., д-р пед. наук, проф. (ЧГУ)

РЕДАКТОР: Н.А. БАЧУРИНА

КОМПЬЮТЕРНОЕ МАКЕТИРОВАНИЕ: М.Н. АДЮХОВА

Адрес редакции: 162600 г. Череповец, Советский пр., д. 8, к. 302, тел. 8 (8202) 51-72-40

© ФГБОУ ВПО «Череповецкий
государственный университет», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гарбер Э.А., Ягудин И.В., Ермилов В.В. Уточнение расчета мощности главного привода для процесса холодной прокатки на широкополосных станах	5
Гончаров К.А. Термонапряженное состояние и ресурс кристаллизатора для плоского слитка	9
Кабаков З.К., Павлодерин А.И., Летавин М.И. Универсальная методика расчета расходов воды на охлаждение слитков прямоуг- угольного сечения при непрерывной разливке стали	14
Осипов Ю.Р., Немировский А.А. Анализ визуальных исследований тепломассопереноса в процессе получения металлических покрытий методом вакуумной дуги с горячим тугоплавким анодом	17
Сухарев А.Н., Еришов Е.В. Оптико-электронный контроль формы холоднокатаного проката	19
Федотов Е.С., Колобов А.В., Виноградов А.И., Лисунец Н.Л., Радюк А.Г. Разработка обобщенной модели процесса продоль- ной резки рулонной стали	21
Шабалов В.А., Панов Б.В. Автоматизированная разработка и сопровождение планов локализации аварий опасных производ- ственных объектов металлургических предприятий	25

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Денисов Е.Ю. Проблемы и перспективы развития инженерной инфраструктуры на основе государственно-частного партнер- ства на примере Нижегородской области	30
Плещенков В.В. К вопросу оценивания экономической эффективности предприятий (организаций)	33
Попова А.И. Агропродовольственный комплекс Вологодской области: состояние и перспективы его развития	37
Сахарова А.С., Беркович М.И. Оценка уровня развития негосударственных некоммерческих организаций предприниматель- ского сектора в регионе	41

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ. Электрон Григорьевич Дементьев (1926 – 2004)	46
Балакишина Ю.В. «Пишу только, чтобы „приятно“ в себя от суеты...»: поэтика «Дневников» протоиерея Александра Шмемана	47
Володина Н.В. Европа в восприятии «Русского европейца»: pro and contra («Парижские письма» П.В. Анненкова, «Дни» Б.К. Зайцева)	53
Добрычева А.А. Особенности синтаксической организации прозы Сергея Довлатова	57
Ильина О.С. Семантическое поле студент в толковых словарях русского языка	61
Кутипов Р.А. Формы выражения авторского сознания в «Записках кавалерист-девицы» Н.А. Дуровой. К постановке пробле- мы	64
Мишинцева И.Ю. Прагматические функции переключений кодов в художественных произведениях	67
Панфилова Е.Н. Универсальный дифференционно-интеграционный принцип в освоении детьми грамматической категории числа существительного	71
Пономарева Т.А. Эволюция лирического «я» в поэзии Н. Клюева	73
Сапченко Л.А. «Верьте моей искренности и дружбе...» (письма Н.М. Карамзина к А.И. Тургеневу)	77
Соловьева Е.Е. Два перевода романа Дж. Конрада «Лорд Джим» на русский язык	81
Черняк В.Д. Интертекстуальные переключки с читателем в современной беллетристике	85
Черняк М.А. Литература для тинейджеров в контексте экспериментов новейшей прозы XXI века	89
ЮБИЛЕИ. Александру Валентиновичу Чернову – 50 лет!	93

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Амросова О.А., Леханова О.Л. Рефлексия в общении как условие социализации дошкольников с общим недоразвитием речи ...	94
Маскумов Т.А. Попечительные советы средних профессиональных учебных заведений Казани на рубеже XIX – XX веков	99
Маралов В.Г., Маралова Т.П. Динамика представлений об опасностях и о способах реагирования на них у школьников	102
Мауткина Т.М. Методика организации эстетического воспитания школьников на основе взаимодействия общего и дополни- тельного технологического образования	106
Парфенова А.В. Вопросы здоровьесбережения в курсе физики основной школы в контексте компетентностного подхода	108
Пятакова О.А. Теоретические основы процесса формирования иноязычной культуры у студентов неязыковых специаль- ностей вуза	112
Сардушкина Ю.А. Организационно-педагогические условия, необходимые для проведения результативной профориенти- ционной работы среди старшеклассников в рамках взаимодействия вуза и школы	115

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Сполохова Е.А. Опыт разработки тестовых контрольно-измерительных материалов по дисциплине «История изобразительно- го искусства»	119
---	-----

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Забезалина С.В. Специфика обработки информации в процессе интуитивного мышления и прогнозирования	123
Никишина В.Б., Запесоцкая И.В. Удовлетворенность как критерий формирования профессиональной идентичности у педаго- гов высшей школы	128
Панина Е.В. Исследование половых особенностей саморегуляции у подростков	132
Рябова Л.Н. Изучение познавательной активности детей старшего дошкольного возраста	136

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гуськов В.К. В рядах «Строителей социализма»: перспективы Христианско-демократического союза в Восточной Германии в 1945 – 1950 годах	140
Егоров А.Н. Кадеты Вологодской губернии на муниципальных выборах лета 1917 года	143
Колокольчикова Р.С. Пространственно-архитектурный облик индустриальных городов Европейского Севера России (сере- дина 1960-х – середина 1980-х гг.)	146
Кулешова Н.Ю. Модель мира во взглядах русских мыслителей в годы Первой мировой войны	151
Соловьев К.А. И.Л. Горемыкин во главе правительства	154
Хайлова Н.Б. Либерал-центрист К.К. Арсеньев: размышления по поводу 50-летия Великих реформ в России	159
Сведения об авторах	163
Информация для авторов	169

CONTENTS

TECHNOLOGY

<i>Garber E.A., Yagudin I.V., Ermilov V.V.</i> Specification of calculating the power of the main drive for cold rolling process at broad-strip mills	5
<i>Goncharov K.A.</i> Thermo-stressed state and resource of mold for flat-shaped ingot	9
<i>Pavzderin A.I., Kabakov Z.K., Letavin M.I.</i> The universal method of calculating the water consumption for cooling rectangular ingots in continuous casting of steel	14
<i>Osipov Y.R., Nemirovskiy A.A.</i> Analysis of visual studies of heat mass transfer in the process of producing metal coatings by vacuum arc with hot refractory anodes	17
<i>Sukharev A.N., Ershov E.V.</i> Optical electronic control of the shape of cold-rolled steel	19
<i>Fedotov E.S., Kolobov A.V., Vinogradov A.I., Lisunets N.L., Radjuk A.G.</i> Development of a generalized model of the process of strip coils slitting	21
<i>Shabalov V.A., Panov B.V.</i> Automated development and support of plans of localization of accidents of dangerous industrial facilities of metallurgical enterprises	25

ECONOMICS

<i>Denisov E.Y.</i> Problems and prospects of development of the engineering infrastructure on the basis of public-private partnership on the example of Nizhniy Novgorod region	30
<i>Plashenkov V.V.</i> To the question of estimation of the economic efficiency of enterprises	33
<i>Popova A.I.</i> Agro-food complex of Vologda region: the condition and prospects of its development	37
<i>Sakharova A.S., Berkovich M.I.</i> Assessment of the level of development of non-state non-profit organizations of entrepreneurial sector in the region	41

PHILOLOGY

<i>DEVOTED TO THE TEACHER'S MEMORY. Dementiev Electron Grigorievich (1926 – 2004)</i>	46
<i>Balakshina J.V.</i> "I am writing only that "to come to myself" from fuss..." poetics of the "Diaries" of prot. Alexander Schmemmann	47
<i>Volodina N.V.</i> Europe in perception of "Russian Europeans": pro and contra ("Paris Letters" P.V. Annenkov, "Days" B.K. Zaitsev)	53
<i>Dobrycheva A.A.</i> Special features of syntactic structure of Sergey Dovlatov's prose	57
<i>Ilyina O.S.</i> The semantic field "student" in explanatory dictionaries of the Russian language	61
<i>Kutipov R.A.</i> Forms of expression of the author's consciousness in "Notes of a trooper-girl" by N.A. Durova. To the statement of the problem	64
<i>Mishintseva I.Y.</i> The pragmatic functions of code-switching in fiction	67
<i>Panfilova E.N.</i> Universal differentiation-integration principle in children's mastering the grammatical category of the number of a noun	71
<i>Ponomareva T.A.</i> Evolution of lyric «I» in Kluiev's poetry	73
<i>Sapchenko L.A.</i> "Believe in my sincerity and friendship" (letters of N.M. Karamzin to A.I. Turgenev)	77
<i>Solovyova E.E.</i> Two translations of the novel "Lord Jim" by J. Conrad to Russian	81
<i>Chernjak V.D.</i> Inter-textual interaction with the reader in modern mass literature	85
<i>Chernjak M.A.</i> Literature for teenagers in the context of the experiments of contemporary prose of XXI-th century	89
<i>JUBILEE. Chernov Alexander Valentinovich is 50 years old!</i>	93

PEDAGOGY

<i>Amvrosova O.A., Lekhanova O.L.</i> Reflection in communication as a condition of socialization of children with the general speech disorders	94
<i>Magsumov T.A.</i> Councils of guardian of the secondary vocational schools of Kazan at the turn of the XIX – XXth centuries	99
<i>Maralov V.G., Maralova T.P.</i> Dynamics of representations about dangers and ways of schoolchildren's reaction to them	102
<i>Mautkina T.M.</i> The technique of organization of aesthetic education of pupils based on interaction of general and additional technological education	106
<i>Parfenova A.V.</i> The issues of health protection in the course of school physics in the context of the competence approach	108
<i>Pyatakova O.A.</i> Theoretical basis of the formation of foreign-language culture of non-linguistic specialties of high school	112
<i>Sardushkina J.A.</i> Organizational and educational conditions necessary for effective professional guidance among high school students in the interaction of the university and school.....	115

ARTS

<i>Spolokhova E.A.</i> Development of control and measuring materials on the discipline «History of Fine Arts»	119
--	-----

PSYCHOLOGY

<i>Zabegalina S.V.</i> Specificity of processing the information in the course of intuitive thinking and forecasting	123
<i>Nikishina V.B., Zapesotskaya I.V.</i> Satisfaction as the criteria of formation of high school teachers' identity	128
<i>Panina E.V.</i> Research of gender features of teenagers' self-regulation	132
<i>Ryabova L.N.</i> The study of the cognitive activity of preschool children	136

HISTORY

<i>Guskov V.K.</i> In the ranks of builders of socialism: prospects of Christian Democratic union in Eastern Germany in 1945 – 1950	140
<i>Egorov A.N.</i> Cadets of Vologda province at municipal elections in summer, 1917	143
<i>Kolokolchikova R.S.</i> The spatial-architectural appearance of the industrial cities of the European north of Russia (mid. 1960 – mid. 1980 years)	146
<i>Kuleshova N.J.</i> The model of the world in the ideas of Russian thinkers during the first world war	151
<i>Solovyov K.A. I.L.</i> Goremykin as the head of the government	154
<i>Khailova N.B.</i> Liberal-centrist K.K. Arsenjev: reflections on the 50th anniversary of the great reforms in Russia	159

Information about the authors	163
For the authors' attention	169

УТОЧНЕНИЕ РАСЧЕТА МОЩНОСТИ ГЛАВНОГО ПРИВОДА ДЛЯ ПРОЦЕССА ХОЛОДНОЙ ПРОКАТКИ НА ШИРОКОПОЛОСНЫХ СТАНАХ

В методику расчета мощности главного привода станов холодной прокатки введено новое регрессионное уравнение для определения коэффициента трения в очаге деформации, отличающееся от известных эмпирических выражений учетом влияния на напряжения трения предела текучести полосы, возрастающего в процессе пластической деформации в 2 – 3 раза из-за наклепа.

Определение коэффициента трения по новому уравнению снизило среднюю погрешность расчета мощности в 1,7 раза, а разброс погрешностей – более чем в 2 раза.

Холодная прокатка, коэффициент трения, мощность прокатки, мощность главного привода.

In the method of calculating the power of the main drive of cold rolling a new regression equation for determination of friction coefficient in deformation zone is introduced, it differs from the common empirical formulas by taking into consideration the influence on strip yield strength increasing by two – three times during plastic deformation process because of cold hardening on friction of stress.

The determination of friction coefficient according to the new equation has reduced the average error in the calculation of power by 1,7 times and dispersion of errors – more than 2 times.

Cold rolling, friction coefficient, power of rolling, power of main drive.

При холодной прокатке на широкополосных станах значительное количество энергии расходуется непосредственно на процесс пластической деформации металла, так как его сопротивление деформации в холодном состоянии на порядок больше, чем при горячей прокатке, и существенно возрастает из-за наклепа, увеличивающегося с ростом обжатия. Из-за этих особенностей процесса холодной прокатки широкополосные станы, осуществляющие выпуск холоднокатаных стальных полос, оснащают двигателями главного привода, суммарная установочная мощность которых составляет 20 – 40 тыс. кВт, а ежегодный расход энергии на этих станах измеряется сотнями тысяч киловатт-часов.

В работах [2], [3], [7] показано, что один из эффективных методов экономии энергии на многоклетьевого стане холодной прокатки – оптимизация его технологического режима (перераспределение между клетями обжатий и натяжений, уменьшение напряжений трения между полосой и валками). Этот метод основан на следующих положениях теории листовой прокатки, обоснованных в указанных работах.

1. Расход энергии на прокатку в каждой рабочей клетки зависит от положения нейтрального сечения в очаге деформации, так как валки расходуют энергию только в зоне отставания, а в зоне опережения полоса возвращает валкам часть затраченной энергии.

2. Валки осуществляют полезную работу прокатки только касательными силами, возникающими под воздействием касательных контактных напряжений, а нормальные силы, возникающие под воздействием нормальных контактных напряжений, в полезной работе прокатки не участвуют, так как работа их со-

ставляющих, направленных перпендикулярно оси прокатки, полностью расходуется на преодоление сопротивления составляющих, параллельных оси прокатки и направленных навстречу движению полосы.

Изложенные положения показывают, что от точности расчета касательных напряжений в очаге деформации зависит точность определения затрат энергии на широкополосном стане холодной прокатки, а значит, и эффективность оптимизации его технологического режима по критерию «минимум энергозатрат».

Касательные напряжения $\tau_x(h_x)$, действующие в контакте полосы и каждого из валков (h_x – переменное значение толщины полосы в сечении с координатой x по оси прокатки), чаще всего вычисляют в функции нормального контактного напряжения $p_x(h_x)$ на основе закона Амонтона [8]:

$$\tau_x(h_x) = \mu_i \cdot p_x(h_x), \quad (1)$$

где μ_i – коэффициент трения скольжения, усредненный на площади контакта полосы и вала в i -й рабочей клетки.

Значения μ_i [см. формулу (1)] определяют по различным эмпирическим формулам, наиболее распространенной из которых является формула А.П. Грудева [6], впервые опубликованная в 1973 г. и модифицированная с учетом изменений в сортаменте и технологии листопркатного производства [1]:

$$\mu_i = \frac{1 + (0,4 + 0,01\varepsilon_i) R_a}{1 + 0,25\sqrt{v_{s0}} - 0,005v_{s0}} \left[0,091 - \frac{0,13v_i^2}{2(1 + v_i) + 3v_i^2} \right], \quad (2)$$

где ε_i – частное относительное обжатие в i -й клетки, %; R_a – среднеарифметическая высота микронеровностей поверхности бочки рабочих валков, мкм; v_{50} – кинематическая вязкость смазки (или эмульсола, из которого приготовлена смазочно-охлаждающая жидкость (СОЖ)) при 50 °С, сСт (мм²/с); v_i – скорость прокатки в i -й клетки, м/с.

Достоинство формулы (2) состоит в том, что она учитывает влияние на коэффициент трения шероховатости бочки валков и смазывающих свойств СОЖ, однако ее существенный недостаток, как и большинства других известных формул, состоит в том, что она не учитывает фактор, оказывающий большое влияние на значение μ_i , – предел текучести прокатываемой полосы, возрастающий в процессе холодной прокатки в 2 – 3 раза из-за наклепа. Между тем, по данным работ [4], [5], только за счет увеличения условного предела текучести полосы $\sigma_{0,2}$ от исходного значения (300 – 350 МПа) до конечного (700 – 800 МПа) на выходе из непрерывного стана значение μ_i уменьшается от 0,12 – 0,14 до 0,03 – 0,04, т.е. в 3 – 4 раза. Учитывая это, авторы работ [4], [5] проанализировали базу данных АСУТП действующего 5-клетьевого стана 1700 и получили новое статистически достоверное регрессионное уравнение для расчета коэффициента трения:

$$\mu_i = K_{\text{СОЖ}} (0,8217 + 0,176 \frac{\sigma_{0,2i}}{\sigma_{0,2\min}} - 0,773 \left(\frac{\sigma_{0,2i}}{\sigma_{0,2\min}} \right)^{0,5} + 0,024 \frac{p_{\text{ср}i}}{p_{\text{ср}\min}} + 0,0011 \frac{R_{ai} v_i}{R_{a\min} v_{\min}} - 0,000046 \left(\frac{v_i}{v_{\min}} \right)^2), \quad (3)$$

где $\sigma_{0,2i}$ – среднее значение условного предела текучести металла в i -й клетки; $K_{\text{СОЖ}}$ – коэффициент, учитывающий вязкость СОЖ (при $v_{50} = 30$ сСт $K_{\text{СОЖ}} = 1$); $p_{\text{ср}i}$ – среднее значение нормального контактного напряжения в очаге деформации i -й клетки; R_{ai} – шероховатость бочки рабочих валков в i -й клетки (среднеарифметическое значение с учетом уменьшения шероховатости с течением времени из-за износа микронеровностей).

В уравнении (3) переменные параметры, влияющие на коэффициент трения, представлены в безразмерной форме, для чего в знаменатели всех членов введены их минимальные значения: $\sigma_{0,2\min} = 200$ МПа, $p_{\text{ср}\min} = 400$ МПа, $R_{a\min} = 0,6$ мкм, $v_{\min} = 1$ м/с. Применение уравнения (3) позволило снизить среднюю погрешность расчета сил прокатки более чем в 2 раза (с 15,9 до 6,9 %), однако результаты расчета затрат энергии и мощности главного привода рабочих клеток в работах [4], [5] не анализировались.

Для сопоставления погрешности вычисления мощности главного привода с использованием альтернативных выражений коэффициента трения (2) и (3) была выбрана одна из наиболее достоверных методик расчета мощности [2], [3], [7], имеющая следующие отличия от других методик:

- касательные контактные напряжения в очаге деформации определяют отдельно на каждом участ-

ке очага деформации, при этом на упругих участках вместо уравнения пластичности используют уравнение упругого состояния материала;

- учитывают упомянутые в начале статьи новые положения теории листовой прокатки: влияние положения нейтрального сечения в очаге деформации на величину работы прокатки и зависимость мощности прокатки от касательных напряжений;

- достоверно определяют потери энергии на трение качения в контакте между рабочими и опорным валками, в зависимости от соотношения диаметров их бочек, давления в межвалковом контакте, относительной угловой скорости вращения и шероховатости поверхности их бочек.

Согласно методике [2], [3], [7], рабочий момент, подведенный к валкам i -й клетки «кварто» со стороны главного привода, равен

$$M_{pi} = M_{\text{пр}i} + M_{\text{нат}i} + M_{\text{тр.п}i} + M_{\text{оп}i}, \quad (4)$$

где $M_{\text{пр}i}$ – момент прокатки,

$$M_{\text{пр}i} = \frac{N_{\text{пр}i}}{\omega_p}, \quad (5)$$

$N_{\text{пр}i}$ – мощность прокатки в i -й клетки, рассчитываемая через удельные работы прокатки на каждом участке очага деформации; ω_p – угловая скорость рабочих валков; $M_{\text{нат}i}$ – момент разности сил натяжений полосы перед и за i -й клетью; $M_{\text{тр.п}i}$ – момент трения в подшипниках рабочих валков; $M_{\text{оп}i}$ – момент, необходимый для вращения опорных валков, включающий момент трения качения.

Существенное преимущество методики [2], [3], [7], по сравнению с большинством других методик энергосилового расчета, состоит в том, что момент прокатки рассчитывается по формуле (5) через мощность прокатки, т.е. без использования эмпирического коэффициента плеча силы прокатки ψ , точное значение которого неизвестно. Это существенно уменьшает погрешность определения момента и мощности двигателей главного привода стана. Подробные алгоритмы вычисления каждого из моментов, входящих в формулу (4), приведены в работах [2], [3], [7].

Мощность, которую необходимо подвести к валкам i -й клетки, равна

$$N_{pi} = M_{pi} \omega_p,$$

а требуемая мощность главных двигателей рабочей клетки

$$M_{\text{дв}i} = \frac{N_{pi}}{\eta},$$

где η – КПД линии главного привода, учитывающий потери на трение в шпинделях, муфтах, зубчатых передачах и их подшипниках.

По вышеизложенной методике выполнили расчет мощности главных двигателей рабочих клеток

5-клетьевого стана «1700» холодной прокатки для 30 реальных технологических режимов прокатки полос толщиной 0,3 – 2,2 мм, шириной 1000 – 1465 мм из стали марок 1пс, 08пс, SAE1006, 01ЮТ, 08Ю. В качестве исходных данных в расчет вводили фактические параметры процесса (толщины полосы на входе и выходе; заднее и переднее удельные натяжения σ_{i-1} , σ_i , скорости полосы на выходе v_i , силу прокатки P_i , силу тока якоря главного привода $I_{дв. i}$ и др.), зафиксированные системой контроля, являющейся составной частью АСУТП стана.

Расчет выполняли в двух вариантах, отличающихся только формулой коэффициента трения. В первом варианте рассчитывали мощность главного двигателя с использованием формулы (2) ($N_{дв. расч (2)}$), во втором варианте – с использованием формулы (3) ($N_{дв. расч (3)}$).

Для оценки погрешности расчетов определяли фактическую мощность двигателей, подводимую из сети, по формуле

$$N_{\phi i} = n I_{дв i} U_{дв}, \quad (8)$$

где $U_{дв}$ – напряжение на зажимах двигателя; n – коэффициент, учитывающий количество якорей в двигателе (для исследуемого стана $n = 2$).

Погрешности расчета определяли по формулам:

а) для первого варианта:

$$\Delta N_{дв(2)} = \frac{|N_{\phi i} - N_{дв. расч (2)}|}{N_{\phi i}} 100 \% ;$$

б) для второго варианта

$$\Delta N_{дв(3)} = \frac{|N_{\phi i} - N_{дв. расч (3)}|}{N_{\phi i}} 100 \% .$$

Фактические режимы прокатки приведены в табл. 1, а результаты расчетов и оценки погрешностей – в табл. 2. Как видно из табл. 2, при расчете мощности с использованием модифицированной формулы А.П. Грудева (2) диапазон погрешностей составил 4,4 – 28,5 %, а среднее значение – 13,6 %. При использовании новой формулы коэффициента трения (3) диапазон погрешностей составил 1,1 – 14,2 %, а среднее значение – 7,8 %.

Таким образом, расчет коэффициента трения по новой формуле (3), учитывающей влияние наклепа металла, снизил среднюю погрешность расчета мощности главного привода рабочих клеток стана холодной прокатки в 1,7 раза, а разброс погрешностей – более чем в 2 раза.

Отметим некоторые особенности применения формулы (3) в энергосиловых расчетах.

Во-первых, она легко адаптируется к специфическим особенностям работы каждого стана с помощью коэффициента $K_{сж}$, учитывающего смазочные свойства применяемой на этом стане СОЖ.

Во-вторых, повышение точности расчета сил прокатки и мощности двигателей достигается применением метода итераций: поскольку значение $p_{ср i}$ в каждой клетке заранее не известно, оно сначала задается в первом приближении (например, $p_{ср i}^{(1)} = 1,15\sigma_{0,2i}$), а затем уточняется в цикле итерационного вычисления значений μ_i , $p_{ср i}$ и P_i .

Таблица 1

Фактические режимы прокатки стальных полос на 5-клетьевом стане «1700»

Номер режима	Марка стали, ширина полосы, толщина подката, мм	Номер клетки i	h_{i-1} , мм	h_i , мм	σ_{i-1} , МПа	σ_i , МПа	P_i , МН
1	2	3	4	5	6	7	8
1	1пс, $b = 1050$, $h_0 = 3,013$	3	1,765	1,347	146,9	170,1	8,53
2	1пс, $b = 1050$, $h_0 = 3,013$	4	1,347	1,069	170,1	181,2	7,92
3	08пс, $b = 1015$, $h_0 = 1,488$	3	0,65	0,443	155,4	167,5	7,12
4	08пс, $b = 1015$, $h_0 = 1,488$	4	0,443	0,307	167,5	183,9	9,8
5	SAE1006, $b = 1167$, $h_0 = 2,21$	3	1,084	0,77	151,6	173,8	8,91
6	SAE1006, $b = 1167$, $h_0 = 2,209$	4	0,77	0,55	173,8	182,1	8,56
7	SAE1006, $b = 1167$, $h_0 = 2,205$	4	0,78	0,552	169,6	183,0	8,38
8	01ЮТ, $b = 1000$, $h_0 = 2,803$	4	0,992	0,742	172,4	184,6	5,21
9	08пс, $b = 1000$, $h_0 = 1,924$	4	0,672	0,481	177	187	6,82
10	01ЮТ, $b = 1000$, $h_0 = 5,341$	3	2,817	2,1	151	170	7,05
11	01ЮТ, $b = 1000$, $h_0 = 5,341$	4	2,1	1,602	170	189	6,18
12	01ЮТ, $b = 1002$, $h_0 = 5,075$	3	2,011	1,436	151	173	7,64
13	01ЮТ, $b = 1002$, $h_0 = 4,039$	4	1,426	1,042	174	185	6,13
14	08пс, $b = 1420$, $h_0 = 5,075$	4	3,104	2,729	118	89	11,64
15	08Ю, $b = 1200$, $h_0 = 1,989$	3	1,034	0,713	157	172	7,35
16	08пс, $b = 920$, $h_0 = 2,019$	3	0,989	0,676	146	162	6,64
17	01ЮТ, $b = 1465$, $h_0 = 3,053$	4	1,014	0,741	172	181	10,31
18	01ЮТ, $b = 1375$, $h_0 = 2,264$	4	0,748	0,532	173	187	10,80

1	2	3	4	5	6	7	8
19	08пс, $b = 1250$, $h_0 = 1,996$	3	1,017	0,731	141	158	7,39
20	08Ю, $b = 1100$, $h_0 = 2,455$	3	1,388	1,046	154	174	8,1
21	08пс, $b = 1015$, $h_0 = 1,488$	1	1,488	0,99	123	138	9,69
22	08пс, $b = 1015$, $h_0 = 1,488$	2	0,99	0,65	138	155	9,03
23	08пс, $b = 1015$, $h_0 = 1,488$	5	0,307	0,292	181	41	9,85
24	01ЮТ, $b = 1375$, $h_0 = 2,264$	1	2,264	1,502	42	143	13,9
25	01ЮТ, $b = 1375$, $h_0 = 2,264$	2	1,502	1,063	143	145	10,8
26	SAE1006, $b = 1167$, $h_0 = 2,205$	1	2,205	1,551	76	138	12,15
27	SAE1006, $b = 1167$, $h_0 = 2,205$	2	1,551	1,083	138	150	11,05
28	08Ю, $b = 1200$, $h_0 = 1,989$	5	0,489	0,469	179	38	4,3
29	08пс, $b = 1420$, $h_0 = 5,075$	5	2,729	2,512	90	35	13,42
30	1пс, $b = 1050$, $h_0 = 3,013$	5	1,069	1,007	181	41	8,18

Таблица 2

Результаты расчета мощности двигателей главного привода
для режимов прокатки, указанных в табл. 1

Номер режима	Номер клетки	Фактическая мощность двигателя $N_{\text{дв. ф. i}}$	Расчетная мощность двигателя, МВт		Погрешность расчета, %	
			$N_{\text{дв. расч (3)}}$	$N_{\text{дв. расч (2)}}$	$\Delta N_{\text{дв (3)}}$	$\Delta N_{\text{дв (2)}}$
1	2	3	4	5	6	7
1	3	3,82	4,20	4,32	10,5	13,1
2	4	4,5	4,4	3,92	1,1	12,9
3	3	2,18	2,36	2,65	8,3	21,6
4	4	4,10	3,71	3,85	9,8	6,1
5	3	4,3	4,8	5,1	11,6	18,6
6	4	4,83	5,2	5,3	7,7	9,7
7	4	4,6	5,7	5,9	9,6	28,3
8	4	4,5	4,9	4,9	8,9	8,9
9	4	4,3	4,7	5,5	9,3	27,9
10	3	7,1	7,9	6,71	11,2	5,5
11	4	8,1	8,6	7,61	6,2	6,9
12	3	9,2	8,5	7,2	7,6	21,7
13	4	9,1	9,3	8,7	2,2	4,4
14	4	9,7	9,3	9,3	4,1	4,1
15	3	6	6,1	5,7	1,6	5,0
16	3	5,2	4,7	4,3	9,6	17,3
17	4	8,1	8,0	7,1	1,2	12,3
18	4	6,2	7,0	6,5	12,9	4,8
19	3	5,1	5,7	4,6	10,5	9,8
20	3	5,7	6,0	4,9	5,2	14
21	1	2,1	1,8	1,7	14,2	19
22	2	2,5	2,56	2,39	2,4	4,4
23	5	3,65	3,2	3,05	12,3	16,4
24	1	2,1	2,3	1,5	9,5	28,5
25	2	4,6	5,1	3,8	10,8	17,4
26	1	2,52	2,3	1,85	8,8	26,8
1	2	3	4	5	6	7
27	2	3,9	4,2	4,7	7,1	20,5
28	5	4,8	5,06	5,12	5,4	6,6
29	5	7,4	8,1	8,0	9,4	8,1
30	5	6,8	6,5	6,0	4,4	11,8

Таки образом, при выполнении энергосиловых расчетов станов холодной прокатки, чтобы рассчитать силы прокатки, момент и мощность главного привода рабочих клеток с минимальными погрешно-

стями, следует использовать для определения коэффициента трения в очаге деформации эмпирическую формулу (3), учитывающую изменение предела текучести прокатываемой полосы вследствие наклепа,

среднее удельное давление в очаге деформации, скорость прокатки, шероховатость бочки валков, а также смазочные свойства применяемой СОЖ.

Литература

1. *Гарбер, Э.А.* Определение коэффициента трения при холодной прокатке с эмульсиями / Э.А. Гарбер, А.А. Гончарский, С.В. Петров, В.В. Кузнецов // Производство проката. – 2000. – № 12. – С. 2 – 3.
2. *Гарбер, Э.А.* Производство проката: справ. изд. Т. 1, кн. 1. Производство холоднокатаных полос и листов (сортамент, теория, технология, оборудование) / Э.А. Гарбер. – М., 2007.
3. *Гарбер, Э.А.* Станы холодной прокатки (теория, оборудование, технология) / Э.А. Гарбер. – М.; Череповец, 2004.

4. *Гарбер, Э.А.* Зависимость напряжений трения в очаге деформации при холодной прокатке от технологических факторов и предела текучести полосы / Э.А. Гарбер, И.В. Ягудин, В.В. Ермилов, А.А. Гончарский // Производство проката. – 2009. – № 7. – С. 18 – 24.

5. *Гарбер, Э.А.* Влияние параметров технологии холодной прокатки и предела текучести материала полосы на напряжения трения в очаге деформации / Э.А. Гарбер, И.В. Ягудин, В.В. Ермилов, А.И. Трайно // Металлы. – 2009. – № 5. – С. 37 – 44.

6. *Грудев, А.П.* Внешнее трение при прокатке / А.П. Грудев. – М., 1973.

7. *Кожевникова, И.А.* Развитие теории тонколистовой прокатки для повышения эффективности работы широкополосных станов / И.А. Кожевникова, Э.А. Гарбер. – Череповец, 2010.

8. Теория прокатки: справ. / А.И. Целиков, А.Д. Томленов, В.И. Зюзин и др. – М., 1982.

УДК 536.3:539.3

К.А. Гончаров

ТЕРМОНАПРЯЖЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И РЕСУРС КРИСТАЛЛИЗАТОРА ДЛЯ ПЛОСКОГО СЛИТКА

Рассматриваются вопросы, связанные с анализом термонапряженного состояния и расчетом ресурса стальной изложницы, предназначенной для формирования плоского слитка из титановых сплавов. Плоский слиток формируется в результате слива расплава титанового сплава в изложницу, имеющую паз с размерами, соответствующими размерам поперечного сечения слитка. В результате интенсивного нагрева в изложнице возникают напряжения, обусловленные градиентом температур. Термонапряженное состояние определяется на основе решения связанной задачи нелинейной термоупругости, в которой учитывается взаимодействие температурных и механических полей, возникающих в изложнице при нагружении.

Термонапряженное состояние, изложница, нелинейная термоупругость, малоцикловая усталость.

The issues related to the analysis of thermal stress state and calculation of resource of steel molds for forming a flat ingot of titanium alloys are considered in the article. Flat ingot is formed as a result of discharging molten titanium alloy in the mold, which has a groove with the sizes, corresponding to the sizes of the cross-section of the ingot. As a result of intense heating, the temperature gradient occurs in a mold. Bending stresses appear in a mold due to the temperature difference. Thermo-stressed state is determined by solving the related problems of nonlinear thermo elasticity, which takes into account the interaction of temperature and mechanical fields, which arise in a mold under a load.

Thermo-stressed state, mold, the non-linear thermo elasticity, a low cycle fatigue.

Цель работы. Основной целью исследования, результаты которого представлены в статье, является оценка прочности и ресурса неохлаждаемого кристаллизатора, предназначенного для формирования плоских слитков из титановых сплавов. Масса полученного таким образом слитка составляет 5 т. В процессе слива расплава кристаллизатор подвергается воздействию теплового потока от расплава, что приводит к его неравномерному нагреву. Неравномерное температурное поле вызывает деформацию деталей конструкции кристаллизатора, что, в свою очередь, приводит к появлению пластических деформаций и изменению формы и размеров кристаллизатора. Основными вопросами, которые интересуют конструктора при проектировании изложницы, являются следующие:

1. Каким образом изменяется форма кристаллизатора?

2. В каких зонах кристаллизатора появляются пластические деформации и как они влияют на его ресурс?

3. Минимальное количество слитков, которое можно изготовить в кристаллизаторе до истощения его ресурса?

На указанные выше вопросы предстояло ответить в рамках выполненной работы.

Кристаллизатор включает в свой состав две боковые стенки и поддон, изготовленные из стали. Крепление стенок между собой и к поддону осуществляется посредством плоских замков (рис. 1).

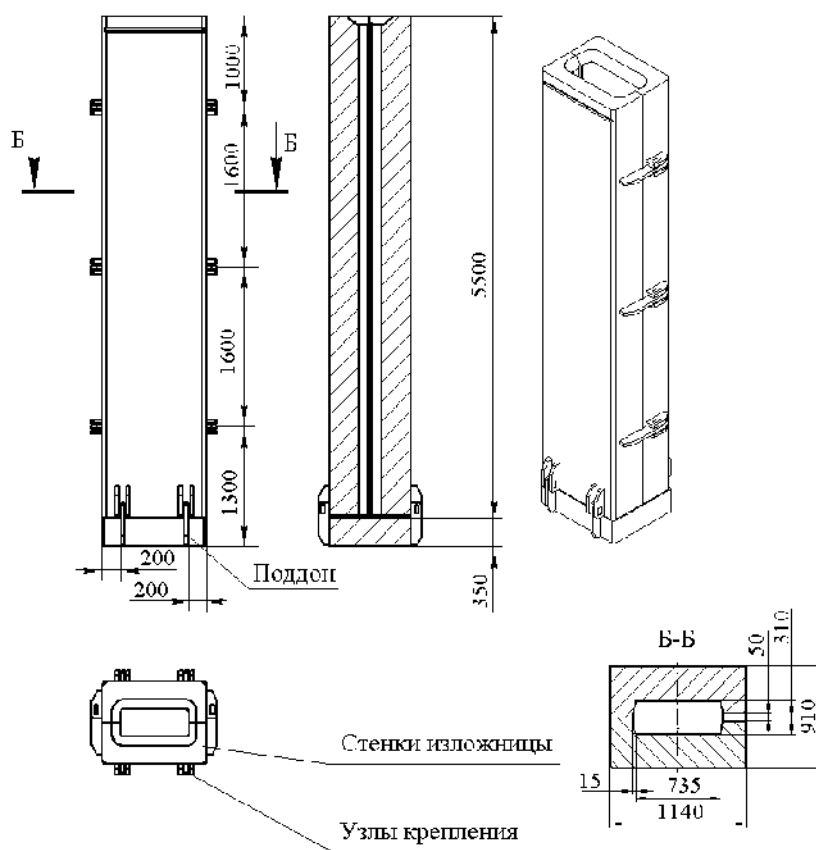

Рис. 1. Конструкция кристаллизатора

Расчет температурных полей в изложнице

Время слива расплава титанового сплава, имеющего температуру 1670 °С, в кристаллизатор составляет 60 с. Температура слитка в момент выгрузки из кристаллизатора находится в интервале 600...650 °С. Охлаждение осуществляется за счет передачи тепла от слитка кристаллизатору в вакууме, поскольку при высоких температурах титан активно взаимодействует с азотом и кислородом, которые являются составными частями воздуха. При температурах ниже 600 °С окислению титанового сплава препятствует поверхностная пленка, состоящая из окислов и нитридов титана. Процесс теплоотдачи от расплава к изложнице описывается дифференциальным уравнением [4]:

$$\frac{\partial T}{\partial t} = a \left(\frac{\partial^2 T}{\partial x^2} + \frac{\partial^2 T}{\partial y^2} + \frac{\partial^2 T}{\partial z^2} \right) + \frac{Q}{c\rho}, \quad (1)$$

где a – коэффициент температуропроводности, физический параметр, характеризующий скорость изменения температуры в единице объема, его значение определяется на основе соотношения

$$a = \frac{\lambda}{c\rho},$$

где T – температура; ρ – плотность; λ – коэффициент теплопроводности; c – теплоемкость; Q – объем-

ная плотность внутренних источников теплоты.

Для решения дифференциального уравнения (1) необходимо сформировать начальные и граничные условия.

Начальные условия характеризуют температуру расплава и кристаллизатора в момент окончания слива и заполнения изложницы. При выполнении расчета полагалось, что температура расплава равна 1670 °С, а начальная температура кристаллизатора – 25 °С.

Граничные условия характеризуют процесс теплового взаимодействия расплавленного металла с кристаллизатором. В условиях охлаждения кристаллизатора в вакууме на его наружной поверхности граничные условия соответствуют условиям лучистого теплообмена. При этом интенсивность теплового потока, излучаемого в окружающую среду путем радиации, определяется на основе закона Стефана – Больцмана [6]:

$$Q_u = \sigma \varepsilon (T^4 - T_{\text{вк}}^4), \quad (2)$$

где ε – приведенная степень черноты системы, включающей изложницу и вакуумную камеру, зависящая от ее геометрии и от радиационных свойств наружной поверхности изложницы и внутренней поверхности камеры, в приведенном ниже расчете полагалось, что $\varepsilon = 0,46$; σ – постоянная Стефана – Больцмана, $\sigma = 5,67 \cdot 10^{-8} \text{ Вт/(м}^2 \cdot \text{К}^4)$; T – температура

наружной поверхности стенки изложницы; $T_{\text{вк}}$ – температура внутренней поверхности стенки вакуумной камеры.

На границе сред «слиток – сталь» граничные условия формировались из условия равенства тепловых потоков:

$$\lambda_1 \frac{\partial T_1}{\partial h_1} = \lambda_2 \frac{\partial T_2}{\partial h_2}, \quad (3)$$

где λ_1 – коэффициент теплопроводности материала кристаллизатора; λ_2 – коэффициент теплопроводности охлаждаемого металла; $\frac{\partial T}{\partial h_1}$ – градиент темпера-

тур на внутренней поверхности изложницы; $\frac{\partial T}{\partial h_2}$ –

градиент температур на наружной поверхности слитка.

В процессе остывания слитка его размеры уменьшаются, а размеры кристаллизатора, напротив, увеличиваются. В результате между слитком и кристаллизатором образуется зазор. Отмеченный факт приводит к нарушению граничного условия (3), поскольку передача тепла от слитка к изложнице будет происходить путем теплового излучения. Вместе с тем вследствие сравнительно небольшого отличия температур на наружной поверхности слитка и внутренней поверхности стенок кристаллизатора, предполагалось, что обозначенный зазор в случае охлаж-

дения в вакууме не оказывает существенного влияния на тепловые потоки, передаваемые от слитка изложнице посредством теплопередачи или излучения. Отмеченное обстоятельство позволяет полагать, что поток тепла, отводимый от боковой поверхности слитка посредством излучения, равен потоку тепла, воспринимаемому изложницей, в течение всего времени охлаждения до требуемой температуры 600 °С. По результатам записи температур, регистрируемых термопарами, расположенными в различных местах вакуумной камеры, в процессе охлаждения цилиндрического слитка массой 4500 кг, было установлено, что увеличение температуры в точках расположения термопар в камере находится в интервале 13...19 °С. Полагалось, что температура внутренней стенки вакуумной камеры изменялась в соответствии с отмеченным графиком записи температур по времени.

Зависимость теплофизических характеристик от температуры характеризуется графиками, изображенными на рис. 2, 3 и построенными на основе табличных данных, приведенных в [4], [6]. Рис. 2, а, 3, а характеризуют изменение коэффициента теплопроводности в зависимости от температуры. Видно, что с увеличением температуры теплопроводность титанового сплава возрастает, а углеродистой стали, напротив, уменьшается. Рис. 2, б, 3, б характеризуют изменение теплоемкости в зависимости от температуры. Кривые на рис. 2, 3 свидетельствуют об увеличении теплопроводности обоих материалов с возрастанием температуры.

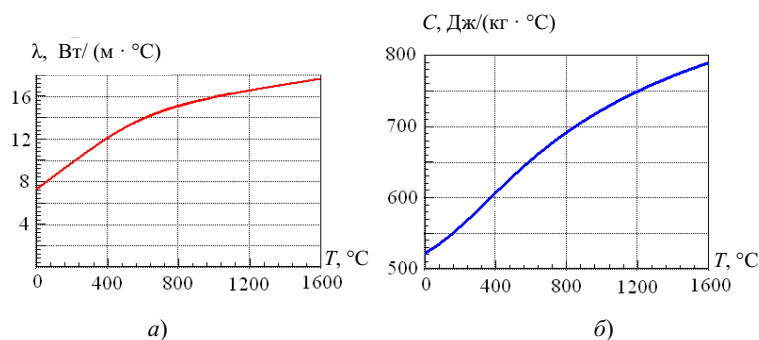

Рис. 2. Изменение теплофизических характеристик титанового сплава в зависимости от температуры: а – коэффициента теплопроводности; б – теплоемкости

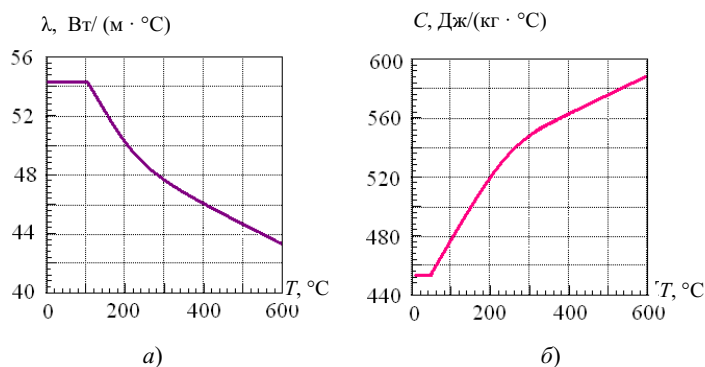

Рис. 3. Изменение теплофизических характеристик углеродистой стали в зависимости от температуры: а – коэффициента теплопроводности; б – теплоемкости

Решение нелинейной краевой задачи теплопроводности (1) – (3) осуществлялось численным методом конечных элементов [1], [2]. Для формирования конечно-элементной модели использовался объемный элемент с восемью узловыми точками. Расчетная модель включает в свой состав 46 768 узлов и 134 528 элементов. Поскольку исходная краевая задача являлась нелинейной, то использовалась шаговая процедура по времени. При этом теплофизические характеристики и граничные условия на шаге интегрирования считались неизменными и определялись на основе решения после предыдущего шага нагружения. Интегрирование приведенного выше дифференциального уравнения (1) по времени осуществлялось с использованием метода Эйлера. В начальной стадии процесса охлаждения слитка шаг по времени принимался равным одной секунде вследствие высокого градиента температур. Затем, по мере выравнивания температур на поверхностях слитка и изложницы, шаг интегрирования постепенно увеличивался, а через 60 мин после начала охлаждения принимался неизменным и равным 30 с. После каждого шага по времени определялось значение теплового потока в зависимости от температур на наружной поверхности слитка и на внутренней поверхности изложницы и использовалось на последующем шаге интегрирования.

Граничные условия на наружной поверхности изложницы зависят от теплового потока, передаваемого от изложницы к вакуумной камере. С увеличением времени охлаждения слитка происходит повышение температуры на наружной поверхности изложницы и на внутренней поверхности камеры, что, в свою очередь, приводит к изменению по времени теплового потока, излучаемого от изложницы к вакуумной камере. На каждом шаге по времени анализируемое значение потока корректировалось с целью использования на его последующем шаге, при этом также полагалось, что потери теплового потока за счет теплопередачи элементам технологического оборудования, предназначенного для транспортировки и фиксации изложницы в вертикальном положении, отсутствуют.

Решение вышеприведенного дифференциального уравнения проводилось по времени до тех пор, пока температура на наружной поверхности слитка не превышала 600 °С, поскольку в этом случае не происходило окисления титанового сплава при извлечении слитка из изложницы. Три кривые, приведенные на рис. 4, характеризуют изменение температур в изложнице и слитке при охлаждении в вакууме. Кривая 1 характеризует изменение максимальной температуры слитка, кривая 2 – изменение наибольшей температуры на боковой поверхности слитка, кривая 3 – изменение температуры наружной поверхности кристаллизатора. Из рис. 4 видно, что максимальная температура в слитке, равная 728 °С, будет наблюдаться через 92 мин после слива расплавленного металла в изложницу. При этом максимальная температура на боковой поверхности слитка составит 597 °С, а на наружной поверхности кристаллизатора – 592 °С. На рис. 5 представлена картина температур-

ных полей в слитке и кристаллизаторе в момент времени $t = 92$ мин после слива расплава металла. На рис. 5, а изображена мозаика температур в слитке и кристаллизаторе, на рис. 5, б – в поперечном сечении. Видно, что полосы одинакового цвета представляют собой эллипсы, у которых большие полуоси параллельны горизонтальной оси симметрии кристаллизатора. Причем по мере удаления от слитка, отличие между размерами осей эллипса уменьшается, в результате он преобразуется в окружность. В угловых областях сечения температура составляет 194 °С и более, т.е. вдвое меньше максимальной температуры в изложнице. В поддоне кристаллизатора, расположенном в его нижней части, температура равна 61 °С.

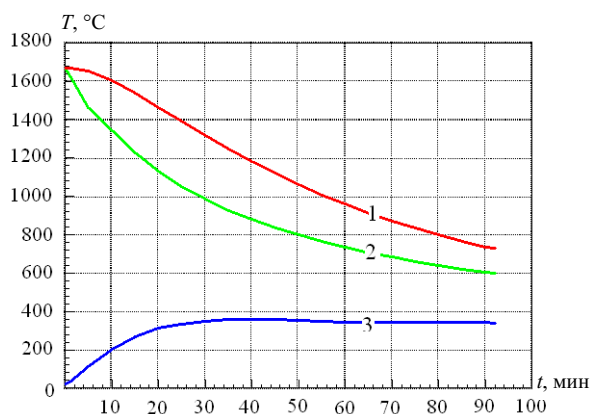

Рис. 4. Изменение температур по времени при охлаждении слитка

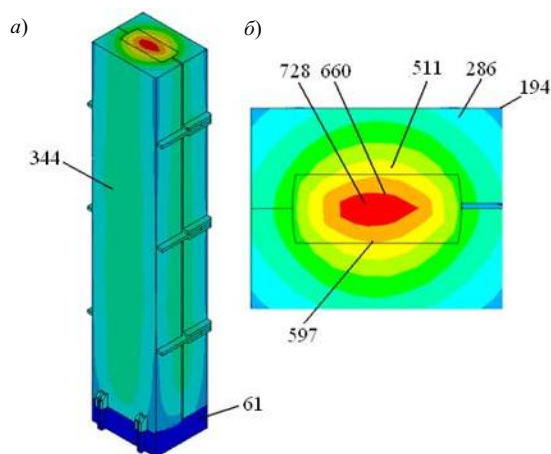

Рис. 5. Картина температурных полей в слитке и изложнице, °С

Расчет напряженно-деформированного состояния кристаллизатора. В процессе остывания слитка поддон кристаллизатора нагружен давлением от веса слитка и температурным полем. Стенки кристаллизатора нагружены только температурным полем. Вследствие неравномерности температурного поля и градиентов температур в отдельных областях кристаллизаторов возможно образование и развитие пластических деформаций. Следовательно, задача

определения напряженного состояния кристаллизатора является физически нелинейной и для ее решения необходимо располагать диаграммой деформирования материала изложницы в координатах «напряжение – деформация» при различных температурах. Обозначенные диаграммы деформирования стали марки 30 для трех значений температур изображены на рис. 6.

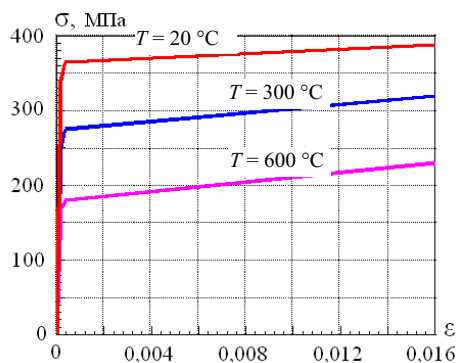

Рис. 6. Диаграммы деформирования стали 30

В интервале температур между приведенными кривыми механические характеристики определялись путем линейной интерполяции. При решении задачи полагалось, что коэффициент линейного расширения материала изложницы в диапазоне температур $20\ldots 600\text{ }^{\circ}\text{C}$ изменяется линейно от $11,8 \cdot 10^{-6}\text{ K}^{-1}$ при температуре $20\text{ }^{\circ}\text{C}$ до $16,2 \cdot 10^{-6}\text{ K}^{-1}$ при температуре $600\text{ }^{\circ}\text{C}$. Решение физически нелинейной задачи осуществлялось методом последовательных приближений, при этом относительная погрешность вычислений между двумя соседними итерациями не превышала 0,0001. Интегрирование дифференциальных уравнений, характеризующих напряженное состояние изложницы, осуществлялось численным методом конечных элементов с использованием такой же модели, что и при расчете температурных полей. Для моделирования взаимодействия боковых стенок кристаллизатора с поддоном в расчете использовался конечный элемент контактного типа. Теория контактного элемента основывается на предварительном определении взаимного перемещения узловых точек в направлении нормали к контактирующим поверхностям и последующем вычислении нормальных сил и сил трения в области контакта.

На рис. 7 изображены картины интенсивности напряжений в кристаллизаторе в момент извлечения слитка. Видно, что максимальные интенсивности напряжений наблюдаются в сравнительно небольших по размеру областях кристаллизатора, расположенных в деталях замков, соединяющих боковые стенки кристаллизатора, в зонах контакта стенок с поддоном и в верхней части стенок. Значения интенсивности напряжений в этих зонах расположены в интервале от 382 МПа в нижней части кристаллизатора до 374 МПа в верхней части. Значения интенсивности напряжений в вертикальных ребрах кристаллизатора равны 326 МПа и незначительно пре-

вышают предел текучести материала изложницы при температуре $194\text{ }^{\circ}\text{C}$. Следовательно, в обозначенных зонах изложницы появятся необратимые пластические деформации, приводящие к короблению кристаллизатора.

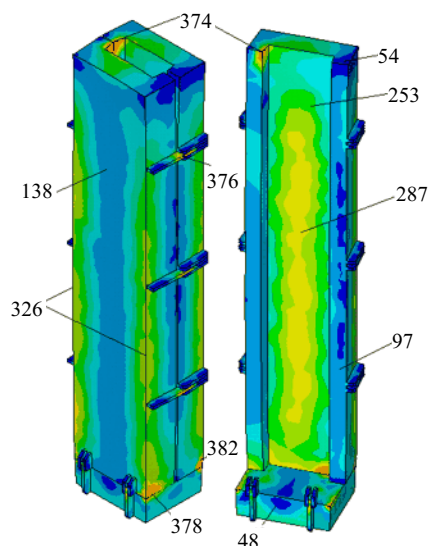

Рис. 7. Картина эквивалентных напряжений, МПа

Расчет ресурса тигля на основе теории малоциклового усталости. В тех случаях нагружения конструкции, когда циклические напряжения превышают предел текучести материала, нарушение работоспособности по причине потери прочности может произойти при количестве циклов, превышающем несколько тысяч. Такое разрушение характерно для конструкций, испытывающих периодическое нагружение, оно называется малоциклового усталостью [3], [5]. Теория малоциклового усталости базируется на накоплении пластических деформаций от цикла к циклу, в результате потеря несущей способности может носить квазистатический характер или характер усталостного разрушения при возникновении и развитии усталостной трещины.

Формирование плоского слитка из титанового сплава характеризуется нагревом конструкции кристаллизатора до определенной температуры и последующим остыванием. При этом изменение температурных полей в конструкции кристаллизатора сопровождается изменением его напряженно-деформированного состояния. Поэтому можно вести речь о циклическом нагружении рассматриваемого объекта. Вместе с тем процесс нагрева и последующего остывания кристаллизатора составляет довольно продолжительный отрезок времени, измеряемый полутора часами. Вышеперечисленные обстоятельства позволяют однозначно утверждать, что для определения ресурса кристаллизатора приемлема теория малоциклового усталости.

Применительно к расчету ресурса кристаллизатора, теория малоциклового усталости позволяет учитывать влияние числа циклов температурного нагружения на рост пластических деформаций вплоть до образования трещины. Соотношение, учитывающее рассматриваемый факт, имеет вид [3]

$$e_{ia} = \frac{0,5}{[(1-\psi)N]^{0,6}} + \frac{1,75\sigma_b}{EN^{0,12}}, \quad (4)$$

где e_{ia} – амплитудное значение интенсивности деформаций, наибольшая расчетная величина для стали 30 равна $e_{ia} = 0,016$; N – число циклов нагружения; ψ – коэффициент относительного сужения материала, для стали $\psi = 50\%$; E – модуль продольной упругости материала, для стали 30 $E = 200$ ГПа при температуре 20°C ; σ_b – предел прочности материала, при температуре 20°C для стали 30 $\sigma_b = 360$ МПа.

Кривая малоциклового усталости для стали 30, полученная с использованием соотношения (4), приведена на рис. 8. Расчетное амплитудное значение интенсивности деформаций, соответствующее максимальной величине интенсивности напряжений в изложнице, позволяет по кривой малоциклового усталости определить количество слитков, которое можно получить в кристаллизаторе до его потери прочности. Для $e_{ia} = 0,016$ число циклов нагружения равно 712 (рис. 8).

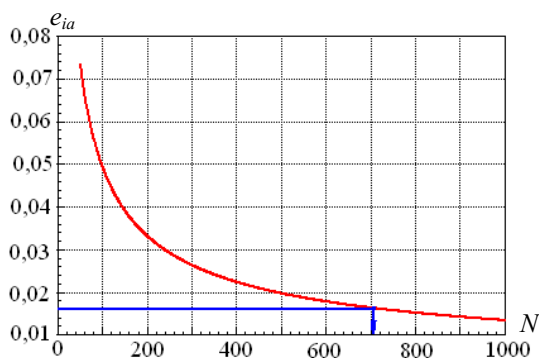

Рис. 8. Кривая малоциклового усталости стали 30

Таким образом, представленные результаты расчетов свидетельствуют о том, что в конструкции не охлаждаемого кристаллизатора в процессе теплового нагружения, сопровождаемого формированием плоского слитка титанового сплава, возникают необратимые пластические деформации. Эти деформации приводят к короблению кристаллизатора, в результате чего изменяются его размеры и форма. Накопление пластических деформаций с увеличением числа циклов теплового нагружения не позволяет обеспечить эксплуатацию кристаллизатора в течение длительного отрезка времени. Число циклов нагружения, вычисленное на основе теории малоциклового усталости, составило 712. Увеличение ресурса кристаллизатора возможно при обеспечении мер, связанных с более интенсивным отводом тепла от кристаллизатора.

Литература

1. Гончаров, К.А. Определение температурных полей и напряженного состояния тигля гарнисажной печи / К.А. Гончаров, И.Г. Емельянов, С.А. Тимашев // Проблемы машиностроения и надежности машин. – 1999. – № 2. – С. 65 – 69.
2. Гончаров, К.А. Напряженно-деформированное состояние и ресурс тигля гарнисажной печи при термомеханическом нагружении / К.А. Гончаров // Металлург. – 2010. – № 12. – С. 63 – 67.
3. Гусенков, А.П. Прочность при изотермическом и не-изотермическом малоцикловом нагружении / А.П. Гусенков. – М., 1979.
4. Лыков, А.В. Теплообмен / А.В. Лыков. – М., 1978.
5. Серенсен, С.В. Поля деформаций при малоцикловом нагружении / С.В. Серенсен. – М., 1979.
6. Уонг, Х. Основные формулы и данные по теплообмену для инженеров / Х. Уонг. – М., 1979.

УДК 621.746.27

З.К. Кабаков, А.И. Павздерин, М.И. Летавин

УНИВЕРСАЛЬНАЯ МЕТОДИКА РАСЧЕТА РАСХОДОВ ВОДЫ НА ОХЛАЖДЕНИЕ СЛИТКОВ ПРЯМОУГОЛЬНОГО СЕЧЕНИЯ ПРИ НЕПРЕРЫВНОЙ РАЗЛИВКЕ СТАЛИ

В статье приведена инженерная методика расчета технологических параметров зоны вторичного охлаждения машины непрерывного литья заготовок прямоугольного сечения, которая позволяет прогнозировать длину зоны вторичного охлаждения, количество секций, расходы воды и ширину охлаждаемой поверхности заготовки.

Инженерная методика, зона вторичного охлаждения, расход воды, прямоугольные заготовки.

The engineering method of calculating the technical parameters of secondary cooling of continuous casting machine is presented in the article. The technique allows to predict the length of the secondary cooling, the number of sections, water consumption and width of the cooled surface of ingot.

Engineering method, secondary cooling, water consumption, rectangular ingots.

При проектировании машин непрерывной разливки стали (МНЛЗ) технологические параметры зоны вторичного охлаждения (ЗВО) обычно опреде-

ляются с помощью математических моделей затвердевания и охлаждения заготовок, основанных на уравнении теплопроводности [2]:

$$\rho c_{эф} \frac{\partial T}{\partial t} = \frac{\partial}{\partial x} \left(\lambda \frac{\partial T}{\partial x} \right) + \frac{\partial}{\partial y} \left(\lambda \frac{\partial T}{\partial y} \right). \quad (1)$$

В математических моделях уравнение (1), как правило, решается с помощью достаточно хорошо разработанных численных методов, которые показывают высокую точность результатов. Однако часто встречаются задачи, в которых получаемая точность результатов является избыточной в силу недостаточной достоверности исходных данных. В этих случаях целесообразным является применение упрощенной инженерной методики расчета параметров ЗВО.

В работе [1] приводится инженерная методика расчета технологических параметров ЗВО МНЛЗ. Недостатком данной методики является то, что расчет производится при заданном постоянном на всем протяжении ЗВО значении температуры поверхности заготовки, что может привести к переохлаждению поверхности слитка в начале ЗВО и ее перегреву в конце.

Из практики непрерывной разливки стали известно, что кривая охлаждения поверхности слитка в зоне вторичного охлаждения должна удовлетворять следующим требованиям:

- монотонное снижение температуры от кристаллизатора до конца ЗВО;
- отсутствие участков разогрева и переохлаждения на участке ЗВО;
- скорость снижения температуры после кристаллизатора не более 100 град/мин;
- уровень температуры в конце ЗВО не ниже 900 – 950 °С;
- разогрев после ЗВО не более чем на 50 °С.

Поэтому температурный закон охлаждения поверхности слитка в ЗВО для конкретной скорости литья v считаем известным (рис. 1).

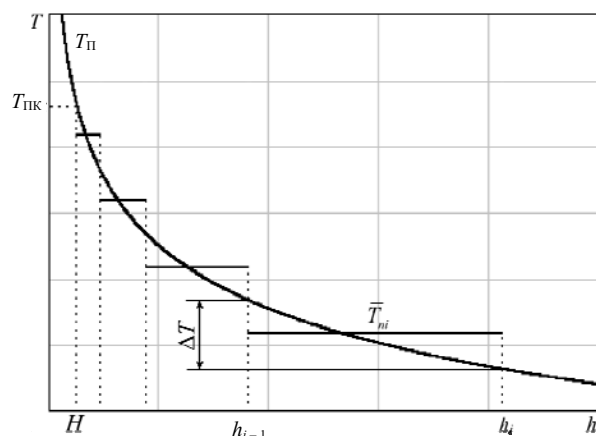

Рис. 1. Кривая охлаждения поверхности слитка

Значение температуры поверхности слитка на выходе из кристаллизатора, согласно [2], можно подсчитать по формуле

$$T_{пк} = T_{кр} - \eta t, \quad (2)$$

где $t = H/v$ – время пребывания корки слитка в кристаллизаторе; H – активная длина кристаллизатора; v – скорость литья; η – эмпирический коэффициент ($\eta = 2,5$ °С/с); $T_{кр}$ – температура начала затвердевания металла.

Расходы воды в любой секции ЗВО обычно рассчитывают по известной зависимости [1]:

$$\alpha = \alpha_n + kg, \quad (3)$$

где α – коэффициент теплоотдачи, обеспечивающий заданный средний уровень температуры поверхности слитка в конкретной секции; α_n – коэффициент теплоотдачи излучением; g – удельный расход воды в этой секции; k – эмпирический коэффициент ($k = 40 \div 80$). Значение α_n определяется по формуле

$$\alpha_n = \sigma_0 \varepsilon (\bar{T}_{ni}^2 + T_b^2) (\bar{T}_{ni} + T_b), \quad (4)$$

где σ_0 – коэффициент излучения абсолютно черного тела; ε – степень черноты поверхности слитка; T_b – температура воды.

Коэффициент теплоотдачи определяется с помощью математических моделей или инженерных методик, прогнозирующих затвердевание и охлаждение слитка при заданном законе охлаждения поверхности слитка.

Применим для расчета α следующую инженерную методику. Для этого аппроксимируем непрерывную кривую охлаждения (рис. 1) кусочно-постоянной кривой, заменяя температурную кривую на участках известной длины средними значениями температуры. В качестве длин участков выбираются длины секций для существующей МНЛЗ. Для проектируемой ЗВО МНЛЗ длины участков l_i назначают из условия

$$T_{ni} = T_n (h_{i-1} + l_i) = T_n (h_{i-1}) - \Delta T, \quad (5)$$

и

$$\bar{T}_{ni} = \frac{T_{ni-1} + T_{ni}}{2} = T(h_{i-1}) + \frac{\Delta T}{2}, \quad (6)$$

где ΔT – заданное снижение температуры в пределах каждой секции ЗВО; l_i – длина секции; h_{i-1} – расстояние от мениска до начала i -секции.

Предположим, что угол охлаждается в достаточной мере за счет излучения и естественной конвекции воздуха и не нуждается в принудительном охлаждении (рис. 2), поэтому для устранения явления переохлаждения углов слитка принудительное охлаждение поверхности слитка в конкретной секции будет осуществляться только на площади:

$$S_i = (a - 2\omega_i) l_i, \quad (7)$$

где a – ширина грани слитка; ω_i – расстояние от угла до границы области охлаждения.

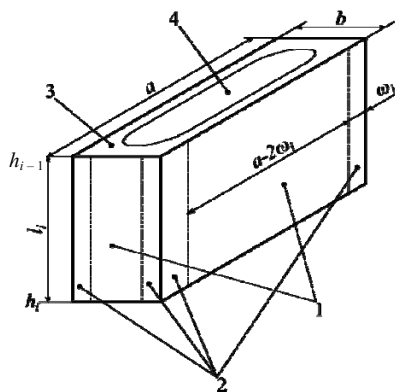

Рис. 2. Схема расположения охлаждаемых (1) и неохлаждаемых (2) поверхностей граней слитка прямоугольного сечения в i -секции ЗВО: 3 – оболочка слитка; 4 – жидкое ядро слитка

Расчет воды на одну грань прямоугольного слитка осуществляется в следующей последовательности:

1. Определение толщины корки на выходе из кристаллизатора с использованием закона квадратного корня:

$$\varepsilon_0 = k_0 \sqrt{\frac{H}{\nu}}, \quad (8)$$

где k_0 определяется по формуле, полученной путем приближенного решения задачи затвердевания при заданной температуре поверхности $\bar{T}_n = \text{const}$.

$$k_0 = \sqrt{\frac{2n(n+1)}{1+(n+1)K_3}}. \quad (9)$$

Здесь $K_3 = \frac{L}{c(T_{\text{кр}} - \bar{T}_n)}$ – критерий затвердевания;

L – удельная теплота кристаллизации стали, $a = \frac{\lambda}{\rho c}$;

λ – теплопроводность; c – теплоемкость; ρ – плотность стали; n – показатель отличия распределения температуры по толщине корки от линейного вида.

2. Определение толщины корки на выходе из предыдущей секции охлаждения ($(i-1)$ -секции), для

которой известно $\bar{T}_{ni}$ и толщина корки в начале секции, по формуле

$$\varepsilon_i = \sqrt{\varepsilon_{i-1}^2 + k_i^2 \frac{l_i}{\nu}}. \quad (10)$$

Для первой секции ε_{i-1} совпадает с толщиной корки на выходе из кристаллизатора ε_0 , и формула (10) имеет вид

$$\varepsilon_1 = \sqrt{\varepsilon_0^2 + k_1^2 \frac{l_1}{\nu}}.$$

Коэффициенты k_i в записанных формулах подсчитываются по формуле (9) при $\bar{T}_{ni}$.

3. Определение коэффициента теплоотдачи в i -секции по формуле

$$\alpha_i = \frac{\lambda n_i}{\bar{\varepsilon}_i} \frac{T_{\text{кр}} - \bar{T}_{ni}}{\bar{T}_{ni} - T_b}, \quad (11)$$

где $\bar{\varepsilon}_i = \frac{\varepsilon_{i-1} + \varepsilon_i}{2}$.

4. Расчет площади принудительно охлаждаемой поверхности слитка в i -секции:

$$S_i = (a - 2\omega_i) l_i. \quad (12)$$

Здесь $\omega_i = \beta \bar{\varepsilon}_i$, где β – эмпирический коэффициент ($\beta = 1,5 \div 1,9$), который зависит от $\bar{T}_n$ и определяется при решении двумерной задачи затвердевания.

5. Расчет расхода воды в i -секции проводится по формуле

$$G_i = g(\alpha_i) S_i. \quad (13)$$

6. Пункты 2 – 5 повторяются для каждой последующей секции ЗВО до тех пор, пока не выполнится условие: $\alpha_i < \alpha_{\text{кр}}$. Значение $\alpha_{\text{кр}}$ выбирается несколько большим значения коэффициента теплоотдачи излучением и конвекцией воздуха от поверхности слитка ($\alpha_{\text{кр}} = 170 - 200 \text{ Вт}/(\text{м}^2 \cdot ^\circ\text{К})$). Благодаря этому сохраняется тепло в заготовке, а разогрев поверхности слитка на выходе из ЗВО составляет не более 50°C .

7. Все результаты расчета заносятся в таблицу.

Результаты прогноза расходов воды на секции ЗВО МНЛЗ одной грани слитка

Наименование участка	l	$\bar{T}_n$	$\varepsilon_{\text{нач}}$	$\varepsilon_{\text{кон}}$	$\bar{\varepsilon}$	ω	α	S	g	G
Кристаллизатор	H		0	ε_0	$\bar{\varepsilon}_0$					
Секция № 1	l_1	$\bar{T}_{n1}$	ε_0	ε_1	$\bar{\varepsilon}_1$	ω_1	α_1	S_1	g_1	G_1
...										
Секция № $N+1$	l_{N+1}	$\bar{T}_{n,N+1}$	ε_N	ε_{N+1}	$\bar{\varepsilon}_{N+1}$	ω_{N+1}	$\alpha_{N+1} < \alpha_{\text{кр}}$	S_{N+1}	g_{N+1}	G_{N+1}
Итого										$\sum G_i$

Расчет выполнен для одной грани заготовки. Аналогично расчет проводится для других граней заготовки, если их ширина отличается от рассмотренной. Для прямоугольных слитков общий расход воды на ЗВО МНЛЗ рассчитывается по формуле

$$G = 2 \sum_{i=1}^N G_{ши i} + 2 \sum_{i=1}^M G_{уз i}, \quad (14)$$

где $G_{ши i}$ – расход воды в i -секции на широкую грань слитка; $G_{уз i}$ – расход воды в i -секции на узкую грань слитка; N и M – количество секций охлаждения по широкой и узкой граням соответственно.

Для квадратного слитка формула (14) упрощается до следующей:

$$G = 4 \sum_{i=1}^N G_i. \quad (15)$$

Выполненный расчет проводится для других ско-

ростей вытягивания слитка. В результате этого можно составить технологическую таблицу расходов воды на секции ЗВО для различных скоростей вытягивания.

Таким образом, в работе приведена универсальная методика расчета расходов воды в ЗВО при непрерывной разливке заготовок прямоугольного сечения, которая позволяет прогнозировать длину ЗВО, количество секций, расходы воды и ширину охлаждаемой поверхности грани слитка в каждой секции.

Литература

1. Кабаков, З.К. Инженерный способ расчета вторичного охлаждения крупного непрерывного слитка / З.К. Кабаков, В.А. Горяинов, А.Г. Подорванов, Е.А. Чесницкая // *Металлургическая теплотехника*. – 1976. – № 5. – С. 28 – 33.
2. Самойлович, Ю.А. Тепловые процессы при непрерывном литье стали / Ю.А. Самойлович, С.А. Крулевецкий, В.А. Горяинов, З.К. Кабаков. – М., 1982.

УДК 621.793

Ю.Р. Осипов, А.А. Немировский

АНАЛИЗ ВИЗУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ТЕПЛОМАССОПЕРЕНОСА В ПРОЦЕССЕ ПОЛУЧЕНИЯ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ПОКРЫТИЙ МЕТОДОМ ВАКУУМНОЙ ДУГИ С ГОРЯЧИМ ТУГОПЛАВКИМ АНОДОМ

Проведен анализ визуально представленного процесса тепломассопереноса при создании металлических покрытий методом вакуумной дуги с горячим тугоплавким анодом (ВДГТА). При этом получены фотографии на различных этапах работы ВДГТА, которые в дальнейшем использовались для определения временных характеристик работы ВДГТА с различными анодными конфигурациями.

Тепломассоперенос, вакуумная дуга, металлические покрытия, тугоплавкий анод, плазма.

The analysis of visually presented process of heat and mass transfer in creating metal coatings by vacuum arc with a hot refractory anode (HRAVA) was made. The photographs were obtained at various stages of HRAVA, which later were used to determine the temporal characteristics of HRAVA with different anode configurations.

Heat and mass transfer, vacuum arc, metal coatings, refractory anode, plasma.

Вакуумно-плазменные технологии широко используются в различных отраслях народного хозяйства для создания на поверхности различных материалов износостойких, антифрикционных, жаропрочных, коррозионно-стойких и других покрытий, в том числе тонкопленочных металлических напылений.

В вакуумно-плазменных технологических процессах нанесения покрытий и осаждения тонких пленок, наряду с другими методами [1], [2], применяется метод вакуумной дуги с горячим тугоплавким анодом (ВДГТА).

Однако метод ВДГТА может быть использован для тонко-металлических пленочных напылений с более низким уровнем загрязнения макрочастицами (МЧ), чем у обычных катодных вакуумных дуговых источников [4], и без использования дополнительных сложных и громоздких компонентов, т.е. без

криволинейных каналов и применения магнитных полей, используемых в [3], [6].

В ВДГТА анод нагревается во время дугового пробоя и со временем его температура возрастает. Металлическая плазма создается путем анодного повторного переиспарения катодного материала, осажденного на поверхность анода. Облако плазмы развивается в межэлектродном промежутке, заполняет его и распространяется радиально в окружающем ее вакууме, что позволяет использовать ВДГТА в качестве источника «чистой» плазмы (свободной от МЧ) для изготовления износостойких металлических покрытий.

В этой статье визуально представлен процесс тепломассопереноса при создании износостойких металлических покрытий методом вакуумной дуги с горячим тугоплавким анодом.

При этом получены фотографии на различных этапах работы ВДГТА, которые в дальнейшем использовались для определения временных характеристик работы ВДГТА.

Эксперименты проводились в цилиндрической вакуумной камере (длина 400 мм, диаметр 160 мм). Камера была диффузно накачана до давления $\sim 2,6 \cdot 10^{-3}$ Па. Во время дугового разряда давление составило $\sim 2,6 \cdot 10^{-2}$ Па. Разряд воспламенялся между цилиндрическим медным катодом с водным охлаждением и коаксиальным тугоплавким графитовым анодом. Анод был окружен двумя цилиндрическими молибденовыми радиальными щитами диаметрами 60 и 70 мм. Во время экспериментов использовались три анодные геометрии: симметричный анод длиной 30 мм; два асимметричных анода, у которых передняя поверхность, находящаяся напротив катода, была срезана под углом таким образом, что максимальные и минимальные длины составили 30 и 25 мм соответственно. Для фиксации изображений работы ВДГТА на различных стадиях использовалась цифровая видеокамера. Во время экспериментов дуговые токи составили 120, 145, 175 и 225 А, а межэлектродные расстояния изменялись в следующей последовательности: 5, 9, 14 и 18 мм. Фотоснимки вакуумной дуги представлены на рис. 1. Здесь изображены электродное излучение и рост плазменного облака при дуговом токе 175 А, межэлектродном расстоянии, равном 18 мм, с использованием асимметричного анода с максимальной длиной боковой стороны 30 мм и минимальной – 25 мм, расположенного короткой стороной к камере. Сразу же после зажигания дуги, пока температура анода не достигла достаточно высокого значения, дуга работает как обычная катодная дуга в режиме мультикатодных вспышек (МКВ) (рис. 1, а, б). На данном этапе с 5-й по 10-ю секунды после зажигания дуги плазменные потоки, вызванные катодными вспышками, расширяются в межэлектродном пространстве, и материал с катода осаждается на аноде, покрывая его. В то же время анод нагревается катодными потоками плазмы. Нагрев достигает температуры, при которой нанесенный катодный материал начинает повторно испаряться с поверхности анода, формируя плазменное облако (рис. 1, в – е). Начиная примерно с 15-й секунды, центральная область (С-область) на поверхности анода, из которой первоначально нанесенная пленка испаряется, разделена четко определенной границей (Е-кривая) от периферийных районов, близких к боковой поверхности (D-области) (см. рис. 1, в). С-область увеличивается со временем (см. рис. 1, в, д). Материал, который повторно испаряется с анода, формирует высокоионизированный анодный выброс плазмы вследствие его взаимодействия с катодными потоками плазмы. Это отчетливо видно на рис. 1, з. Радиальное и осевое распространение анодного облака плазмы увеличиваются со временем, одновременно заполняя большую часть межэлектродного пространства.

На заключительном этапе работы ВДГТА плотная плазма анодного выброса полностью покрывает поверхность анода и заполняет разрыв за характеристическое время $\tau = \tau_{fill} \approx 35$ с (см. рис. 1, е).

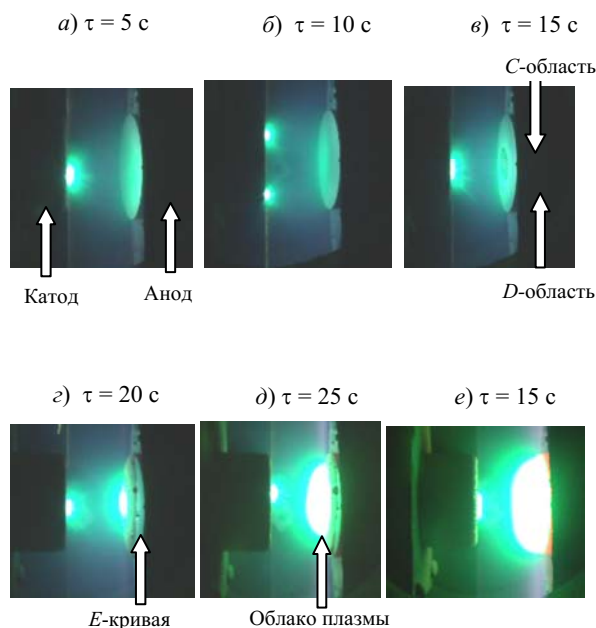

Рис. 1. Фотоснимки развития ВДГТА с графитовым анодом и медным катодом: расстояние между электродами 18 мм, дуговой ток 175 А, соотношение максимальной и минимальной сторон анода 30 / 25 мм

При $\tau \geq \tau_{fill}$ катодные потоки плазмы полностью рассеиваются в анодном облаке плазмы. При этом тепловой поток к аноду выходит из этого плазменного облака, в отличие от начального этапа, когда катодные вспышки плазменных струй определяли нагрев анода [5].

С помощью анализа изображений работы ВДГТА установлено, что τ_{fill} слабо зависит от анодной геометрии и расстояния между электродами при устойчивой зависимости среднего τ_{fill} от дугового тока (рис. 2). Анализ рис. 2, показывает, что характеристическое время возникновения плотного облака плазмы (τ_{fill}) уменьшается линейно с ростом дугового тока в диапазоне 120 – 225 А.

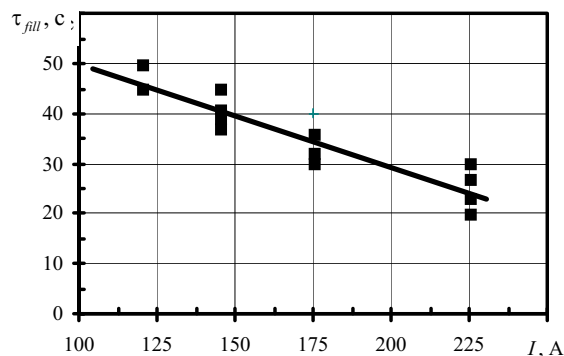

Рис. 2. Зависимость среднего времени перехода к режиму ВДГТА от дугового тока

Таким образом, визуализация процесса тепломассообмена при создании покрытий методом вакуумной дуги с горячим тугоплавким анодом облегчила определение временных характеристик работы ВДГА с различными анодными конфигурациями.

Полученный результат может быть использован при усовершенствовании и повышении эффективности существующих вакуумно-плазменных технологических процессов нанесения покрытий и осаждения тонких пленок с целью увеличения их качества.

Литература

1. *Осипов, Ю.Р.* Анализ влияния теплообменных процессов на формирование свойств тонкопленочных металлических покрытий в вакуумной дуге с горячим тугоплавким графитовым анодом / Ю.Р. Осипов, А.А. Немировский // Вестник ЧГУ. – 2010. – № 2 (25). – С. 106 – 112.

2. *Осипов, Ю.Р.* Повышение эффективности теплообменных процессов при изготовлении тонкопленочных металлических напылений в вакуумной дуге с горячим тугоплавким графитовым анодом / Ю.Р. Осипов, А.А. Немировский // Энергосбережение и водоподготовка. – 2010. – № 4 (66). – С. 42 – 46.

3. *Anders, A.* Imaging the separation of cathodic arc plasma macroparticles in curved magnetic filters / A. Anders // IEEE Trans. Plasma. Sci. – 2002. – Т. 30, № 1. – С. 108 – 109.

4. *Beilis, I.I.* Copper film deposition by a hot refractory anode vacuum arc / I.I. Beilis, A. Shashurin, D. Arbilly, S. Goldsmith, R.L. Boxman // Surf. Coat. Technol. – 2004. – Т. 177 – 178. – С. 233 – 237.

5. *Beilis, I.I.* Interelectrode plasma evolution in a hot refractory anode vacuum arc: Theory and comparison with experiment / I.I. Beilis, S. Goldsmith, R.L. Boxman // Phys. Plasmas. – 2002. – Т. 9, № 7. – С. 3159 – 3170.

6. *Boxman, R.L.* Recent developments in vacuum arc deposition / R.L. Boxman // IEEE Trans. Plasma. Sci. – 2004. – Т. 29, № 5. – С. 762 – 767.

УДК 681.518.5

А.Н. Сухарев, Е.В. Еришов

ОПТИКО-ЭЛЕКТРОННЫЙ КОНТРОЛЬ ФОРМЫ ХОЛОДНОКАТАНОГО ПРОКАТА

В статье описывается разработка метода и алгоритма распознавания образов в производстве холоднокатаного проката металлургической промышленности.

Контроль, качество, техническое зрение, алгоритм, металлургия.

This article describes the development of method and algorithm for pattern recognition in production of cold rolled steel of metallurgy industry.

Control, quality, technical vision, algorithm, metallurgy.

Современное состояние металлургической промышленности указывает на необходимость разработки проблемно-ориентированных систем управления, способных ускорить процесс автоматизации производства и одновременно обеспечить более высокий уровень качества изделий. Это обусловлено новыми требованиями к конкурентоспособности продукции в условиях современного рынка, а именно потребностью в снижении стоимости процесса производства с одновременным повышением его точности и надежности. Поэтому вопрос разработки систем контроля качества проката является актуальным. Наличие подобного оборудования на предприятии подразумевает полностью автоматическую разбраковку или сортировку изделий в соответствии с существующими на данном предприятии критериями качества.

Поэтому в Череповецком государственном университете на базе экспериментальной установки проведено исследование существующих методов и разработка нового, более эффективного метода и алгоритма распознавания образов в промышленных системах технического зрения в целях усовершенствования программно-аппаратных средств контроля формы холодного проката в металлургической промышленности.

В качестве основных этапов первоначального

преобразования информации в системах управления качеством с применением обработки изображений можно привести следующие:

- подготовка изображения (восстановление, фильтрация, сглаживание);
- нахождение контуров;
- бинаризация;
- нахождение различных областей (однородных объектов, текстур, фона и пр.);
- анализ найденных областей (морфологический анализ, текстурный анализ и пр.);
- классификация;
- принятие решений.

Для первоначальной обработки изображений металлической поверхности было решено использовать ряд методов. Среди этих методов можно выделить следующие.

1. **Методы выделения границ.** Данные методы сводятся к построению карты контрастов по всему изображению и аппроксимируются простой функцией относительно оптического контраста. При пограничных методах пространство между границами классифицируется логическим образом, то есть по принадлежности к той или иной границе. Самое сложное в этих методах – правильно интерпретировать картину границ. В рамках задач, поставленных в

данной работе, нахождение границ необходимо для последующей локализации предположительных компонентов детали. Проведенные в ходе проекта исследования показали, что для нахождения функции локального оптического контраста требуется гораздо меньшее количество вычислений, чем для других функций, используемых при нахождении границ. Картина границ, которая получается при помощи данной функции, в большинстве случаев пригодна для дальнейшего анализа, так же как и изображения, полученные с использованием традиционных методов. Небольшое увеличение скорости получения картины контуров дает применение простых функций (1) типа

$$P = \frac{A_{\max} - A_{\min}}{A_{\text{mean}}}, \quad (1)$$

где $A_{\max}$ – максимальное значение яркости по окрестности; $A_{\min}$ – минимальное значение яркости по окрестности; A_{mean} – усредненное значение яркости по окрестности пикселя. Нормирование также удобно производить по максимальному значению, а не по среднему.

2. Пороговые методы. Пороговые методы относятся к числу самых простых способов сегментации и позволяют отделить на изображении объекты от фона. Существует множество подходов к нахождению порога.

Для разделения на изображении фона и объектов в работе предложен метод, демонстрирующий лучшие результаты по сравнению с другими методами этой категории и требующий значительно меньшего количества вычислений при его реализации. Сам метод, названный методом адаптивного трешолдинга, является попыткой приближения к особенностям человеческого восприятия и предполагает выполнение следующих операций:

1. Поиск границ по нормированному перепаду яркости (отклонению яркости от среднего для окрестности значения). При этом получается картина границ, которая соответствует восприятию человека.

2. Точное определение границ при помощи гистограммы, причем окно, в котором проводится анализ, располагается всегда точно на границе объекта.

3. Обработанная математическими методами поверхность изображения составляет обычно незначительную часть всего изображения. Точки изображения вдали от границ относятся к фону или объекту с помощью логической операции. Например, все точки внутри замкнутой границы считаются точками объекта независимо от их конкретной яркости (если, конечно, внутри границы не найдено других границ).

Вычислительная процедура предполагает выполнение следующих шагов.

1. Выбор маркированного пикселя в качестве центра области сегментации, начальное положение которой – угол изображения.

2. Вычисление разницы между светлыми и темными пикселями для разделения области. Область

(подвижное окно, центрированное в пикселе) разделяется с помощью нахождения порога по гистограмме.

3. Поиск соответствующей границы, если контраст достаточно высок.

4. Преследование границы до края области.

5. Выбор последнего пикселя, принадлежащего как границе, так и краю анализируемой территории, в качестве следующего центра области сегментации.

6. Повторение шагов 2 и 4 до следования событий: или замкнута граница объекта, или достигнута граница области интереса, или граница потеряна вследствие низкого контраста.

После первичной обработки изображений металлической поверхности наступает этап анализа сферичности металлической поверхности.

На изображение накладывается полярная система координат, и каждое кольцо разбивается на 256 точек, положение каждой из которых определяется ее меридианом и расстоянием от центра.

В процессе данной работы в Череповецком государственном университете был разработан алгоритм анализа сферичности при обработке изображения. Цель алгоритма обработки изображения состоит в том, чтобы, оценив местоположение каждой точки в двумерном изображении, определить ее расположение в трехмерной системе координат. В ходе применения разработанного алгоритма полученные точки соединяются гладкой непрерывной кривой, что более приближено к плавным неровностям металлической поверхности. Вычисления базируются на угловой высоте каждой точки отражения и на двух положениях:

– поверхность смоделирована кубической полиномиальной кривой;

– выбранная точка поверхности расположена в пересечении отраженного луча и расчетной полиномиальной кривой.

На рис. 1 приведена оптическая схема, в соответствии с которой реализован алгоритм.

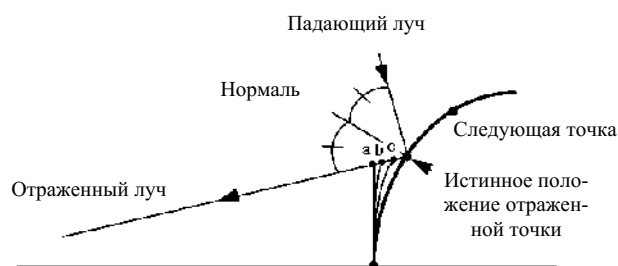

Рис. 1. Оптическая схема обработки изображения металлической поверхности

Вычисления в алгоритме выполняют в следующей последовательности:

1) рассчитывают точку вершины неровности с помощью двух прямых, пересеченных внутри центрального круга;

2) выбирают начальную отраженную точку первого кольца (точку *a*), расположенную прямо над вершиной поверхности;

3) сравнивают угол падения с углом отражения в этой точке. Если угол падения получается больше, то проекцию точки немного отодвигают по направлению отраженного луча (точка *b*);

4) рассчитывают полиномиальную кривую, соединяющую точку с вершиной поверхности;

5) повторяют шаги 3 и 4 до тех пор, пока угол падения и угол отражения не будут равны в пределах заранее определенной погрешности;

6) используя координаты полученной точки, рассчитывают координаты последующих точек;

7) шаги 2 – 6 повторяют для каждого меридиана.

Известные алгоритмы анализа изображений поверхности сферических изделий не позволяли в отдельности эффективно осуществлять контроль формы изделий.

В результате выбора оптимальных методов анализа изображений на подготовительном этапе и разработки собственного алгоритма анализа неровностей сферических поверхностей мы получили оптимальное программно-аппаратное средство контроля формы (рис. 2) и качества поверхности сферических изделий в промышленности (рис. 3).

Для оценки разброса анализа неровностей поверхности пользователем была сделана генеральная выборка 50 результатов в доверительном интервале ± 1 . Дисперсия выборки составила 0,189, а среднеквадратичное отклонение – 0,435. Благодаря первоначальной обработке изображений металлических поверхностей и применению разработанного метода анализа неровностей, дисперсия полученной генеральной выборки 50 результатов в том же доверительном интервале составила 0,076, а среднеквадратичное отклонение – 0,276.

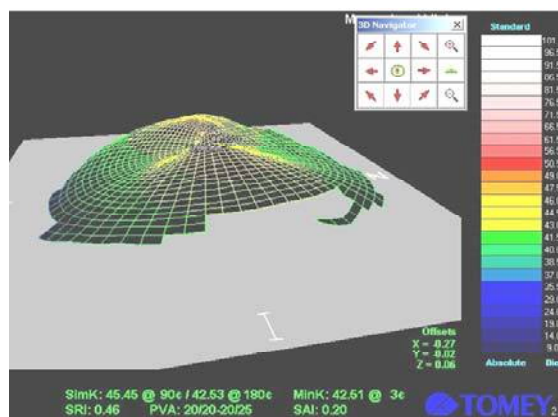

Рис. 2. Результат анализа сферичности деталей

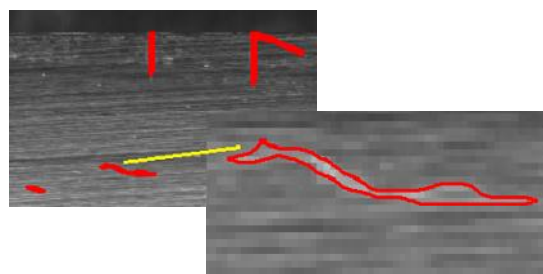

Рис. 3. Результат проверки качества поверхности сферических деталей

Положительные результаты автоматического определения сферичности поверхности и достоверного анализа неровностей дают возможность изготовления доступного по стоимости программно-аппаратного комплекса контроля формы сферических изделий в промышленности.

УДК 669

Е.С. Федотов, А.В. Колобов, А.И. Виноградов, Н.Л. Лисуец, А.Г. Радюк

РАЗРАБОТКА ОБОБЩЕННОЙ МОДЕЛИ ПРОЦЕССА ПРОДОЛЬНОЙ РЕЗКИ РУЛОННОЙ СТАЛИ*

В настоящей статье рассмотрены основные геометрические параметры резаной кромки штрипса и выделены наиболее значимые технологические факторы, влияющие на качество кромки. Представлены результаты исследований в виде статистической модели, основанной на экспериментальных данных, полученных при порезке штрипса толщиной 3 – 16 мм на агрегате продольной резки (АПР) 2000×3,0–16,0 ЗАО «Северсталь ТПЗ-Шексна».

Штрипс, агрегат продольной резки, резаная кромка, статистическая модель, продольная резка.

Main geometrical parameters of slit edge of tube strip and main technological factors influencing the quality of slit edge are considered in the article. A statistical model based on experimental data obtained when cutting strips from 3mm to 16mm thickness on Slitting Line 2000x3,0-16,0 CJSC “Severstal TPZ-Sheksna” is presented in the article.

Tube strip, slitting line, slit edge, statistical model, slitting.

Продольная резка рулонной стали на штрипсы, являющиеся заготовкой для электросварных прямо-

шовных труб, производится в дисковых ножах на агрегате продольной резки. На процесс продольной

резки и качество резаной кромки штрипса оказывает влияние много факторов. Основными из них являются технологические настройки агрегата продольной резки и механические свойства исходной горячекатаной полосы. По причине большого количества факторов и сложности подбора их оптимальных численных значений с целью получения качественной резаной кромки возникла необходимость в разработке математической модели резки штрипса для производства электросварных труб.

Резаная кромка штрипса характеризуется следующими основными качественными параметрами (рис. 1): $H_{пл}$ – высота зоны чистого реза (гладкая блестящая поверхность), мм; $H_{отр}$ – высота поверхности отрыва (матовая ровная поверхность), мм; $H_{разр}$ – высота поверхности разрушения (неровная поверхность, характеризующаяся вырывами металла), мм; B_y – ширина утяжины, мм; H_y – высота утяжины, мм; $H_{заус}$ – высота заусенца, мм; α – угол наклона резаной кромки, град; $B_{тр}$ – трапеция (разница минимальной и максимальной ширины штрипса – сверху и снизу).

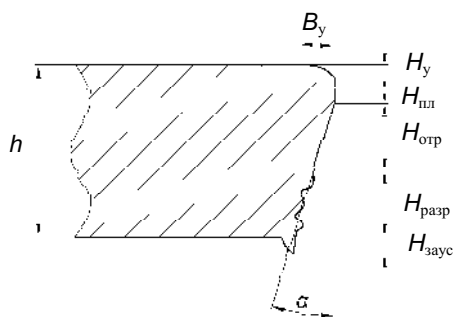

Рис. 1. Качественные параметры резаной кромки:
 h – толщина штрипса, мм

Основные технологические факторы при резке полосового металла в дисковых ножах, определяющие качество резаной кромки, можно разделить на две группы: деформационно-скоростные и геометрические. В построенной математической модели учтены основные деформационно-скоростные факторы (V – скорость движения полосы, м/мин; p – удельное натяжение на разматывателе, МПа) и геометрические факторы (s – осевой зазор; n – перекрытие дисковых ножей) (рис. 2).

Осевым зазором между ножами s называется промежуточное расстояние между верхним и нижним ножами. Он имеет большое значение для чистоты и качества поверхности реза. Перекрытием между ножами n называется расстояние между режущими кромками верхнего и нижнего ножей на установившейся стадии разделения. Оно показывает, насколько режущая кромка верхнего ножа находится ниже режущей кромки нижнего ножа.

Значения утяжины и заусенца зависят от значения зазора между ножами (s), толщины проката, его прочности, а также качества материала [1]. Чтобы

избежать образования большой утяжины в процессе резки и уменьшить до минимума трение ножей о прокат, следует установить такой осевой зазор, при котором трещины, расходящиеся от кромок ножей, встречаются кратчайшим путем [4].

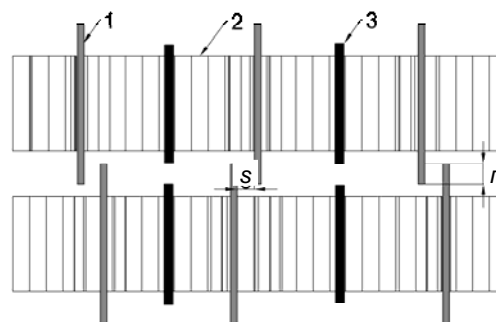

Рис. 2. Чертеж набора дисковых ножей: 1 – дисковый нож; 2 – дистанционное кольцо; 3 – гуммированное дистанционное кольцо; n – перекрытие дисковых ножей; s – зазор дисковых ножей

Согласно [3], слишком маленький зазор приводит к образованию неровного реза и нечистой поверхности, а также увеличивает трение ножей по краю полосы. Из-за большего трения и утяжки материала возрастает усилие нажима, что приводит к более быстрому износу или выкрашиванию режущей кромки ножей.

Слишком большой зазор приводит к появлению заусенцев на пластичном материале или к неровному резу хрупких материалов. При этом образуется S-образный излом с сильно шероховатой обрезной кромкой, и искривление кромки полосы увеличивается. При слишком большом зазоре также происходит быстрый износ дисковых ножей.

На качественные параметры резаной кромки штрипса, кроме технологических факторов настройки агрегата, значительное влияние оказывают механические свойства исходного горячекатаного рулона: σ_t , σ_b – пределы текучести и прочности полосы; δ – относительное удлинение полосы.

Большое количество факторов, варьируемых в широком диапазоне, создают сложности для корректного набора режущей оснастки и получения качественной резаной кромки штрипса. С целью сокращения общего числа и определения наиболее значимых факторов проведены статистические исследования влияния технологических настроек процесса резки на качественные характеристики реза. Исследования проводились на АПР 2000×3,0–16,0 ЗАО «Северсталь ТПЗ-Шексна». Исследованию были подвергнуты факторы и параметры качества штрипса, полученные при порезке 170 рулонов в диапазоне толщин от 3,0 до 16,0 мм из марок стали ст3сп, 09Г2С, 17ГС и 10ХСНД.

Для количественной оценки зависимости факторов от толщины полосы и между собой были рассчитаны коэффициенты корреляции r [5]:

$$r = \frac{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})(y_i - \bar{y})}{\sqrt{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^2} \sqrt{\sum_{i=1}^n (y_i - \bar{y})^2}},$$

где x_i, y_i – i -е значение факторов x и $y, i = 1, \dots, n$; $\bar{x}, \bar{y}$ – средние значения факторов x и y .

На основании полученных данных построена матрица корреляции между всеми факторами и толщиной полосы (табл. 1).

В табл. 1 значение коэффициента корреляции более 0,30 говорит о наличии зависимости между факторами, при этом чем ближе значение коэффициента корреляции к 1, тем более сильная зависимость наблюдается между факторами. Знак «+» говорит о наличии прямой зависимости, знак «-» – об обратной зависимости. В табл. 1 цветом выделены значения коэффициентов корреляции, указывающие на сильную зависимость между факторами.

Известно, что механические свойства стали, такие как предел прочности, предел текучести и относительное удлинение, взаимосвязаны. Из табл. 1 видно, что наблюдается зависимость зазора s и перекрытия n от толщины полосы. Для устранения такой зависимости в дальнейшем целесообразно представлять зазор и перекрытие в относительном виде, используя безразмерные параметры s/h и n/h , а σ_b исключить из факторов, так как предел прочности в основном влияет на усилие резания и изнашивание инструмента и в меньшей степени – на качество резаной кромки.

Известно, что одним из условий при построении регрессионных моделей является ограниченное ко-

личество оптимизируемых параметров [2]. В связи с этим из числа рассматриваемых параметров исключены следующие: поперечная утяжина B_y , продольная утяжина H_y , угол наклона резаной кромки α . Физические замеры B_y, H_y на готовом штрипсе затруднены из-за их малых значений. Угол наклона резаной кромки можно рассчитать по известным значениям толщины полосы h , пластического пояска $H_{пл}$ и трапеции $B_{тр}$. Поскольку рассматриваемые параметры имеют прямую зависимость от толщины полосы, их также удобно представлять в относительном виде. Для рассматриваемых параметров по формуле (1) рассчитаны коэффициенты корреляции и построена матрица корреляции (табл. 2).

В табл. 2 цветом выделены значения коэффициентов корреляции, указывающие на существенную зависимость между качественными параметрами реза.

Из табл. 2 видно, что параметры, характеризующие качество реза по толщине полосы ($H_{пл}/h, H_{отр}/h, H_{разр}/h, H_{заяс}/h$), зависят друг от друга. Это означает, что изменение одних параметров вызывает изменение других. Например, уменьшение поверхности отрыва $H_{отр}/h$ происходит за счет увеличения поверхности разрушения $H_{разр}/h$. Кроме того, значение $H_{заяс}/h$ зависит от характеристик разрезаемого материала и износа режущей оснастки в пределах погрешности измерения. В этом случае из параметров, характеризующих качество реза по толщине полосы, достаточно исследовать один наиболее важный (например, поверхность отрыва $H_{отр}/h$), значение которого следует максимизировать. Оставшийся параметр $B_{тр}/h$, независимый от остальных, характеризующий разницу полосы по ширине сверху и снизу, следует минимизировать.

Таблица 1

Матрица корреляции между факторами в абсолютном виде и толщиной полосы

Факторы	σ_b , МПа	σ_t , МПа	δ , %	s , мм	n , мм	V , м/мин	p , МПа	h , мм
σ_b , МПа	1,00	0,87	-0,91	-0,53	-0,55	0,68	0,43	-0,65
σ_t , МПа		1,00	-0,76	-0,57	-0,59	0,60	0,46	-0,68
δ , %			1,00	0,30	0,30	-0,61	-0,29	0,44
s , мм				1,00	0,93	-0,60	-0,41	0,96
n , мм					1,00	-0,52	-0,55	0,95
V , м/мин						1,00	0,11	-0,66
p , МПа							1,00	-0,49
h , мм								1,00

Таблица 2

Матрица корреляции между параметрами реза

Параметры	$B_{тр}/h$	$H_{пл}/h$	$H_{отр}/h$	$H_{разр}/h$	$H_{заяс}/h$
$B_{тр}/h$	1,00	-0,16	0,17	-0,13	-0,03
$H_{пл}/h$		1,00	-0,63	0,36	0,20
$H_{отр}/h$			1,00	-0,95	-0,31
$H_{разр}/h$				1,00	0,30
$H_{заяс}/h$					1,00

Из исследуемых факторов характеристики горячекатаного подката σ_T и δ являются неуправляемыми параметрами, поскольку задаются на предыдущих переделах. Скорость порезки полосы V также является неуправляемым технологическим фактором, при порезке скорость задается согласно техническим характеристикам АПР 2000×3,0–16,0: для толщины полосы $h \leq 8,0$ мм $V = 100$ м/мин; для $h > 8,0$ мм $V = 50$ м/мин. Геометрические технологические факторы, зазор между ножами s , мм, и перекрытие ножей n , мм, а также натяжение полосы на разматывателе p , МПа, управляемы, и варьированием этих управляемых факторов можно оптимизировать качественные параметры резаной кромки $B_{тр}/h$ и $H_{отр}/h$.

На основании обработки статистических данных получены регрессионные уравнения для расчета управляемых факторов (табл. 3).

Уравнения второго порядка для расчета управляемых факторов получены с использованием программы «Статистика». Для уравнений (1) – (3) коэффициент множественной корреляции составил от 0,7 до 0,908. Коэффициенты слагаемых в уравнениях показывают влияние каждого известного фактора на искомый фактор и представлены в общем виде, так как являются предметом патентной заявки. Геометрические параметры и известные факторы входят в каждое уравнение два раза (в первой и во второй степени). При этом значительно большее влияние на искомый фактор оказывают известные факторы во второй степени. Знак коэффициентов уравнения показывает влияние каждого известного фактора на искомый фактор. Данные уравнения могут применяться для расчета технологических факторов настройки агрегатов продольной резки при порезке горячекатаных рулонов в диапазоне толщин от 3,0 до 16,0 мм из стали марок ст3сп, 09Г2С, 17ГС и 10ХСНД.

По уравнениям (1) – (3) на базе Microsoft Excel разработана программа, позволяющая рассчитать управляемые факторы и параметры реза, интерфейс которой представлен на рис. 3.

Исходные данные			
Марка стали	h , мм	b_p , мм	b , мм
Зсп	5	1585	389/4
Неуправляемые факторы			
σ_b , МПа	σ_t , МПа	δ , %	V , м/мин
470	325	35	100
Управляемые факторы			
n , мм	s , мм		p , МПа
-0,0076	0,9680		1,7256
Параметры реза			
$B_{тр}$, мм		$H_{отр}$, мм	
0,6077		4,0783	

Рис. 3. Интерфейс программы расчета управляемых факторов и параметров реза

В поле «Исходные данные» оператором вводятся исходные данные по горячекатаному рулону: марка стали; толщина h , мм; ширина исходного горячекатаного рулона b_p , мм; раскрой рулона (ширина штрипса b , мм/количество штрипсов). В поле «Неуправляемые факторы» оператор задает значения механических свойств рулона и скорости порезки. После ввода значений исходных данных и неуправляемых факторов производится автоматический расчет управляемых факторов (перекрытия n , мм; зазора s , мм; натяжения разматывателя p , МПа) и качественных параметров реза – ширины трапеции $B_{тр}$, мм, и высоты поверхности отрыва $H_{отр}$, мм.

В настоящее время полученные регрессионные уравнения и программа расчета управляемых факторов и параметров реза успешно применяются на практике на АПР 2000×3,0–16,0 в условиях ЗАО «Северсталь ТПЗ-Шексна». Согласно данным отчетов по качеству, внедрение в производство разработанной программы расчета позволило снизить выпуск несоответствующей продукции АПР по дефектам качества резаной кромки в среднем на 250 т в месяц (1,65 % от общего производства продукции на АПР).

* Работа проводилась при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ (Государственный контракт № 14.740.11.0835 от 1.12.2010).

Таблица 3

Уравнения для расчета управляемых факторов

№ п/п	Регрессионные уравнения	Коэффициент множественной корреляции R
1	$n/h = A_1 + B_1 B_{тр}/h + C_1 H_{отр}/h - D_1 \sigma_T + E_1 \delta - F_1 V - G_1 (B_{тр}/h)^2 - H_1 (H_{отр}/h)^2 + J_1 \sigma_T^2 - K_1 \delta^2 + L_1 V^2$	0,908
2	$s/h = -A_2 + B_2 B_{тр}/h + C_2 H_{отр}/h - D_2 \sigma_T - E_2 \delta + F_2 V + G_2 n/h - H_2 (B_{тр}/h)^2 - J_2 (H_{отр}/h)^2 + K_2 \sigma_T + L_2 \delta - M_2 V - N_2 (n/h)^2$	0,835
3	$p = -A_3 + B_3 B_{тр}/h + C_3 H_{отр}/h + D_3 \sigma_T + E_3 \delta + F_3 V + G_3 n/h - H_3 s/h - J_3 (B_{тр}/h)^2 - K_3 (H_{отр}/h)^2 - L_3 \sigma_T^2 - M_3 \delta - N_3 V - P_3 (n/h)^2 + T_3 (s/h)^2$	0,7

Литература

1. Агрегаты для обрезки кромок листов и измельчения обрезки / Экспресс-информация, черная металлургия, сер. прокатное производство. – М., 1985. – Вып. 22.
2. Винарский, М.С. Планирование эксперимента в технологических исследованиях / М.С. Винарский, М.В. Лурье. – Киев, 1975.

3. Охрименко, Я.М. Технология кузнечно-штамповочного производства / Я.М. Охрименко. – М., 1976.
4. Романовский, В.П. Справочник по холодной штамповке / В.П. Романовский. – Л., 1979.
5. Румшинский, Л.З. Математическая обработка результатов эксперимента / Л.З. Румшинский. – М., 1971.

УДК 004.78:331.45:669.1

В.А. Шабалов, Б.В. Панов

АВТОМАТИЗИРОВАННАЯ РАЗРАБОТКА И СОПРОВОЖДЕНИЕ ПЛАНОВ ЛОКАЛИЗАЦИИ АВАРИЙ ОПАСНЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОБЪЕКТОВ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ*

Рассмотрены вопросы автоматизированной разработки и сопровождения планов локализации аварий (ПЛА) опасных производственных объектов металлургических предприятий. Предлагается концептуальная модель процессов разработки и сопровождения ПЛА, позволяющая генерировать заготовки описания аварийных ситуаций (оперативная часть ПЛА) с использованием настраиваемых шаблонов действий производственного персонала.

План локализации аварий, автоматизированная разработка, опасный производственный объект, металлургия.

The problems of automated development and support of plans of localization of accidents of dangerous industrial facilities of metallurgical enterprises are considered in the article. The authors suggest a conceptual model of the development and maintenance plans, allowing to generate the descriptions of emergency situations (an operative part of PLA) using the patterns of actions of the personnel.

Plan of localization of accidents, automated engineering, a dangerous industrial facility, metallurgy.

Современное металлургическое предприятие характеризуется наличием большого числа опасных производственных объектов. Федеральный закон «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» от 21.07.97 № 116 ФЗ в целях обеспечения готовности к действиям по локализации и ликвидации последствий аварий предписывает организациям, эксплуатирующим такие объекты, планирование и осуществление мероприятий по локализации и ликвидации последствий аварий.

Для каждого газоопасного и взрывопожароопасного производства, цеха, отделения, участка, технического устройства, а также для всей организации в целом должны быть разработаны планы ликвидации (локализации) аварий (ПЛА) в соответствии с инструкцией по составлению планов ликвидации (локализации) аварий в металлургических и коксохимических производствах [1].

Для крупных металлургических предприятий количество таких планов исчисляется десятками. Каждый ПЛА представляет собой печатный документ достаточно большого объема (обычно сотни страниц), содержащий в строго заданной форме текстовые описания действий производственного персонала, сервисных служб и аварийно-спасательных формирований по локализации аварий на отдельных стадиях их развития. Дополнительно ПЛА включает в себя приложения, содержащие выписки из технологических инструкций, планы помещений, фрагменты технологических схем, карточки пожаротушения, перечень оповещаемых должностных лиц и пр. Каждый работник должен быть обеспечен выписками из ПЛА в части, его касающейся, обязан знать и четко выполнять предусматриваемые этим планом действия.

Надлежащим образом оформленный ПЛА во многом определяет качество подготовки персонала к действиям в аварийных ситуациях. Несмотря на это в настоящее время разработка и сопровождение (модификация) ПЛА традиционно выполняются вручную ввиду сложности формализации этих процессов.

В настоящей статье рассмотрены вопросы автоматизированной разработки и сопровождения ПЛА опасных производственных объектов металлургических предприятий в электронном виде (с возможностью последующего перевода в печатный вид в соответствии с требованиями нормативных документов).

В дальнейшем будем различать первоначальную разработку ПЛА для вновь вводимых объектов и производств и разработку (по сути переработку) ПЛА в электронном виде для уже существующих объектов и производств на основе имеющегося «бумажного» варианта ПЛА.

Первоначальная разработка ПЛА включает в себя создание концептуальной модели предметной области, которая описывает информацию о производстве в формализованном виде. Такая модель создается на основе технологических схем.

Наиболее удобна графическая форма представления концептуальной модели в виде иерархически упорядоченных направленных графов с поименованными вершинами и дугами, причем узлы обозначают инфообъекты, а дуги – отношения между ними. В качестве примеров на рис. 1, 2 представлены фрагменты концептуальной модели газового хозяйства нагревательных печей сортопрокатного производства ЧерМК ОАО «Северсталь».

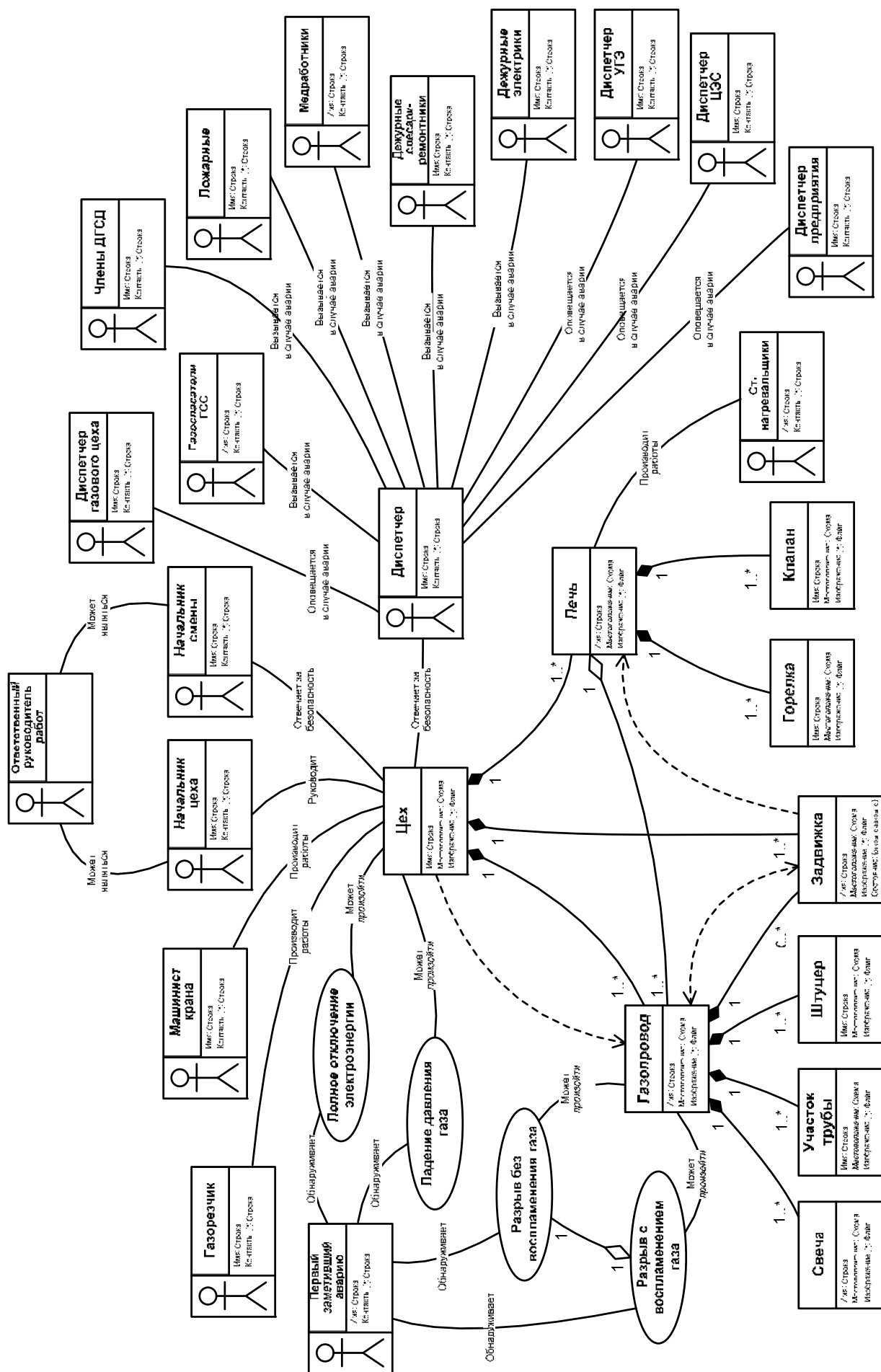

Рис. 1. Фрагмент концептуальной модели первого уровня хозяйства нагревательных печей СПП ЧерМК ОАО «Северсталь»»

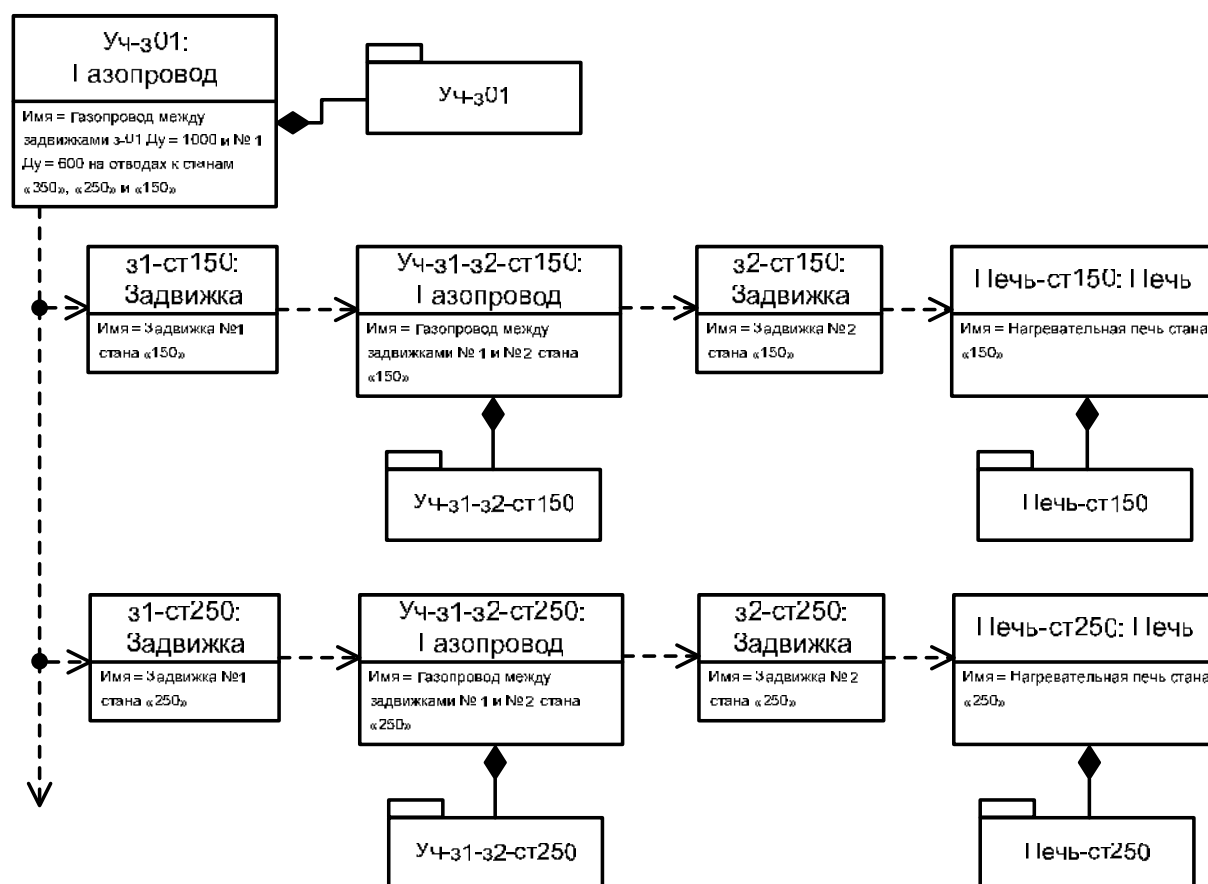

Рис. 2. Фрагмент концептуальной модели второго уровня газового хозяйства нагревательных печей СПП ЧерМК ОАО «Северсталь»

Разработанная концептуальная модель позволяет генерировать заготовки описания аварийных ситуаций (оперативная часть ПЛА) с использованием настраиваемых шаблонов. Шаблоны естественным образом описывают действия производственного персонала, сервисных служб и аварийно-спасательных формирований по локализации аварии в виде достаточно простых продукционных правил вида «ЕСЛИ (условие), ТО (действие)». В качестве примера на рис. 3 представлен фрагмент такого шаблона.

В процессе генерации для каждого возможного аварийного события, по каждому опасному объекту, определенному концептуальной моделью, инициируется процесс применения заданных шаблонов по разработанному оригинальному алгоритму.

В результате работы алгоритма генерации формируются описания по всем аварийным ситуациям в соответствии с заданными шаблонами и концептуальной моделью. Данные заготовки доступны для редактирования и проверки экспертами, формирующими окончательную версию ПЛА.

Основное достоинство такого подхода заключа-

ется в снижении трудоемкости разработки ПЛА по большому числу однотипных ситуаций (характерных, например, для газового хозяйства и электрических сетей) и в возможности автоматической модификации ПЛА в случаях изменений в технологическом процессе, отраженных в концептуальной модели.

В случае наличия готовой «бумажной» версии ПЛА для действующих объектов и производств разработка концептуальной модели и последующая генерация электронной версии ПЛА может оказаться нецелесообразной. В этом случае предусмотрен режим автоматизированного перевода существующего текста ПЛА в электронную форму.

Электронный формат ПЛА делает его легкодоступным для персонала предприятия, значительно упрощая процесс периодического сопровождения. Однако, независимо от используемого варианта получения электронной версии (генерация на основе концептуальной модели или использование готового текста), она может быть представлена в печатном виде в соответствии с требованиями нормативных документов.

Первый заметивший

Состояние	Событие	Условие	Действие
S1	Авария(Вид_аварии,Объект)		ВЫВОД("Сообщить об аварии диспетчеру") Диспетчер→Сообщение об аварии(Вид_аварии,Объект)

Диспетчер

Состояние	Событие	Условие	Действие
S1	Сообщение об аварии(Вид_аварии,Объект)	Вид_аварии=Разрыв_газопровода	ВЫВОД("Сообщить об аварии исполнителю")
		ИНАЧЕ	Исполнитель→Локализовать разрыв(Объект) ОШИБКА("Неизвестный вид аварии")

Исполнитель

Состояние	Событие	Условие	Действие
S1	Локализовать_разрыв(Объект)		Дочерние_объекты=Объект.ПОИСК(∞) Дочерние_потребители=Дочерние_объекты.ФИЛЬТР(Потребитель) ОШИБКА("Дочерние потребители не обнаружены") $i=1$ →Отключить потребителя(Объект) СОСТОЯНИЕ(S2)
S2	Отключить_потребителя(Объект)	$i < \text{Дочерние_потребители.РАЗМЕР}$	ВЫВОД("Отключить "Дочерние_потребители[i] имя") $i=i+1$ →Отключить потребителя(Объект) СОСТОЯНИЕ(S2) →Отключить аварийный участок(Объект) СОСТОЯНИЕ(S3)
S3	Отключить_аварийный_участок(Объект)		Входные_объекты=Объект.ПОИСК(-1) Входная_завдвижка=Входные_объекты.ФИЛЬТР(Задвижка) ОШИБКА("Входная задвижка не обнаружена") ВЫВОД("Закрыть "Входная_задвижка.имя;"Газозащитный аппарат") КОНЕЦ

Рис. 3. Фрагмент шаблона ПЛА

Предложенный подход автоматизированной разработки и модификации ПЛА реализован в автоматизированной информационно-обучающей системе (АИОС) «План локализации аварий», элементы которой внедрены в сортопрокатном производстве ЧерМК ОАО «Северсталь» [2], [3].

Основные модули системы зарегистрированы в Федеральной службе по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам (свидетельства о государственной регистрации программ для ЭВМ № 2010612897, 2010612898, 2010612899).

** Работа выполнена при поддержке гранта П2384 по Федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг.*

Литература

1. Инструкция по составлению планов ликвидации (локализации) аварий в металлургических и коксохимических производствах: РД 11-561-03: утв. Постановлением Госгортехнадзора РФ № 36 от 22.05.03. – М., 2003.

2. Панов, Б.В. Комплексная автоматизация процесса обеспечения готовности персонала металлургических предприятий к действиям в аварийных ситуациях / Б.В. Панов, В.А. Шабалов // Металлург. – 2009. – № 10. – С. 37 – 40.

3. Титов, О.П. Автоматизированная информационно-обучающая система «План локализации аварий» / О.П. Титов, С.А. Добродей, Б.И. Козлов, Б.В. Панов, В.А. Шабалов // Безопасность труда в промышленности. – 2010. – № 8. – С. 44 – 47.

29 ноября 2011 г. в г. Череповце на базе ФГБОУ ВПО «Череповецкий государственный университет» состоялся ежегодный Всероссийский научный семинар **«Научно-технический прогресс в металлургии»**, который проходил в рамках научно-практической конференции **«Череповецкие научные чтения – 2011»** по следующим направлениям:

- производство чугуна и стали;
- прокатное и волочильное производство.

В семинаре участвовали ведущие ученые Череповецкого государственного университета, Магнитогорского технического университета, Липецкого государственного технического университета.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНЖЕНЕРНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ НА ОСНОВЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА НА ПРИМЕРЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье анализируется состояние инженерной инфраструктуры Нижегородского региона, изучаются проблемы развития государственно-частного партнерства (ГЧП) в регионах. Рассматриваются положительные изменения в правовой сфере реализации механизма ГЧП и пути модернизации инженерной инфраструктуры региона на основе ГЧП.

Региональная экономика, инженерная инфраструктура, социально-экономическое развитие, государственно-частное партнерство.

The article analyzes the condition of engineering infrastructure of Nizhniy Novgorod region, studies the problems of development of public-private partnership in regions. Positive changes in legal sphere of realization of the mechanism of public-private partnership and the ways of modernization of engineering infrastructure of the region on the basis of public-private partnership are considered.

Regional economy, engineering infrastructure, social and economic development, public-private partnership.

Общероссийские тенденции регионального развития оказывают существенное воздействие и на социально-экономическое положение Нижегородского региона (начало реформы административной системы, запуск ряда национальных проектов, в том числе проекта создания особых экономических зон, разработка ряда отраслевых стратегий на уровне государства). Однако возможности и механизмы участия регионов в этих проектах пока нечетко определены.

Создание партнерства государства и частного бизнеса может оказаться ключевым моментом для дальнейшего развития России. Создание благоприятных условий для развития ГЧП требует принятия соответствующих нормативных правовых актов и формирования, таким образом, целой отрасли законодательства, регулирующего вопросы, касающиеся непосредственно государственно-частного партнерства.

Опыт западных стран убедительно показывает эффективность участия частных инвесторов в модернизации и развитии объектов жилищно-коммунальной сферы. Так, в США из 65 базовых видов деятельности муниципальных властей (водопровод, канализация, уборка мусора, школьное образование, эксплуатация парковок и т.д.) средний город использует коммерческие фирмы при исполнении 23 видов деятельности [4]. Ведь именно частник, нацеленный на результат и в конечном счете на возврат средств и получение прибыли, как никто другой видит проблемы и «черные дыры» инфраструктуры, в которые утекают деньги, он должен иметь четкую схему возмещения средств и определенные гарантии. Долгое время российское законодательство не позволяло инвестору чувствовать себя защищенным при «игре на государственном поле».

В настоящее время ситуация меняется. 21 июля

2005 года принят Федеральный закон Российской Федерации «О концессионных соглашениях» № 115-ФЗ, а в 2010 году в него внесены изменения.

Концессии – один из эффективных и наиболее применимых в международной практике механизмов ГЧП. Они применяются там и тогда, когда у государства не хватает финансовых, человеческих, управленческих и иных ресурсов для предоставления услуг населению. Концессии как один из ГЧП-инструментов представляются довольно успешным механизмом, позволяющим в равной степени учитывать интересы государства и частного инвестора.

Для инвестора выгода концессии заключается не только в доступе к традиционно закрытым отраслям экономики и возможности возведения инфраструктуры, необходимой для укрупнения своего бизнеса. Выгода также заключается в разделении рисков, а также в достаточно высоких гарантиях возвратности средств. Кроме того, в будущем у инвестора появляется возможность получения регулярных прогнозируемых доходов.

Для государства концессии – это прежде всего инструмент экономического роста и повышения уровня рыночной конкуренции, а следовательно, и уровня услуг, оказываемых населению, а также способ привлечения управленческих ресурсов и технологий бизнеса для реализации приоритетных задач в масштабах всей страны, а также уменьшения бюджетных расходов.

Принятие закона «О концессионных соглашениях» – факт положительный, в первую очередь, потому, что сам принцип концессий как один из вариантов государственно-частного партнерства, т.е. предоставления частному инвестору возможности инвестировать финансовые и технологические ресурсы, свой опыт и ноу-хау в государственные и муниципальные проекты, является одним из наиболее эффективных.

пальные объекты инфраструктуры для целей их реконструкции и эксплуатации, наконец узаконен.

Закон «О концессионных соглашениях» закрепляет равные права для российских и иностранных инвесторов. Исключение составляют концессии в отношении «объектов, имеющих стратегическое значение для обеспечения обороноспособности и безопасности государства» [8]. В законе содержатся также весьма благоприятные для частного инвестора положения, защищающие его права в случае изменения законодательства и нормативных правовых актов органов местного самоуправления. Положительно можно оценить многие нормы закона «О концессионных соглашениях», например касающиеся порядка расторжения концессионного соглашения [8].

Однако закон оказался недостаточно проработанным, за несколько лет действия Закона ни одного концессионного проекта не было реализовано. Причиной тому стали такие проблемы, как непринятие в течение длительного времени подзаконных нормативно-правовых актов, необходимых для реализации Закона, отсутствие налоговых льгот и преференций для участников концессионных правоотношений и т.д.

Закон предусматривает лишь один вид договоров – традиционный контракт BOT (Build, Operate, Transfer – строительство – эксплуатация/управление – передача). Этот механизм используется, главным образом, в концессиях. Инфраструктурный объект создается за счет концессионера, который после завершения строительства получает право эксплуатации сооруженного объекта в течение срока, достаточного для окупаемости вложенных средств. По его истечении объект передается государству. Концессионер получает правомочие использования, но не владения объектом, собственником которого является государство. Согласно ему, концессионное соглашение – это договор, по которому одна сторона (концессионер) обязана за свой счет создать и (или) реконструировать недвижимое имущество, право собственности на которое принадлежит или будет принадлежать другой стороне (концеденту). Главной препоной на пути реализации Закона стала длительность бюрократических процедур. Правительство РФ долгое время не могло принять необходимый пакет подзаконных актов и типовых документов, призванных обеспечить действие Закона.

Прямому действию Закона мешало и несоответствие его положений нормам российского законодательства. Серьезные трудности были связаны с определением того, подлежит ли концессионная деятельность налогообложению в принципе.

Инвесторы справедливо считали, что она однозначно относится к инвестиционной. Что касается имущества, передаваемого по договору концессии, то его передача в рамках договора реализацией не является, а значит, не подлежит налогообложению.

С принятием поправок в закон выстраиваются цивилизованные отношения между государством и бизнесом.

Одно из важнейших нововведений – возможность передачи в концессию имущества унитарных пред-

приятий, которые выступают на стороне концедента. Концессионное соглашение теперь может предусматривать долгосрочное тарифное регулирование, и его параметры фиксируются в договоре. Принципиально меняются права и обязанности сторон. Сейчас в законе предусмотрено, что если по какой-то причине концессионное соглашение расторгается досрочно, то концессионеру выплачивается часть инвестиций за вычетом суммы, которую он успел вернуть в рамках текущей деятельности. Значит, можно привлечь инвестиции на совершенно других условиях. Еще одна сильная новация: в законе прописано, каким образом права по концессионному соглашению могут быть обеспечением по кредитам, получаемым на инфраструктурную деятельность [6].

На уровне регионов и муниципальных образований бюджетные ограничения становятся барьером для модернизации изношенной инфраструктуры. Дефициты региональных бюджетов, сокращения трансфертов из федерального бюджета, направляемых на реализацию инвестиционных проектов в субъектах Российской Федерации, необходимость модернизации устаревших объектов приводят к поиску внебюджетного финансирования, которое в мировой практике осуществляется на основе механизмов ГЧП. Реализация инфраструктурных проектов с применением механизмов ГЧП способна обеспечить каждому региону экономический рост, привлечение инвестиций, создание новых рабочих мест.

Исследование, которое было сделано Центром развития ГЧП, говорит о том, что количество проектов, реализованных в рамках партнерства государства и бизнеса в Центральном федеральном округе, ничтожно мало. Опрос чиновников на местах, а также предпринимателей регионального уровня выявил ряд проблем, препятствующих развитию и модернизации социальной инфраструктуры. И одна из главных проблем – это отсутствие единого понятийного аппарата при выработке цели и задач реализации ГЧП-проектов [11].

Важным фактором развития является возможность использования средств инвестиционного и пенсионного фондов в проектах ГЧП. Инвестиционный фонд создан для реализации инвестиционных проектов, имеющих общегосударственное значение и осуществляемых на условиях государственно-частного партнерства. По оценкам экспертов каждый инвестированный государством рубль привлекает четыре рубля частных инвестиций [4].

Среди факторов, способствующих развитию ГЧП в России, необходимо отметить возможность реализации интересов государства и частного бизнеса при осуществлении крупных инфраструктурных проектов. Для бизнеса инфраструктурные ГЧП-проекты – это одно из направлений долгосрочного инвестирования с приемлемым уровнем доходности 15 – 20 % [2].

Значительный потенциал принимает необходимость развития сферы ЖКХ на основе концессии. Потребность в развитии объектов ЖКХ есть всегда, поэтому в таких проектах спрос на услуги относительно легко прогнозируется (например, система во-

доснабжения, которая сегодня во многих регионах требует не ремонта, а полной замены). Регионы испытывают дефицит водных ресурсов, что ограничивает строительство новых жилых микрорайонов. Реализуя проекты на основе ГЧП, город решает сразу две важные задачи – получает возможность развития новых микрорайонов и экономит водные ресурсы, так как в новых системах их потери будут минимальны [2]. Данное направление является особенно актуальным, так как степень износа объектов коммунальной инфраструктуры в настоящее время по отдельным муниципальным образованиям достигает 60 – 80 %. Причем темпы нарастания износа составляют 2 – 3 % в год. Около 30 % основных фондов ЖКХ уже полностью отслужили нормативные сроки [10].

Проектное финансирование позволяет привлекать в реализацию проектов ГЧП долгосрочные кредиты. Как правило, цель создания ГЧП – реализация крупных проектов, на которые на текущий момент у государства не хватает сил и средств [1].

Также фактором, способствующим развитию ГЧП является развивающаяся законодательная база в области правового обеспечения анализируемого механизма. По мнению большинства экспертов, правовая форма осуществления ГЧП должна в идеале отвечать двум основным требованиям: обеспечить для инвестора привлекательность, безопасность вложения средств в государственную собственность и реализовать основную цель проекта, а именно развить ту сферу, которая стратегически важна для государства [5].

Как отмечалось выше, в РФ уже реализуется множество проектов ГЧП. Однако на практике появляется много факторов, ограничивающих их развитие.

Исследование сдерживающих факторов позволяет сделать вывод, что наибольшие проблемы связаны с дефицитом финансовых ресурсов в региональных, муниципальных бюджетах и у частных компаний; с недостаточностью управленческого опыта и профессиональных компетенций в области реализации проектного финансирования и механизмов концессии. Немаловажное значение имеет проблема обеспечения прозрачности тендерных процедур и прочих процессов организации ГЧП, а также отсутствие единой правовой основы, терминологии и форм ГЧП в регионах.

Решение данных проблем является важной народнохозяйственной задачей и требует разработки соответствующих экономических, организационных и правовых механизмов, которые должны проявляться в региональной политике социально-экономического развития.

Исходя из анализа состояния экономики региона, можно выделить следующие ключевые проблемы, препятствующие социально-экономическому развитию Нижегородской области: низкий уровень производительности труда, перегруженность автотранспортной системы Нижнего Новгорода транзитным транспортом вследствие отсутствия удобного объездного пути, неразвитая инфраструктура грузовых и пассажирских перевозок аэропорта Нижнего Новго-

рода, ограничения по обеспечению устойчивого энергоснабжения, особенно вновь создаваемых или расширяющихся производственных объектов, высокий износ оборудования, низкая инновационная деятельность предприятий, недостаток долгосрочных банковских кредитов [9].

Низкий уровень обеспеченности территорий Нижегородской области объектами социальной и инженерной инфраструктуры и неравномерность их размещения – главная проблема социально-экономической дифференциации развития территорий.

Несмотря на то, что доля муниципальных районов и городских округов области с высоким и средним уровнем развития постепенно возрастает, возможностей местных бюджетов недостаточно, чтобы самостоятельно, полноценно и быстро решить проблему развития сети учреждений социальной сферы и инженерных коммуникаций.

На основании анализа уровня обеспеченности Нижегородской области, муниципальных районов и городских округов области основными видами объектов социальной и инженерной инфраструктуры выявлены следующие проблемы:

1) уровень обеспеченности Нижегородской области в целом по большинству объектов социальной и инженерной инфраструктуры ниже средних по России значений или федеральных нормативов;

2) объекты социальной и инженерной инфраструктуры имеют высокую степень физического и морального износа;

3) благоустройство жилищного фонда области и оснащенность социальных объектов инженерными коммуникациями ни по одному из видов (водоснабжение, газоснабжение, канализация) не достигают 100 %.

4) объекты социальной и инженерной инфраструктуры крайне неравномерно размещены по территориям муниципальных районов, городских округов области; более того, ряд территорий вообще не получают некоторые виды жизненно важных услуг [7].

Положение осложняется старением основных фондов инфраструктуры, значительная часть которых была создана десятки лет назад. Курс правительства на сокращение присутствия государства в экономике и снижение налогового бремени не позволяет выделять из бюджета средства, достаточные для ликвидации нарастающего «инвестиционного разрыва» в инфраструктурной отрасли.

Ситуация усугубляется низкой эффективностью использования имеющихся в инфраструктуре мощностей и ресурсов вследствие недостаточных стимулов к эффективной работе, слабого менеджмента и неспособности либо нежелания искоренить бесхозяйственность и коррупцию.

В настоящее время во всем мире признано, что одним из действенных выходов из сложившейся ситуации может стать развитие государственно-частного партнерства как инструмента взаимодействия государства и бизнеса, который позволит преодолеть «двойной дефицит», возникший в инфраструктурной отрасли: во-первых, нехватку ресурсов и, во-вторых, недостаточную эффективность их использования.

Главным фактором развития ГЧП в Нижегородской области можно считать принятие закона «Об участии Нижегородской области в государственно-частном партнерстве». Нормативный акт направлен на повышение инвестиционной привлекательности региона и устанавливает правила участия органов власти и бизнеса в реализации совместных проектов.

Принятый закон позволит создавать, реконструировать, модернизировать объекты социальной и инженерной инфраструктуры с привлечением частного капитала. Законом предусмотрены такие меры государственной поддержки ГЧП, как предоставление налоговых льгот, субсидий, отсрочек и рассрочек по уплате налогов, инвестиционных налоговых кредитов, бюджетных инвестиций, установление льготных ставок арендной платы за пользование имуществом, которое находится в государственной собственности области.

По оценкам экспертов, совокупный эффект от реализации инвестиционных проектов, то есть прямые вливания в экономику Российской Федерации, составит 736,7 млрд р. Из них 183,6 млрд р. (25 %) будут выделены из Инвестиционного фонда. Это означает, что каждый инвестированный государством рубль привлекает четыре рубля частных инвестиций [3].

В данное время в Нижегородской области происходит реализация нескольких проектов с участием частного сектора. В частности, нужно отметить работы по реализации на территории Городецкого района проекта по созданию и эксплуатации мусоросортировочного комплекса с межмуниципальным полигоном для размещения непригодных к переработке ТБО.

Для реализации данного проекта была выбрана форма государственно-частного партнерства на основе концессионного соглашения. Такой подход ведет к экономии бюджетных средств, потому что проект реализуется полностью за счет средств, привлеченных инвестором. Вместе с тем социально-значимый объект будет находиться под контролем Правительства области на всех стадиях: проектирования, строительства и последующей эксплуатации. С момента ввода в эксплуатацию объект будет оформлен в областную собственность. Правительство, в свою очередь, предоставляет земельный участок под строительство и оказывает поддержку инвестору в рамках законодательства РФ.

Нижегородская область ведет работы по формированию государственно-частного партнерства как

одного из эффективных механизмов реализации проекта строительства мостового перехода через Волгу у поселка Подновье.

Хочется надеяться на появление все большего количества региональных ГЧП. Ряд субъектов РФ проявляет серьезный интерес к этому инструменту финансирования инфраструктуры, успешный выход на рынок крупных региональных ГЧП-проектов даст новый импульс регионам и муниципалитетам в этом направлении. ГЧП должно активизироваться в других секторах помимо транспортного, уже известны примеры ряда проектов такого рода в коммунальном хозяйстве, в том числе в сфере водоочистки, водоподготовки.

Список литературы

1. Айрапетян, М.С. Зарубежный опыт использования государственно-частного партнерства / М.С. Айрапетян. — URL: <http://wbase.duma.gov.ru>
2. Глушенкова, М. УК «Лидер» станет крупнейшим оператором проектов ГЧП в России / М. Глушенкова // Приложение к газете «Коммерсантъ». — 2008. — № 161(3978). — 9 сентября.
3. Греф, Г. Об использовании средств Инвестиционного фонда Российской Федерации / Г. Греф. — URL: <http://www.economy.gov.ru/wps/portal>
4. Ефимова, Л.И. Некоторые модели государственно-частных партнерств: тенденции и зарубежный опыт / Л.И. Ефимова. — URL: http://www.eatc.ru/rus/doc.id_71.book_1.php
5. Лысихина, О.И. Концессионное соглашение как форма государственно-частного партнерства в транспортной сфере / О.И. Лысихина // Транспортное право. — 2007. — № 4. — С. 31.
6. Невинная, И. Шире двери / И. Невинная // Российская газета. — 2010. — № 5233 (154). — 15 июля.
7. Областная целевая программа «Развитие социальной и инженерной инфраструктуры как основы повышения качества жизни населения Нижегородской области на 2009–2011 годы». — URL: www.government-nnov.ru
8. Соснова, С. Возможности реализации проектов ГЧП в сфере ЖКХ / С. Соснова // Строительство и городское хозяйство. Энергосбережение. — 2010. — № 7. — С. 23.
9. Стратегия развития Нижегородской области до 2020 года. — URL: www.government-nnov.ru
10. Черепанова, О. Социальный аспект реформы ЖКХ / О. Черепанова // Экономика России: XXI век. — 2006. — № 18 (с).
11. Шмелева, Е. Партнерство без правил / Е. Шмелева // Российская Бизнес-газета. — 2010. — № 758 (25). — 13 июля.

УДК 330: 001.89

В.В. Плащенко

К ВОПРОСУ ОЦЕНИВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ (ОРГАНИЗАЦИЙ)

Предложен подход выбора целесообразного варианта принятия решения в двух возможных проблемных ситуациях, когда показатель эффекта может и не может быть выражен в стоимостной форме.

Экономическая эффективность, экономический эффект, приведенные затраты, приведенный эффект.

The appropriate approach of decision-making is offered in two possible problem situations, when the index of effect can be and can not be expressed in the cost form.

Economic effectiveness, economic effect, comparative expenses, comparative effect.

На этапе совершенствования управления и принятия решений в любой предметной области, независимо от формы представления экономической информации, важно вполне определенно понимать, о какой эффективности идет речь: абсолютной или относительной. Статистика института указывает на то, что у 85 % прагматиков применение этого термина (без введения определения) ассоциируется с абсолютной экономической эффективностью, что приводит к ошибочным решениям. Как правило, под *экономической эффективностью* понимают соотношение затрат C , необходимых для реализации некоторого решения, и эффекта W , который будет получен в результате этой реализации. Данное сопоставление можно производить в различной форме. Например, можно рассчитать следующие показатели экономической эффективности (независимо от способа сопоставления):

$$\Theta = \frac{W}{C}; \quad \Theta = (W - C); \quad \Theta = \frac{W - C}{C}; \quad \Theta = \frac{W - C}{W + C}.$$

В этом случае возникают следующие методологические вопросы: что выбрать в качестве показателей W , C ? Какую формулу Θ следует использовать? Что физически отражает выбранная формула Θ ? Ответы на данные вопросы не так просты, как кажутся на первый взгляд. Дело в том, что расчет экономической эффективности производится в целях практических потребностей вполне определенных субъектов. Поэтому формальный подход может привести к абсурдным выводам с точки зрения этих субъектов. Отсюда при оценивании экономической эффективности исходной позицией является практическая цель и конкретный субъект.

Проведенный в [1, с. 187], [2, с. 201] анализ множества практических задач определения экономической эффективности позволяет сгруппировать их в два класса:

1. Определить, следует ли вообще производить затраты на реализацию решения. Является ли это экономически выгодным?
2. Какой из возможных вариантов решения является предпочтительным, экономически целесообразным?

В задачах второго класса вопрос о необходимости достижения цели решения уже предопределен. Обязательно нужно достигать цели. Именно эти две группы задач и соответствуют терминам абсолютной и относительной экономической эффективности. Выбор той или иной постановки задач определяется условиями проблемной ситуации. В ряде случаев не представляется возможным оценить абсолютную экономическую эффективность и приходится переходить к оценке относительной экономической эффективности.

Задаче оценивания абсолютной экономической

эффективности должны сопутствовать следующие предпосылки. В о-первых, показатель эффекта W должен измеряться в стоимостной форме. В противном случае не представляется возможным сопоставить W и C . Во-вторых, показатель эффекта W должен отражать либо эффект в сфере материального производства, либо экономию уже имеющихся затрат. Это обосновывается тем, что эффект должен выражаться в стоимостной форме относительно реальной действительности. Из этого следует, что абсолютную экономическую эффективность почти всегда можно оценить в сфере материального производства и лишь в некоторых случаях – в сфере конечного потребления, в том числе и в промышленной технологии.

При оценивании абсолютной экономической эффективности в работе [1, с. 189] предлагается обратить внимание на содержательный смысл показателя W . Он может включать в себя весь эффект (в том числе и возмещение затрат) либо чистый эффект (сверх возмещения затрат). В зависимости от этого различным будет уровень достаточной экономической эффективности. Так, если $\Theta = W - C$, то в первом случае решение следует считать экономически целесообразным при $\Theta > 0$, а во втором случае такой показатель вообще плохо поддается содержательному анализу. Поэтому при оценивании абсолютной экономической эффективности необходимо четко выяснить смысл W . Возникает прагматический вопрос: когда же считать вариант решения абсолютно эффективным? Здесь можно предложить следующее **решающее правило**: вариант следует считать экономически целесообразным, если он обеспечивает не менее a процентов прибыли в год на вложенные средства. Тогда, видимо, возможна ситуация, при которой несколько вариантов обеспечивают абсолютную экономическую эффективность, т.е. дают прибыль более a процентов.

Задача оценивания относительной экономической эффективности возникает в следующих проблемных ситуациях:

- если трудно определить W более точно и достоверно;
- если необходимо добиться некоторого эффекта W по каким-либо другим причинам;
- если выразить W в самостоятельной форме невозможно, хотя в других единицах это можно сделать достаточно точно.

Для оценивания относительной экономической эффективности необходимо сопоставить как минимум два варианта решения. При этом экономически целесообразным считается вариант, имеющий максимальное значение показателя Θ . В каком виде можно оценивать этот показатель рассмотрим ниже. Сейчас же отметим лишь то важное обстоятельство, что вполне возможна ситуация, при которой вариант относительно экономически целесообразен, а абсо-

лютно – нет. В тех ситуациях, когда невозможно оценивать абсолютную экономическую эффективность, оценки относительной экономической эффективности можно случайно или преднамеренно трактовать как оценки абсолютной экономической эффективности. Именно этим обстоятельством и вызвана необходимость четкого понимания того, о какой эффективности идет речь. На основе рассмотренных выше положений попытаемся найти ответ на вопрос: как рассчитать эффект W ?

Пусть эффект W , по аналогии с [1, с. 203], выражается в стоимостной форме. Тогда значение показателя эффекта будет зависеть от времени его получения. Здесь вполне обоснована аналогия с влиянием фактора времени при оценивании затрат [1, с. 203], [2, с. 219]. Действительно, если мы оцениваем эффект на момент его получения (t_0), то он выражается натуральным значением W_0^c . Если же в момент t_0 мы оцениваем эффект W_T^c , который получим в будущем (в году T), то с учетом дисконтирования

$$W_0^c = W_T^c (1 + E_n)^{-T},$$

где E_n – нормативный коэффициент эффективности, который отражает средний эффект применения средств в различных областях.

Физически это хорошо понятно, ведь один и тот же натуральный эффект, но в разные годы, в момент t_0 оценивается по-разному. Полученный эффект, функционируя «в деле», принесет прибыль раньше, поэтому он оценивается нами выше.

Если же эффект распределяется во времени, т.е. ежегодно в течение T лет мы получаем эффект W_i^c , то при его оценке в момент t_0 , применяется формула

$$W_{0\Sigma}^c = \sum_{i=1}^T W_i^c (1 + E_n)^{-i}.$$

Если значение W_i^c постоянно и равно W_1^c , то

$$W_{0\Sigma}^c = \sum_{i=1}^T W_1^c (1 + E_n)^{-i} = W_1^c \sum_{i=1}^T (1 + E_n)^{-i}.$$

Применяя уже известные формулы, в предположении, что время T является конечным, это выражение можно записать в виде

$$W_{0\Sigma}^c = W_1^c \frac{(1 + E_n)^T - 1}{E_n (1 + E_n)^T}.$$

С учетом нормы амортизационных отчислений на реновацию P , выражаемой формулой

$$\frac{E_n}{(1 + E_n)^T - 1} = P,$$

получим

$$(1 + E_n)^T = \frac{E_n + P}{P}.$$

Тогда

$$\frac{(1 + E_n)^T - 1}{E_n (1 + E_n)^T} = \frac{1}{E_n + P}.$$

И, следовательно,

$$W_{0\Sigma}^c = W_1^c \frac{1}{E_n + P}.$$

Таким образом, на основе скалярной величины можно оценить эффект с учетом фактора времени. Заметим, что $W_{0\Sigma}^c$ – это оценка эффекта в момент времени t_0 , т.е. говорят, что эффект приведен к моменту времени t_0 . По своей сути он является интегральным и в то же время капитализированным (единовременным).

Поскольку приведенные затраты и эффект зависят от момента времени, то для их сопоставления очень важно, чтобы этот момент времени был одинаков для обоих показателей.

Кроме того, заметим еще одну важную особенность, имеющую большое практическое значение. Вместо раздельного учета фактора времени при определении затрат и эффекта можно вначале рассчитать чистый эффект за каждый год как $(W^c - C)$, а затем суммировать его с учетом фактора времени. Действительно, пусть имеем систему затрат K_0 (в году t_0), $C_i = C$, $\forall i$ и ежегодно получаем от этих затрат эффект $W_1 = W$. Тогда в каждый год фактически будет иметь место чистый эффект $(W - C)$. Но с учетом K_0 чистый эффект за T лет определяется выражением

$$\Theta = (W - C) \sum_{i=1}^T (1 + E_n)^{-i} - K_0.$$

В [2, с. 238] показатель приведенного годового экономического эффекта Θ_r рассчитывается по выражению

$$\Theta_r = \frac{\Theta (1 + E_n)^T E_n}{[(1 + E_n)^T - 1]}.$$

Тогда, с учетом соотношения для чистого эффекта Θ за T лет, выражение годового экономического эффекта преобразуется в следующий вид:

$$\Theta_r = (W - C) - E_n K_0 - \frac{E_n K_0}{(1 + E_n)^T - 1}$$

или

$$\Theta_r = (W - C) - (E_n + P) K_0.$$

Эти формулы получены при условии, что амортизация не включена в C . Если считать, что она включена в C , то формула будет иметь вид

$$\Theta_r = (W - C) - E_n K_0.$$

Удобство этих формул заключается в том, что практически расчет $(W - C)$ выполнить легче, чем сначала рассчитать отдельно $W_{0\Sigma}$ и $K_{0\Sigma}$, а затем определить их разницу.

Рассмотрим случай, когда W не выражается в стоимостной форме. Здесь можно оценить только относительную экономическую эффективность варианта принятия решения. То есть можно рассчитать, каков будет экономический эффект, если использовать данное решение вместо некоторого другого. Именно таков смысл будущего результата технико-экономического анализа. С содержательной точки зрения лучшим вариантом решения следует считать такой, который при минимальных затратах C обеспечивает получение заданного эффекта W или при заданных затратах C обеспечивает максимум эффекта W . Если каждый вариант принятия решения характеризуется вектором параметров $\bar{X}$, то формально сформулированные выше предложения можно записать следующим образом:

$$\begin{aligned} 1) C(\bar{X}) \Rightarrow \min_{\bar{X}}, & \quad 2) W(\bar{X}) \Rightarrow \max_{\bar{X}} \\ W(\bar{X}) = W_{\text{зад}}, & \quad C(\bar{X}) = C_{\text{зад}}, \\ g(\bar{X}) = 0, & \quad g(\bar{X}) = 0, \end{aligned} \quad (1)$$

где $g(\bar{X})$ – вектор ограничений на параметры $(\bar{X})$.

Как известно, $C(\bar{X})$ (в первом случае) и $W(\bar{X})$ (во втором случае) называют целевыми функциями, а остальные выражения – ограничениями. Первая задача носит название задачи минимизации затрат, а вторая – задачи распределения ресурсов. Решение этих задач подробно рассматривается в разделе прикладной математики «Исследование операций». При этом считается, что задача формализована в виде (1).

Методы решения зависят от вида целевой функции и ограничений. Если они линейны относительно вектора $\bar{X}$, то применяются методы линейного программирования. Если же некоторые из них не линейны, то применяются методы нелинейного программирования. Могут применяться и аналитические методы, например, метод неопределенных множителей Лагранжа. В этом случае современное состояние вопроса таково, что принципиальных трудностей при решении формализованных прикладных задач практически нет.

Наиболее часто для практических задач встречается случай, когда не удается формализовать задачу выбора лучшего варианта решения. Рассмотрим подробнее именно эту ситуацию. Она характеризуется тем, что имеется некоторый ряд возможных вариантов принятия решения, каждый из которых характеризуется показателями эффекта W_i и затрат C_i . При этом предполагается, что в ряде вариантов есть наилучший или близкий к наилучшему варианту. Уверенность в этом возникает потому, что ряд формируется квалифицированными специалистами, глубоко понимающими сущность принимаемых решений. Однако это не является достаточным условием.

Задачу выбора лучшего варианта среди многих можно свести к последовательности парных сравне-

ний, поэтому рассмотрим решение задачи только для выбора лучшего варианта из двух. Итак, пусть $W_1 > W_2$ и $C_1 > C_2$. Очевидно, что во всех других ситуациях лучший вариант определяется тривиально. Одним из возможных подходов к решению этой задачи и наиболее широко применяемым в экономическом анализе является метод, при котором производится уравнивание по эффекту W . По аналогии с [1, с. 214], это можно выполнить следующими способами.

Первый способ состоит в том, что для варианта с меньшим эффектом W_2 находят практически реализуемое добавление, которое повышает его эффект до W_1 , т.е.

$$W_1 = W_2 + \Delta W_2.$$

Вполне обосновано, что это добавление потребует дополнительных затрат (ΔC_2) . Тогда лучший вариант определяется величиной экономического эффекта (Θ)

$$\Theta = C_1 - (C_2 + \Delta C_2).$$

Если $\Theta > 0$, то лучшим следует считать второй вариант, а если $\Theta < 0$, то первый вариант. Однако такой способ уравнивания вариантов по эффекту не всегда легко реализовать.

Второй способ состоит в том, что уравнивание по эффекту осуществляется на более высоком уровне иерархии. Например, вместо уравнивания показателей эффекта отдельных образцов техники можно уравнивать эффект групп образцов техники W_{Σ} . То есть формируются две группы образцов с эффективностями $W_{\Sigma 1}, W_{\Sigma 2}$. При этом обеспечивается равенство

$$W_{\Sigma 1} = W_{\Sigma 2}.$$

Тогда, видимо, количество образцов в группировках будет различным (N_1 и N_2) и затраты на них будут разные ($C_{\Sigma 1}$ и $C_{\Sigma 2}$). Лучший вариант этой ситуации определяется величиной экономического эффекта

$$\Theta = C_{\Sigma 1} - C_{\Sigma 2}.$$

Если $\Theta > 0$, то лучшим следует считать второй вариант, а если $\Theta < 0$, то первый вариант. Этот подход часто проще реализовать на практике.

Таким образом, общий подход к выбору экономически целесообразного варианта принятия решения в случае, когда показатель эффекта W не может быть выражен в стоимостной форме, сводится к следующему:

1. Для любых двух вариантов производят уравнивание по эффекту W .
2. Корректируют затраты по вариантам с учетом уравнивания по эффекту.

3. Выбирают лучший вариант по минимуму затрат (или по знаку экономического эффекта одного варианта относительно другого).

4. Отбросив худший вариант, лучший вариант сравнивают со следующим из списка.

Так повторяют процедуру по всем вариантам.

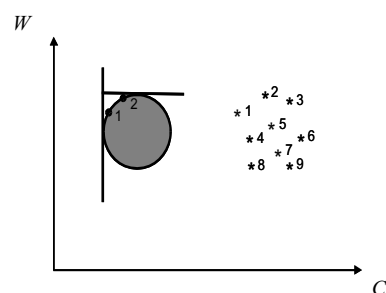
В этом алгоритме решения задачи выбора экономически целесообразного варианта принятия решения ключевым пунктом является процедура уравнивания вариантов по эффекту W . Несмотря на кажущуюся ее простоту, эта процедура чрезвычайно сложна и требует особого внимания. Именно она определяет адекватность расчета реальному состоянию дела, так как для формальных процедур уравнивания можно представить много ситуаций и для каждой из них можно получить количественный результат. Однако не все они будут соответствовать реальной ситуации, так как на практике уравнивание вариантов может производиться вполне определенным образом и не совпадать с формальным.

Рассмотрим случай, когда все же не удастся удовлетворительно уравнивать варианты по эффекту. Здесь можно сократить количество рассматриваемых вариантов на основе следующих принципов оптимальности [3, с. 86]:

- по Парето;
- идеальной и антиидеальной точки;
- равенства и квазиравенства;
- максимина и последовательного максимина;
- абсолютной и относительной уступки;
- главного критерия;
- лексикографического принципа и лексикографического принципа квазиоптимальности.

Наиболее часто в экономических исследованиях выделяют Парето-оптимальные варианты. Это такие варианты, улучшить которые по одному из частных показателей невозможно без ухудшения по другому показателю. В нашем случае каждый вариант имеет два частных показателя: W и C . На рисунке показаны две области возможных решений: непрерывная и дискретная. В непрерывной области Парето-оптимальные варианты расположены в северо-западном углу этой области. Действительно, если улучшить вариант 1 по W , то, переместившись в точку 2, ухудшим его по показателю C , и наоборот. В дискретной

области Парето-оптимальными вариантами будут варианты 1, 2 (вместо 9 рассматриваемых).

Парето-оптимальные варианты

Хотя применение критерия Парето и не приводит к выделению единственного варианта, тем не менее круг рассматриваемых вариантов существенно сужается. На новом множестве Парето-оптимальных вариантов можно сформулировать подходящий критерий оптимальности и выделить единственный вариант.

Таким образом, предлагаемый подход выбора лучшего варианта принятия решения имеет не только прагматическое значение, но и носит комплексный характер. Практическое значение данного подхода проявляется в возможности его применения как в формализованных, так и неформализованных прикладных задачах. Комплексность проявляется в возможности оценки эффекта по различным вариантам учета фактора времени.

Литература

1. Краснощекий, П.С. Математическое обоснование приложения методов декомпозиции для задач проектирования управленческих решений / П.С. Краснощекий и др.; под ред. проф. П.С. Краснощекого. – М., 1999.
2. Плащенко, В.В. Системные исследования: основы, методы, проблемы и пути их решения. Ч. 1. Теоретические и методические основы технико-экономических исследований / В.В. Плащенко. – Череповец, 2006.
3. Рыков, А.С. Методы системного анализа: многокритериальная и нечеткая оптимизация, моделирование и экспертные оценки / А.С. Рыков. – М., 1999.

УДК 338.439.053(470.12)

А.И. Попова

*Научный руководитель: начальник управления по экономической и финансовой работе
Комитета государственного заказа Вологодской области Е.А. Кирилцева*

АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ

В статье рассматривается современное состояние развития агропромышленного комплекса Вологодской области. Определены приоритетные направления развития агропромышленного комплекса области.

Агропромышленный комплекс, сельхозорганизации, предприятия пищевой и перерабатывающей промышленности.

The article considers the current state of development of agro-industrial complex of Vologda region. Priority directions of development of agro-industrial complex of region are defined.

Agro-industrial complex, the agricultural organizations, the enterprises of food and process industry.

Агропромышленный комплекс является важнейшей составной частью экономики Вологодской области, который объединяет все отрасли хозяйства по производству сельскохозяйственной продукции, ее переработке и доведению до потребителя. Он создает 5,2 % валового регионального продукта и производит 0,8 % валовой продукции сельского хозяйства страны.

В целях поиска «точек роста» агропромышленного комплекса Вологодской области необходима целостная картина его состояния, отражающая уровень развития отдельных направлений сельского хозяйства и отраслей пищевой и перерабатывающей промышленности, а также анализ существующих проблем и возможностей для развития.

Важнейшим звеном агропромышленного комплекса является сельское хозяйство. В 2009 году объем продукции сельского хозяйства в действующих ценах (по данным Росстата) составил 19 269,4 млн р. (97,7 % к уровню 2008 г.), в том числе объем продукции растениеводства – 6167,2 млн р., животноводства – 13 102,2 млн р. При этом на долю сельскохозяйственных организаций приходится 73 % общего объема, населения – 24,4 %, крестьянских (фермерских) хозяйств – 2,6 % (перевести в сопоставимые цены).

По данным сводной годовой бухгалтерской отчетности, в 2009 году численность занятых в сельскохозяйственных организациях сократилась на 3 % по сравнению с 2008 годом (с 24,5 до 23,7 тыс. человек).

Тем не менее сельскохозяйственные предприятия области остаются основными производителями молока (88 % от общего объема производства), мяса (81 %), яиц (97 %) и зерна (95 %). Производство овощей (86 %) и картофеля (78 %) сосредоточено в личных подсобных хозяйствах населения.

В 2009 году все категории хозяйств области произвели 465,9 тыс. т молока, что составило 96,8 % к уровню 2008 года по причине сокращения поголовья крупного рогатого скота на 10,8 тыс. голов, в том числе коров – на 6,3 тыс. голов. Тенденция снижения производства молока сохраняется.

В 2009 году в сельскохозяйственных организациях средний на-

дой молока от 1 коровы составил 4893 кг (рост на 2 % по сравнению с 2008 г.). При этом в передовых хозяйствах, например, в СХПК Племзавод-колхоз «Аврора» Грязовецкого района (8140 кг), в колхозе «Племзавод Родина» (7739 кг), в СХПК «Присухонское» Вологодского района (7551 кг) и других (в области 24 хозяйства с удоем свыше 6000 кг, в них сосредоточено 25,4 % поголовья коров и производится 35,5 % валового производства молока), надои соответствуют европейским показателям (например, в Германии они составляют 6 – 8 тыс. кг в год). Высокие надои, в первую очередь, достигаются за счет племенной работы и модернизации животноводческих помещений, увеличения поголовья коров класса «элита» и «элита-рекорд», освоения высокоэффективных технологий содержания, кормления и доения животных.

В 2009 году сократилось производство мяса во всех категориях хозяйств (96 % по отношению к 2008 г.). Производство яиц составило 575 млн шт. (т.е. 113 % к уровню 2008 г.), в том числе в сельскохозяйственных организациях – 557 млн шт. (114 % к уровню 2008 г.).

Уровень инвестиций в основной капитал организаций, не относящихся к субъектам малого предпринимательства, направленный на развитие сельского хозяйства по видам экономической деятельности, в 2009 году снизился на 33,60 % по сравнению с 2008 годом (табл. 1) несмотря на то, что с 2008 года началась реализация Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008 – 2012 годы.

Основными направлениями Государственной программы являются:

1. Устойчивое развитие сельских территорий.
2. Создание общих условий функционирования сельского хозяйства.
3. Развитие приоритетных подотраслей сельского хозяйства.
4. Достижение финансовой устойчивости хозяйств.

Таблица 1

Инвестиции в основной капитал, направленные на развитие сельского хозяйства по видам экономической деятельности, в фактически действующих ценах (млн р.)

	2005 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2009 г. к уровню 2008 г.
Всего	1075,6	2494,4	2242,9	1489,2	-33,60 %
В том числе:					
растениеводство	261,9	694,3	789,6	397,4	-49,67 %
животноводство	813,7	1790,7	1364,6	1088,4	-20,24 %
растениеводство в сочетании с животноводством		9,4	88,7	3,4	-96,17 %

При участии федерального и областного бюджетов (на условиях софинансирования) осуществляется финансовая поддержка 7 мероприятий (из 14 основных) по реализации Государственной программы по направлениям:

1. Устойчивое развитие сельских территорий (в рамках реализации федеральных целевых программ (ФЦП) и областной целевой программы (ОЦП) «Социальное развитие села до 2012 года»).

2. Поддержание почвенного плодородия (в рамках реализации ФЦП и ОЦП «Сохранение и восстановление плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения»).

3. Поддержка племенного животноводства.

4. Поддержка элитного семеноводства.

5. Повышение доступности кредитов.

6. Повышение финансовой устойчивости малых форм хозяйствования на селе.

7. Производство продукции промышленного рыболовства.

В оказанной в 2009 году государственной поддержке основную долю занимают субсидии на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам.

В 2009 году, помимо субсидий на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам, из федерального бюджета на поддержку отрасли на условиях софинансирования из областного бюджета были выделены субсидии:

– на компенсацию части затрат на приобретение минеральных удобрений – 48 737,6 тыс. р. (6,1 % от общей суммы поддержки);

– на поддержку племенного животноводства – 14701,5 тыс. р. (1,9 %);

– на поддержку производства льна – 9357,8 тыс. р. (1,2 %);

– на компенсацию части затрат по страхованию – 7031,0 тыс. р. (0,9 %);

– на поддержку регионально значимых программ – 2192,1 тыс. р. (0,3 %);

– на поддержку элитного семеноводства – 800,0 тыс. р. (0,1 %);

– на закладку и уход за многолетними насаждениями – 179,0 тыс. р.

Всего из федерального бюджета выделено 793 893,8 тыс. р.

Поддержка из областного бюджета в 2009 году была ориентирована на реализацию долгосрочных целевых программ и сглаживание ценового диспаритета в периоды напряженных сельскохозяйственных работ.

Субсидии из областного бюджета направлялись:

– на реализацию долгосрочной целевой программы «Развитие малого предпринимательства Вологодской области» – 3000,0 тыс. р. (0,3 %);

– участникам долгосрочной целевой программы «Развитие молочного животноводства Вологодской области» (возмещают часть затрат предприятий по модернизации отрасли и повышению ее эффективности) – 3039,6 тыс. р. (0,3%);

– на реализацию долгосрочной целевой программы «Сохранение и восстановление плодородия земель сельхозназначения» – 0 р. (финансирование

приобретения минеральных удобрений было осуществлено в декабре 2008 года в рамках антикризисных мероприятий);

– на приобретение горюче-смазочных материалов (регулируют диспропорции в ценообразовании на данные ресурсы в периоды наиболее напряженных сельскохозяйственных работ) – 149 605,8 тыс. р. (16,1 %);

– на животноводческую продукцию (стимулируют увеличение производства и реализации мяса скота и птицы, возмещают потери и убытки хозяйств от данной деятельности) – 89 089,35 тыс. р. (от 9,6 % общего объема господдержки);

– на возмещение части затрат производителей (сельскохозяйственные объединения, крестьянско-фермерские хозяйства, личные приусадебные хозяйства), связанных с уплатой процентных ставок по полученным кредитным ресурсам в рамках национального проекта и Государственной программы (способствуют модернизации отрасли, обновлению основных фондов) – 111 935,2 тыс. р. (12,0 %);

– на поддержку первичного семеноводства – 26 000,0 тыс. р. (2,8 %);

– на поддержку племенного животноводства – 20 385,6 тыс. р. (2,2 %);

– на содержание подведомственных учреждений – 115 800,7 тыс. р. (12,5 %);

– на другие виды поддержки.

Всего из областного бюджета выделено 929 978,3 тыс. р.

По данным годовой бухгалтерской отчетности сельскохозяйственных организаций, на их государственную поддержку выделено 1149,5 млн р. (в том числе из областного бюджета – 528,3 млн р.). Объем бюджетных средств на 1 га сельхозугодий составил 2758 р., на 1 р. выручки сельхозорганизаций приходилось по 10 к. вложенных бюджетных средств.

Однако в 2009 году сумма прибыли, как и число прибыльных сельхозорганизаций, значительно сократилась. Основная причина этого – ценовая конъюнктура на рынке молока и молочной продукции, сложившаяся не в пользу отечественных сельхозтоваропроизводителей.

За 2009 год прибыль до налогообложения в сельхозорганизациях области составила 328,2 млн р., в том числе за счет субсидий, отнесенных на прибыль, – 1207,9 млн р.

Из 277 сельхозорганизаций прибыль получили 153 в сумме 656,7 млн р. (в 2008 году 224 сельскохозяйственные организации получили прибыль на сумму 1245,8 млн р.). В 124 организациях сложился убыток в размере 328,5 млн р. (в 2008 году было 67 убыточных организаций на сумму убытка 134,8 млн р.).

При этом на 15 наиболее успешных сельхозорганизаций (с прибылью свыше 10,0 млн р.) приходится более 62 % прибыли прибыльных организаций и только 24,9 % общей суммы субсидий, отнесенных на прибыль прибыльных хозяйств.

Отрасли пищевой и перерабатывающей промышленности, в которых вырабатывается практически весь спектр мясных и молочных продуктов, продуктов хлебопечения и зернопереработки, так же как и отрасль сельского хозяйства, являются важнейшим звеном агропромышленного комплекса.

По данным статистики за 2001 – 2009 гг., удель-

ный вес продукции собственного производства в продовольственных ресурсах (без учета запаса на начало года, %) снизился на мясо и мясопродукты – и на 19,9 %, на молоко и молокопродукты – на 18,3 %, на яйцо – на 20,7 %, что свидетельствует о проблемах в пищевой и перерабатывающей промышленности (табл. 2).

Таблица 2

Удельный вес продукции собственного производства в продовольственных ресурсах (без учета запаса на начало года, %)

Показатели	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Мясо и мясопродукты	79,9	69,4	67,8	61,3	60
Молоко и молокопродукты	98,2	81,1	79,0	81,4	79,9
Яйцо	98,8	92,9	82,7	82,1	78,1

В настоящее время в области функционирует около 400 предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности, различных по техническому уровню и специализации. Общая численность работающих в перерабатывающей отрасли – свыше 14,5 тыс. человек, годовой объем производства промышленной продукции – более 16 млрд р.

Мясная и молочная отрасли – это самый крупный сегмент пищевой промышленности региона с развитой материально-технической базой и устойчивым функционированием крупных комбинатов. В общем объеме производства пищевой продукции в области предприятия по производству молочных продуктов мяса и мясопродуктов занимают более 55 %.

В 2009 году предприятиями молочной отрасли переработано 308 тыс. т молока, что на 12 тыс. т (4 %) меньше уровня 2008 года. Для промышленной переработки ввезено из-за пределов области 28 тыс. т молока – сырья молока. В 2009 году произведено 196,5 тыс. т цельномолочной продукции (-0,5 % к уровню 2008 года); 4,7 тыс. т масла животного (-6,0 %); 0,8 тыс. т сухого молока (-24,1 %). По данным госстатистики выборочного обследования до-

машних хозяйств, объем потребления молочных продуктов в 2009 году вырос на 2 % по сравнению с 2008 годом. Это свидетельствует о снижении конкурентных преимуществ у вологодских производителей в данной отрасли.

Кроме того, с начала 2009 года индекс производства мясной продукции (вместе с птицеперерабатывающей отраслью) составил 98 %. Произведено: 25,5 тыс. т колбасных изделий (-6,7 % к уровню 2008 года); 16,7 тыс. т полуфабрикатов (-6,3 %); 34,0 тыс. т мяса и субпродуктов 1-й категории (-2,4 %); 572 тыс. условных банок мясных консервов (+6,1 %). Однако специфика регионального мясного рынка такова, что его основной объем (95 % колбасных изделий и 80 – 85 % полуфабрикатов) обеспечивает готовая продукция местных производителей. В то же время для изготовления колбас и полуфабрикатов используется до 50 % завозного мясного сырья. Вследствие этого на промышленную переработку на мясоперерабатывающие предприятия области поступило около 45 % поголовья крупного рогатого скота, откормленного в сельскохозяйственных организациях области, и 38 % поголовья свиней.

Такое положение дел в пищевой и перерабатывающей промышленности свидетельствует о существующих проблемах.

Рассмотрим состояние материально-технической базы предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности области.

В 2008 году степень износа основных фондов на предприятиях пищевой и перерабатывающей промышленности области выросла на 5,2 % по сравнению с 2005 годом.

По данным Вологдастата, износ основных фондов предприятий по производству пищевых продуктов в конце 2008 года составил 37,9 %.

Загрузка производственных мощностей по выпуску основных видов продуктов питания достаточно низкая, исключение составляет производство мяса птицы (94 %), колбасных изделий (85 %). Это говорит о возможности увеличения объема выпуска продукции без дополнительных инвестиций в производственные мощности (табл. 3).

Таблица 3

Уровень использования среднегодовой мощности организаций по выпуску важнейших видов продукции*

Показатели	Использование среднегодовой мощности, %					
	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2009 г. к уровню 2008 г.
Мясо	52	55	55	57	57	0
Мясо птицы	77	87	92	96	94	-2
Колбасные изделия	84	83	85	87	85	-2
Консервы мясные	10	16	12	7	20	13
Консервы и пресервы рыбные		38	56	47	35	-12
Цельномолочная продукция (в пересчете на молоко)	67	72	64	60	59	-1
Масло животное	31	33	43	47	37	-10
Мука	61	56	54	58	70	12
Крупа	52	53	63	66	76	10
Хлеб и хлебобулочные изделия	37	34	37	42	38	-4
Макаронные изделия	11	3	3	9	9	0

* Без субъектов малого предпринимательства.

Современная российская практика показывает, что одной из эффективных форм организации являются агропромышленные холдинги. Деятельность наиболее крупных сельскохозяйственных товаропроизводителей в России построена по следующим моделям: организации развивают либо последовательные цепи производства от выращивания продукции до ее переработки, либо несколько направлений сельскохозяйственного производства.

В настоящее время создание агропромышленных комплексов является одной из форм выживания и успешной деятельности сельскохозяйственных предприятий, поскольку позволяет объединить воедино усилия по производству сырьевой базы, ее переработке и сбыту готовой продукции. Производителям сырья необходимы финансовые ресурсы, переработчикам – возможность контролировать качество сырьевой базы. Вся цепочка завершается сбытом продукции. Укрупнение форм организации производства дает возможность для выхода предприятий на рынки сбыта, так как для работы с крупными сбытовыми сетями требуются крупные финансовые вложения и возможность масштабных поставок продукции.

Объединение производителей в агропромышленные холдинги, с одной стороны, предоставляет больше возможностей для ведения бизнеса, а с другой – позволяет избежать угроз, которые постоянно сопровождают деятельность агропромышленных предприятий. Например, в настоящее время из-за возросших цен на зерно повышается стоимость кормов и соответственно себестоимость продукции животноводства.

Но если отдельные крупные предприятия имеют возможность вложений в перспективное развитие собственного бизнеса и относительно устоявшиеся каналы и рынки сбыта, то для небольших и средних товаропроизводителей развитие является проблемой, требующей комплексного решения. А между тем мелкие товаропроизводители продолжают выполнять важные функции в агропромышленном производстве – наибольшая часть сбора картофеля и овощей открытого и защищенного грунта осуществляется хозяйствами населения и крестьянскими хозяйствами. И если для небольшой части этих хозяйств существует возможность развиваться за счет вхождения в состав более крупных предприятий, то для объединения большого количества этих хозяйств мало предпосылок для развития посредством самостоятельного объединения. Это создает необходимость их поддержки со стороны государства.

Как одна из форм такой поддержки государством предлагается приоритетный национальный проект «Развитие АПК», по замыслу заключающийся большей частью в финансовой поддержке товаропроиз-

водителей. Развитие мелких форм хозяйствования является одним из основных направлений реализации национального проекта.

Однако далеко не все товаропроизводители имеют возможность попасть в программы по кредитованию: с одной стороны, банки не торопятся кредитовать мелких и средних товаропроизводителей, с другой стороны, сами товаропроизводители подчас не обладают необходимыми управленческими и экономическими знаниями. В данном случае крупные товаропроизводители также оказываются в более выигрышном положении, обладая большим опытом управления и необходимыми знаниями.

Таким образом, помимо использования финансовых механизмов поддержки малых и средних товаропроизводителей, необходимо развивать также управленческие и информационные механизмы. С одной стороны, региональные власти могут выступать в роли интегратора и распространителя информации, необходимой для развития предприятий региона, начиная с того, какие мероприятия необходимо осуществить для получения кредитов, и заканчивая накоплением информации о новейших технологических разработках и образцах управления, существующих в инвестиционных проектах. С другой стороны, создание информационно-консультационных центров впоследствии может стать одним из механизмов координации развития агропромышленного комплекса региона в целом. Деятельность подобных центров может быть направлена на оптимизацию развития отрасли. За счет изучения потребностей населения и конкретных товаропроизводителей можно более адресно распределять финансовые и людские ресурсы. Впоследствии данные мероприятия могут дать толчок для выхода на новый уровень развития, в частности, на создание в агропромышленном комплексе региона по подобию технопарка, развиваемого в сфере нефтегазового сервиса.

Литература

1. Анализ производственно-финансовой деятельности сельскохозяйственных организаций за 2009 год // Ведомственная статистика Департамента сельского хозяйства, продовольственных ресурсов и торговли Вологодской области. – Вологда, 2010.
2. Производство пищевых продуктов в Вологодской области / Вологдастат. – Вологда, 2010.
3. Сельское хозяйство Вологодской области в 2009 г. / Вологдастат. – Вологда, 2010.
4. Статистический ежегодник Вологодской области 2009 г. / Вологдастат. – Вологда, 2010.

УДК 338.24

А.С. Сахарова, М.И. Беркович

ОЦЕНКА УРОВНЯ РАЗВИТИЯ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО СЕКТОРА В РЕГИОНЕ

В статье рассматриваются негосударственные некоммерческие организации (НКО) предпринимательского сектора как фактор потенциала развития региона, предложен подход к их количественной оценке. Составлен авторский рейтинг регио-

нов Центрального федерального округа по уровню развития негосударственных некоммерческих организаций предпринимательского сектора.

Социально-экономическое развитие регионов, негосударственные некоммерческие организации предпринимательского сектора, количественная оценка уровня развития, рейтинг регионов.

The article covers non-state non-profit organizations of entrepreneurial sector as a factor of the potential development of the region, the approach to their quantitative estimation is suggested. The author's rating of regions of Central Federal district based on the level of the development of non-state non-profit organizations of entrepreneurial sector is made up.

Social and economic development of the regions, non-state non-profit organizations of entrepreneurial sector, quantitative estimation of level of development, rating of the regions.

Региональное развитие подвержено воздействию комплекса внешних и внутренних факторов, что обусловлено, в частности, сложной структурой экономики региона, разноплановостью составляющих ее элементов, социальной неоднородностью и множеством разноуровневых экономических и социальных связей. Этой проблеме посвящены исследования, которые изучают инфраструктурные, территориальные, демографические, трудовые, институциональные и другие особенности, определяющие специфику экономики региона, ее потенциал и структуру управления. В последнее время большее внимание стало уделяться социально-экономическим характеристикам, связанным с уровнем зрелости гражданского общества, человеческим капиталом как источником творческих возможностей. Поддержка и повышение социальной активности жителей являются важнейшими факторами социально-экономического развития как страны, так и конкретных регионов, направленными на достижение высоких стандартов качества жизни, высокого уровня экономики и развития гражданского общества.

Одной из наиболее эффективных форм участия граждан в функционировании региональной социально-экономической системы является деятельность общественных объединений и иных некоммерческих организаций. Анализ исследований, проводимых в данном направлении, показал, что условно их можно разделить на две группы:

1) разработки, определяющие степень включенности и роль негосударственных некоммерческих организаций в развитии социальной инфраструктуры города;

2) изучение деятельности объединений предпринимателей в содействии формированию и реализации экономической политики государства, нацеленной на создание благоприятных условий для развития предпринимательства, частной инициативы, конкуренции как средств достижения общей стратегической цели – повышения уровня жизни граждан.

В настоящем исследовании предпринята попытка объединить оба направления, при этом в качестве основных субъектов исследования выступают негосударственные некоммерческие организации, деятельность которых имеет значительную экономическую направленность. Назовем их негосударственными некоммерческими организациями предпринимательского сектора (ННОПС). В основу понятия

«предпринимательство» Й. Шумпетер заложил понимание предпринимательства как не рода занятий, а склада ума и свойства натуры. Он считал главной характеристикой предпринимателей – наличие творческой составляющей. К «предпринимательскому сектору» относятся не только все фирмы в стране, которые предъявляют спрос на факторы производства, создают предложение благ и осуществляют инвестирование [3], но и физические лица (индивидуальные предприниматели и отдельные граждане, имеющие активную жизненную позицию и соответствующие личностные качества), потенциальные возможности которых направлены на развитие и укрепление экономики регионов и ее отраслей.

Основная часть существующих исследований посвящена социально-экономическим характеристикам некоммерческих организаций (материальные, человеческие, организационные ресурсы, трудоустройство и др.), взаимодействию с органами власти и выработке рекомендаций по повышению эффективности данного взаимодействия. Информация о количественных характеристиках деятельности некоммерческих организаций на региональном уровне практически отсутствует. Развитие некоммерческих организаций можно выявить на основе программ социально-экономического развития отдельных регионов, в которых данный аспект обычно представлен отдельно. Эта ситуация объясняется, в частности, относительной недоступностью до недавнего времени официальной информации. В конце 2010 года Министерство юстиции Российской Федерации открыло Портал некоммерческих организаций Министерства юстиции Российской Федерации, где можно не только ознакомиться с нормативно-правовыми актами, зарегистрированными эмблемами и символами, информацией о зарегистрированных НКО, но и сформировать отчетность в электронном виде и опубликовать все данные в сети Интернет [1]. В связи с этим является обоснованной возможность определения количественных характеристик оценки уровня развития ННОПС в регионах.

С этой целью проведен анализ регионов Центрального федерального округа (ЦФО) по ряду показателей, в качестве которых приняты:

- количество ННОПС на 10 000 жителей;
- количество ННОПС на 1000 предприятий и организаций;
- количество ННОПС на 1000 предприятий малого и среднего предпринимательства (см. табл. 1).

Состояние ННОПС в регионах на 01.04.2011

Центральный федеральный округ, область	Количество некоммерческих организаций на 1000 жителей	ННОПС на 10 000 жителей	ННОПС на 1000 предприятий малого и среднего предпринимательства	ННОПС на 1000 предприятий и организаций	Количество предприятий малого и среднего предпринимательства на 1000 жителей	Количество предприятий и организаций на 1000 жителей
Белгородская	1,59	0,27	2,54	1,41	10,80	19,52
Брянская	1,24	0,29	5,10	1,74	5,61	16,44
Владимирская	1,19	0,50	4,28	2,10	11,59	23,63
Воронежская	1,54	0,41	4,84	1,65	8,40	24,69
Ивановская	1,53	0,45	5,45	1,66	8,26	27,16
Калужская	1,63	0,44	3,95	1,67	11,12	26,28
Костромская	1,41	0,49	4,73	1,87	10,44	26,37
Курская	1,55	0,30	3,93	1,58	7,76	19,28
Липецкая	1,20	0,36	4,11	2,00	8,83	18,09
Орловская	1,13	0,34	3,93	1,70	8,77	20,29
Рязанская	2,04	0,32	3,21	1,07	10,01	30,13
Смоленская	1,49	0,37	3,58	1,44	10,42	25,89
Тамбовская	1,22	0,21	3,19	1,20	6,62	17,60
Тверская	2,23	0,57	6,14	1,65	9,21	34,41
Тульская	1,22	0,46	4,20	1,85	10,98	24,98
Ярославская	2,02	0,52	2,85	1,53	18,26	34,04

Учитывая различные темпы развития регионов, дополнительно провели оценку следующих показателей:

- количество зарегистрированных некоммерческих организаций на 1000 жителей;
- количество зарегистрированных предприятий и организаций на 1000 жителей;
- количество зарегистрированных предприятий малого и среднего предпринимательства на 1000 жителей [2].

Для анализа использовались данные по ЦФО Российской Федерации, на территории которого сосредоточено около 1/3 всего населения, зарегистрированных некоммерческих организаций, предприятий малого и среднего бизнеса Российской Федерации (Москва и Московская область исключены как значительно отличающиеся от остальных субъектов РФ).

На основании полученных данных определено среднее значение каждого показателя по 16 регионам, обозначены регионы со значениями показателя развития по ЦФО выше среднего и ниже среднего (табл. 2).

Представленные данные позволили проранжировать 16 регионов по пяти из названных показателей (показатель «количество некоммерческих организаций на 10 000 жителей» использован как вспомогательный) и составить рейтинг регионов по уровню развития ННОПС на основании расчета среднего ранга, который определен как сумма множителей значений показателя (см. табл. 1), и соответствующего удельного веса, принятого по результатам экспертных оценок с учетом значимости в рамках данного исследования, в следующих значениях: ННОПС на 1000 предприятий малого и среднего предприни-

мательства – 0,3; ННОПС на 1000 предприятий и организаций – 0,28; ННОПС на 10000 жителей – 0,22; количество предприятий малого и среднего предпринимательства на 1000 жителей – 0,1; количество предприятий и организаций на 1000 жителей – 0,1 (табл. 3).

Анализ результатов, представленных в табл. 1 – 3, показал значительные различия в развитии негосударственных некоммерческих организаций предпринимательского сектора в регионах. Наиболее гармоничное развитие ННОПС по предложенным показателям наблюдается в Тверской, Владимирской, Костромской, Тульской, Ивановской, Калужской и Воронежской областях. Однако в нескольких из этих регионов наблюдается невысокий уровень предприятий и организаций и предприятий малого и среднего предпринимательства в расчете на 10 000 жителей. По абсолютным показателям наибольшее количество ННОПС зарегистрировано во Владимирской, Воронежской, Тверской, Тульской и Ярославской областях, наименьшее – в Тамбовской и Орловской. В таких областях, как Ярославская, Смоленская, Рязанская, Белгородская, зарегистрирован высокий показатель развития предпринимательства, но относительные показатели ННОПС на 1000 предприятий малого и среднего предпринимательства и предприятий и организаций характеризуются невысокими значениями. Так как в Брянской, Курской и Липецкой областях зафиксированы средние значения показателей ННОПС на 1000 предприятий малого и среднего предпринимательства и на 1000 предприятий и организаций, а также самое низкое количество организаций и предприятий малого и среднего предпринимательства в расчете на 1000 жителей, то данные области заняли нижние позиции рейтинга.

Таблица 2

Дифференциация регионов (областей) от среднего значения показателей развития по ЦФО

Количество некоммерческих организаций на 1000 жителей	Количество предприятий и организаций на 1000 жителей	Количество предприятий малого и среднего предпринимательства на 1000 жителей	ННОПС на 10 000 жителей	ННОПС на 1000 предприятий малого и среднего предпринимательства	ННОПС на 1000 предприятий и организаций
↑	Тверская				Владимирская
Тверская	Ярославская	Ярославская	Тверская		Липецкая
Рязанская	Рязанская	Владимирская	Ярославская	Тверская	Костромская
Ярославская	Ивановская	Калужская	Владимирская	Ивановская	Тульская
Калужская	Костромская	Тульская	Костромская	Брянская	Брянская
Белгородская	Калужская	Белгородская	Тульская	Воронежская	Орловская
Курская	Смоленская	Костромская	Ивановская	Костромская	Калужская
Воронежская	Тульская	Смоленская	Калужская	Владимирская	Ивановская
Ивановская	Воронежская	Рязанская	Воронежская	Тульская	Воронежская
					Тверская
Среднее значение					
Смоленская	Владимирская	Тверская	Смоленская	Липецкая	Курская
Костромская	Орловская	Липецкая	Липецкая	Калужская	Ярославская
Брянская	Белгородская	Орловская	Орловская	Орловская	Смоленская
Тульская	Курская	Воронежская	Рязанская	Курская	Белгородская
Тамбовская	Липецкая	Ивановская	Курская	Смоленская	Тамбовская
Липецкая	Тамбовская	Курская	Брянская	Рязанская	Рязанская
Владимирская	Брянская	Тамбовская	Белгородская	Тамбовская	
Орловская		Брянская	Тамбовская	Ярославская	
↓				Белгородская	

Таблица 3

Рейтинг регионов (областей) по уровню развития ННОПС

Регионы (области) Центрального федерального округа	Средний ранг	Место	Регионы (области) Центрального федерального округа	Средний ранг	Место
Тверская	6,79	1	Воронежская	5,31	9
Ярославская	6,63	2	Смоленская	5,19	10
Ивановская	5,74	3	Орловская	4,64	11
Костромская	5,73	4	Липецкая	4,57	12
Владимирская	5,50	5	Курская	4,39	13
Калужская	5,49	6	Брянская	4,29	14
Тульская	5,47	7	Белгородская	4,25	15
Рязанская	5,35	8	Тамбовская	3,76	16

В соответствии с действующим законодательством некоммерческие организации могут создаваться в форме общественных организаций (объединений), некоммерческих партнерств, фондов, ассоциаций и союзов, а также в других формах, предусмотренных федеральными законами. В рамках исследования выявлены основные организационно-правовые формы ННОПС. Установлено, что наиболее распространенной организационно-правовой формой создания негосударственных некоммерческих организаций предпринимательского сектора в регионах является некоммерческое партнерство, в форме которого зарегистрировано более половины всех ННОПС. В

форме общественной организации и объединения (союза, ассоциации) юридических лиц осуществляют деятельность около 1/3 ННОПС. Остальная часть зарегистрирована в форме объединения работодателей, торгово-промышленной палаты и ассоциации экономического развития.

Анализ отраслевой принадлежности существующих ННОПС в регионах позволяет сделать вывод о том, что она отражает структуру основных отраслей экономики в соответствующем регионе. Так, например, в Костромской области негосударственные некоммерческие организации предпринимательского сектора условно можно отнести к следующим отрас-

лям: деревообрабатывающая (Союз лесопромышленников и лесозэкспортеров Костромской области), ювелирная (Ассоциация ювелиров п. Красное-на-Волге, Гильдия ювелиров «Золотое кольцо Руси»), промышленное производство (Костромской союз промышленников), сельскохозяйственное производство (Агропромышленный союз Костромской области), машиностроение (Союз машиностроителей России), строительство (Союз строителей Костромской области), которые полностью соответствуют структуре экономики региона.

Предложенный авторами подход позволил оценить состояние и уровень развития негосударственных некоммерческих организаций предпринимательского сектора. Каждый регион представлен индивидуальной структурой ННОПС. В разных регионах количество ННОПС в абсолютных показателях отличается в 3 раза и более. Результаты рейтинга позволяют сделать вывод о наиболее высоком уровне развития ННОПС в Тверской, Владимирской, Костромской, Тульской, Ивановской, Калужской и Воронежской областях. Данное направление менее разви-

то в Белгородской, Липецкой и Тамбовской областях. Эта ситуация объясняется многими факторами, начиная от исторически сложившейся структуры экономики регионов, ее отраслей, уровня развития власти и заканчивая индивидуальными качествами руководителей негосударственных некоммерческих организаций предпринимательского сектора. Следующим этапом исследования является установление влияния уровня развития негосударственных некоммерческих организаций предпринимательского сектора на показатели социально-экономического развития региона.

Литература

1. Информационный портал Министерства юстиции Российской Федерации. – URL: <http://unro.minjust.ru>
2. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. – URL: <http://www.gks.ru>
3. Селищев, А.С. Макроэкономика / А.С. Селищев. – СПб., 2005.

НАУЧНЫЕ ИЗДАНИЯ ЧЕРЕПОВЕЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Технология проектирования информационного и программного обеспечения оптоэлектронных систем управления, контроля и прогнозирования качества агломерата: Монография / Ершов Е.В., Селяничев О.А., Селивановских В.В., Ганичева О.Г., Королева Е.В., Виноградова Л.Н., Хисамутдинов С.Н. – Череповец: ЧГУ, 2011. – 394 с. – ISBN 978-5-85341-455-6.

Монография посвящена общей характеристике методов и алгоритмов управления процессом спекания агломерационной шихты и проблемам контроля качества агломерата. Рассмотрены специальное математическое обеспечение оптоэлектронной системы управления спеканием шихты и контроля качества агломерата, алгоритмы управления процессом спекания шихты на основе анализа изображения поверхности спекаемого слоя и алгоритмы контроля качества агломерата на основе анализа макроструктуры излома агломерационного спека и анализа гранулометрического состава агломерата. Даны описание и результаты экспериментальных исследований алгоритмического обеспечения управления процессом спекания шихты и алгоритмов функционирования оптоэлектронной системы контроля качества агломерата.

Издание адресовано широкому кругу инженерно-технических и научных работников, занимающихся разработкой оптоэлектронных систем, студентам и аспирантам соответствующих специальностей.

ЭЛЕКТРОН ГРИГОРЬЕВИЧ ДЕМЕНТЬЕВ (1926 – 2004)

28 октября 2011 г. исполнилось 85 лет со дня рождения доктора филологических наук, профессора Электрона Григорьевича Дементьева.

Судьба этого незаурядного человека отразила трагический XX век с его историческими и политическими парадоксами. Сын репрессированного «красного профессора», он не любил, когда ругали Советскую власть. Воспитанный в духе научного атеизма, на идеях французских просветителей, он с легким скепсисом смотрел на интеллигентские поиски Бога, хотя никогда не мог оскорбить религиозные чувства простой старушки. Люди, со стороны воспринимавшие его экзотический профессорский облик, навык блестящей элоквенции, вряд ли предполагали, что Э.Г. Дементьев любил физический труд. Тяжелая работа на военном заводе в годы войны закалила его и научила уважению к простому народу. Его часто можно было застать за беседой с вахтером, уборщицей. В то же время многие помнят Электрона Григорьевича как непримиримого врага невежества, лености, непрофессионализма, косности. Ко всему и всегда он был страстен: к обожаемой им зарубежной литературе и искусству, к библиотекам и музеям, к труду и отдыху, к людям и животным.

Электрон Григорьевич родился в Москве в 1926 г. В 1931 г. семья переехала в Ленинград. С 1935 по 1938 г. он находился с отцом в Республике Казахстан. В начале 1938 г. его отца расстреляли (в 1958 г. посмертно реабилитировали). Перед Великой Отечественной войной семья вернулась в Ленинград. С 1941 г. Электрон Григорьевич – ученик слесаря-лекальщика на военном заводе. В 1942 г. семья (вместе с заводом) эвакуировалась в г. Уфу. После войны Э.Г. Дементьев вернулся в родной Ленинград. Окончив ЛГПИ им. Герцена, он поступил в аспирантуру к профессору Б.Я. Гейману. После защиты кандидатской диссертации в 1952 г. он работал в различных вузах СССР. В 1959 – 1981 гг. Э.Г. Дементьев преподавал в Дальневосточном государственном университете и Дальневосточном институте искусств. В 1981 г. он переехал с семьей в г. Череповец и до самой смерти работал сначала в ЧГПИ им. А.В. Луначарского, а затем в ЧГУ.

Опубликовав монографию о романе Великой французской революции в 1969 г., он защитил докторскую диссертацию только в 1983 г. В этот период он учился в докторантуре МГУ и неустанно работал над своей темой, собирая рассеянную по библиотекам и музеям информацию, уточняя, проверяя и перепроверяя ее. Так же долго он работал над монографией о романе Лесажа «Жиль Блас». Стилем его работы стало кропотливое, дошное собирательство. И как это было не похоже на его бесконечные фантастические рассказы! Удивительно, но он постоянно придумывал свою биографию. Э.Г. Дементьев стеснялся рассказывать о своих действительных заслугах, но расцвечивал свою жизнь фантазиями. Многие люди на просторах нашей Родины, бывшей и настоящей, и в первую очередь исследователи и преподаватели зарубежной литературы, помнят этого яркого человека, интересного рассказчика, оригинального мыслителя.

Е.Е. Соловьева

«ПИШУ ТОЛЬКО, ЧТОБЫ „ПРИЙТИ“ В СЕБЯ ОТ СУЕТЫ...»: ПОЭТИКА «ДНЕВНИКОВ» ПРОТОИРЕЯ АЛЕКСАНДРА ШМЕМАНА

«Дневники» всемирно известного литургиста и богослова прот. Александра Шмемана рассматриваются в статье с точки зрения категории жанра. Обращение к методам описания, сложившимся в науке при анализе как литературной, так и аутентичной диаристики, позволяет выявить и охарактеризовать такие аспекты дневникового жанра, как адресат, язык, метадискурс, осознанные и неосознанные мотивы ведения дневника. Делаются выводы об особом, литургическом характере «Дневников» о. Александра.

Литература non-fiction, автодокументальные тексты, жанр, дневник, прот. Александр Шмеман, типология дневников, литература русского зарубежья.

The “Diaries” of the world famous liturgist and theologian protopresbyter Alexander Schmemmann are considered in the article from the point of view of the genre category. The reference to the methods of description which have developed in the science at the analysis of literary and authentic diaristic, allows to reveal and characterize such aspects of a diary genre, as addressee, language, meta-discourse, realized and unconscious motives of conducting a diary. Conclusions about special, liturgical character of Alexander’s “Diaries” were made.

Literature non-fiction, auto documentary texts, genre, diary, protopresbyter Alexander Schmemmann, typology of diaries, literature of Russian abroad.

Значимым литературным событием начала XXI века стала публикация в издательстве «Русский путь» в 2005 г. дневников известного богослова и литургиста, выходца из семьи русских эмигрантов первой волны прот. Александра Шмемана. О. Александр увенчал своим творчеством культурную традицию русской эмиграции и в то же время оказался открыт к европейской и американской культурам. В силу особой литературной одаренности он творчески воплотил в дневниках, которые он вел с 1973 по 1983 гг., синтез различных культурных традиций. Восемь тетрадей, найденных в столе его кабинета в Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке, являются не только историческим документом, свидетельствующим о жизни «русского» Парижа или автокефальной Православной Церкви в Америке; не только источником оригинальной богословской и философской мысли, но и своеобразным литературным феноменом, стиль и жанр которого заслуживают специального изучения.

В течение последних лет не утихают споры вокруг церковных, общественных, философских проблем, поднятых прот. Александром [1], [10]. В жанре рецензий и критических эссе отозвались на выход «Дневников» Г.С. Померанц [11], Б. Любимов [8], Е. Невзглядова [9] и др. Появляются работы, в которых дневники о. Александра становятся предметом собственно литературоведческого рассмотрения [4], [12]. Нам представляется целесообразным предложить анализ «Дневников» прот. Александра с точки зрения категории жанра, обратившись к тем методам описания, которые сложились в науке при анализе как литературной, так и аутентичной диаристики.

Одной из центральных проблем при описании текстов дневникового жанра является проблема ад-

ресата. Богатая история жанра дневника содержит немало примеров стремления дневниковедов адресоваться или к широкой аудитории, или к кругу особенно близких лиц: воспитателям, родителям, друзьям, детям, единомышленникам и т.д. Существовала традиция чтения дневников в дружеском кругу. Подобного рода адресатов дневники о. Александра однозначно не имеют: об их существовании не знали даже его ближайшие родственники; дневники были обнаружены в ящике стола в рабочем кабинете о. Александра после его кончины.

Однако, как отмечают исследователи дневникового жанра, даже в ситуации отсутствия прямого адресата «присутствие мысли о публике» «имеет решающее влияние на то, о чем и как говорится»: «Друг, возлюбленный, мать, Бог, будущее Я, – какие бы роли ни присваивались автором адресату, присутствие последнего становится влиятельным Ты для диариста. Оно оформляет отбор деталей внутри журнала и способ конструирования Я (self-construction) диариста» [15, с. 97 – 98].

Такого рода «неперсонифицированная „адресованность“, „диалогичность“» [9, с. 98] может быть обнаружена и в исследуемых дневниках. О ее наличии свидетельствуют редкие, но все же присутствующие в дневниках языковые конструкции, подразумевающие наличие адресата. «Подробностей описывать не в силах» [14, с. 393], – пишет о. Александр после церковного собора в Монреале так, как будто есть кто-то, кто ждет от него этих подробностей. «Первое утро в Каире. Еще ничего не видел, кроме отеля, о котором ниже...» [14, с. 415] – обещает он своему неведомому читателю. В качестве такого читателя выступает, прежде всего, он сам в своем будущем или внутреннем бытии. В дневниках неодно-

кратно встречаются записи о перечитывании о. Александром тетрадей предыдущих лет: «Перечитывал вчера эту тетрадку. С ужасом вижу, что за целые месяцы – никакой продукции!» [14, с. 272]; «Перелистал, ища в столе эту тетрадку, записи 1974 и следующих годов. Все те же жалобы на заедающую, уничтожающую меня жизнь, суету» [14, с. 428]; «Пробежал прошлую тетрадь этих записок. Все вариации на одну и ту же тему...» [14, с. 497]. Как отмечает К. Кобрин, если автор дневника «хочет потом сам читать свой дневник, то он не может не представить на своем месте другого» [7, с. 291]. Вероятно, эта невольная объективация и дает о себе знать в приведенных выше конструкциях. Однако, прежде всего, дневники о. Александра адресованы не к этому внешнему объективированному «я», а к тому «я», которое выявляется в самой динамике ведения дневников и которое можно обрести, только поднявшись над «здесь» и «сейчас». Отсюда включение в дневник юношеских записок, моментов перечитывания ранних тетрадей; попытки уловить ключевые, центральные «темы» своего интеллектуального и духовного пути. Поиск себя является своего рода лейтмотивом «Дневников»: «Пишу только, чтобы „прийти в себя“ от суеты: телефонных звонков, разговоров, вопросов. Чтобы как-то найти, встретить себя» [14, с. 139].

Эта встреча с собой осуществляется в диалоге с тем, что условно можно назвать «сверх-ты», – евангельским текстом, богослужением, природой, высокой поэзией: «Маленький фон уныния в душе, и, как всегда, поразительный, „в самую точку“ ответ на него Апостола и Евангелия» [14, с. 301]; «Пятьдесят семь лет! И как некое *memento mori* – утром в больнице кардиограмма, просвечивание легких, и все это на фоне сентябрьского хрустального и лучезарного дня...» [14, с. 434]; «Идя сегодня утром от утрени... вспоминал строчки Ходасевича, которыми „упивался“, когда мне было пятнадцать-шестнадцать лет, и они были для меня каким-то „прорывом“, прикосновением к таинственному блаженству...» [14, с. 114]. Это «сверх-ты» можно назвать вторым постоянным адресатом о. Александра. Именно с ним соотносится все в жизни автора дневников, оно выявляется как незримая сущность всего самого ценного и дорого, становится критерием подлинности всех феноменальных явлений. По сути, соотнесение себя со «сверх-ты» – это опыт реального богообщения, прикровенно выражаемый о. Александром: «Почти всегдашнее ощущение в жизни – *другого, главного*, что во всем присутствует, но ни с чем не отождествляется» [14, с. 574].

Третий «неперсонифицированный адресат» «Дневников» о. Александра обусловлен полюсами «свой – чужой» и связан с их автором не вертикально, а горизонтально. С одной стороны, это те люди, книги, жизненные явления, которые опознаются автором «Дневников» как близкие, свои, созвучные: «Завтрак сегодня... с двумя советскими искусствоведами Владимиром и Натальей Тетерятниковыми... Впечатление очень симпатичное и светлое» [14, с. 217]; «Книга вся в тональности счастья и благо-

дарности и этим сразу – близкая мне...» [14, с. 257]. С другой – все то, что вызывает у о. Александра отторжение, неприятие, отталкивание: «Получил вчера 117 номер „Вестника“. Номер – в религиозной своей части – посвящен монашеству... Прочтя эту часть, все думал: что „коррежит“ меня в ней?» [14, с. 271]; «Мне чужд, невыносим, кажется фальшивым в первую очередь теперешний христианский „discours“» [14, с. 355]. Тот неявный адресат, то дневниковое «чужое ты», с которым о. Александр находится в постоянной внешней и внутренней полемике, – это различные проявления зла «мира сего» и «ужасающая фальшь „религиозности“» [14, с. 9], все формы христианства без Христа. Это «чужое ты» опознается им в очередном «семинарском кризисе», в случайной встрече с группой старообрядцев, в исповеди студентов, в газетах и журналах, в телевизионных новостях и, чаще всего, в различного рода церковных конференциях и совещаниях. Полемика с «чужим ты» подчас обретает в дневниках диалогическую форму, оппонирующий голос становится явным, заявляет о своих сомнениях и аргументах: «Мне скажут: а диалоги Платона» [14, с. 356]; «Но тогда, скажут, зачем Церковь, зачем таинства и т.д.?» [14, с. 593]; «Я знаю, что все это легко говорить» [14, с. 605].

Чем острее переживал о. Александр свою «инаковость» по отношению к церковной среде («Зато иногда с особой силой чувствую, что то, что других привлекает в Церкви, в христианстве и т.д., мне чуждо, а то, что меня интересует, захватывает, радует и убеждает, – то чуждо столь многим вокруг меня» [10, с. 368]), тем большую потребность он ощущал в «своем ты». Помимо родных, друзей, коллег, в круг «своего ты» попадают писатели, философы, богословы, в трудах которых Шмеман находит источник подлинности, и совершенно не знакомые ему люди, услышавшие его голос и откликнувшиеся на него: «Одна молодая женщина, абсолютно мне не знакомая: „Я хотела Вам написать по прочтении „Of Water and Spirit“, чтобы сказать, что Ваша книга ответила на все мои вопросы...“ Это моя мечта – писать для людей, а не для богословов. И когда узнаешь, что это удается, – большая радость» [14, с. 213]. Именно этот «свой» адресат и обусловил, по мнению редактора «Дневников» Е.Ю. Дорман, тот факт, что они не были уничтожены автором: «Я думаю, что он думал <...> о ЗАВЕЩАНИИ своим близким и сотрудникам <...> За это говорит и то, что они (дневники. – Ю.Б.) остались в семинарии, а не дома, то есть не только на усмотрение жены <...> а – всем. Он прекрасно знал, какое значение он имел для семинарии и вообще для ОСА (The Orthodox Church in America. – Ю.Б.), знал, что ничего „завещательного“ специально для них не написал, знал, что они этого в некотором роде ждут, оставаясь „сиротами“. Он им как бы себя „во плоти“ оставлял» [из частной переписки].

Наконец, назовем еще одного адресата, постоянно присутствующего в сознании о. Александра Шмемана во время написания дневников. Это «ты – другой», с которым можно спорить, полемизировать, не соглашаться, но вне диалога, с которым оказыва-

ется не выявленной ни собственная позиция, ни собственная экзистенция. В первую очередь таким «другим ты» для о. Александра оказывается А.И. Солженицын, с которым Шмемана связывало сначала заочное знакомство через радио «Свобода», и Н.А. Струве, затем близкая личная дружба и, наконец, до конца жизни сложные полемические отношения. О. Александр отдает себе отчет в том, какую роль играет личность Солженицына в его жизни: «А на глубине сознания, почти в подсознании – непрекращающийся спор с Солженицыным, словно весь смысл того, что с ним происходит, – в нашем с ним „единоборстве“, что именно нам – мне и ему – суждено столкнуться на „узкой дорожке“. Словно для меня это вопрос „экзистенциальный“ – ошибся ли я в том, что я в нем услышал... или нет...» [14, с. 217]. На уровне текста дневников этот адресат проявляет себя в постоянных отсылках о. Александра к его точке зрения, введение которой маркировано круглыми скобками с указанием имени: «Ибо теперь оно (христианство. – Ю.Б.) занято „миром сим“ и „будущей российской государственностью“ (Солженицын...)» [14, с. 237]; «Думал вчера по пути из Патерсона – не пора ли подводить итоги, уступать место молодым (как этого „требуется“ Солженицын)?» [14, с. 188].

Особое место в описании дневникового дискурса занимает вопрос о языке, на котором он ведется [5, с. 24 – 25]. В целом дневники прот. Александра Шмемана написаны по-русски – на языке, который был для о. Александра родным. Однако в них активно присутствуют также английский и французский языки, хорошо знакомые автору благодаря долговременному жительству во Франции и Америке. Отдельные выражения в дневниках даны на церковнославянском, латинском, греческом и даже испанском языках. Единичные вкрапления испанского языка [14, с. 290] связаны с посещением о. Александром Мексики; латинский (реже – греческий) язык используется для связи слов в предложении (*ergo, vice versa*), при употреблении богословских терминов (*ex traditione* [14, с. 247]), крылатых слов и выражений (*hinc et nunc* [14, с. 219]); сферой употребления церковнославянского языка становится цитирование православных богослужебных текстов («душеполезную совершивше čtyредесятницу...» [14, с. 270]).

Английский и французский языки представлены в дневниках, в первую очередь, цитатами из англо- и франкоязычных книг, прочитанных о. Александром. Немалую часть дневниковых записей составляют отзывы о книгах и выписки из них, сделанные, естественно, на языке оригинала. В дневниках нет явного доминирования французских или английских цитат, но есть некоторая разница в круге «английского» и «французского» чтения. Если по-английски о. Александр, как правило, читает «бесконечное число самых разнообразных биографий» [14, с. 236] и, так называемой, литературы нон-фикшн (письма К. Льюиса и Фланнери О’Коннор, биографии Э. Каммингса и У. Липмана, воспоминания жены Пауля Тиллиха и т.п.), то по-французски, помимо биографической литературы, он читает современную

философию (М. Фуко, М. Элиаде, Ф. Арьесу), поэзию (П. Клодель, П. Валери) и художественную прозу (А. Жид, Ж. Грин, П. Леото).

Второй по значимости повод для перехода на английский или французский язык – топонимы. При этом названия стран и городов, как правило, пишутся по-русски, а названия районов города, озер, селений, улиц, аэропортов, кафе и т.п. – на языке той страны, где в данный момент находится о. Александр. На оригинальном языке приводит он также названия книг, газет, журналов, статей, попавших в поле его зрения.

Закономерно, что поездки в Париж к матери и брату сопровождаются увеличением в дневнике записей на французском языке. Французский для о. Александра – язык его детства и юности, язык, на котором усваивались ценности европейской культуры, формировалось сознание и самосознание. Поэтому о. Александр переходит на французский, когда хочет выразить какое-то сложное душевное движение, часто призывая на помощь поэтические цитаты: «Пока Л. у парикмахера, устраиваю себе „pèlerinage aux sources“¹» [14, с. 234]; «...короткое свидание с Репниным, это всегдашнее „прикосновение к детству“, своего рода *chanson sans paroles*...²» [14, с. 235].

Английский язык в дневниках о. Александра – язык современности, язык того мира, в котором ему сейчас приходится жить. Поэтому английские слова и выражения активно используются о. Александром, когда речь идет о реалиях американской жизни и культуры: от названий праздников (Thanksgiving Day) до ключевых понятий западной цивилизации: «Некий образ Америки, специфически американской смеси добродушия, идеализма, материализма, активизма, психологического „keep smiling“». С ними легко и приятно. Но чувствуешь все время, почему, как только некая поверхностная гармония этой смеси нарушается, происходит страшный обвал („depression“). Потому что нет в ней места, куда „уложить“ подлинное горе, трагедию, а может быть, и настоящую радость» [14, с. 391].

К. Вьолле и Е.П. Гречанная, анализируя дневниковые тексты, обращают внимания на их «метадискурс», то есть на «авторскую рефлекссию о самом дневнике, о его целях, задачах, проблемах ведения» [5, с. 23]. Подобного рода записи встречаются и в дневниках о. Александра Шмемана. На протяжении 10 лет, в течение которых велись дневники, о. Александр неоднократно ставил перед собой вопрос, какую роль в его жизни играют эти «тетради». Замечательно, что слово «дневник» по отношению к своим записям о. Александр не употребляет.

Рефлексия о. Александра о своем дневнике позволяет выделить как минимум три цели его ведения.

Первая из них связана с желанием «соприкоснуться с самим собой», пережить экзистенциальную глубину своего существования, постоянно ускользающую в ежедневном потоке дел и забот. «Touch base (соприкоснуться с самим собой) – вот в моей

¹ «Паломничество к истокам» (по местам детства).

² Песня без слов.

суетной жизни назначение этой тетради. Не столько желание все записать, а своего рода посещение самого себя, „визит“, хотя бы и самый краткий. Ты тут? Тут. Ну, слава Богу. И становится легче не раствориться без остатка в суете» [14, с. 74]; «Пишу только, чтобы „прийти в себя“ от суеты: телефонных звонков, разговоров, вопросов. Чтобы как-то найти, встретить себя» [14, с. 139]; «Открываю эту тетрадь буквально как зеркало – чтобы убедиться, что я еще есть» [14, с. 308]. Смысловым вариантом той же цели встречи с самим собой может быть задача преодоления социальных ролей, обретения целостности: «И вот, по-видимому, задача этой тетради, инстинктивная в ней нужда: сохранить в себе *все*, не дать себе сузиться до чего-то одного: „декан Св.-Владимирской семинарии“, „литургист“ и т.д.» [14, с. 136].

Вторая цель ведения дневника выявляется для самого о. Александра далеко не сразу. Пятого июня 1976 г., спустя 3,5 года после начала ведения регулярных записей, он фиксирует в своей очередной тетради: «Давно по-настоящему ничего не записывал. Но не потому, что „нечего писать“, а потому, что в эти суматошные дни и недели все равно не удалось бы записать по-настоящему мысли, что приходили в голову, ту, никогда во мне, в сущности, не прекращающуюся *rêverie*, в „рекордировании“ которой единственный смысл этой тетрадки» [14, с. 280]. Французское существительное „*rêverie*“, которое переводится на русский язык как мечтательность, задумчивость, у о. Александра, видимо, обозначает непрестанные усилия ума и сердца по выявлению сокровенных смыслов происходящего в его собственной, церковной, общемировой жизни. „*Rêverie*“ – не просто рациональная активность, а скорее какая-то внимательная пассивность, вслушивание, результаты которого нужно уловить и письменно зафиксировать на страницах «тетрадей».

И наконец, третья цель дневника, являющаяся автору в моменты его перечитывания, – обретение целостного взгляда на свою жизнь, на свою личность, попытка взглянуть на себя с позиции ценностно-завершающей «внеаходимости». М.М. Бахтин, размышляя о проблеме внутреннего человека, писал: «Изнутри меня самого души как данного, уже наличного во мне ценностного целого нет, в отношении к себе самому я не имею с ней дела, мой саморефлекс, поскольку он мой, не может породить души, но лишь дурную и разрозненную субъективность...» [3, с. 124]. При этом человек испытывает потребность понять, осознать себя как нечто целое и оформленное. «Внутренняя жизнь – душа – оформляется или в самосознании, или в сознании другого» [3, с. 126]. Отсюда, вероятно, тяга о. Александра к чтению биографий, дающих возможность увидеть жизнь личности в ее целом с позиции «избытка временного видения», заключающего в себе завершающие жизнь человека границы рождения и смерти. Безусловно, что «избыток временного видения», о котором пишет Бахтин, в ситуации дневника весьма относителен, но все же и он дает о. Александру повод размышлять о внутреннем стержне, внутренней доминанте, определяющей цельность его личности.

«Ошибся тетрадью и перечитал несколько страниц из тетради 1973 года. „Горная встреча“ с Солженицыным, тогдашние чтения и волнения. А на глубине – „все об одном“... О том, что *просвечивает* в жизни, в мире все время, что одновременно и *печаль* (печаль по Боге) и *радость*, в их единственно чистом виде и потому – слиянии...» [14, с. 294]; «Перечитывал, перелистывал эту тетрадку. Впечатление такое, что в нее „стекается“ все то, чем я по-настоящему – „изнутри“ – занят, но чем не занимаюсь „вовне“. Кто это – Бергсон? – говорил, что у каждого философа по-настоящему только одна идея (прозрение? интуиция?) и только ею он и занят по-настоящему. Видит Бог, я не считаю себя философом. Но если применить к себе эту кличку в самом общем ее смысле – применимом ко всякому, кто хоть сколько-нибудь „размышляет“, – то моей идеей, моим „вопросом“, я думаю нужно признать идею *отнесенности*. Отнесенности всего к Царству Божьему как открытию и содержанию христианства» [14, с. 372 – 373].

Рефлексия по поводу процесса ведения дневника включает в себя размышления о внешних и внутренних условиях, необходимых для его ведения. Одним из таких условий является наличие у жизни внутреннего ритма: «Не писал давно, из-за занятости, спешки, какой-то основной „неустроенности“, неритмичности моей жизни...» [14, с. 455]. В то же время записи в дневнике осознаются как нечто более легкое, чем книжное или устное слово, как нечто способное прояснить устную недосказанность или помочь расписаться перед началом работы над статьей или книгой: «...Почти полная невозможность сесть за работу. Все валится из рук, кажется ненужным. Чтобы „разогнаться“, написал письмо Никите, теперь вот пишу это...» [14, с. 297]; «Записываю, потому что сам не могу себе объяснить, зачем я это сказал» [14, с. 13].

На страницах «тетрадей» о. Александра есть место и тому, что исследователи называют «борьбой» с дневником [5, с. 26], – моментам скепсиса, сомнения в его нужности. У о. Александра эти сомнения связаны, в первую очередь, с его отношением к слову, с пониманием невозможности высказать себя: «Смешно, как эта тетрадка, то есть „общение“ с нею, становится постепенно потребностью. Мне, в сущности, нечего записывать сейчас: волнения: болезнь Сережиных детей, привычные и обычные трудности с мамой и с ее характером; семинарские дела, деловой завтрак вчера с Lutge, разговор с владыкой Дмитрием, все то, что буквально „съело“ эти дни, все это записывать не только не стоит, а и невозможно. Поэтому тетрадка на деле есть, конечно, *бегство* от всего этого, необходимость хоть немного „отрешиться“ и прикоснуться к чему-то более глубокому в самом себе. Однако и прикосновение это не опишешь... <...> Нельзя же каждый день писать о соотношении обнажающихся золотых деревьев с небом, о падающих листьях... <...> Записанное превращается в ненужную и дешевую „лирику“. Но речь не о ней и не в ней дело...» [14, с. 222].

Знаменательно завершение этого пассажа: «речь», взволнованное объяснение, внезапно завер-

шается многоточием, умолкает, как бы смиряясь перед невозможностью «описать» свою глубину и до конца объяснить даже с самим собой. О. Александр мучительно и остро переживает, что живет в особой языковой ситуации: «Наша эпоха создала постепенно не только новый язык, но и новое „чувство языка“. Причина этого двойная: „идеологизм“ (утверждение как конкретного, реального того, чего на деле нет...) и, более банально, отрыв культуры от жизни, творчество из ничего — и потому из „ничего“ и состоящее, безответственная игра форм и структур [14, с. 245].

Особой формой метадискурса в дневниках о. Александра можно назвать прием закавычивания слова, то есть постоянной рефлексии по поводу его употребления. Кавычки в тексте дневников могут быть сигналом «чужого» слова, прямого цитирования; могут быть свидетельством о постоянной рефлексии автора, живущего в иноязычной языковой среде, по поводу языка, на котором ведется дневник, но чаще всего кавычки у о. Александра — это знак какой-либо искаженности бытия самого слова, его ущербности, лживости или недостаточности для выражения истинных смыслов.

Так, с одной стороны, о. Александр чувствует потребность взять в кавычки слова, которые современная ему эпоха наполнила новыми смыслами, искажившими, а иногда и просто перечеркнувшими смыслы исконные¹: «Сегодня утром — после утрени — длинный разговор с J.L., молодым студентом, об его „дружбе“ с Я.Р. — другим старшим студентом. Как говорить об этой извечной проблеме, как уберечь? От эмоциональности, сентиментальности, от этих под приторным покровом религиозной фразеологии и чувственности расцветающих „дружб“, в которых уже ощущается головокружение перед пропастью» [14, с. 131]. С другой стороны, в кавычки берется слово как бы недотягивающее до того смысла, который автор стремится им передать. Например, почти всегда закавыченными оказываются слова «прорыв», «касание», если речь идет о встрече с вечностью, с реальностью Божественной жизни. Иногда эту несостоятельность земного языка передать внешнюю реальность подчеркивает целый ряд слов, взятых в кавычки, как будто изнемогающих перед поставленной задачей: «...что делать с „опытом“, „радостью“, „прозрачностью“, то есть таинством в подлинном эсхатологическом смысле и содержании этого слова» [14, с. 359]. Закавыченным в дневнике может оказаться и слово новой эпохи, которое сам о. Александр наделяет смыслом, не тождественным общепринятому. Он обнаруживает духовную сущность слова, современным миром предназначенного для выражения сугубо поверхностных, механических или экономических смыслов: «Вечером — речь президента о борьбе с инфляцией. Чего, однако, никто

не говорит и, очевидно, не понимает, что „инфляция“ — это. прежде всего, состояние духовное, психологическое, форма сознания. Весь мир стал „инфляцией“: слов, переживаний, самого отношения к жизни» [14, с. 114].

Анализ метадискурса напрямую подводит нас к вопросу о мотивах, побудительных причинах ведения дневника. О.Г. Егоров полагает, что «зачастую подлинный мотив ведения дневника скрыт» для его автора и располагается в сфере «бессознательного»: «...Дневник выполняет компенсаторно-заместительную функцию. Он замещает или компенсирует те содержания психики автора, которые не находят выхода в других формах» [6, с. 19]. Подобного рода мотивы находит в дневниках прот. Александра Шмемана Г.С. Померанц: «Шмеман, искренний по натуре, уставал от канонов (а грубо говоря — от штампов), неизбежных в любом церковном разговоре, в любой церковной службе. Каноны Православия не менялись полторы тысячи лет, а люди менялись. Современный священник стал другим человеком. Он пришел из мира, где идет становление личности. <...> Он (о. Александр Шмеман. — Ю.Б.) открыл в душе свой собственный источник, из которого льются подлинные слова. <...> В аудитории, на лекции, — его „помазание“. А писать для печати труднее, каждая написанная фраза перебивает полет вдохновения. И выход был найден — в дневнике» [11, с. 350].

С точки зрения Р. Барта, «оправдание дневника как произведения может быть только литературным». Отсюда и мотивы его ведения следует искать исключительно в литературной сфере: «создать текст, окрашенный некоторым индивидуальным письмом, некоторым „стилем“»; «рассеивать, распылять в тексте следы своей эпохи»; «доказывать, что „я лучше, чем то, что я пишу“ (в книгах)»; «превратить Дневник в кузницу фраз, не „красивых“, а точных» [2, с. 248]. При этом традиционные мотивы ведения дневника, связанные «с благотворным действием „искренности“ (высказать, осветить, оценить себя)», Барт ставит под сомнение: «Ведь после психоанализа, сартровской критики самообмана и марксистской критики идеологий всякая исповедальность стала тщетной» [2, с. 247].

Однако нам представляется необоснованной попытка искать мотивы ведения дневников прот. Александром Шмеманом в бессознательной или в литературно-имитационной сфере. Не только потому, что в нем чрезвычайно велики были усилия по пониманию самого себя и общей жизни, но и потому, что к нему совершенно не применимо то представление о внутренней установке дневниковеда, которое считается исследователями основным. Так, Р. Барт пишет: «В дневниковой ситуации — именно оттого, что в ней не приходится „работать“ (преобразовывать самого себя трудом), — „я“ становится позером» [2, с. 246]. Для о. Александра как раз наоборот — дневники становятся пространством постоянного труда, своеобразного жизнестроительства, смысл которого не в этическом или аскетическом делании, а в обретении мистической глубины, высоты, подлинности. Осознанию «позы» и уходу от нее о. Александр учится в тех

¹ Прием написания «нового» слова в кавычках о. Александр отмечает, например, в дневниках П. Леото: «Он пишет „les jeunes“ в кавычках, потому что это слово стало означать что-то новое, какую-то собирательную „молодежь“, что-то — и в этом все дело — чего в действительности нет» [14, с. 245].

дневниках, которые часто и охотно читает. Так, «Литературный дневник» Поля Леото вызывает у него восхищение «правдивостью, беспощадностью в изображении, пересказе самого себя, „смирением“, без какого бы то ни было знания о нем»: «Он обличает во мне всякую духовную дешевку, ненужное возбуждение, пристрастие к красивым словам, как-то внутренне освобождает» [14, с. 244].

С нашей точки зрения, если какие-то мотивы ведения дневника и не выявлены самим о. Александром, то не в силу их «бессознательной» природы, а в силу невозможности увидеть что-то в самом себе изнутри собственной жизни, без ценностно-завершающей временной дистанции. В августе 1968 г., за пять лет до начала ведения дневников, состоялся разговор о. Александра Шмемана и его зятя свящ. Фомы Хопко, во время которого о. Александр сказал: «When I die, you can write my in memoriam in one brief paragraph <...> You just have to say that my whole worldview, my whole life, could be summed up in one little sentence: two ‘nos,’ one ‘yes,’ and eschatology – two ‘nos,’ one ‘yes,’ and the Kingdom to come»¹ [16]. Характерна много раз повторенная затем в дневниках установка – понять, сформулировать свою главную тему, то, что определило «whole life» (целую жизнь), и понимание того, что эта целостность может быть выявлена и окончательно сформулирована только после смерти.

Мотивы ведения дневника о. Александром следует искать в сфере духовной, в области, выводящей человека за пределы эмпирического существования. Дневники о. Александра – это постоянное вопрошание: что есть «я», но не сам по себе, как замкнутая в себе монада, а в диалоге с другими, с миром, с Богом; что есть «я» в свете целожизненного Призвания и Служения. Поэтому когда болезнь поднимает его на последнюю высоту – о. Александр умолкает, дневник становится ненужным: «Восемь месяцев – не писал сюда ни слова. И не потому, что нечего было сказать: никогда, пожалуй, не было столько мыслей, и вопросов, и впечатлений. А потому, пожалуй, что все боялся той высоты, на которую подняла меня моя болезнь, боялся „выпасть“ из нее» [14, с. 652].

Ценностно-завершающий взгляд на дневники о. Александра позволяет нам говорить об их литургичности (от греч. λειτουργία – общее служение), об особом рода «таинстве» приобщения к Царству, которое свершается на их страницах. Будучи пресвитером Церкви, человеком, предстоящим пред престолом и приносящим бескровную жертву за себя, за Церковь, за весь мир Божий, о. Александр и в своем дневнике отвоевывает у мира сего, собирает и возвращает в Небесное Царство «всех и вся»: Чехова и Леото, Солженицына и Мандельштама, живущих и ушедших, друзей и людей, знакомых только по статьям и книгам, Париж, Нью-Йорк и Лабель – и всё то, на что хватает его любящего сердца.

Литература

1. Агапов, О. Экзистенциально-феноменологические штудии. Тема свободы в творчестве протопресвитера Александра Шмемана / О. Агапов // Вестн. Самарской гуманитарной акад. Сер. «Философия, филология». – 2010. – № 1 (7). – С. 61 – 70.
2. Барт, Р. Дневник / Р. Барт // Ролан Барт о Ролане Барте. Ad Marginem / Сталкер. – М., 2002. – С. 246 – 261.
3. Бахтин, М.М. Автор и герой в эстетической деятельности / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. – СПб., 2000. – С. 9 – 227.
4. Воронин, Т.Л. Культура и поэзия в «дневниках» о. Александра Шмемана / Т.Л. Воронин // Вестник ПСТГУ. III Филология. – 2008. – Вып. 2 (12). – С. 86 – 92.
5. Вьолле, К. Дневник в России в конце XVIII – первой половине XIX в. как автобиографическое пространство / К. Вьолле, Е.П. Гречанная // Изв. Акад. наук. Сер. лит. и яз. – М., 2002. – Т. 61, № 3. – С. 18 – 36.
6. Егоров, О.Г. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра: Исследование / О.Г. Егоров. – М., 2003.
7. Кобрин, К. Похвала дневнику / К. Кобрин // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 61. – С. 288 – 295.
8. Любимов, Б. Православный протестант?.. / Б. Любимов // Новый мир. – 2006. – № 7. – С. 176 – 182.
9. Невзглядова, Е. «Радость, которая твердо держится в душе». Феномен Шмемана / Е. Невзглядова // Звезда. – 2007. – № 1. – С. 165 – 185.
10. Парфенов, Ф. «На нас надвигается новое средневековье...» Размышления над «Дневниками» протоиерея Александра Шмемана / свящ. Филипп Парфенов // Континент. – 2007. – № 132. – С. 324 – 341.
11. Померанц, Г.С. Поиски подлинного. Александр Шмеман в зеркале Дневников / Г.С. Померанц // Континент. – 2008. – № 135. – С. 348 – 359.
12. Проскурина, Е.Н. Слагаемые авторского сознания в дневниках протоиерея Александра Шмемана / Е.Н. Проскурина // Критика и семиотика. – Новосибирск, 2009. – Вып. 13. – С. 69 – 85.
13. Савкина, И. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века / И. Савкина. – М., 2007.
14. Шмеман, А. Дневники. 1973 – 1983 / прот. Александр Шмеман. – М., 2005.
15. Culley, M. Introduction to A Day at a Time: Diary Literature of American Women from 1764 to 1985 / M. Culley // Women, Autobiography, Theory: A Reader / Ed. By Sidonie Smith and Julia Watson. – Madison, 1998. – Цит. по: Савкина И. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. – М., 2007.
16. Hopko, T. Two «nos» and one «yes». Delivered at the Divine Liturgy, December 16, 1983 / Thomas Hopko. – URL: <http://www.schmemann.org/memorial/1984.svtq8.hopko.html>

¹ Когда я умру, ты можешь написать некролог обо мне в одном коротком параграфе. Скажи просто, что все мое мировоззрение, вся моя жизнь могут быть выражены одной короткой поговоркой: два «нет», одно «да» и эсхатология; два «нет», одно «да» и Грядущее Царство.

ЕВРОПА В ВОСПРИЯТИИ «РУССКОГО ЕВРОПЕЙЦА»: PRO AND CONTRA («ПАРИЖСКИЕ ПИСЬМА» П.В. АННЕНКОВА, «ДНИ» Б.К. ЗАЙЦЕВА)

Статья посвящена проблеме русского европеизма, которая трактуется как специфическое явление русской культуры и русской литературы. Его константные черты и индивидуальные особенности рассматриваются на примере документально-жанра «европейского путешествия». Сопоставление в контексте этой проблематики творчества писателей XIX и XX веков П.В. Анненкова и Б.К. Зайцева позволяет реконструировать облик русского европейца в рамках смысловой парадигмы эмигрант/путешественник.

Русский европеец, гуманизм, просвещенный либерализм, оппозиция путешественник/эмигрант, культуроцентризм.

The article is devoted to Russian Europeanism, which is interpreted as a specific phenomenon of Russian culture and Russian literature. His constant characteristics and individual characteristics are considered on the example of the documentary genre, "European Travel". The comparison of writers of 19th and 20th centuries in the context of this issue: P.V. Annenkov and B.K. Zaitseva – allows reconstructing the image of Russian European within the semantic paradigm of an emigrant /traveller.

Russian European, humanism, enlightened liberalism, opposition, traveller / emigrant, culture.

П.Я. Чаадаев в своем «Философическом письме» (1828) заметил, что все мы русские «имеем вид путешественников» [6, с. 36], и соотнес эту национальную особенность с идеей бездомности. Однако рядом с типом «русского скитальца» (или совмеща с ним) в отечественной культуре и литературе сформировалась иная ипостась образа русского путешественника – «русский европеец», который «был дома везде» [5]. В этом случае речь идет о человеке, обладающем европейской системой ценностей, особой ментальностью, способностью чувствовать чужую культуру как свою и одновременно сохранять позицию вменяемости. Эти концептуальные признаки наиболее отчетливо обнаруживают себя в документально-публицистическом дискурсе, в произведениях, тема которых связана либо непосредственно с европейскими впечатлениями автора, либо с его осмыслением исторического опыта Западной Европы сквозь призму документально-биографических текстов.

В качестве примера можно рассмотреть цикл путевых очерков П.В. Анненкова «Письма из-за границы» (1841 – 1843, 1846 – 1847), появившихся в результате его европейского путешествия, и книгу очерков Б.К. Зайцева «Дни» (1939 – 1945), написанную в эмиграции. Общее в них – позиция просвещенного либерализма, для которого человеческая личность, ее права и достоинство, гражданская свобода, а также «культуроцентричность» являются главными приоритетами.

П.В. Анненков – первый биограф А.С. Пушкина; мемуарист, оставший воспоминания о Гоголе, Белинском, И.С. Тургеневе, «замечательном десятилетии» 1840-х гг.; литературный критик эстетического направления, публицист – является также автором двух циклов писем из-за границы, напечатанных в журналах «Отечественные записки» (в 1841 – 1843 гг.) и «Современник» (в 1846 – 1847 гг.). В заграничных письмах Анненкова органично взаимодействуют публицистический и эстетический дискурсы. С одной стороны, они передают внешние

впечатления автора от увиденного, оставляя его фигуру в тени (повествователь и автор здесь одно и то же лицо), «документируют» события, обладают ярко выраженной прагматической функцией. С другой стороны, здесь ясно видны авторские предпочтения, его общественная позиция, коммуникативная стратегия, наконец, свойственное эстетическому дискурсу образное начало.

Сама цель путешествия Анненкова носит, прежде всего, познавательный характер. «Для меня, скромного жителя севера, странствующего для назидания своего...» [1], – замечает он в одном из писем. В этом смысле его корреспонденция сохраняет традицию «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина, хорошо знакомых Анненкову, – традицию интеллектуального путешествия. Уже в первом письме, рассказывая о впечатлении от острова Борнгольм, Анненков объясняет свою первоначальную реакцию следующим образом: «Не поверите, как живо представилась мне комната, в которой читал я, сидя за столом, измаранным чернилами и изрезанным перочинными ножичками, длинную книгу под заглавием „Сочинения Карамзина“» [1, с. 5]. Осматривая рейнский водопад, Анненков старается соблюсти тот самый порядок, которому следовал Карамзин; как он замечает: «...позднее осуществление одного из самых ранних, юношеских моих мечтаний!» [1, с. 75].

Письма Анненкова свидетельствуют о том, что он был хорошо знаком с историей и искусством Европы еще в России. В них появляется множество известных имен европейских ученых, литераторов, музыкантов, художников, политиков; и встреча с местами, где они жили, делает для него эту историю куда более понятной и потому близкой, а Европа из мифа, существующего в его сознании, превращается в реальность. Отдельные места, где останавливается русский путешественник, известны ему по какой-то связи с событиями европейской истории или знаменитыми людьми, которые здесь бывали, знакомы по литературным текстам. Так, в итальянском городке

Феррара, как пишет Анненков, «первое дело было кинуться ко дворцу, где жила прекрасная Леонора д'Эсте» [1, с. 23], в которую, по преданию, был влюблен Торквато Тассо. Первое впечатление от Германии, которую он наблюдает из окна общественного экипажа, вызывает у автора писем ассоциации с Гете: «...всюду на улицах, земле, строениях, камнях, людях выражение благосостояния и довольства, которые в единый момент пояснили мне «Германа и Доротею» Гете и действительность этого поэтического произведения» [1, с. 6].

В первом цикле – «Письмах из-за границы» – Анненков пишет о ряде стран, в которых он был: Германии, Швейцарии, Италии, Франции; во втором – «Парижских письмах» – непосредственно о французских впечатлениях, особенно важных для него. Восприятие этих стран путешественником складывается из нескольких составляющих: природы, облика городов, включая памятники архитектуры, характера общественной жизни, быта. Анненков каждый раз стремится передать индивидуальность страны, в которую он приезжает, того или иного города. Пространственная точка зрения путешественника включает в себя и общую панораму города, и какие-то конкретные его уголки, сочетает крупный и частный план. Уже в Любеке, первом немецком городе, с которого начинается узнавание Европы, у русского путешественника возникает ощущение другого пространства: «Поразительны эти узкие улицы, эти огромные дома, страдающие чахоткой, дома в семь и восемь этажей, с готическими фасадами, выступами, балконами, завитками, и все так тесно, так сжато, что скрывает свет Божий, и кажется, что идешь не по улице, а по ущелью, образовавшемуся от раздвоения огромной скалы» [1, с. 6]. Непривычный архитектурный стиль – это первое, что, естественно, обращает на себя внимание путешественника.

Описывая знаменитый Миланский собор, путешественник сравнивает его с «лопнувшим бураком фейерверка, который выкинул в небо сотни звезд с огненными хвостами» [1, с. 37]. «Особенно замечательно в этом соборе, – продолжает Анненков, – что он был последним усилием готизма в Европе, и поэтому уж не найдете вы в нем фантастических барельефов, узоров, высеченных в камне, за которыми трудно следить глазу, всего того, что в германском готизме и в некоторых странах Италии поражает разгулом, прихотью воображения. Все в нем правильно, чисто и симметрично» [1, с. 37].

Для Анненкова познание Парижа тоже начинается с архитектурного облика города, его знаменитых достопримечательностей: Пале-Рояль, Нотр-Дам, Пантеон и пр. В письмах Анненкова возникает панорама Парижа, увиденная с одного из мостов: «С правой стороны тяжелый, массивный Лувр соединяется длинною галереей с Тюльери, закрывая от глаз площадь Карусель и триумфальную арку Наполеона. За Тюльери идет его сад, оканчивающийся у площади de la Concorde, с ее Лукзорским обелиском, с которой уже начинаются Champs Elysees, оканчивающиеся опять триумфальной аркой de l'Etoile. Поверните направо от Тюльери и вы выйдете на Вандомскую

площадь, а с нее на знаменитые бульвары, на эти бульвары, преисполненные магазинов, рестораторов, театров, где столько было кровавых сцен и еще будет! С левой стороны реки видны на небе два купола – Пантеона и Инвалидного дома, составляющие как будто восклицательные знаки этому берегу...» [1, с. 51].

Прожив достаточно длительное время в разных европейских странах, Анненков тем не менее не воспринимает Европу как нечто единое, цельное; не случайно у него практически нет понятия «европеец», а есть определения «француз», «англичанин», «немец», «итальянец». Очевидно, он не может говорить и о каких-то единых европейских ценностях (в отличие, например, от И.С. Тургенева), хотя по косвенным замечаниям и оценкам можно представить его собственные аксиологические ориентиры, которые соотносены с жизнью европейцев.

Позиция Анненкова – это позиция просвещенного либерализма, для которого человеческая личность, ее права и достоинство, гражданская свобода и гражданское общество являются главными приоритетами. С этой точки зрения он и оценивает характер общественной жизни европейских стран. Анненков замечает ее консервативность, даже стагнацию, в Италии, Австрии и Германии. И потому очевидное благополучие и устроенность этого мира, на что он сразу обращает внимание, не исключают для Анненкова возможности критического отношения к этому миру. В Швейцарии, например, крайнее удивление вызывает у него абсолютная автономия кантонов, которые почти никогда между собой ни о чем не могут договориться. «Право, на месте этих швейцарцев, – пишет он, – наложил бы я на себя руки, а они гуляют, курят, рассуждают об Америке, и один даже на упрек мой, что как не стыдно пить кофе с ромом и целый вечер смотреть, как другие играют в бильярд при таком отчаянном состоянии отечества, отвечал мне флегматически: „Мы любим споры!“ [1, с. 39]. Любуясь в окрестностях Франкфурта садом с бесчисленными виллами, дачами и домиками, Анненков чуть иронично отмечает, что они «дышат таким выражением благосостояния, что мнитесь, будто из каждого светлого окошечка выглядывает по банкиру...» [1, с. 72]. Вместе с тем, как пишет он в очерке «Гамбург», созданном в тот же период, что и письма, «я здесь не встретил гамбуржца, который мог бы объяснить конституцию своего города. Они так спокойны, так свободны, так благополучны, что не хотят знать причин всего этого» [1, с. 246]. Конечно, в подобных суждениях общего характера есть и момент влияния национальных стереотипов, который, очевидно, неизбежно включает в себя воспринимающее сознание.

По контрасту с этими странами (Австрией, Италией и Германией) Анненков замечает предельное оживление общественной жизни во Франции, особенно в Париже. Впечатления от Парижа в письмах 1841 – 1843 и 1846 – 1847 гг. значительно отличаются друг от друга. Доминирующая интонация писем первого цикла – удивление, восхищение. Второй цикл является куда более сдержанным по тону и

оценкам. Отличаются они и самим характером авторского внимания к тем или иным сторонам жизни большого города. Если в первый период жизни в Париже (7 месяцев) Анненкова в большей мере занимают достопримечательности города, яркие события, то во второй (больше года) – его повседневная, будничная жизнь. Здесь уже нет описания архитектурных памятников улиц, площадей и пр. Анненков возвращается в город, хорошо ему знакомый и внутренне «пережитый».

Однако для Анненкова важны не только внешние проявления нового для него мира, но и внутренняя, в том числе духовная, культура той или иной страны, открывающаяся ему в музеях, картинных галереях, театрах, университете, литературе, журналистике и наконец, в религиозной жизни народа. Анненков явно настроен не только на узнавание, но и на понимание другой национальной ментальности и потому, будучи иностранцем, не испытывает почти неизбежного в этой ситуации «культурного шока». Анненкова интересует жизнь европейского общества во всем многообразии ее составляющих, однако приоритетом для него все-таки оказывается искусство, причем как искусство классическое, «образцовое», которым он наслаждается в Италии, так и искусство современное, олицетворением которого для него становится французская живопись, выражающая характер и дух времени. В то же время Анненков сталкивается в Европе, как ему кажется, с «совершенным равнодушием общества к литературе и литераторам» [1, с. 15]. Подчас русский путешественник, действительно, проявляет больший интерес к европейскому писателю, чем его соотечественники. Так, в Германии, когда Анненков упоминает в разговоре с кем-то из случайных собеседников, сколько он заплатил за томик Гейне, то по глазам его видит (как иронически замечает в письме), «что он рассчитывает, сколько в этих деньгах стаканов пива...» [1, с. 9].

В отличие от тех представителей русской интеллигенции, которые, подобно известным литературным героям Вл. Бельтову, Рудину, Версикову и др., чувствовали себя чужими и в Европе, и в России, Анненков сохраняет внутреннюю связь с отечеством. Сам опыт знакомства с Европой давал ему возможность посмотреть на общественную ситуацию в России со стороны, ибо судьба собственной страны в конечном счете была главным предметом его раздумий и внутренним импульсом его жизни и деятельности. В то же время автор писем открыт западному миру, куда он приезжает не как эмигрант или «русский скиталец с мировой тоской», а как русский европеец.

В своих главных составляющих подобное восприятие Европы повторяется в документальном тексте совсем другого периода – очерках Б.К. Зайцева «Дни» (1939 – 1945). Европа представлена здесь в двух временных ракурсах: воспоминаниях автора-повествователя о поездках во Францию, Италию, Бельгию, Германию в начале XX века и сегодняшнего дня, когда он узнает Европу в эмиграционный период. Познание чужого мира, новые впечатления всегда были для Зайцева внутренней, органической

потребностью. «Всегда мне казалось, – пишет он в дневнике, – что жизнь – это смена путешествий, вплоть до последнего» [3].

В этом суждении угадывается столь характерная для русской ментальности метафора «жизнь – путь», истоки которой можно обнаружить еще в средневековой литературе (например, в «Поучении» Владимира Мономаха), а также реальная тяга русской интеллигенции к путешествиям, особенно – открывающим ценности западной культуры. В то же время все это воспринимается несколько иначе в эмигрантский период его жизни.

Как писал Б.К. Зайцев, «эмигрантство есть драма и школа смирения» [3, с. 231]. Европа не потеряла от этого для русской интеллигенции своей привлекательности, но воспринималась на фоне покинутой родины; и этот ностальгический привкус невольно менял восприятие, ощущение страны, куда приезжали эмигранты. Эта оппозиция (эмигрант/путешественник) будет постоянно присутствовать в прозе Б.К. Зайцева.

В поездках по Европе, о которых вспоминает Зайцев, его больше всего занимали европейское искусство, города и природа чужих стран; в меньшей мере – люди. Отсюда постоянный структурный элемент дневников и очерков – описание памятников архитектуры, облика городов, ландшафта тех мест, где он бывал. Господствующей при этом становится эстетическая точка зрения. Это впечатления путешественника и одновременно человека искусства, которому важно увидеть все это не только на страницах альбома, но и непосредственно, «вживую». Интерес к европейской литературе делает для Зайцева особенно притягательными места, связанные с известными писательскими именами.

Любимой европейской страной для Зайцева была Италия – традиционное место паломничества русской интеллигенции. Русская литература начала «осваивать» ее еще в начале XIX века, поэтизируя и отчасти мифологизируя страну, которую воспринимала как эталон гармонии и красоты. Этот угол зрения сохранится и в дальнейшем. «Что может сравниться, – пишет Зайцев в дневнике, – с гармонией, музыкальной живописи итальянской?» [3, с. 49]. В очерке «Письмо другу» (1947) он словно восстанавливает те события и чувства, которые они испытали во время первого путешествия в Италию: «Италия нас полонила. Да, мы ей поклонялись. Отрицаешься ли ты от этого теперь? Я – нет. Да и ты, конечно. Что в юности полюбили, с тем и уйдем. Мы любили свет, красоту, поэзию и простоту этой страны, детскость ее народа, ее великую и благостную роль в культуре. То, что давала она в искусстве и в поэзии, означало, что „есть“ высший мир. Через Италию шло откровение творчества. <...> Вот тогда, в наши юные годы, живя где-нибудь на via Belsiana в Риме или во Флоренции, в двух шагах от капеллы Медичи, как гордились мы тем, что живем в стране великой культуры. Великая культура есть великая человечность» [3, с. 90]. Характерно, что для Зайцева эстетический критерий всегда соединяется с этическим, в данном случае – с гуманистическим.

В Италию Зайцев впервые приехал в 1904 году, и встреча с ней началась с Флоренции. Здесь он купил томик Петрарки. Ясно, что это имя было знакомо каждому образованному человеку, но Зайцеву важно было почувствовать близость к поэту на его земле. Он приезжает в маленький городок, где жил Петрарка, чтобы увидеть его дом, почувствовать саму атмосферу жизни итальянского поэта (очерк «Конец Петрарки»). И в рассуждениях о Петрарке появляется определение «мой», хотя и применительно к книге: «Оттуда родом мой Петрарка – нехитрое издание, но в переплете с корешком из ослиной светлой кожи. Он уехал со мной в Россию, долго жил там. По нему я несколько и вошел в его мир» [3, с. 227]. В описаниях Зайцева книга персонифицируется, сливаясь с ее автором.

Самое значимое для Зайцева явление итальянской культуры – это, безусловно, Данте. По-настоящему Зайцев открывает для себя Данте именно в Италии. «Собственно тогда я ничего не знал о ней (Италии. – *Н.В.*), – пишет он в очерке «Семь веков». – Но как город этот (Флоренция. – *Н.В.*) сразу ударил и овладел, так и семисотлетний гражданин его Алигиери Флорентинец. Не могу точно вспомнить, но наверное знаю, что он поразил сразу – профилем своим, легендой, неким веянием над городом. Началась болезнь, называемая любовью к Италии, несколько позже и к самому Данте» [3, с. 365]. Отсюда – перевод Данте, книга очерков «Италия», художественные произведения, где отразились итальянские впечатления. Зайцев воспринимает выдающиеся произведения итальянской литературы как нечто абсолютно близкое. Приведу характерный для него оборот: «Как сказано у Данте нашего» [3, с. 91]. Он способен почувствовать родственность своей судьбы судьбам любимых итальянских поэтов, прежде всего, – странничество, близкое скитальчеству. Говоря о Данте, Зайцев цитирует слова Д.С. Мережковского: «Данте – патрон всех изгнанных» – и комментирует их следующим образом: «...и действительно, первый эмигрант христианской Европы» [3, с. 363].

Отношение Зайцева к Франции, стране, где он провел значительную часть своей жизни, оказывается двойственным. Зайцев приехал в Париж впервые в 1906 году. Рассказывая об этом в дневнике, он вспоминает юношеское впечатление от Парижа как «мирового города» [3, с. 44], города, покорившего его и навсегда оставшегося привлекательным своим артистическим обликом: «Люксембургский сад, галереи Одеона с книгами, музеи, Обсерваторские аллеи. Все это уже знакомо, и потому интересно «узнавать – особенно в том, что нравится» [3, с. 20]. Временная дистанция, которую включает в себя точка зрения повествователя в дневниках, отбирает наиболее яркое из этих впечатлений: «...хоть и не всем мне понравился, а в памяти сохранился с лучшей стороны. Может быть, именно со стороны вековой школы – артистизма, литературы, живописи» [3, с. 45]. Есть и еще одно обстоятельство, усиливавшее для него обаяние города: «...собственная молодая жизнь сливалась с этим духом Парижа...» [3, с. 45].

Иным становится восприятие Франции, когда

Зайцев приезжает туда навсегда. «Чувство, что ты эмигрант, а не путешественник, – вспоминает он в очерке «Юбилей», – появилось в Париже» [3, с. 102]. В его дневниках несколько раз возникают описания Парижа, имеющие повторяющуюся структуру: Зайцев упоминает период жизни, здесь проведенный, рисует панораму города и, наконец, говорит о своем восприятии его, практически каждый раз сравнивая Францию и Россию. «Пятнадцать лет ты в нем прожил, – пишет Зайцев в дневнике 1939 года, – знаешь его наизусть, знаешь ночные зарева над ним, сияние Эйфелевой башни... В этом Париже мы жили и живем, но мы не дома» [3, с. 19]. В более поздней дневниковой записи (1942) он замечает: «С моста севрского оборачиваюсь на Париж... часть того города, где сам живу чуть ли не двадцать лет. Он не мой и я не его. Все-таки...» [3, с. 60].

Автобиографический герой его очерков по своему внутреннему облику, безусловно, европеец – во всяком случае, так можно обозначить одну из составляющих его личности. Европейизм Зайцева, прежде всего, в его страстном интересе к западно-европейскому искусству: литературе, живописи, архитектуре; глубокой образованности; в укоренном чувстве собственного достоинства, сознательно избранной «вне государственной» позиции (он «за странничество, за свободу, за нечиновничество...») [3, с. 81], наконец, в столь свойственной ему гуманистической точке зрения, которая в широком смысле этого слова является наследием европейской культуры. В качестве главных ценностей, которые сохраняют в его глазах непреходящее значение, он называет «мир, справедливость и свободу, уважение к дитяти Бога – человеку...» [3, с. 231].

Сохраняя традиционное для отечественной культуры содержание и значение, концепт «русский европеец» применительно к Б.К. Зайцеву имеет свою доминанту – религиозную. Очевидно, главное, что объединяет Россию и Западную Европу, есть, с точки зрения Зайцева, христианская культура. Естественно, что для него как для художника особенно важны ее проявления в литературе. Очерк «Встреча», включенный в цикл «Дни», посвящен французскому писателю Франсуа Мориак. Главное, что ценит в нем Зайцев, – это призыв к милосердию и состраданию. Автор очерка уточняет при этом: «писатель католический, говоривший о последних судьбах человеческих, грехе, прощении или гибели, – говорил он всегда с изяществом и суховатостью утонченного латинизма» (Там же). Это ничуть не мешает Зайцеву воспринимать французского писателя как духовно близкого ему художника, идеалы которого являются также идеалами русской литературы. Неслучайно конец очерка звучит как обобщение, как итог размышлений Зайцева на важную для него тему: «Да, Мориак, мы люди разных стран, разных народов, языков. Но наше великое счастье в том, что над нами стоит Вышний. Он дает руку. Он соединяет. Он делает так, что слова Ваши становятся нам ближе и родней, чем иные, сказанные на моем языке» [3, с. 232].

Живя в Европе, он ощущает себя свободным человеком; и уже это обстоятельство делает его евро-

пейцем. Зайцев испытывает особое чувство благодарности Франции за то, что она поддерживает ту духовную, религиозную жизнь, которая в России осталась в прошлом. В очерке «Сергий Радонежский», включенном в дневники, он пишет: «Вот ведь он оказался же с нами в изгнании. Там разрушают его следы – здесь пишут новые его иконы. Троицкая Лавра закрыта, здесь (чуть ли не чудом) возникает подворье его имени, насаждающее служителей Церкви» [3, с. 26].

В то же время быт, нравы чужой страны, как правило, оставляют его равнодушным. В его дневниках и очерках практически не возникает тема западной цивилизации, обустроенности европейского мира. Более того, в первые годы жизни в Европе его даже раздражает ее внешнее благополучие, явно ассоциирующееся для Зайцева с мещанством, внутренней ограниченностью. Особенное отторжение в этом плане у него, очевидно, вызывала Германия. В дневниковом цикле «Странник» он передает впечатления от Берлина 1929 года: «Конечно, есть в нем и почтенное, и внушающее уважение: трудолюбие жителей, их дисциплина, упорство, с каким преодолевают они тяжкую, серую (особенно в низших классах) жизнь. Я знаю, что в Берлине высоко стоит техника и наука... Но нет литературы и изобразительных искусств. В ужасном состоянии религия...» [3, с. 79]. И потому, обращаясь к некоему условному г. Мюллеру, Зайцев заключает: «О, что вы можете им дать, кроме усовершенствованных клозетов, зажигалок и синема? Кроме этих казарм и лаун-тенисных площадок, ничего у вас самих нет за душой. Вы и слово-то душа позабыли, чему вы можете научить немущих? И Бога забыли, и дух Божий от вас отлетел. Оттого и тоска такая в вашем удобно-разумном деле» [3, с. 81].

В.К. Кантор справедливо пишет о том, что русский европеец в чем-то «противоположен русскому западнику, обольщавшемуся мечтой о Европе, а потому и быстро впадавшему в уныние от реальных противоречий Западной Европы» [4]. Зайцев «не впадал» от этого «в уныние», ибо он воспринимал Европу своего рода двойным зрением, когда взгляд изнутри неизбежно открывал в ней какие-то внутренние несовершенства или даже пороки, не отменяя при этом общечеловеческих ценностей, созданных ею.

Для «русского европейца» Б.К. Зайцева чрезвычайно характерно осмысление Западной Европы сквозь традиционную дихотомию: Россия-Запад. Но она приобретает у Зайцева свое содержание и смысл, благодаря «биографической» связи писателя с той и другой культурой, одновременным ощущением себя «своим» и «чужим» в Европе и России.

П.В. Анненков и Б.К. Зайцев – люди разных эпох, разных «исторических» судеб. Вместе с тем они представляют тот тип личности, который во многом определил национальное своеобразие и одновременно европеизм русской культуры. Этот уникальный синтез дает возможность взглянуть на историю русской общественной мысли и культуры вне разного рода оппозиций (славянофилы и западники, либералы и демократы) и увидеть в ней то органическое целое, о котором писал А.И. Герцен: «Разве, привечивая нас к Европе, Петр I не упрочил нам права наследия? Разве мы не взяли их сами, усвоивая ее вопросы, ее скорби, ее страдания вместе с ее нажитым опытом и с ее нажитой мудростью? Мы не с пергаментом в руке являемся доказывать наши права... да мы их и не доказываем, потому что они неотъемлемы; завоеванное сознанием, законно завоевано, его не исторгнешь никаким безумием. Былое наше бедно; мы не хотим выдумывать геральдических сказок, у нас мало воспоминаний, – что за беда, когда воспоминания Европы, ее былое сделалось нашим былым и нашим прошедшим. Да, сверх того, европеец под влиянием своего прошедшего не может от него отделаться» [2].

Литература

1. Анненков, П.В. Парижские письма / П.В. Анненков. – М., 1984.
2. Герцен, А.И. Письма из Франции и Италии / А.И. Герцен // Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. – М., 1955. – Т. 5. – С. 21.
3. Зайцев, Б. Дни / Борис Зайцев. – М., 1995. – С. 47.
4. Кантор, В.К. Русский европеец как явление культуры / В.К. Кантор. – М., 2001. – С. 7.
5. Федотов, Г.П. Революция идет / Г.П. Федотов // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. – СПб., 1991. – Т. 1. – С. 135.
6. Чаадаев, П.Я. Философические письма / П.Я. Чаадаев // Чаадаев П.Я. Статьи и письма. – М., 1987.

УДК 811.161.1

А.А. Добрычева
Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Е.А. Стародумова

ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЗЫ СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА

В статье рассматриваются синтаксические средства, характерные для прозы Сергея Довлатова. Анализируются способы организации предложения и способы организации текста. Особое внимание уделяется описанию синтаксических конструкций в коммуникативном аспекте и невербальным средствам организации текста. Делается вывод об отражении идиостиля Сергея Довлатова в синтаксисе его прозы.

Сергей Довлатов, синтаксис текста, коммуникативный синтаксис, парцелляция, невербальные средства синтаксиса.

The syntactical means typical for Sergey Dovlatov's prose are considered in the article. Methods of organizing the sentences and the text are analysed. The author pays special attention to the description of syntactical constructions in the communicative aspect and non-verbal means of the text structure. The author of the article draws a conclusion about Sergey Dovlatov's individual style.

Sergey Dovlatov, syntax of the text, communicative syntax, parcelling, non-verbal syntactic means.

Язык писателей по самой своей природе и функциям может служить предметом многоаспектного исследования. Это общий язык народа в специфическом его применении в зависимости от тех особых целей, которые ставит перед собой писатель. Произведения Сергея Довлатова изучены в большей степени с литературоведческой точки зрения. Лингвистические работы немногочисленны и описывают отдельные языковые аспекты прозы Сергея Довлатова [1], [6]. Однако языковая организация его текстов заслуживает не меньшего внимания, чем идейно-образная, поскольку для автора «форма» произведений также значима, как и содержание. Сергей Довлатов кропотливо работал над своими текстами, тщательно подбирая слова и выстраивая их в нужном ему порядке. Мемуаристы неизменно упоминают об особом педантизме Сергея Довлатова по отношению к своим рукописям: «Его проза придумана и сконструирована от начала до конца – от самого начала до самого конца. Его тексты, воспринимающиеся как „кусочек жизни“, в самом высоком художественном смысле „искусственные“: от идейной сверхзадачи до языка, который при всей кажущейся естественности тоже отнюдь не записан, а сконструирован (кто же в жизни говорит так, чтоб в предложении не встречались слова, начинающиеся с одной буквы)» [2, с. 177].

Определим характерные синтаксические особенности прозы Сергея Довлатова, рассматривая способы организации не только предложения, но и текста. С точки зрения **организации предложения** тексты Сергея Довлатова характеризуются лаконичностью, то есть употреблением коротких, преимущественно простых предложений. Это подтверждается статистическими данными: 89% от общего объема проанализированных синтаксических единиц – простые предложения, среди которых наиболее употребительной конструкцией является простое двусоставное предложение. Практически все простые предложения являются распространенными, причем более половины из них имеют только такие распространители, наличие которых обусловлено семантикой предиката. Например:

*Я сидел на чмодане («Чмодан»)*¹. – Семантика предиката предполагает наличие субъектного актанта и локатива: сидел (кто?) и сидел (где?).

Но поразило меня другое («Марш одиноких»). – Семантика предиката предполагает наличие двух актантов (субъекта и объекта): поразило (кого?) и поразило (что?).

Мы собрали вещи («Наши»). – Семантика предиката предполагает наличие двух актантов (субъекта и объекта): собрали (кто?) и собрали (что?).

Я поехал дальше («Заповедник»). – Семантика предиката предполагает наличие субъектного актанта и локатива: поехал (кто?) и поехал (куда?).

Среди широко представленных простых предложений число осложненных предложений невелико. Чаще всего осложняющими элементами в таких предложениях являются ряды однородных членов, например:

Говорил о родине, о Боге, о преимуществах высокого социального давления, о языковой и колористической гамме («Наши»).

Глаша одинаково симпатизирует Вагину и Янову, Бернштаму и Эткинду, Рафальскому и Парамонову... («Марш одиноких»).

Кроме однородных членов осложнять простые предложения могут причастные и деепричастные обороты, обособленные определения, например:

Собираясь утром в редакцию, я натянул уродливую лыжную шапочку, забытую кем-то из гостей («Чмодан»).

Он сидел в канцелярии, не зажигая лампы («Зона»).

Разноцветные, сверкающие кожей, медью, хромом, неуклюже-изысканные, они производили яркое впечатление («Чмодан»).

Сложные предложения в текстах Сергея Довлатова малочисленны и представлены в основном предложениями минимальной структуры (как правило, сложные предложения состоят всего из двух предикативных частей). В основном это сложноподчиненные предложения, реже – сложносочиненные. Например:

Стулья забрал художник Чегин, который до этого обходился ящиками («Чмодан»).

Мы оказались в тесной кабине, где пахло бензином («Зона»).

Мой дядя хотел застрелить собаку, но жена его отговорила («Наши»).

На уровне **организации текста** Сергей Довлатов широко использует средства коммуникативного синтаксиса. В частности, встречаются сегментированные конструкции, номинативные цепочки, параллелизм синтаксических конструкций. Например:

– сегментированные конструкции: *Книги? Но, в основном, у меня были запрещенные книги. Которые не пропускает таможня. Пришлось раздать их знакомым вместе с так называемым архивом. Рукописи? Я давно отправил их на Запад тайными путями («Чмодан»);*

– номинативные цепочки: *После этого было многое. Операция с плащами «болонья». Перепродажа шести немецких стереоустановок. Драка в гостинице «Космос» из-за ящика американских сигарет. Бегство от милицейского наряда с грузом японского фотооборудования. И многое другое («Чмодан»);*

– синтаксический параллелизм: *Я дарил их всем*

¹ Здесь и далее цит. по кн.: [3] (в скобках указано название цитируемого произведения).

своим знакомым. Хранил в них елочные игрушки. Вытирал ими пыль. Затыкал носками щели в оконных рамах («Чемодан»).

Самым продуктивным и наиболее важным экспрессивным средством в текстах Сергея Довлатова является парцелляция. Например:

Мне захотелось чего-то более непосредственно-го. Далекого от нравственных сомнений («Чемодан»).

Затем он щедро наделил самогоном всех участников поездки. В том числе и слегка протрезвевшего шофера («Наши»).

Парцеллированные конструкции в текстах Сергея Довлатова служат для актуализации ремы высказывания и характеризуются в первую очередь моно-субъектностью. Чаще всего расчленяются простые предложения, то есть в качестве парцеллята выступает какой-либо член предложения, причем главные члены предложения могут парцеллироваться только в ряду однородных членов. Например:

– парцеллят-сказуемое: *Однажды Луиза Генриховна надевала мне короткие штаны. И заснула мои ноги в одну штанину («Чемодан»);*

– парцеллят-дополнение: *Наступила пауза еще более тягостная. Для меня («Наши»);*

– парцеллят-обстоятельство: *Он читал в натопленной сушилке. За столом, пожелтевшим от ружейного масла. Под железными крючьями для тулов («Зона»).*

Отчленение в качестве парцеллятов частей сложного предложения малопродуктивно. Например:

Я узнал, что Рейнхард перебрался из Восточного сектора на Запад. Что работа в гостинице тяготит его, хоть и приносит немалый доход... («Наши»).

Важное место в организации текста занимают вводно-модальные конструкции, сообщающие повествованию яркую субъективную окраску, например:

И тут, как говорится, нахлынули воспоминания. Наверное, они таились в складках этого убогого тряпья («Чемодан»).

Таким образом, я превращался на лето в маленького губернатора («Чемодан»).

Кажется, я отвлекся («Зона»).

Еще одним продуктивным средством организации текста являются вставные конструкции. Вслед за Н.П. Перфильевой [4, с. 193 – 213] мы рассматриваем вставки как текстовое явление, которое может проявляться эксплицитно (с помощью вербальных и невербальных маркёров) и имплицитно (без маркёров, указывающих на границы вставки). В текстах Сергея Довлатова встречаются вербальные вставки, имеющие хотя бы одну маркированную границу. Например:

Незнакомец говорил по-русски с едва заметным акцентом.

Вел он себя непосредственно и даже чуточку агрессивно. Дважды хлопнул редактора по спине. Уговаривал парторга сыграть в шахматы. В кабинете ответственного секретаря Минца долго листал технические пособия.

Тут мне хотелось бы отвлечься. Я убежден,

что почти все шпионы действуют неправильно. Они зачем-то маскируются, хитрят, изображают простых советских граждан. Сама таинственность их действий – подозрительна. Им надо вести себя гораздо проще. Во-первых, одеваться как можно шикарнее. Это внушает уважение. Кроме того, не скрывать заграничного акцента. Это вызывает симпатию. А главное – действовать с максимальной бесцеремонностью («Чемодан»).

Но более распространены эксплицитные невербальные вставки, в которых маркёрами являются знаки препинания. Например:

Это не ряса. Это заграничная куртка. И подарок Леже. (Куртка, и вправду, досталась мне от Фернана Леже. Но эта история – впереди.)¹ («Чемодан»)

Внезапно коварный зек оглушил меня рукояткой пистолета. (Как вы догадываетесь – моего собственного пистолета.) Затем выпрыгнул на ходу и бежал («Зона»).

Для повышения экспрессивности текстов своих произведений Сергей Довлатов использует и **невербальные средства организации текста**. Одним из таких средств является абзацное членение. Как отмечают исследователи, членение текста на абзацы – это своеобразный композиционный прием, отражающий принцип отбора материала писателем. Сергей Довлатов чаще всего использует так называемые «малые абзацы», представляющие собой «синтактико-стилистические единицы текста в одно-два предложения» [5, с. 112 – 121]. Например:

У меня появились долги. Они росли в геометрической прогрессии. К ноябрю они достигли восьмидесяти рублей – цифры, по тем временам чудовищной.

Я узнал, что такое ломбард, с его квитанциями, очередями, атмосферой печали и радости.

Пока Ася была рядом, я мог не думать об этом. Стоило нам проститься, и мысль о долгах наплывала, как туча.

Я просыпался с ощущением беды. Часами не мог заставить себя одеться. Всерьез планировал ограбление ювелирного магазина.

Я убедился, что любая мысль влюбленного бедняка – преступна («Чемодан»).

Абзацное и тема-рематическое членение текста не всегда совпадают, но, как правило, сложное синтаксическое целое, имеющее отдельную тему, представляет собой цельный, нерасчлененный фрагмент текста. У Сергея Довлатова же сложное синтаксическое целое, объединенное одной темой, может состоять из нескольких абзацев, более того, каждое новое высказывание может выделяться в отдельный абзац или даже одно высказывание может включать в себя несколько абзацев. Например:

Возьмите лагерную живопись. Если это пейзаж, то немыслимо знойной, андалузской расцветки. Если натюрморт, то преисполненный калорий.

¹ В примерах сохранена авторская пунктуация, которая не всегда совпадает с принятыми нормами постановки знаков препинания (имеем в виду, в частности, сочетание точки и скобки).

Лагерные портреты необычайно комплиментарны.

На воле так изображают крупных партийных деятелей.

И никакого модернизма. Чем ближе к фотографии, тем лучше. Вряд ли тут преуспели бы Модильяни с Гогеном... («Зона»).

Такое дробное абзацное членение повышает экспрессивность текста. Именно малые абзацы позволяют автору максимально воздействовать на читателя, так как внимание последнего полностью сконцентрировано на выраженной в абзаце авторской мысли, оно не отвлекается на восприятие содержания других компонентов текста.

Как правило, эти экспрессивные средства (и вербальные, и невербальные) употребляются в сочетании с парцелляцией. Например:

– вставка и парцелляция: *Имя Донат – неясного, балтийско-литовского происхождения. (Что соответствует неясному положению моего отца. В семьдесят два года он эмигрировал из России.) («Наши»)* – первое предложение во вставной конструкции является парцеллятом по отношению к предшествующему вставке предложению;

– абзацное членение и парцелляция: *Прошел год. «Новый американец» крепнет и обретает стабильность. В Форест Хиллсе я стал не менее популярен, чем Консон.*

Хотя на доходах это отражается слабо... («Марш одиноких») – предложение во втором абзаце является парцеллятом по отношению к последнему предложению первого абзаца.

Еще одним продуктивным невербальным средством, придающим тексту экспрессивную окраску, является окказиональная пунктуация, в частности, нестандартное употребление тире. Тире здесь употребляется не в прямой функции (для разделения частей бессоюзного сложного предложения или для выделения вставной конструкции), а для обозначения актуального членения предложения. С помощью тире графически выделяется и тем самым актуализируется рема высказывания. Например:

Но у меня же – сроки («Чемодан»).

Нелепо брать в Тулу – самовар («Марш одиноких»).

Лагерный язык – затейлив, картинно живописен, орнаментален и щеголеват («Зона»).

Стоит также отметить и другие графические средства, используемые Сергеем Довлатовым. В первую очередь это употребление курсива (например, в «Зоне» и «Марше одиноких») для выделения значимых частей текста. В «Марше одиноких», состоящем из множества небольших по объему рассказов («колонок редактора»), курсивом выделены первый и последний фрагменты, которые нельзя поставить в один ряд с остальными рассказами. Эти рас-

сказы являются предисловием и послесловием ко всей книге, они написаны позже остальных «колонок редактора», и эта их обособленная позиция подчеркивается в первую очередь графическим оформлением. В «Зоне» повествование состоит из двух пластов – непосредственно текста романа и писем автора к издателю, содержащих некоторые комментарии и размышления по поводу описываемого в произведении. Письма к издателю также выделены курсивом, что указывает на их «чужеродность» по отношению к основному тексту романа.

Еще одно распространенное в текстах Сергея Довлатова графическое средство – это выделение отдельных фраз прописными буквами. Например:

На каждом шагу я различаю УКАЗУЮЩИЙ ПЕРСТ СУДЬБЫ («Зона»).

С точки зрения БУКВЫ Лурье достоин осуждения. Но В СУЩНОСТИ Лурье был прав («Марш одиноких»).

Неожиданно кто-то вполголоса декламирует:

- В ВОРОНЕЖ ГДЕ-ТО БОГ ПОСЛАЛ КУСОЧЕК СЫРА... («Марш одиноких»).

С помощью такого графического выделения автор концентрирует внимание на ключевых, по его мнению, словах, расставляет смысловые акценты в тексте.

Таким образом, представляется возможным говорить об особом стиле Сергея Довлатова, который выражается в лаконичности структурной организации предложения и в то же время повышенной экспрессивности на текстовом уровне. Это достигается использованием различных средств: вводно-модальных и вставных конструкций, абзацного членения, графических средств, парцелированных конструкций. Парцелляция широко и разнообразно представлена в прозе Сергея Довлатова и является ведущим приемом организации текста в его произведениях.

Литература

1. Бирюкова, О.А. Семантико-прагматические функции и стилистические возможности частиц в художественном тексте (на материале прозы С. Довлатова): автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.А. Бирюкова. – Владивосток, 2007.
2. Вайль, П. Искусство автопортрета / П. Вайль, А. Генис // Звезда. – 1994. – № 3. – С. 177 – 180.
3. Довлатов С. Собрание сочинений: в 4 т. / С. Довлатов; сост. А.Ю. Арьев. – СПб., 2003. – Т. 2, 3.
4. Перфильева, Н.П. Метатекст в аспекте текстовых категорий / Н.П. Перфильева. – Новосибирск, 2006.
5. Покусаенко, В.К. К вопросу о функциях абзаца / В.К. Покусаенко // Структура предложения и абзац: сб. статей. – Ростов н/Д, 1974. – С. 112 – 121.
6. Ронкин, В. Аналитичность идиостиля Сергея Довлатова / В. Ронкин // Сергей Довлатов: Творчество, личность, судьба (итоги Первой Междунар. конф. «Довлатовские чтения»). – СПб., 1999. – С. 291 – 303.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ *СТУДЕНТ* В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена рассмотрению семантического поля *студент* в толковых словарях русского языка. Анализируются словарные дефиниции номинанта поля, особое внимание уделяется иллюстративному материалу. В статье выявляются ядерные и периферийные семантические признаки слова, описываются его основные системные связи, выделяется ядро и периферия поля *студент*. Утверждается, что семантические связи в рамках данного поля отражают по преимуществу устойчивые и укоренившиеся в языке отношения.

Семантическое поле, толковые словари, дефиниция, семантические признаки, семантические связи, ядро и периферия поля, контексты употребления.

The paper is devoted to the study of the semantic field *Student* in explanatory dictionaries of the Russian language. Definitions of the field's name are analyzed; special attention is paid to illustrations. The paper also identifies core and peripheral semantic features of the word, describes its basic system relations, and distinguishes the core and the periphery of the field *Student*. Moreover, the paper states that semantic links within this field reflect mainly long-standing and entrenched linguistic relations.

Semantic field, explanatory dictionaries, definition, semantic features, semantic links, core and periphery of the field, contexts of usage.

Важнейшим источником информации о содержательных составляющих семантического поля слова (далее – СП) являются лексикографические источники. Именно словари, прежде всего толковые, позволяют выделить основные семантические признаки номинанта поля, описать его наиболее типичное окружение, охарактеризовать коммуникативный потенциал, обозначить основные векторы поля.

Обратимся к комплексу лексикографических источников, представляющих лексему студент: «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля, «Словарю современного русского литературного языка» (БАС), «Словарю русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой (МАС), «Толковому словарю русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова (СУ), «Толковому словарю русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (СОШ), «Большому толковому словарю русских существительных» под редакцией Л.Г. Бабенко (ТСРС). В ТСРС находим следующее значение слова студент: «человек, обучающийся в высшем учебном заведении (университете, академии, институте, консерватории)». Во всех остальных лексикографических источниках словарные дефиниции имени поля совпадают: студент – «учащийся высшего учебного заведения». Таким образом, в значении слова студент выделяются ядерные семантические признаки «человек»/«лицо» (в ТСРС семантический признак «человек» непосредственно включен в дефиницию), функционально-деятельностный признак (семный конкретизатор «учится», «получает высшее образование») и периферийный сильно-вероятностный семантический признак «возраст» (потенциальный семный конкретизатор «молодой»). Психолингвистические эксперименты С.В. Анисимова показали, что в значении слова студент наиболее яркой является сема «учится», а сема «молодой» оказалась в четыре раза более слабой, хотя она также вполне определенно входит в значение слова [5, с. 61].

В словаре В.И. Даля, так же как и в СОШ, ТСРС, непосредственно в зону толкования включены наименования конкретных типов высших учебных заведений: *университета или академии* (в словаре В.И. Даля); *университета, института, консерватории* (в СОШ); *высшего учебного заведения (университета, академии, института, консерватории)* (в ТСРС). В значениях этих слов имеется общая с именем поля сема «высшее учебное заведение». Примечателен в этом отношении иллюстративный материал и других толковых словарей:

В одном углу с полдюжины студентов педагогического института толковали о последней лекции профессора словесных наук. Загоскин. Рославлев (БАС).

Сестра Лена, студентка Московской консерватории по классу скрипки, писала о своих успехах. Казакевич. Звезда (БАС).

Они не виделись после окончания института. В студенческие годы были друзьями, хотя часто ссорились. Гранин. Искатели (МАС).

Время моего студенчества было славное время московского университета. Лесков (СУ).

Студент университета (речение в СУ).

Таким образом, в составе СП *студент* выделяется лексико-семантическая группа слов, располагающаяся очень близко к ядру (ближняя периферия), – наименования высших учебных заведений (*вуз* – родовое понятие): *университет, академия, институт, консерватория*, составляющих по линии синтагматических связей обязательную часть лексического значения номинанта поля. Отметим, что слова *университет, академия, институт* имеют несколько связанных между собой значений, поэтому важно подчеркнуть, что в состав СП *студент* они входят только в одном из своих значений (основном).

Семантический потенциал ядерной лексики СП *студент* получает свое развитие в словообразовательных процессах. На материале толковых словарей

выделены следующие дериваты: *студентик*, *студентка*, *студентский* (устар.), *студенческий*, *студентство* (устар.), *студенчество*, *по-студентски*, *по-студенчески*. В этих словах общая семантика СП представлена исчерпывающе полно. Они выступают в качестве экспликаторов (прямых выразителей) интегральной семы в значениях других слов поля. Заметим, что отмеченные в БАС слова *студентский*, *студентство* снабжены в словаре пометой *устар.* Они вышли из живого употребления, но остаются известными по классическим литературным произведениям XIX века. В современном русском языке не используется также лексема *по-студентски*, а лексема *студентик*, встречающаяся в узусе, не зафиксирована в современных толковых словарях.

Особое значение в толковых словарях имеет иллюстративный материал. Он «с одной стороны, демонстрирует типичные условия функционирования лексических единиц, подтверждая их системные характеристики, с другой – дает как бы моментальный снимок реальной жизни слова, выхваченный из многообразия возможных ситуаций его использования» [3, с. 59]. В виде речений и цитат, дополняющих толкование и иллюстрирующих употребление слова *студент* и его дериватов, в словарях, по сути, представлены «минимально необходимые и достаточные контексты» [1, с. 16 – 17], наиболее типичное окружение лексем. Анализ сочетаемостных особенностей анализируемых слов позволяет выделить дополнительные элементы их смысловой структуры, сделать выводы об их семантических связях с другими словами, с разной степенью удаленности от ядра находящимися на периферии поля.

В одном углу с полдюжины студентов педагогического института толковали о последней лекции **профессора** словесных наук. Загоскин. Рославлев (БАС).

За все мое более чем сорокалетнее **профессорство** самый лучший экзамен держала у меня студентка, а не студент. Сеченов. Автобиографические записки (БАС).

Дверь... бодро распахнулась, и среди стайки студентки запрыгала, как пробка, лысина щупленького лектора... Набоков (TCPC).

Данные примеры демонстрируют тесную связь между двумя важнейшими субъектами в пространстве высшего образования: *студент* – *профессор* (а также *лектор*). Эта связь является органичной, устойчивой, неразрывной (налицо пересечение, связь двух концептов). В рамках СП *студент* лексемы *профессор*, *лектор* формируют лексико-семантическую группу «субъекты преподавания в вузе».

В этих и других иллюстрациях актуализируются также содержательные компоненты обучения (пребывания) студентов в вузе: *лекции*, *экзамен*, *библиотека* (СУ), *общежитие* (МАС, СУ), *студенческий билет* (МАС), *студенческий кружок* (МАС). Интересно, что источником приведенных выше цитат являются тексты, написанные в первой трети XIX и в начале XX века (1831 г. – «Рославлев, или Русские в 1812 году» М.Н. Загоскина; 1904 г. – «Автобиографические записки» И.М. Сеченова), однако и в на-

стоящее время эти высказывания актуальны. Это свидетельствует о том, что базовые элементы СП *студент* являются устойчивыми и сохраняются на протяжении длительного времени.

Представленные в словарях цитаты и речения отражают тот факт, что студенческий статус является временным. Для обозначения времени обучения (пребывания) студента в высшем учебном заведении используются следующие выделенные словосочетания:

Они не виделись после окончания института. В **студенческие годы** были друзьями, хотя часто ссорились. Гранин. Искатели (МАС).

Годы студенчества (МАС).

Связь эта [с домом Щербацких] утвердилась еще больше во **время студенчества** Левина. Л. Толстой. Анна Каренина (МАС).

Самый уродливый **период** немецкого **студентства** во сто раз лучше мещанского совершеннолетия молодежи во Франции и Англии. Герцен. Былое и думы (БАС).

Я не забуду никогда мои **студенческие годы**. Языков. Воспоминание (БАС).

Ряд речений в толковых словарях представляет собой идеологемы советской эпохи, не характерные для современного словоупотребления:

Советское студенчество (МАС, СУ).

Студенческий строительный отряд (добровольный трудовой коллектив студентов, во время летних каникул участвующий в хозяйственном строительстве и других работах) (СОШ).

Некоторые контексты употребления дериватов лексемы *студент* представляют собой высказывания, связанные с одеждой, внешним видом:

Смешно было в его года надеть **студентский мундир**; но он не боялся насмешек. Тургенев. Дворянское гнездо (БАС).

В тарантасе мелькнул околыш **студенческой фуражки**, знакомый очерк дорогого лица. Тургенев. Отцы и дети (БАС).

Они пошли к нему, будучи **одеты совершенно по-студенчески**. Н. Тургенев. Письмо А.И. Тургеневу. 25 янв. 1810 (БАС).

В начале 70-х годов студенты-медики ходили **без формы**. Многие щеголяли в **излюбленных студенческом высоких сапогах и расшитых малороссийских сорочках**. Мамин-Сибиряк. Ранние всходы (БАС).

Совершенно очевидно, что на протяжении некоторого времени (цитируемые тексты относятся к XIX веку) отличительным признаком студентов была специальная форма одежды (*одеты по-студенчески*): *студентский мундир*, *студенческая фуражка*. В настоящее время особую студенческую форму носят лишь учащиеся некоторых специальных высших учебных заведений, в частности, студенты военных, медицинских (в некоторых вузах студенты носят белые халаты) и духовных вузов. Так, например, на сайте Нижегородской духовной семинарии (она имеет статус духовного высшего учебного заведения) размещена информация об обязательной форме учащихся: «Когда вчерашние абитуриенты становятся

полноправными учащимися, семинаристами, то первым признаком их принадлежности к особому уникальному миру духовной школы становится *китель* – обязательная для всех студентов семинарии форма одежды. Молодой человек, надевая эту форму, должен почувствовать себя «солдатом духовного фронта», она дисциплинирует его и призывает к определенной ответственности в поведении» [2]. В Санкт-Петербурге из массы студентов выделяются воспитанники Горного института им. Г.В. Плеханова. Они, как и все преподаватели, носят возрожденную форму военного образца – темно-синие пиджаки с погонами. Однако в целом понятие *студенческая форма* уже давно потеряло актуальность. Сегодня внешний вид не является отличительным признаком студентов. Об этом свидетельствуют и результаты социологического опроса населения, проведенного фондом «Общественное мнение» (www.fom.ru) среди россиян [7]. Отвечая на открытый вопрос: «Как, по каким признакам Вы могли бы отличить студента от человека, который в вузе не учится?», только 35 % респондентов называли внешний вид, одежду (варианты ответов: «внешний вид другой, лучше одеты»; «по внешнему виду: кто не учится в вузе, одет вызывающе»; «одежда более модная» и др.). Половина россиян (49 %) полагает, что сегодняшний студент не имеет ярко выраженных отличительных признаков, и по внешнему виду, одежде, манере общения, поведению молодого человека нельзя сказать, учится ли он в вузе.

Ряд цитат в БАС позволяет сделать некоторые выводы о возрастных характеристиках студента:

Стоя он выглядел особенно, по-студенчески молодым – худой, туго подпоясанный узким ремешком. Березко. Мирный город (БАС).

[Любовь Андреевна:] *Вы были тогда совсем мальчишкой, милым студентиком, а теперь волосы не густые, очки.* Чехов. Вишневый сад (БАС).

Приходил юный студентик, весь новенький, тоже, видимо, только что приехавший из провинции. М. Горький. Жизнь Клима Самгина (БАС).

Одинцова была немного старше Аркадия., но в ее присутствии он чувствовал себя школьником, студентиком. Тургенев. Отцы и дети (БАС).

[Беклешов:] *Ты имеешь цель честную – спасти ее, – ну да. Ну, что ж тебе в средствах! Ведь это мальчишество, студентство.* Л. Толстой. Зараженное семейство (БАС).

Дериваты лексемы *студент* в этих примерах сочетаются со словами, указывающими на юный возраст: *по-студенчески молодой, юный студентик*. Показательным в этом отношении является подключение существительных, указывающих на возраст: *мальчик* (одно из значений в СУ: «*совсем молодой, неопытный человек*»), *мальчишество* (в значении «легкомысленность в поступках, шаловливый задор, свойственный юному возрасту»), *школьник*.

Наблюдается связь слова *студент* с названием будущей специальности, осваиваемой в ходе обучения в вузе:

Студент-медик... говорил, что у него не чахотка, а просто бронхи не в порядке; и это, конечно,

может перейти в чахотку, ежели не принять мер. Салтыков-Щедрин. Мелочи жизни (БАС).

Описание и характеристика образа жизни студентов отчасти раскрываются в следующих примерах:

На столе шипел плохо вычищенный самовар и лежали в бумаге сыр, масло и колбаса – по-студенчески. Щепкина-Куперник. Театр в моей жизни (БАС).

Студенчество его было горькое. Во-первых, мать давала денег ему ровно столько, сколько требовалось, чтобы не пропасть с голода. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы (БАС).

Приведенные цитаты, относящиеся к разным временным периодам (начало XX века – «Театр в моей жизни» Т.Л. Щепкиной-Куперник; 60 – 70-е годы XIX века – «Господа Головлевы» М.Е. Салтыкова-Щедрина), способствуют формированию представления о нелегкой студенческой жизни, бедственном положении студентов.

В фокусе внимания в ряде иллюстраций оказываются особенности поведения, характера студентов, которые можно обозначить как *вспыльчивость, несдержанность, непримиримость, резкость, гневливость, своеобразие* (безусловно, они не являются обязательными для всех студентов) и связать с общественной активностью, молодой горячностью как отличительными качествами студентов:

Они не виделись после окончания института. В студенческие годы были друзьями, хотя часто ссорились. Гранин. Искатели (МАС).

В прежних студентских кружках бранились громко, спорили запальчиво. Герцен. Былое и думы (МАС, БАС).

Теперь, как прежде своеобразие. Я жизнь студентскую веду. Языков. Н.Д. Киселеву (БАС).

Хозяин из любопытства сделал мне экзамен, и я прочел ему две, три пьесы, декламируя напропалую, по-студенчески. С. Аксаков. Воспоминания о Д.Б. Мертвого (БАС).

В связи с этим неслучайными оказываются сочетания *студенческие волнения, движение студенчества*, свидетельствующие об активности субъектов обучения:

Начинались студенческие волнения – смысл их не был понятен мне, мотивы – не ясны. М. Горький. Мои университеты (БАС).

Зимой 1874 г. началось известное движение студенчества «в народ». Морозов. Повести моей жизни (МАС, БАС).

Представленные в БАС наречия *по-студенчески, по-студентски* указывают на необычность, неординарность, особость действия или признака. Приведем несколько примеров:

Посылаю вам последнее стихотворение мое. Скажите мне ваше мнение по-гусарски или по-студентски. Давыдов. Письмо А.М. и Н.М. Языковым, 6 июня 1834 (БАС).

Они пошли к нему, будучи одеты совершенно по-студенчески. Н. Тургенев. Письмо А.И. Тургеневу, 25 янв. 1810 (БАС).

Отражение наиболее употребительных контекстов слова в толковых словарях является demonstra-

цией его устойчивых семантических связей, всех направлений его семантики, способом воссоздания так называемой семантической карты слова [4, с. 34].

Таким образом, анализ дефиниций слова *студент* в толковых словарях, предлагающих «правила интерпретации слова» [6, с. 27], позволил выделить его ядерные (обязательные) семантические признаки, входящие в системное значение слова и составляющие интенционал (содержание понятия, контенсионал): «человек», «функция» («учится в высшем учебном заведении», «получает высшее образование»), «возраст» («молодой»). Анализ иллюстративного материала, так называемых оправдательных цитат, позволил наметить периферийные (потенциальные, производные) семантические признаки слова *студент*, не входящие в его системное значение, а присоединяющиеся к нему лишь в коммуникативном акте (тексте), наводимые контекстом: «будущая специальность» («профессия»), «одежда, внешний вид», «поведение, характер», «образ жизни». Данные признаки могут разбиваться в каждом конкретном тексте по-разному.

Материалы толковых словарей позволили также выделить важные составляющие периферии СП *студент* – лексико-семантические и тематические группы, которые объединяют слова по некоторым дифференциальным по отношению к имени поля признакам: «высшие учебные заведения» (ближняя пе-

риферия), «субъекты преподавания в вузе» (ближняя периферия), «содержательные компоненты обучения студентов в вузе» (дальняя периферия). Семантические связи в рамках данного поля отражают по преимуществу устоявшиеся и укоренившиеся в языке отношения.

Литература

1. Головин, Б.Н. Значение слова и контекст / Б.Н. Головин // Тезисы докладов межвузовского симпозиума составителей «Словаря М. Горького». – Киев, 1966. – С. 16 – 17.
2. Жизнь и быт семинаристов. – URL: <http://www.seminary.nne.ru/content/176>
3. Козырев, В.А. Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка / В.А. Козырев, В.Д. Черняк. – СПб., 2000.
4. Овчинникова, И.Г. Компьютерное моделирование вербальной коммуникации / И.Г. Овчинникова, И.А. Углонова. – М., 2009.
5. Стернин, И.А. Лексическое значение слова в речи / И.А. Стернин. – Воронеж, 1985.
6. Чурилина, Л.Н. Лексическая структура художественного текста: принципы антропоцентрического исследования / Л.Н. Чурилина. – СПб., 2002.
7. Шмерлина, И. Сегодняшние студенты / И. Шмерлина // База данных фонда «Общественное мнение». – URL: <http://bd.fom.ru/report/map/dd063824> (2006)

УДК 821.161.1

Р.А. Кутинов

Научный руководитель: кандидат филологических наук, профессор А.И. Разживин

ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ В «ЗАПИСКАХ КАВАЛЕРИСТ-ДЕВИЦЫ» Н.А. ДУРОВОЙ. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В данной статье рассматривается проблема особенностей реализации авторского сознания в автобиографическом произведении Н.А. Дуровой «Записки кавалерист-девицы», которые можно свести к трем основным: автор-творец, нарратор и автор как непосредственный участник изображенных событий. Автор статьи приходит к выводу, что особенности жанровой природы произведения оказывают непосредственное влияние на функционирование образа автора, например, на использование такого приема, как внесение художественных элементов в текст автобиографического произведения, изменение биографических фактов, а также появление лирических отступлений в виде авторских комментариев и вставных новелл.

Образ автора, автор-творец, рассказчик, лирическое отступление, жанровый прием.

The article considers the problem of realization of the author's consciousness in the autobiographical work by N.A. Durova "Notes of a trooper-girl", which can be brought to three main areas: an author - creator, a narrator and an author as a participant of the events. The author of the article comes to the conclusion that the features of the genre nature of the work have a direct influence on the functioning of the image of the author, for example, on the usage of the method of introducing artistic elements in the text of autobiographical works, change of biographical facts, as well as appearance of lyrical digressions in the form of author's comment and inserted stories.

The image of an author, author-creator, narrator, lyrical digression, genre method.

Проблема автора и форм выражения авторского сознания в художественном произведении является одной из основных в современном литературоведении. В отечественной науке сложилось несколько научных школ, разрабатывавших эту проблему. На-

зовем труды таких выдающихся исследователей, как В.В. Виноградов [5], М.М. Бахтин [3], Б.О. Корман [11]. Позднее эта проблема вызвала научный интерес Б.А. Успенского [17], В.Е. Хализева [19], Л.А. Новикова [13], Н.С. Валгиной [4], И. Карпова [10].

Проблема автора и форм авторского сознания также широко рассматривалась в зарубежном литературоведении, эстетике и философии Ролана Барта [2], Мишеля Фуко [18] и др.

Таким образом, проблема автора и форм авторского сознания исследована достаточно широко. В большинстве случаев ученые основываются на утверждении об исключительности авторской позиции в художественном произведении как организующего, конструктивного, стилевого либо оценочного компонента структуры.

В качестве объекта для рассмотрения выражения форм авторского сознания нами было выбрано произведение Н.А. Дуровой «Записки кавалерист-девицы» [8]. Специальных работ, посвященных формам выражения авторского сознания в «Записках» Н.А. Дуровой, в этом контексте крайне мало. Существующие исследования Е.Е. Приказчиковой [14], И.Л. Савкиной [15] затрагивают проблему форм авторского сознания в «Записках» только в ее отдельных проявлениях, таких как жанр военных мемуаров и гендерная проблематика. Целью работы является постановка проблемы форм авторского сознания в произведении «Записки кавалерист-девицы» и попытка показать наиболее характерные их проявления.

Авторское сознание в документальном произведении Н.А. Дуровой «Записки кавалерист-девицы» наиболее заметно в образе автора и его функционирования в произведении, в авторских отступлениях и в жанровых особенностях.

В любом автобиографическом произведении присутствует образ автора-творца (концепция М.М. Бахтина), автора-рассказчика (повествователь, нарратор) и автора как непосредственного участника описанных событий и героя произведения. Подобное функционирование авторского начала напрямую связано с синтетической природой любого автобиографического произведения. В мемуарах иногда используются художественные приемы, разработанные создателями автобиографического жанра, который синтезировал в себе как традиционные черты документальной прозы, так и художественные, экспериментальные характеристики. Естественно, что автор автобиографического произведения открыто включается в ход описываемых событий, он активно использует различные способы общения с читателем. Автор становится не просто полноценным персонажем воссозданной им исторической реальности, а превращается в центральный элемент иерархии всего произведения, все остальные элементы которой находятся в прямой зависимости от него.

Склонность Н.А. Дуровой к внесению художественных элементов в автобиографическое произведение отмечали многие. Во имя полноценного воплощения авторского замысла и раскрытия характера главного персонажа произведения Н.А. Дурова, на что указывает Е.Е. Приказчикова [14, с. 45 – 46], неоднократно жертвовала канонами автобиографического жанра и реальными фактами событий.

В связи с этим анализ особенностей реализации авторского сознания в автобиографическом произве-

дении Н.А. Дуровой наиболее уместно начать с анализа первой главы «Записок», в которой писательница наиболее радикально изменила исторические факты в пользу художественных. Вероятной причиной таких изменений, по мнению Е.Е. Приказчиковой, было стремление автора создать идеальный романтический образ и соответствовать существующему жанровому канону. Н.А. Дурова предстает перед читателем не только как непосредственный участник описанных ею событий. Она дает читателю установки, объясняющие эти события. Эту главу можно представить как творческий посыл и для всей дальнейшей деятельности.

Впоследствии в художественных произведениях Н.А. Дурова неоднократно прибегает к такому приему, как «введение автором в качестве персонажа самого себя». Подобную ситуацию можно проследить, например, в ее известной повести «Павильон» [6, с. 235 – 267]. Это позволяет рассматривать данный прием как традиционный для последующей прозы писательницы.

Главная функция вышеупомянутой главы в тексте произведения заключается в том, чтобы создать иллюзию правдивости изображенной автором реальной действительности. Не случайно в этой главе достаточно подробно описаны такие детали, как возраст, мировоззрение героини, быт, взаимоотношения с другими людьми. Кроме того, в произведении автор переходит от рассказа от первого лица к объективному повествованию и наоборот. При этом характерные для автобиографических произведений авторские комментарии приобретают более субъективный характер. В основном это иронические комментарии, касающиеся главных героев, а также их портретные зарисовки. Герои изображаются сквозь призму авторского восприятия, которое обогащает их образы новыми, запоминающимися деталями. Примером подобной зарисовки может служить портрет матери, данный исключительно в авторском восприятии.

Примечательно, что в некоторых случаях автор иронизирует не только над своими персонажами, над их определенными высказываниями и поступками, но и над собой. В «Записках» автор неоднократно вступает в полемику с обществом. В произведении писательница сочетает прием «наблюдателя» с детальным описанием психологической реакции присутствующих на высказывания.

Таким образом, авторское начало доминирует в тексте произведения, а образ автора-творца представляет собой монологический голос, предоставляя читателю право самому разобраться в сложившейся ситуации. В подобных эпизодах можно усмотреть отголоски поэтики будущих произведений Н.А. Дуровой.

По наблюдению Б.О. Кормана, «степень «скрытости» автора в тексте варьируется и ее может характеризовать выбор личных местоимений» [11, с. 72]. В «Записках» Н.А. Дурова при помощи личных местоимений четко декларирует свою позицию по отношению к авторскому образу. На этот факт указывает И.Л. Савкина в работе «Пишу себя...: Автодо-

кументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века» [15, с. 161]. Писательница в произведении говорит о себе как об участнике описываемых событий в мужском роде, но в тех частях текста, где речь идет об авторе-рассказчике, – в женском.

В «Записках» Дуровой функционально значимы авторские отступления от основной сюжетной линии. Можно выделить четыре основных вида авторских отступлений в рассматриваемом произведении. Это отступления лирические, аналитические и сатирические, а также многокомпонентные отступления, которые могут сочетать в себе комментарии и элементы описания. Однако такая классификация не может передать в полном объеме всех существующих нюансов, и ее можно применить по отношению к автобиографическому произведению Н.А. Дуровой только условно.

Авторские отступления и комментарии разнообразны по форме и эмоциональной окраске. Среди основных форм выражения авторского сознания в произведении необходимо выделить следующие: короткий иронический или саркастический комментарий, лирическое отступление и размышление, отступление в виде художественных рассказов. Любая из вышеперечисленных форм содержит прямое либо косвенное обращение к читателю.

Зачастую авторское комментирование построено на использовании различных форм комического. Данная закономерность продиктована мемуарным направлением произведения и особенностями творческой манеры писательницы. Использование авторских отступлений сближает автобиографическое произведение с художественной прозой.

Н.А. Дурова использует в произведении различные виды отступлений, в том числе и лирические. Они дополняются системой коротких авторских замечаний. По форме такие комментарии близки к ремарке в драматическом произведении.

Говоря о лирических авторских отступлениях в мемуарном произведении, необходимо отметить, что лиризм не характерен для автобиографического стиля. Художественная концепция автобиографии базируется на оппозиции таких смысловых доминант, как «историчность изображения» и «художественный вымысел». Первый элемент признается ею как наиболее продуктивный и приемлемый, а другой должен быть сведен к минимуму.

Очевидно, что в «Записках» Дурова отступает от вышеупомянутой четкой иерархичности и использует лирические отступления, порой основанные на собственных впечатлениях.

Авторскую субъективность можно наблюдать и в жанровых особенностях текста. Эта особенность реализована в «Записках» при помощи структурного деления, литературных вставок и авторского комментария, в котором она предвидит возможную реакцию читателей на появление своего произведения. «Записки» Н.А. Дуровой буквально «пронизаны» всевозможными вставными новеллами, в основе которых лежат факты реальной действительности и художественного вымысла. Содержательно произве-

дение распадается на две самостоятельные части. В первой главе речь идет о событиях, предшествующих уходу Н.А. Дуровой в армию (1782 – 1806), с подзаголовком «Детские лета мои»; во второй – годы службы в Коннопольском и Мариупольском гусарском полках. «Записки» можно рассматривать как начало автобиографического цикла, завершение которого находим в произведении «Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения» [1].

При определении жанровой природы «Записок» существует устойчивая традиция рассматривать их как образец военной мемуаристики первой половины XIX века. Начало такому отношению к «Запискам» было положено еще А.С. Пушкиным, который, печатая во втором номере «Современника» отрывок из них под названием «1812 год», смотрел на него как на образец военной мемуаристики, имеющий исключительно документально-исторический интерес. Окончательно эта традиция сложилась к 1912 году, году празднования столетнего юбилея Отечественной войны, когда было осуществлено первое за более чем семьдесят лет переиздание «Записок» именно как военных мемуаров, посвященных событиям наполеоновских войн. В советское время эту точку зрения разделяли Б.В. Смирнский [7], В.В. Афанасьев [6] и И.П. Изергина [9].

С другой стороны, существует и диаметрально противоположная точка зрения. Так, А. Сакс отмечал, что «Записки» Н. Дуровой полулегендарные: «Дурова нередко пускается в область фантазии, предпочитая вымысел правдивому изложению событий» [16]. В. Муравьев прямо пишет, касаясь жанровой специфики «Записок», что они «не мемуары, но художественно-литературное произведение, в котором главное – не цепь событий, но образ автора» [12].

Это несовпадение точек зрения на жанровую природу «Записок» обусловлено, на наш взгляд, тем, что, во-первых, на «Записки» смотрят как на жанрово однородное образование, не обращая внимания на структурную неоднородность составляющих его частей. Между тем в случае с «Записками» мы имеем дело со структурно-неоднородным образованием, представляющим собой особенности такого синтетического жанра, как автобиография.

Таким образом, в произведении доминирующими формами выражения авторского сознания являются сам образ автора и его функционирование в произведении, авторские отступления и особенности жанра.

Подводя итоги, отметим, что выражению представленных форм авторского сознания в «Записках» способствовал сам автобиографический жанр, сориентированный на воспроизведение реальных событий, свидетелем или участником которых был автор мемуаров. Поскольку реальная жизнь и перипетии военного существования предлагали автору на осмысление самые разные факты действительности, подходящие под разряд и «величественных», и «чувствительных», и безобразно-смешных, достойных презрения, то естественно, что мемуарист должен был не просто прекрасно владеть всеми известными к тому времени стилевыми манерами письма, но и

уметь искусно синтезировать их, чтобы создать органически целостный текст.

Следует также отметить и то, что для первой половины XIX века процесс стирания четких границ между различными литературно-эстетическими системами за счет их одновременного функционирования в пределах одного текста, представляющего собой жанрово неоднородное целое, объединенное образом биографического автора-мемуариста, имел, безусловно, большое значение, так как способствовал созданию предпосылок для появления единого нормативного литературного языка русской прозы.

Литература

1. *Александров*. Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения. – СПб., 1838.
2. *Барт, Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика: / Р. Барт; пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М., 1989.
3. *Бахтин, М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М., 1986. – С. 9 – 191; 404 – 412.
4. *Валгина, Н.С.* Теория текста / Н.С. Валгина. – М., 2003. – URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook029/01/index.html>
5. *Виноградов, В.В.* Проблема образа автора в художественной литературе / В.В. Виноградов // О теории художественной речи / послесл. Д.С. Лихачева. – М., 1971. – С. 105 – 211.
6. *Дурова, Н.А.* Избранное / Н.А. Дурова; вступ. ст. В.В. Афанасьева. – М., 1984.

7. Записки кавалерист-девицы / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Б.В. Смирнского; оформл. и ил. А. Анисимова. – Казань, 1979.

8. Записки кавалерист-девицы, издаваемые А.С. Пушкиным / предисл. изд. А.С. Пушкина // Современник. – 1836. – Т. 2. – С. 53 – 132.

9. *Изергина, Н.П.* Дурова – писательница / Н.П. Изергина // Ученые записки Кировского педагогического ин-та. – 1967. – Вып. 29. – Т. 2. – С. 68 – 69.

10. *Карпов, И.* Автор – аналитическая филология – авторология / И. Карпов // Зеленая лампа. – 2004. – № 1. – URL: <http://lamp.semiotics.ru/avtorolog.html>

11. *Корман, Б.О.* Лирика Н.А. Некрасова / Б.О. Корман. – Воронеж, 1964.

12. *Муравьев, В.Б.* Кавалерист-девица Надежда Дурова / В.Б. Муравьев // Дурова Н.А. Избранные сочинения кавалерист-девицы / сост., вступ. ст. и примеч. В.Б. Муравьева. – М., 1988. – С. 5 – 24.

13. *Новиков, Л.А.* Художественный текст и его анализ / Л.А. Новиков. – М., 1988.

14. *Приказчикова, Е.Е.* «Записки кавалерист-девицы» Н.А. Дуровой и военная мемуарная литература первой половины XIX века: дис. ... канд. филол. наук / Е.Е. Приказчикова. – Екатеринбург, 1995.

15. *Савкина, И.Л.* Пишу себя... Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины века / И.Л. Савкина. – Тампере, 2001.

16. *Сакс, А.* Кавалерист-девица – А.А. Александров / А. Сакс. – СПб., 1912.

17. *Успенский, Б.А.* Поэтика композиции / Б.А. Успенский. – СПб., 2000.

18. *Фуко, М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко; пер. с фр. – М., 1996.

19. *Хализев, В.Е.* Теория литературы / В.Е. Хализев. – М., 1999.

УДК 81'246.2

И.Ю. Мишинцева

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Г.Н. Чиршева

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЙ КОДОВ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

В статье рассматриваются прагматические функции, которые выполняют переключения кодов (ПК) в англоязычных британских и американских художественных произведениях. Прагматические свойства переключений подразделяются на несколько групп, в зависимости от их связи с особенностями художественного текста или сходства с подобным явлением в живой речи.

Переключения кодов, прагматические функции, художественный текст, коммуникация персонажей, речь автора.

The article deals with the pragmatic functions of code-switching in British and American fiction. The pragmatic characteristics of code-switching are divided into several groups according to the ways they reflect peculiarities of fiction or their similarity to oral bilingual interaction.

Code-switching, pragmatic functions, literary discourse, characters' interaction, author's speech.

Первым этапом при порождении речи является формирование ее функционально-прагматических особенностей. Поэтому участие в билингвальной коммуникации требует, кроме языковой компетенции, внимания к экстралингвистической ситуации [2, с. 37].

На выбор языка общения может оказывать влияние любой компонент коммуникативной ситуации. Обычно выбор кода происходит под влиянием нескольких факторов: коммуниканты, посторонний слушатель, место, время и цель общения [11, с. 135].

Функции коммуникации соотносятся с основными мотивами общения: установлением контакта, воздействием на другого человека, стремлением к общению. В общении действует главный смыслообразующий мотив и мотивы-стимулы, увеличивающие или уменьшающие влияние ведущего мотива [1, с. 90].

Прагматические свойства переключений исследовали П. Ауэр [4], Р. Аппель и П. Муйскен [3], Т. Батачария и Б. Хаобам [5], Дж. Гампрец [6], [12], Ф. Грожан [11], С. Монтес-Алкала [16], Э. Фредстед [10].

В данном исследовании прагматические характеристики ПК в письменном художественном тексте анализируются на основе классификации Г.Н. Чиршевой [2, с. 37 – 46], поскольку эта классификация подробно описывает прагматические свойства переключений (включает в себя 11 функций ПК: адресатную; эзотерическую; предметно-тематическую; фатическую; самоидентификации; металингвистическую; декоративную цитатную; юмористическую; эмоциональную; воздействия; эмфатическую; экономии языковых средств) и подходит для анализа как устного, так и письменного материала. Однако, в силу специфики исследуемого материала (художественных текстов), к этой классификации добавлены еще две функции: создание эффекта коммуникации на гостевом языке (стилизация под речь на гостевом языке (ГЯ)); встречающаяся как дополнительная к ней функция повтора содержания высказывания. Эзотерическая, юмористическая, декоративная (как ведущие) функции и функция экономии языковых средств в рассматриваемых художественных произведениях обнаружены не были.

Распределение прагматических функций ПК в коммуникации героев произведений и авторской речи неодинаково. Переключения в речи персонажей отличаются большим разнообразием прагматических возможностей. Рассмотрим их более подробно.

В результате анализа 2050 переключений в речи героев художественных произведений было выявлено, что часть ПК, представленных в художественных текстах, по сюжету произведений не являются переключениями. Их функция заключается в создании у читателя впечатления коммуникации на гостевом языке. В связи с этим прагматические функции переключений в художественных произведениях подразделяются на две группы, противопоставленные друг другу по признаку сходства с живой речью.

Прагматические свойства переключений первой группы тесно связаны с художественным текстом и не могут быть использованы в живой речи. Их можно рассматривать как литературный прием, способствующий созданию образности произведения. Довольно большое количество переключений в речи героев (43 %) использовано с этой целью.

Вторая группа функций сходна по своему составу с прагматическими свойствами переключений кодов в устной речи. Это те переключения, которые использовали персонажи в своей билингвальной речи. Рассмотрим переключения каждой из этих двух групп.

1. Прагматические свойства переключений, связанные с художественным текстом

Функция создания эффекта коммуникации на гостевом языке (стилизация высказываний под речь на ГЯ).

В функции создания эффекта коммуникации на гостевом языке в речи персонажей исследуемых художественных произведений использована почти половина всех переключений (43 %). Она связана с тем, что по сюжету коммуникация героев происходит на языке, отличном от того, с помощью которого смысл высказываний передается читателю. Читатель понимает, на каком языке идет общение между героями, по авторским комментариям, а также по отдельным словам и выражениям «реального» языка коммуникации, действующим как гостевые единицы в тексте. Например:

“*Ya lo veo,*” he said in Spanish. “I have seen him,” speaking from the front of his mouth with almost no movement of his lips in the way that is quieter than any whisper. He looked at the sentry as Robert Jordan smiled at him and, pointing with one finger, drew the other across his throat. Robert Jordan nodded but he did not smile [13, с. 69].

Действие романа *For Whom the Bell Tolls* происходит в Испании во время второй мировой войны. Практически все общение между героями произведения идет на испанском языке, поскольку они монолингвальные испанцы. Единственным билингвом среди основных персонажей является главный герой, американец Роберт Джордан, по образованию преподаватель испанского языка. Однако читателю произведение представлено на английском языке с множеством отдельных переключений на испанский. Их основная функция – напомнить читателю и создать впечатление, что все высказывания в действительности произнесены на испанском языке. ПК в указанном выше примере происходит в речи старого испанского партизана Ансельмо, владеющего только испанским языком. Смысл высказывания дублируется также на английском. Присутствует комментарий автора о том, что речь произносится на испанском.

2. Функции переключений кодов, сходных с живой речью

Прагматические функции художественных переключений кодов, которые свойственны и живой речи, составляют 57 % от общего числа прагматических свойств исследуемых ПК в речи персонажей. Эти функции можно подразделить на две подгруппы: передающие субъективную информацию и передающие объективную информацию. Именно субъективные функции и участвуют в создании речевого образа персонажа. К ним относятся эмоциональная функция, самоидентификации, эмфатическая, воздействия и металингвистическая функции. Объективно направленные функции включают в себя предметно-тематическую, адресатную, фатическую и цитатную функции. Наибольшим сходством с устными переключениями обладают ПК, передающие объективную информацию.

А. Субъективно направленные функции переключений

I. Эмоциональная функция

Переключения, реализующие эмоциональную функцию, составляют 17 % от общего числа ПК речи персонажей и 30 % переключений, сходных с живой речью. Известным фактом является то, что эмоции легче выражать на родном языке, эмоциональные высказывания на нем лучше осознаются говорящим. Эта особенность подтверждается и в нашем исследовании, поскольку выражение эмоций является самой распространенной функцией непосредственных ПК в произведениях, например:

“Yes – but how did you know?”

“Oh, *c’est evident!* Continue!” [8, с. 113].

Высказывание с переключением принадлежит персонажу произведений А. Кристи Эркюлю Пуаро. Этот герой – бельгиец, и его родной язык – французский. Переключение на французский язык *c’est evident* («это очевидно») является эмоционально-оценочным высказыванием.

Переключения также могут быть связаны с передачей отрицательных эмоций при обозначении неприятных явлений (с этой целью иногда используются эвфемизмы), или понятий, относительно которых говорящий чувствует неловкость. Например:

“I should only be *de trop*,” said the captain [18, с. 69].

В данном высказывании слово, обозначающее понятие «лишний», заменено французским выражением *de trop*.

II. **Функция самоидентификации** (4 % всех ПК в речи персонажей и 7 % непосредственных ПК). Переключаясь на другой язык, герои подчеркивают свою национальную принадлежность (если это их родной язык), или знание какого-то языка и/или культуры. Функция самоидентификации сопровождает многие другие функции как дополнительная, однако как ведущая она встречается только тогда, когда другие функции не задействованы.

“*Tout de même*, I do not think there is much you can do down there for the present,” said Poirot [9, с. 103].

Переключение в речи бельгийца Пуаро передает значение «тем не менее». Оно использовано только в связи с национальной самоидентификацией персонажа.

III. **Эмфатическая функция** (3 % всех ПК и 5 % действительных ПК). Под данной функцией мы понимаем не только рематическое выделение гостевого слова, но и акцентирование внимания на определенных идеях или понятиях с помощью ПК. Были обнаружены две основные особенности эмфатических переключений.

Во-первых, ПК используются в этой функции, когда внимание обращено не на само гостевое слово, а на тот отрезок высказывания, который следует за ним, т.е. единицы гостевого языка рематизируют следующие за ними единицы матричного языка. Например:

“If a thing is clear as daylight – *eh bien*, mistrust it!” [8, с. 132].

Переключение на французский язык *eh bien* «итак» создает некоторую паузу, выделяет ремат высказывания и тем самым привлекает к ней внимание

читателя. То же самое наблюдается в следующем примере с переключением *enfin* «наконец»:

“It is necessary to pool reminiscences, to compare notes – *enfin* to talk the thing over – to talk – to talk – and again to talk.” [9, с. 132].

Во-вторых, само переключение является эмфазой, при этом оно может выноситься в обособленную позицию в предложении, например:

“I never dreamed that he does, and have nothing so alarming in store for you – *rassurez-vous bien!* – as to propose that he shall be invited to sink a feeling for the mother in order to take one up for the child.” [14, с. 191].

Переключение на французский *rassurez-vous bien* «очень вас успокаиваю» является внешним комментарием по отношению к самому высказыванию. ПК создает контраст между двумя частями этой речи, привлекает внимание к этому дополнительному комментарию.

IV. **Функция воздействия** (2 % всех ПК и 3,5 % действительных ПК). В большинстве случаев эту функцию выполняют высказывания, целью которых является побуждение собеседника к действию:

“*Écoutez!* («слушайте!») I have a list here – a list of persons connected with the crime.” [7, с. 166].

V. **Металингвистическая функция** (0,7 % всех ПК и 1 % действительных ПК). Комментарии о языке или речи встречаются в художественных произведениях довольно редко:

“I think I should be no happier if I won her. *Que voulez-vous?*” («Что я могу еще сказать?») [17, с. 396].

Б. Объективно направленные функции переключений

I. **Предметно-тематическая функция** (13 % всех ПК и 23 % действительных ПК). Переключения в этой функции реализуются при использовании имен собственных, а также некоторых тем, которые в определенных произведениях или в целом ассоциируются с тем или иным языком. Среди имен собственных встретились названия песен, книг, газет, продуктов питания, географических реалий и языков. Например:

“You must eat the *Madeleines*,” said the Mother Superior, “because Sister St Joseph made them for you herself this morning.” [15, с. 125].

Переключение *Madeleines* обозначает французское печенье «Мадлен», которое приготовила французская монахиня. Говорящая (настоятельница французского монастыря в Китае) является англо-французским билингвом. В своей речи на английском языке она употребляет оригинальное французское название печенья.

Для персонажа Э. Пуаро характерно использование французского языка при обсуждении определенных тем: работа, женщины, болезни, спорт, театр, красота, еда. Например:

Le sport, it is the passion of you English [8, с. 129].

Здесь в позиции ПК использовано французское слово «спорт».

Слова другого языка, ассоциируемые с культурой этого языка, билингвы предпочитают не переводить

на матричный язык, а употреблять на исконном языке: *pareo*, *chaise longue*, *mousquetaire*, *pied-à-terre*, *preux chevalier* (доблестный рыцарь), *soubrette*, *tête-à-tête*, *femme de chambre* (горничная), *dame de compagnie* (компаньонка), *carte blanche*, *kummel* (тминная водка), *oïen* (охен, анисовая водка), *nuance*, *point de repère* (точка ориентира), *garçon* (официант), *chasseur* (слуга в гостинице).

II. Адресатная функция (10 % всех ПК и 18 % действительных ПК). Адресатная функция часто реализуется в обращениях, чтобы создать доброжелательную тональность общения. Например:

“Poirot,” I said. “Am I quite demented?”

“No, *mon ami*, but you are, as always, in a mental fog.” [8, с. 20].

Э. Пуаро обращается к напарнику: “*mon ami*” («мой друг»), переключаясь на свой родной французский язык.

III. Фатическая функция (5,3 % всех ПК и 9 % действительных ПК).

В фатической функции встретились клише приветствия и прощания:

“*Au revoir*,” she said, kissing her hand to Mr. Joseph, and tapped gently at the door of his sister's apartment. As she entered and closed the door on herself, he sank down in a chair, and gazed and sighed and puffed portentously. “That coat is very tight for Milor,” Isidor said [18, с. 332].

Многие переключения в фатической как ведущей прагматической функции связаны с поддержанием контакта:

“Just at the right moment, *n'est-ce pas?*”

“Do you think he is speaking the truth?” [7, с. 153].

Переключением *n'est-ce pas* («не правда ли») в своей речи Э. Пуаро передает коммуникативный ход собеседнику.

IV. Цитатная функция (2 % всех ПК и 3,5 % действительных ПК).

В этой функции встречается, во-первых, цитирование или псевдоцитирование (приписывание слов персонажу, который на самом деле их не говорил) определенных людей, например, героев этого же произведения, в котором приводится цитата:

“She does want him for herself – that's all I say. “*Pourquoi faire?*” («зачем делать это?») you ask – or rather, being too shy, don't ask, but would like to if you dared, or didn't fear I'd be shocked.” [14, с. 191].

Во-вторых, переключения кодов используются для цитирования крылатых выражений:

“*In vino veritas* (лат. «в вине правда»), old boy.” [18, с. 375].

Для переключений в авторской речи (256 единиц) характерны прагматические функции только второй группы, т.е. сходные с живой речью: предметно-тематическая (56 %, 143 единицы); цитатная (21 %, 54 единицы); эмоциональная (15 %, 39 единиц); фатическая (8 %, 20 единиц).

Таким образом, переключения по ведущим функциям можно разделить на две большие группы: ПК для создания эффекта коммуникации на ГЯ и ПК – отражение живой речи персонажей. Первая группа переключений кодов связана с эстетической (художественной) функцией произведения, поскольку

служит созданию его образности. Во второй группе используются такие же функции, как и в устной коммуникации, поэтому она призвана формировать речевой образ персонажей и тем самым характеризовать их личностные качества. Такую задачу, в первую очередь, выполняют субъективно направленные функции.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что прагматические функции переключений в некоторой степени коррелируют с двумя функциональными стилями: разговорным и художественным. Художественный текст позволяет применять переключения для создания эффекта коммуникации на гостевом языке, что недопустимо в живой речи.

Литература

1. Тарасов, Е.Ф. Место речевого общения в коммуникативном акте / Е.Ф. Тарасов // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М., 1977. – С. 67 – 95.
2. Чиршева, Г.Н. Двухязычная коммуникация / Г.Н. Чиршева. – Череповец, 2004.
3. Appel, R. Language contact and bilingualism / R. Appel, R. Muysken. – London, 1987.
4. Auer, P. The pragmatics of codeswitching: a sequential approach / P. Auer // One speaker, two languages. Cross-disciplinary perspectives on code-switching / L. Milroy, P. Muysken (eds.). – Cambridge, 1995. – P. 115 – 135.
5. Bhattacharya, T. Mixed Code as a ‘Complex Machine’ / T. Bhattacharya, B. Haobam. – URL: http://du-in.academia.edu/TanmoyBhattacharya/Papers/133138/Mixed_Code_as_a_Complex_Machine, 2006
6. Blom, J.P. Social meaning in linguistic structures: code-switching in Norway / J.P. Blom, J.J. Gumperz // Directions in sociolinguistics. The ethnography of communication / J.J. Gumperz, D. Hymes (eds.). – N.Y., 1972. – P. 407 – 434.
7. Christie, A. Peril at End House / A. Christie. – N.Y., 1976 (1931).
8. Christie, A. Poirot Investigates / A. Christie. – N.Y., 1979 (1923).
9. Christie, A. The ABC Murders / A. Christie. – London, 1979 (1936).
10. Fredsted, E. We make such a mishmash: Bilingual language usage in classroom peer group talk / E. Fredsted // Developing contrastive pragmatics: interlanguage and cross-cultural perspectives / M. Pütz, J. Neff-van Aertselaer (eds.). – Berlin, 2008. – P. 181 – 207.
11. Grosjean, F. Life with two languages: An introduction to bilingualism / F. Grosjean. – Cambridge, MA; London, 1982.
12. Gumperz, J.J. Discourse Strategies / J.J. Gumperz. – N.Y., 1982.
13. Hemingway, E. For Whom the Bell Tolls / E. Hemingway. – M., 1981.
14. James, H. The Awkward Age / H. James. – London, 1976 (1899).
15. Maugham, W.S. The Painted Veil / W.S. Maugham. – M., 2003.
16. Montes-Alcalá, C. Mándame un e-mail: cambio de códigos español-inglés online / C. Montes-Alcalá // In contacto y contextos lingüísticos: El español en los Estados Unidos y en contacto con otras lenguas / L. Ortiz, M. Lacorte (eds.). – Madrid, 2005. – P. 173 – 185.
17. Thackeray, W.M. The History of Henry Esmond, Esq. / W.M. Thackeray. – M., 1954.
18. Thackeray, W.M. Vanity Fair. In two parts. Part One / W.M. Thackeray. – M., 1950.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ДИФФЕРЕНЦИОННО-ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПРИНЦИП В ОСВОЕНИИ ДЕТЬМИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

В статье рассматриваются проблемы освоения числа как грамматической категории русского языка. Описано действие универсального принципа умственного развития дифференциации – интеграции в процессе становления плана выражения и плана содержания грамматической категории числа существительного.

Категория числа существительного, морфологическая форма, граммымы числа, дифференциация, интеграция.

The article deals with the problems of mastering the number as a grammatical category of the Russian language. The action of the universal principle of intellectual development of differentiation-integration is described in the process of formation of the plan of expression and the content of the grammatical category of the number of the noun.

Category of the number of the noun, morphological form, grammemes of number, differentiation, integration.

Мысль о том, что освоение ребенком языковой системы идет по пути дифференциации, прямо или косвенно высказывалась в работах многих ученых. Так, Л.С. Выготский в контексте обсуждения проблемы мышления и речи, писал об этапе образования «неоформленного и неупорядоченного множества», выделения «кучи каких-либо предметов». Эта «куча» «предполагает диффузное, ненаправленное распространение значения слова или заменяющего его знака на ряд внешне связанных во впечатлении ребенка, но внутренне не объединенных между собой элементов» [2, с. 127 – 128].

С.Д. Кацнельсон писал о словах-синкретах, обозначающих ситуацию в целом без выделения субъекта, объекта действия, самого действия. Развитие значений этих слов далее идет по пути постепенной детализации [5, с. 374].

А.Н. Гвоздев указывал на отчетливо выраженную закономерность развития детской речи от общих категорий к частным, находящимся «внутри этих более широких категорий», о развитии грамматического строя «путем усложнения и дифференциации значения» [3, с. 462].

Мысль о принципе дифференциации при освоении ребенком морфологического компонента языковой системы выражена в работах С.Н. Цейтлин, которая пишет о начальных словах ребенка как о гештальтных образованиях – синкретах: «каждая из словоформ со временем обретает членимость, выделяется неизменяющаяся часть – основа, а также форматив, при этом освоение способов их комбинирования входит как важная составляющая в формирующийся грамматикон в виде определенных морфологических правил» [8, с. 28].

Наиболее полное обобщение выводов исследований умственного развития в контексте принципа дифференциации – интеграции было сделано Н.И. Чуприковой. Обсуждаемый принцип «состоит в том, что всякое развитие, где бы оно ни происходило, идет от общего к частному, от целого к частям, от состояний и форм мало определенных, примитив-

ных, глобально-диффузных и недифференцированных к состояниям и формам все более определенным, внутренне расчлененным и дифференцированным» [9, с. 18].

Хранение сложившихся форм достигается путем их прогрессивного развития, при этом число элементов системы увеличивается, а значит, увеличивается число организационных различий между частями целого, растет число внутренних противоречий, что потенциально может привести к дезорганизации и распаду системы. Удерживает от этого интеграция, «ведущая к совершенствованию специализированных функций в направлении их взаимопроникновения и взаимосогласования, и системная консолидация, устраняющая внутренние противоречия за счет кардинального преобразования организации» [9, с. 34].

Таким образом, языковая система в онтогенезе, как и прочие системы, подчинена действию диалектического взаимодействия принципов дифференциации и интеграции. Отметим, что понятия дедукции и индукции не заменяют понятий дифференциации и интеграции. Первые означают способ познания, вторые – принципы умственного развития. Сначала ребенок отталкивается от конкретных образцов в речи взрослых, а затем переходит к более абстрактному, движется от частного к общему. Однако форма и содержание впервые освоенного частного являются недифференцированными, диффузными в том смысле, что в них на начальных этапах не выделяется никаких структурных элементов. Характерен пример из речи Ани С.: «*Баба надачу*. Мама: Баба не на даче, а на работе. А дача спит до весны. *Надачу спит*. 2.00.26»¹ [7, с. 7].

Первое высказывание ребенка говорит о том, что предложно-падежная форма существительного вос-

¹ Здесь и далее в кавычки берется цитата из источника, в звездочки – цитата из речи ребенка, цифрами (например, 2.00.26) обозначается возраст ребенка. Первая цифра указывает на количество лет, вторая – месяцев, третья – дней.

принимается им как единое целое, обозначающее местонахождение, хотя в конвенциональном языке она служит для выражения направления движения. Во втором случае эта форма несколько деформируется, предлог поглощается основой слова, используется привычная для ребенка флексия именительного падежа, но и в этом случае семантическая и формальная целостность сохраняется.

Как проявляется обсуждаемый принцип в становлении категории числа существительных в речи детей, осваивающих русский язык как родной?

Проведенные нами наблюдения за развитием речи детей дошкольного возраста, материалом для которых послужили данные Фонда детской речи РГПУ им. А.И. Герцена, позволяют сделать ряд выводов в отношении онтогенеза плана выражения и плана содержания грамматической категории числа существительного.

Первые оппозиции по числу у имен существительных могут возникнуть в речи ребенка достаточно рано. Так, в речи Лизы Е. соотносительные по числу формы существительных встречаются приблизительно в возрасте 1.08.00 – 1.09.00: *рыбка – рыбки* (1.08.05), *ишики – ишика* (1.08.17 – 1.08.27). К 3-летнему возрасту существительные разных типов склонений зафиксированы нами практически во всех падежно-числовых формах: в речи Лизы Е. и Ани С. встречаются все 12 падежно-числовых форм существительных разного типа склонения. В речи Аси П. и Бори М. отсутствуют некоторые формы косвенных падежей (дат., тв., предл. п., мн. ч. – у Аси; дат. тв. п., ед. ч. и род., дат., тв. и предл. п., мн. ч. – у Бори). Примечательно, что процент инноваций, т.е. словоформ, не соответствующих нормам конвенционального языка, в речи ребенка до трех лет невелик. Так, среди примеров из речи Ани С. их всего лишь 1,7 % от всех употребленных падежно-числовых форм существительных. Малый процент инноваций на фоне общего количества всех употреблений падежно-числовых форм существительного говорит о том, что большая часть форм извлекается в процессе речи в готовом виде и в том, что грамматическое значение числа существительных во многих случаях находится в недифференцированном виде во временной языковой системе ребенка.

По разнообразию словоформ существительных в речи ребенка до трех лет можно видеть, что накопление элементов системы словоизменения русского имени существительного в онтогенезе происходит достаточно быстро, т.е. дифференциация в данной сфере достигает довольно высокого уровня.

Как было сказано выше, развитие носит билатеральный характер, т.е. дифференциации сопутствует интеграция, оба принципа действуют в диалектическом взаимодействии. Надежным доказательством этому служат инновации.

В литературе по детской речи указывалось, что усвоение языка детьми представляет собой смену временных языковых систем. На каждом из этапов наблюдаются инновации, имеющие различную природу. Некоторые из них возникают из-за недостаточной дифференцированности одной из усвоенных

форм, которая является, по сути дела, тем, что считается словоформой, т.е. словом (лексемой) «в некоторой грамматической форме» [6, с. 470].

Она служит каркасом, используемым ребенком для построения образований, для которых в конвенциональном языке существуют свои правила. Вследствие этого возникают сверхгенерализации, такие как экспансия флексии – ОВ / -ЁВ: **Медведев всех уберем** (Лиза Е., 2.05.11); употребление флексии – ОМ, предназначенной для сущ. 2-го скл., тв. п., ед. ч., в формах существительных этого же склонения, но для тв. п., мн. ч.: **Я кормлю маму скульком** (Аня С., 2.03.14); *(я кормлю маму ишурками от яблок); *Ишь, красивый [халатик] с завязочком даже** (Аня С., 2.02.16); а также для существительных тв. п., ед. ч., но 1-го скл.: **спинком ударилаь**, **вилком ела** (Аня С., 2.02.23). Таким образом, определенная словоформа может функционировать на начальном этапе освоения грамматики в недифференцированном виде, выполняя универсальную функцию.

На основе услышанных в речи взрослых образцов, в результате многократного повторения ряда словоформ, ребенок производит образования по аналогии, т.е. усваивает то или иное правило. Это правило начинает применяться им для более широкого круга единиц, чем это предусмотрено конвенциональным языком. Сам факт выделения правила свидетельствует о дифференциации, но расширенное применение этого правила говорит об интегрированной природе этого правила.

Наблюдения показывают, что семантические и структурные функции граммем, которые были разграничены в работах А.В. Бондарко [1, с. 44], осваиваются не одновременно.

Среди набора функций граммем числа существительного есть структурная в составе количественно-именных сочетаний. Употребление форм числа существительного здесь «асемантично» [8, с. 282]. Ошибки выбора граммы числа (мн. ч. существительного при числительных от двух до четырех выбирается вместо ед. ч.) встречаются даже в речи детей старшего дошкольного возраста: **Четыре ложек за Егорку!** (Лиза Е., 6.06.16). Это объясняется давлением ранее усвоенного правила для существительных вне количественно-именных сочетаний, согласно которому предметы в количестве более одного обозначаются формой мн. ч. Ребенок продолжает передавать в своей речи именно эту основную функцию граммы мн. ч., независимо от того, функционирует ли существительное в количественно-именном сочетании или вне его. Однако, когда ребенком усваивается правило, согласно которому при числительных, начиная от двух, существительное должно находиться в ед. ч., род. п., вновь усвоенное правило распространяется на существительные при числительных более четырех и даже на субстантивированные прилагательные (*пять листа, три выходного*).

Таким образом, становление категории числа может быть рассмотрено как смена временных систем, поддерживаемых тем или иным правилом, которое связывает элементы системы.

Однако материал наблюдений также показывает,

что практически в один и тот же период могут встретиться инновационные словоформы, образованные как по одному правилу, так и по другому *А когда мы поспим, будет ещё три выходного?* (Витя О., 4;06;07); *Три надо парусов* (Витя О., 4.10.18), что говорит о неустойчивом характере временной языковой системы ребенка.

В исследовании Н.В. Ионовой, изучавшей проблему становления в детской речи категории падежа существительного, указывается на то, что «в первую очередь дети овладевают основными значениями падежей» [4, с. 131]. В случае с категорией числа наблюдается аналогичная картина. Среди содержательных функций грамем числа существительного основной считается способность передавать значение «один – более одного». Именно эта функция в первую очередь осваивается ребенком. Как отмечал А.Н. Гвоздев, опираясь на материал наблюдений за речью сына Жени, «первоначально единственное и множественное число применяется последовательно ко всем группам существительных, и лишь очень поздно начинают обособляться такие своеобразные группы по обозначению числа, как собирательные, с одной стороны, у которых множественность обозначается формами единственного числа, и существительные, не имеющие единственного числа, с другой стороны, у которых форма множественного числа применяется и к обозначению единичных предметов» [3, с. 462].

Распространение правила обозначать формой ед. ч. один предмет, формой мн. ч. – более одного, на те существительные, для которых оно не предназначено, наблюдается в речи детей вплоть до старшего дошкольного возраста. Так, конкретные существительные *pluralia tantum*, обозначающие парносоставные предметы, получают форму ед. ч. в речи детей, если имеется в виду один предмет. См. запись из дневника о развитии Ани С. (2.02.16): «Взяла свои рейтузы и говорит: *Это моя литуза (=рейтуза)*». Форма вещественных существительных, которые являются в конвенциональном языке либо *pluralia tantum* (*сливки*), либо *singularia tantum* (*молоко*), детьми подвергается переосмыслению (в результате процесса квантификации), и они становятся именами с полной числовой парадигмой: *Много песков [экскаватор насыпал]* (Витя О., 2.05.26) о нескольких

порциях песка, высыпанного игрушечным экскаватором); *На кухню пришли молоко* (о пакетах молока, доставаемых из мешка) (Витя О., 2.09.00). Имеются абстрактные, чаще всего имеющие только форму ед. ч. (*красота, любовь, жизнь*), в результате переноса наименования отвлеченного качества на предмет, приобретают в речи ребенка форму мн. ч.: *Вон какие красот'ы, куколки какие! ...Вот эту куколку сделала тетя Маша, а эту я сделал красивую, с уборами* (Лиза Е., 3.00.08).

Процесс становления категории числа имен существительных в речи детей предстает как смена этапов, на каждом из которых во временную языковую систему входят все новые элементы (происходит дифференциация). На основе образцов, имеющихся в речи взрослых, вырабатываются правила образования словоформ, это проявляется в образованиях по аналогии, что является свидетельством формирования связей между накопленными элементами (интеграция). Но в то же самое время расширенное применение этих правил говорит о недостаточной дифференциации сферы их применения.

Литература

1. Бондарко, А.В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования / А.В. Бондарко / РАН; Ин-т лингвистических исслед. – М., 2005.
2. Выготский, Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – М., 2005.
3. Гвоздев, А.Н. Вопросы изучения детской речи / А.Н. Гвоздев. – СПб., 2007.
4. ИONOBA, Н.В. Проблемы освоения семантических функций предложно-падежных форм имени существительного / Н.В. ИONOBA // Вестн. Поморского ун-та. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». – 2006. – № 5. – С. 131 – 136.
5. Кацнельсон, С.Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия / С.Д. Кацнельсон. – М., 2001.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1990.
7. От двух до трех. Дневниковые записи / сост. С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева. – СПб., 1998.
8. Цейтлин, С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи / С.Н. Цейтлин. – М., 2009.
9. Чуприкова, Н.И. Умственное развитие: Принципы дифференциации / Н.И. Чуприкова. – СПб., 2007.

УДК 882.0

Т.А. Пономарева

ЭВОЛЮЦИЯ ЛИРИЧЕСКОГО «Я» В ПОЭЗИИ Н. КЛЮЕВА

В статье анализируется эволюция лирического «я» в поэзии Н. Клюева. Лирический субъект ранних сборников 1910-х сменяется эпическим повествователем «Песнослава» (1919). В лирике 1920-х годов появляется образ лирического героя как личности, не только стоящей за текстом, но и непосредственно выявленной в тексте, с ее психологическими и биографическими особенностями.

Лирик, лирический субъект, повествователь, лирический герой, лирическое «я», художественная картина мира.

The article presents the analysis of evolution of lyric "I" in Kluev's poetry. In early collections of 1910th a lyric subject is replaced by the epic narrator in "Pesnoslov" (1919). In lyric of 1920th the image of a lyric hero as a personality appeared not only following the text but identified in the text, with its psychological and biographical features.

Lyric poet, lyric subject, narrator, lyric hero, lyric "I", artistic picture of the world.

Николай Алексеевич Клюев – самобытный русский поэт первой трети XX века, «посвященный от народа» – родоначальник и «идеолог» новокрестьянской литературы, в которой «избяная Русь» заговорила своим собственным голосом. Сегодня Николай Клюев рассматривается как один из крупных национальных поэтов XX столетия. В последние десятилетия к творчеству Николая Клюева активно обращаются не только отечественные ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Томска, Вологды и других городов, но и слависты из Украины, Латвии, Польши, Америки. На родине поэта в городе Вытегре вот уже в течение почти тридцати лет проходят ежегодные клюевские чтения, имеющие международный характер. Научные конференции, посвященные Клюеву, проводятся также в Томске и Петрозаводске. Благодаря совместным усилиям ученых воссоздана творческая и личная биография поэта, представлена художественная картина его мира, в которой отразились искания русского духа, «рублевская» Русь, крестьянское бытие. Клюевский «избяной космос» раскрывается перед читателем с помощью необычайного, сгущенно-метафорического языка, «вития словес».

И вместе тем многие проблемы поэзии Николая Клюева не исследованы, в частности особенности выражения и формы авторского сознания в его лирике. Существуют книги В.Г. Базанова [1] и А.М. Михайлова [9] о его поэтическом мире, статьи Л.А. Киселевой [4] и Я. П. Изотовой [3] о стихотворных циклах Клюева. Немало сказано об эпическом начале в поэзии олонечского художника, считавшего себя «посвященным от народа», Е.И. Марковой [7] и Э.Б. Мекшом [8], но эволюция образа «я» в его поэзии лишь намечена.

Носителя авторского сознания в первых сборниках Клюева традиционно называют «поэтом», иногда «лирическим субъектом» [9, с. 25]. В книгах «Сосен перезвон» (1911), «Братские песни» (1912) образ «я» условен, не имеет устойчивых биографических, психологических и сюжетных особенностей, а именно эти признаки лирического «я» позволяют, по мнению Л.Я. Гинзбург, говорить о лирическом герое как **единстве** внутренней жизни личности, не только стоящей за текстом, но и непосредственно выявленной в тексте [2, с. 145 – 150].

Широко употребляемый термин «лирический герой», как известно, был впервые введен Ю. Тыняновым. Это особая форма авторского сознания, в которой лирическое «я» является не только субъектом, но и объектом повествования, то есть он не только автор текста, но и объект авторского анализа. Это «„Я“ сотворенное», по выражению М. Пришвина. Лирический герой связан не только с мировидением автора и его переживаниями, но и с духовно-биогра-

фическим опытом, психологией, речевой манерой. Лирический герой «автопсихологичен» [10, с. 313 – 314].

В первых сборниках Клюева лирическое «я» не сводится к единой личности. Оно многолико. Многоликость была творческим кредо поэта:

В художнике, как в лицемере,
Гнездятся тысячи личин... [5, с. 752].

Эти «личины» не были масками поэта, а были ипостасями его многомерной личности. В первых сборниках лирический субъект предстает в облике крестьянского певца «в лаптях и сермяге серой», романтического пилигрима, «пловца» с противоречивой душой («Наружный я и зол и грешен, неосязаемый – пречист» [5, с. 115]), разочарованного в «житейской суете», не принимающего людской «содомской злобы», тоскующего по «украшенному чертогу», «райским кринам» и «берегам иной земли», а также в образе художника-теурга, преображающего «пустыню жизни», утоляющего «вином певучим жажду душ из чаши сердца» [5]. А такие стихи, как «Я был прекрасен и крылат», «Я говорил тебе о Боге», «Поэт», раскрывают уже не символистскую концепцию поэта, творящего «сладостную легенду», но народное сознание и сектантские представления о мужичьем чаемом граде. Это и герой-борец. Скорбные песни «бедного пахаря» сменяются у Клюева «новыми молитвами», становятся революционными песнями:

Но не стоном отцов
Моя песнь прозвучит,
А раскатом громов
Над землей пролетит.
(«Безответным рабом...») [5, с. 79].

Ключевой образ героя первой книги – борца за свободу – отождествляется с образом Христа, первохристианских мучеников («рук пробитых гвозди», «князей синедрин»), а также жертв революции, «угасших в сырых казематах» и идущих на казнь («Мученик», «Завещание», «На пороге жизни», «Под вечер»), и одновременно с героем-повествователем, сидевшим в военной тюрьме («Прогулка», «Есть на свете край обширный»). Биографическое начало обнаруживается не в психологическом, личностном аспекте (воссоздание психологии реальной личности автора), а на уровне отдельных мотивов (тюрьмы, служения народу).

Даже своеобразный любовный роман героя («Вот и лето прошло, пуст заброшенный куст», «Любви начало было летом», «В златотканые дни сентября») и образ «девушки-голубки, в которой угадываются собирательные образы сестер Добролюбовых – Марии («сестра, погибшая в бою») и Елены («Ты все

келейнее и строже», «Предчувствия»), не столько соотносятся с конкретными переживаниями биографического автора, сколько навеяны ранней блоковской лирикой и образом Прекрасной Дамы («по чувству сестра и подруга»).

Таким образом, в ранних стихах Клюева отражается не художественно трансформированное сознание индивидуума, а типы неиндивидуализированного, родового сознания – народнического, символистского, христианско-сектантского. Поэт говорит не от себя, а от лица «мы». Индивидуально-лирическое переживание проявляется лишь в отдельных стихотворениях, в частности, «Весна отсыла», в котором ставится проблема выбора пути.

Благодаря родовой эпической основе, которая выявляется в первых двух сборниках, в книге «Лесные были» (1913) естественно возникает «избяной космос». В «Лесных былях» Клюев отказывается от лирической субъективности, а лирическое «я» практически исчезает. Объектом изображения становится народная Россия. Клюев создает стилизованные под фольклор народные песни, в которых раскрывается русская душа («Посадская», «Бабыя песня»), «Свадебная», «Кабачная», «Острожная»). «Природы радостный причастник», он романтически идеализирует мир деревни, сакрализует «вещь».

Названия всех сборников Клюева ориентированы на эпическое, а не на лирическое сознание: «Сосен перезвон», «Братские песни», «Лесные были», «Мирские думы». Эпика торжествует в «красных» стихах сборника «Медный Кит» (1918), в описании «крестьянской вселенной» «Песнослава» (1919). Об этом свидетельствует и характер изображения мировой войны, революции 1917 года, которые рисуются не в индивидуализированных образах, а как в поэзии Маяковского и пролетарских поэтов, – в «общем разрезе», «панорамным планом».

Главным объектом повествования в «Песнославе», который стал итогом художественных исканий Клюева 1910-х годов, является не внутренняя жизнь человека, а изображение «крестьянского космоса», центром которого является изба. В стихотворении «Рождество избы» строительство дома, описанное с помощью профессионализмов, предстает как акт творения мира:

Крепкогруд строитель-тайновидец,
Перед ним щепы, как письмена,
Запоем резная пава с крылец,
Брызнет яр с наличника окна [5, с. 281].

«Изба-богатырица» одухотворена: «Душа избы старухой-теткой дремля, сидит у комелька» [5, с. 213]. Клюев любовно воссоздает крестьянский уклад, подробно описывает хозяйственные заботы («отжинки»; обмолот; «зазимки»; обработка льна; изготовление лаптей, пряжи, полотна; плетение из бересты), рисует миры, которые возникают вокруг «золотообренного отчего дома»: лес, поле, пашню. Избяной рай Клюева олицетворяет Святую Русь, судьба которой раскрывается в мистическом и историческом аспектах. Образ Руси воссоздается взглядом всевидящего повествователя, хотя и не беспри-

страстного автора «чистой» эпики, а поэта, «посвященного от народа», который видит в ней «белую Индию», преисполненную «тайн и чудес», идеальную страну духовного могущества и духовной культуры. Установка на эпически-объективированное повествование, хотя и субъективно идеализированное, несомненна.

Индивидуализация лирического переживания, стремление в субъекте повествования отразить не только «жизнь на русских путях», странствия «по русским дорогам-трактам» [6, с. 31, 38], но и личную судьбу автора начинают ощущаться в сборнике «Львиный хлеб» (1922) и усиливаются в последующих стихотворениях, лишь отчасти дошедших до современного ему читателя. «Львиный хлеб» – это книга трагических метаний героя, разочарований, разрывов, утрат и обретений крепости духа, надежд и отчаяния: «Родина, я грешен, грешен»; «Родина, я умираю», «Меня хоронят, хоронят». В них воплощены переживания биографического автора, связанные с кризисом веры в революционное Преображение, предчувствия своей трагической судьбы. Они получают воплощение в мотивах смерти, образах расщепления, отрубленной головы, бесов, которые повторяются во многих стихотворениях Клюева, преследуют его в снах, становятся повторяющимися, сюжетообразующими и в художественной форме отражают индивидуально-личностное, собственно лирическое восприятие мира.

Эпический повествователь сменяется лирическим героем, столь не похожим на условный образ поэта в его ранней поэзии. Появляются устойчивые биографические и сюжетные реалии, которые передают душевный опыт автора. «Львиный хлеб» полон тревожными раздумьями. Нередки вопросительные конструкции, которые также говорят о лирической субъективации: «Где же свобода в венке из барбариса и равенство – королевич прекрасный?» Лирический герой осознает конфликт революции с крестьянской Русью, частью которой он себя чувствует: «Мы верим в братьев многоочитых, а Ленин в железо и красный ум». «Мы» в стихах этого периода призвано подчеркнуть единство судьбы героя и народа и нетождественно безликому «мы» пролетарской поэзии.

«Лик коммуны и русской судьбы» раскрывается в антитетичных образах света/тьмы, рождения/смерти, созидания/разрушения, радости/страдания, которые свидетельствуют о душевном смятении автора и трагическом разладе с ходом социально-исторической жизни: «Россия плачет пожарами» – «Россия смеется зарницами»; «Россия плачет распутицей – Россия сеется бурями». Поэт отмечает изменения в избяном мире. Страна Белой Индии превращается в «глухомань северного бревенчатого городишка», «Новая твердь над красной землей» становится «неприкаянной Россией», «невеста-Россия» – «обольщенной Русью». Красно-желтыми красками рисуется не «огненное восхищение», а «желто-грязный зимний закат», «листопадный предзимний звон», гибнущая страна:

Мы очнемся в Красном Содоме,
Где из струн и песен шатры,

Где русалкою Саломия
За любовь исходит в плясне...
Обезглавленная Россия
Предстает, как поэма, мне
(«Вороньи песни») [6, с. 445].

«Мы» уже не поглощают «я», а «я» отражает мироощущение близких по духу людей, характерное и для «я».

Вторая половина 1920-х – начало 1930-х годов характеризуется равенством лирического и эпического в творчестве Клюева. Он создает и лирические стихи, в которых отразилась «золотая русская боль», выраженная в сугубо индивидуализированных переживаниях, и лирические циклы «Разруха» (1933 – 1934), «О чем шумят седые кедры» (1933), и трагический эпос об «отлетающей Руси» – поэмы «Деревня», «Заозерье» (1927), «Соловки» (1926 – 1928), «Погорельщина» (1928), «Песнь о Великой матери» (1931), «Плач о Сергее Есенине» (1926).

Главным содержанием незаконченной и сохранившейся лишь в отрывках поэмы «Каин», над которой поэт работал после «Погорельщины», становится тема личной вины за революционные «грехи» и ответственности лирического героя за поругание Святой Руси, о чем свидетельствует и вариант заглавия – «Я», ориентированный на лирическую субъективацию чувств. Об этом говорят и воспоминания о детстве в заключительной части поэмы:

И была колыбель моя
Под штофным пологом с орлами.
Их чудотворными шелками
Родная вышила любя.

Основным содержанием эпоса и лирики Клюева последних лет является воскресение облика уходящей Руси-Китежа силой слова и оплакивание «родины-вдовицы»: «Плачь, русская земля, на свете злосчастей нет твоих сынов» («Есть демоны чумы, проказы и холеры»). Клюев отказывается воспевать революцию («Мне революция не мать...», «Меня октябрь настиг плечистым», «Нерушимая стена»). В его лирике преобладают мотивы плача по утраченному раю («Наша русская правда погибла», «Не буду писать от сердца»), одиночества, нищеты («Стариком, в лохмотья одетым», «Есть дружба песья и воронья»), поиск опоры в мире «рогатых хозяев жизни», духовной дружбы («Милый друг, из Святогогорья...», «С тобою плыть в морское устье», «Вспоминаю тебя и не помню», «Мне революция не мать») и предчувствия собственной гибели:

И теперь, когда головы наши
Подарила судьба палачу,
Перед страшной кровавой чашей
Я сладкую тепло свечу
(«Вспоминаю тебя и не помню», 1929) [6, с. 545].

Чувства и переживания лирического героя Клюева совпадают с мировосприятием биографического автора, с фактами его внешней биографии (изменение внешнего облика и превращение не

достигшего еще пятидесяти лет мужчины в старца, постоянная нужда, изгойство).

Трагическая участь поэта осмыслена в контексте общей судьбы России:

Где же ты, малиновый, желанный,
Русский лебедь в чаше зоревой?!
Старикам донашивать кафтаны,
Нам же рай смертельный и желанный,
Где проказа пляшет со змеей.
(«Старикам донашивать кафтаны») [6, с. 550].

Цикл «Разруха» имеет лирический характер, более того, это образец высокой реалистической лирики. Вещая песня Гамаюна становится горькой и пророческой вестью лирического героя о гибели родной земли: «что зыбь Арала в мертвой тине, что редки аисты на Украине, моздокские не звонки ковыли», «что Волга синяя мелеет», «что нивы суздальские, тляя, родят лишайник да комли». Настоящее предстает «памятником великой боли», отражено в личностных переживаниях народных страданий в эпоху коллективизации, строительства Беломорско-Балтийского канала:

То Беломорский смерть-канал,
Его Акимушка копал,
С Ветлуги Пров, да тетка Фекла,
Великороссия промокла
Под страшным ливнем до костей
И слезы скрыла от людей,
От глаз чужих в глухие топи [6, с. 626].

Но и в самых горьких произведениях последнего периода присутствует вера в духовный идеал, которую герой, как и биографический автор, черпает в христианских заветах, в подвижничестве афонских и отпинских старцев. В финале «Деревни», после горестных признаний «мы расстались с саровским звоном», «мы тонули в крови до пуза», после трагических строк:

Ты, Рассея, Рассея-теща,
Насолила ты лихо во щи,
Намаслила кровушкой кашу –
Насытишь утробу нашу! –

неожиданно появляется утверждение-заклинание лирического героя: «Только будут, будут стократы на Дону вишневые хаты, По Сибири лодки из кедра, Олончане песнями щедрь» [6, с. 667]. А изображение русской катастрофы в «Погорельщине» сменяется мечтой о Лидде – городе белых цветов. Разочарование в действительности сочетается у Клюева с верой в духовный идеал, который и придает лирическую окраску его эпическим произведениям конца 1920-х годов.

Лирическая субъективность в творчестве Клюева последних десятилетий проявляется не только в лирических стихах, но и в его поэмах, хотя их жанровая природа и соотношение эпического и лирического требует обстоятельного изучения и анализа конкретных текстов.

Последнее известное нам стихотворение Клюева «Есть две страны – одна больница» передает ощущение «последнего срока» биографического автора и, как выяснили томские краеведы, воссоздает топографические реалии последнего места ссылки поэта. Кладбище Томска соседствовало с больницей, а чтобы пройти к некрополю вечером, нужно было постучаться в окно кладбищенской сторожки.

Путь Н. Клюева в общих чертах совпадает с эстетическими исканиями многих художников 1920-х годов – В. Маяковского, О. Мандельштама, в поэзии которых к концу жизни усиливается лирическое начало. Очевидно, трагизм времени требовал личного его осмысления.

Литература

1. Базанов, В.Г. С родного берега: О поэзии Николая Клюева / В.Г. Базанов. – Л., 1990.
2. Гинзбург, Л.Я. О лирике / Л.Я. Гинзбург. – М., 1997.

3. Изотова, Я.П. Мотивы «Избятных песен» Н. Клюева / Я.П. Изотова // Николай Клюев: образ мира и судьба. – Томск, 2005. – Вып. 2. – С. 175 – 189.

4. Киселева, Л.А. Цикл «Избятные песни» Н.А.Клюева в творческой биографии Сергея Есенина (к постановке вопроса) / Л.А. Киселева // О, Русь, взмахни крылами: Есенинский сб. – М., 1994. – Вып. 1. – С. 95 – 103.

5. Клюев, Н.А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Н.А. Клюев. – СПб., 1999.

6. Клюев, Н.А. Словесное древо. Проза / Н.А. Клюев. – СПб., 2003.

7. Маркова, Е.И. Творчество Николая Клюева в контексте северно-русского словесного искусства / Е.И. Маркова. – Петрозаводск, 1997.

8. Меки, Э.Б. Образ Великой Матери (Религиозно-мифологические традиции в эпическом творчестве Николая Клюева) / Э.Б. Мекш. – Даугавпилс, 1995.

9. Михайлов, А.И. Пути развития новокрестьянской поэзии / А.И. Михайлов. – Л., 1990.

10. Хализев, В.Я. Теория литературы / В.Я. Хализев. – М., 1999.

УДК 821.161.10 (092)

Л.А. Сапченко

«ВЕРЬТЕ МОЕЙ ИСКРЕННОСТИ И ДРУЖБЕ...» (ПИСЬМА Н.М. КАРАМЗИНА К А.И. ТУРГЕНЕВУ)*

Эпистолярный Карамзина – единственный источник сведений о его личности и мирозерцании (литературное творчество Карамзина не имело исповедального характера). Адресуясь к земляку и приятелю А.И. Тургеневу, Карамзин видит в нем своего единомышленника. В письмах к нему, среди сообщений о повседневных событиях и об ударах судьбы, рождаются выстраданные мысли о писательстве, об истории, о России и Европе, о жизни и смерти, о творении добра, о восхождении душой к его источнику.

Н.М. Карамзин, письма к А.И. Тургеневу, история публикации, нравственно-философское содержание.

Epistolary of Karamzin is the only source of information about his personality and world outlook (literary works of Karamzin did not have confessionary character.) Addressing his compatriot and friend I.A. Turgenev, Karamzin sees him as a like-minded person. In his letters to him, among reports of daily events and strokes of bad luck, suffered thoughts about writing, about history, about Russia and Europe, about life and death, about doing good and about ascending of the soul to the source of the good are born.

N.M. Karamzin, letters to A.I. Turgenev, history of publication, moral and philosophical content.

Эпистолярное наследие Н.М. Карамзина представляет собой значительную научную проблему, но редко становится предметом специального исследования. Публикуя часть неизданных писем Н.М. Карамзина, В.Э. Вацура подчеркивал необходимость их расширенного комментирования [4]. Письма историкографа актуальны как для изучения соответствующей историко-культурной ситуации, так и для постижения его внутреннего мира, его духовно-нравственных исканий. Переписка Н.М. Карамзина обширна. В этой ситуации не только приобретает особое значение фактор адресации, но и встает вопрос о цельности личности адресанта. Как писал Карамзин, «творец всегда изображается в творении и часто – против воли своей» [6, с. 60]. Искренность Карамзина, свойственная его натуре и утвержденная привычкой историкографа, сочеталась с «чистотой» и

«благоустроенностью» его души (Гоголь) и с редким писательским и ораторским мастерством. Порой в его письмах правда являлась облеченной в приличествующие одежды красноречия, но порой перед адресатом представала нагая истина, лишенная украшений.

Отдельную проблему представляет собой история издания писем Карамзина.

Ранее других появилась в печати подборка писем Карамзина к Александру Ивановичу Тургеневу (1784 – 1845) – общественному деятелю, историку, писателю, одному из самых искренних и преданных его друзей. С юных лет А.И. Тургенева связывала дружба с лучшими российскими авторами – Карамзиным, Жуковским, Батюшковым, Пушкиным. А.И. Тургенев почувствовал значительность карамзинской «Истории...», когда она еще только создава-

лась. 23 июля 1808 года он пишет брату Н.И. Тургеневу из Москвы в Геттинген: «Вчера был у Карамзина в деревне: восхищался его образом жизни, его семейственным счастьем, наконец – его Историей. Я еще ни на русском, ни на других языках ничего подобного не читал тем отрывкам, которые он прочел мне из своей книги. Какая критика, какие исследования, какой исторический ум и какой простой, но сильный и часто красноречивый слог!» [2, с. 362].

После смерти историографа «мысль о жизнеописании или хотя бы о некрологе, достойном памяти Карамзина, вызревала у Вяземского, Жуковского, Александра Тургенева, но они принуждены были молчать, если не хотели выравнивать свою речь над свежей еще могилой по камертону официальных славословий» [3, с. 85]. 10 июля 1826 года Пушкин писал из Михайловского: «Читая в журналах статьи о смерти Карамзина, бешусь. Как они холодны, глупы и низки. Неужто ни одна русская душа не принесет достойной дани его памяти?» [12, с. 286]. Лишь в 1827 году в «Московском телеграфе» П.А. Вяземский напечатал анонимно отрывок из письма А.И. Тургенева под вызывающим названием «О Карамзине и молчании о нем литературы нашей...». «Ты прав, – писал Тургенев Вяземскому, – негодование твоё справедливо. Вот уже скоро год, как не стало Карамзина, и никто не напомнил русским, чем он был для них. <...> Карамзин не имеет еще ценителя ни главного труда его, ни других бессмертных его заслуг, оказанных России и языку ее» [7, с. 67 – 68].

В день памяти Карамзина Тургенев сообщал Вяземскому, что в Москве холодно отнеслись к замыслам об увековечении памяти Карамзина, и цитировал по этому поводу Горация и Державина: «Мне обещали доставить и копии с письма Обольянинова, в коем он по-своему доказывает, что Карамзин не заслужил памятника. Не лучше бы памятник “aere perennius”? ...Обними за меня милое потомство Карамзина и скажи ему и себе, чтобы не мешали, а помогли мне воздвигать другой памятник, коего ни губернатор, ни Времени полет не могут сокрушить» [1, с. 25].

Не случайно «Стихи на объявление памятника историографу Н.М. Карамзину» (1845) Н.М. Языкова посвящены были А.И. Тургеневу.

В 1836 г. А.И. Тургенев задумал издать собрание писем и записок к нему историографа. Мысль эта «была поддержана Жуковским, но не была одобрена Софьей Николаевной Карамзиной, успевшей склонить на свою сторону и мать, которая вначале сочувственно отнеслась к предприятию Тургенева» [10, январь, с. 211]. Все же Тургенев, уезжая за границу, подготовил сборник к печати и поручил Б.М. Федорову представить его в петербургский цензурный комитет, где, однако, тургеневский проект встретил серьезные возражения.

Собрание писем Н.М. Карамзина к А.И. Тургеневу поступило на рассмотрение П.И. Гаевского. Цензор, «не желая принимать на себя ответственности, донес цензурному комитету, что некоторые письма и статьи, по важности своей, подлежат разрешению главного управления цензуры, а другие – рассмотрению комитета» [10, январь, с. 211].

В поставленных под сомнение цензором письмах и записках говорилось о Сперанском, о Новикове, об увольнении А.И. Тургенева от должности директора департамента духовных дел и о его дальнейшей судьбе, о том, что «при дворе опасно хвалить: самая искренность кажется лестию» и что «в сельском доме верят истине, которая изливается из сердца» (записка, внесенная Карамзиным в один из Павловских альбомов Марии Феодоровны), и др.

На рассмотрение цензурного комитета Гаевский представил места из других писем и сносок, подготовленных А.И. Тургеневым: о знакомстве Карамзина с Н.И. Новиковым, просьбу Карамзина к Тургеневу о помощи «бедной матери молодого Шварца», бывшего под судом, посаженного в крепость и пропавшего без вести (речь идет о сыне Иоганна Георга Шварца, руководителя московских розенкрейцеров), сравнение «Блудова с Риваролом (по-видимому, за склонность к афоризмам. – Л.С.), а Батюшкова с Парни», фразу Карамзина «быть статским секретарем, министром или автором, ученым – все одно», слова о Николае I («новый царь очень умен и тверд»), а также «Мысли об истинной свободе»¹ и др.

В «Журнале заседания С.-Петербургского (так!) цензурного комитета 6 июля 1837 года» за № 24 помещено предписание министра народного просвещения от 27 июня за № 220, коим он дает знать комитету, что «при рассуждении о рукописи собрания писем Н.М. Карамзина к А.И. Тургеневу два обстоятельства обратили на себя особенное внимание Главного управления цензуры. Одну часть помянутой рукописи составляют письма и записки, которые были писаны к особам Императорского Дома, либо относятся к ним, либо наконец касаются до некоторых Государственных дел. Главное управление цензуры признает себя не вправе разрешить само собою обнародование бумаг этого рода и не считает также удобным испрашивать по сему предмету Высочайшее повеление. Письма и статьи, которые составляют остальную часть рукописи, относятся до многих современных нам лиц, либо в недавнее время скончавшихся, либо еще живущих. Напечатание этих писем открыло бы путь в нашей словесности современным запискам и тем самым неизбежному нарушению § 3-его Устава цензуры. Хотя литературная знаменитость Историографа заставляет желать, чтобы все оставшиеся после него и еще неизданные произведения его сохранены были для отечественной словесности; но обнародование теперь собрания писем Н.М. Карамзина Главное управление цензуры признает преждевременным, и потому полагает, что не следует допускать их печатание. Определено: объявить о таковом заключении Главного управления цензуры г. Федорову, представившему в цензуру упомянутую рукопись, коль скоро он явится в Кан-

¹ «Для существа нравственного нет блага без свободы; но эту свободу дает не Государь, не Парламент, а каждый из нас самому себе, с помощью Божию. Свободу мы должны завоевать в своем сердце миром совести и доверенности к Провидению!» [5, с. 194 – 195].

целярию Комитета, и уведомить о том прочие цензурные комитеты выпискою сей статьи из журнала» [8].

А.И. Тургенев получил эту выписку только в 1838 году в Париже и представил на нее возражения. Тургенев писал, что бумаги, касающиеся особ императорской фамилии, очень немногочисленны: одно письмо и одна записка, и то «не к особе императорской фамилии, а написанная Карамзиным в альбом Павловска – дань сердечная в честь незабвенной августейшей хозяйки оного». Эту записку публика, без сомнения «читала или читать могла». Поэтому «цензуре следовало только исключить сию записку, если признает ее *п р е ж д е в р е м е н н о ю*, а не запрещать публикацию всего собрания» [10, январь, с. 211, 214].

Что же касается писем Н.М. Карамзина к самому А.И. Тургеневу, то в них историограф «говорил о книгах и рукописях, до российской истории относящихся, сообщая мысли свои об авторах и их творениях, изъяснял некоторые пункты российской истории, иногда же изливал чувства свои с свойственным ему добродушием и талантом великого писателя как в отношении служебных обстоятельств Тургенева, так и других личных его дел» [10, январь, с. 214]. Тургенев при этом настаивал, что все это было им предварительно представлено через графа Бенкендорфа государю императору, и «не найдено его величеством ни *п р е ж д е в р е м е н н ы м*, ни *н е у м е с т н ы м*».

В записке о Н.И. Новикове, говорит Тургенев, признанной «государственным делом», упоминается о заслугах Новикова «в отношении к литературе и нравственности, о бедности его семейства и о деле, которое имело в конце царствования императрицы Екатерины II влияние на судьбу его». В конце записки Тургенев подчеркивает, что Новиков был жертвою подозрения извинительного, но несправедливого и что «в делах давно минувших лет не возбраняется находить извинительных ошибок, а это дело покрыто уже полустолетием и славою Екатерины» [10, январь, с. 215].

Все вышеизложенное князь А.Н. Голицын по просьбе А.И. Тургенева представил 23 марта 1838 года «к воззрению государю императору». Император распорядился все доводы и объяснения Тургенева передать на рассмотрение графа С.С. Уварова. 28 марта 1838 года министр народного просвещения граф С.С. Уваров подает доклад на имя Николая I по поводу желания А.И. Тургенева издать письма Н.М. Карамзина: «По Высочайшему Вашего Императорского Величества повелению Действительный статский советник князь Голицын передавал на мое усмотрение доводы и объяснения действительного статского советника Тургенева против решения Главного Управления Цензуры о Собрании писем и записок покойного историографа Карамзина.

Сообразив эти объяснения с сущностью дела, я не мог признать, чтобы доводы Тургенева ослабляли основательность заключения, которое Главное Управление Цензуры сделало по внимательном рассмотрении рукописи, представленной Тургеневым в

Цензурный комитет и по зрелом обсуждении всего в ней содержащегося, оно находило, что еще не время обнародовать мысли, которые покойный Историограф, с откровенностью дружеской переписки изъяснял о разных предметах, не подлежащих общему сведению, каковы служебные обстоятельства Тургенева и другие личные его дела. Соглашаясь с этим заключением, я думаю, что нельзя позволить издать в свет писем Карамзина по частным обстоятельствам к лицам или о лицах, которые занимают ныне важные государственные должности, как например граф Новосильцов, князь Голицын, Действительный Тайный советник Сперанский, адмирал Шишков и другие.

В объяснениях своих Тургенев изъясняет, что „все это было им предварительно доложено Вашему Императорскому Величеству чрез графа Бенкендорфа, и не найдено Вашим Императорским Величеством ни преждевременным, ни неуместным“. Об этой Высочайшей резолюции Цензурному Ведомству не было объявлено.

Притом же мне частным образом известно, что и само семейство покойного историографа не желает обнародования его писем и записок, считая неудобным сообщением их во всеобщее сведение».

Его Императорское Величество изволил написать: «Справедливо; не знаю, на чем основывает г. Тургенев то, что до меня касается, ибо я сего не читал ни даже видел, стало и судить о том не мог» [9, л. 49 – 50 об.].

Публикация писем, таким образом, в этот период не состоялась.

В 1845 году при открытии монумента Карамзину для произнесения торжественной речи в Симбирск был приглашен М.П. Погодин. «Историческое похвальное слово Карамзину...» имело необыкновенный успех, обусловленный тем, что в речи Погодина впервые прозвучали при широком стечении публики многие строки из писем Карамзина. Автор вполне осознал это. Он писал М.А. Дмитриеву: «Многочисленное собрание его писем, из коих большею частью обязан я вам и А.И. Тургеневу, доставило мне прекрасное заключение, составленное из собственных слов Карамзина, которое, разумеется, сделалось лучшею частью речи. Зная их наизусть, нельзя было читать без умиления – вы можете себе представить, как должны они были тронуть слушателей, слышавших их в первый раз! Чистая, высокая душа Карамзина, благородство его характера, любовь к отечеству, преданность в волю Провидения представились ими пред взорами слушателей как в ясном зеркале» [11, с. 10 – 11].

«Историческое похвальное слово Карамзину...» было тогда же опубликовано отдельно (М., 1845) и в журнале «Москвитянин» (1846. № 1. С. 1 – 66). Однако при издании из речи Погодина были вычеркнуты некоторые места, оказавшиеся недопустимыми с точки зрения цензуры. Это меткие и краткие характеристики царствований Павла I и Александра I, смелые высказывания о крепостном праве, о системе образования в России и – главное – обширные фрагменты из самых задушевных писем Карамзина к друзьям (см. [13]).

В печати письма Карамзина к А.И. Тургеневу появились частью в 1847 в «Московском литературном и ученом сборнике», более полно – в 1855 году в журнале «Москвитянин», затем – в книге Погодина «Н.М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников» (М., 1866) и в целом – в 1899 году в журнале «Русская старина».

Карамзин по своей натуре не был склонен к словесным излияниям и в большинстве случаев проявлял сдержанность или, как говорили тогда, скромность. Но дружеское письмо есть, по определению, искреннее послание. Карамзин пишет Тургеневу о здоровье своих близких, о погоде, о ходе работы над «Историей...», сообщает новости, дает советы, но среди всего этого вдруг наступает открытие несомненного, момент истины, вызванный трагическими минутами бытия, ударами судьбы, – и тогда в письме высказываются самые глубокие, выстраданные мысли о жизни и смерти, о русской истории, о России и Европе, об истинных ценностях бытия, о бессмертии души.

Если в письмах к П.А. Вяземскому адресант нешуточно занят поисками взаимопонимания, если в письмах к И.И. Дмитриеву Карамзин наиболее щедр на излияния чувств, то для писем к А.И. Тургеневу характерны объединяющие формулировки («мы», «мы оба», «мы с вами», «мы, русские», «два симбиряка», «наша приязнь» и др.), уверенность в согласии, дружеское увещание, мысли, рожденные из душевного потрясения.

13 апреля 1816 года Карамзин писал Тургеневу из Москвы: «Давно знаю, что вы меня любите; но когда это чувствую, тогда в сердце моем делается какое-то особенное движение. Мы, два симбиряка, платим и даем взаймы друг другу; рассчитаемся верно, в день последней земной разлуки. <...> Верьте моей искренности и дружбе, остальное не важно. Я не мистик и не адепт; хочу быть самым простым человеком; хочу любить как можно больше, не мечтаю даже о возрождении нравственном в теле. Будем в среде немного лучше того, как мы были во вторник, и довольно для нас ленивых...» [10, февраль, с. 472 – 473]. С Тургеневым Карамзин делится своими тревогами по поводу работы над царствованием Иоанна Грозного: «...еще остается много дела и тяжелого: надобно говорить о злодействах, почти несслыханных. Калигула и Нерон были младенцы в сравнении с Иваном» [8, февраль, с. 468].

В письмах к Александру Ивановичу читаем также об искренней привязанности Карамзина ко всему тургеневскому семейству («батюшке», Ивану Петровичу, благодаря которому состоялось знакомство Карамзина с Новиковым, ко всем братьям Тургеневым), о любви к Москве, о великодушном нежелании враждовать с П.И. Голенищевым-Кутузовым, писавшим доносы на Карамзина.

Когда уволенный со службы императором Александром I, А.И. Тургенев вместе с братом Николаем отправился за границу, Карамзин писал из Царского Села 6 сентября 1825 года: «...В дому отца моего многие обители суть: ни тут, так в другом месте найдется для вас деятельность полезная. Чем менее дру-

гие требуют ее от нас, тем более мы должны требовать ее от себя, как существа нравственные. Для нас, русских с душою, одна Россия самобытна, одна Россия истинно существует: все иное есть только отношение к ней, мысль, привидение. Мыслить, мечтать можем в Германии, Франции, Италии, а дело делать единственно в России, или нет гражданина, нет человека, есть только двуножное животное с брюхом и со знаком пола, в навозе, хотя и цветами убранном...» [10, апрель, с. 229].

Нельзя не отметить, что здесь и в других письмах, касаясь самого для себя главного, отмечая абсолютно для себя неприемлемое, Карамзин отбрасывает риторические украшения. Слог его становится предельно кратким. Seriously меняется лексический состав («животное», «брюхо», «навоз», «шелуха», «шарлатанствовать» и др.).

Личные невзгоды и горести семейной жизни охлаждали Карамзина к свету, «следственно и к истории» [10, февраль, с. 464] и привели наконец к отказу от признания абсолютной ценности писательской деятельности. Тяжело переживая смерть дочери Натальи в 1815 г., Карамзин обращается к А.И. Тургеневу: «Жить есть не писать историю, не писать трагедии или комедии, а как можно лучше мыслить, чувствовать и действовать, любить добро, возвышаться душою к его источнику; все другое, любезный мой приятель, есть шелуха, – не исключая и моих осьми или девяти томов... Чем далее мы живем, тем более объясняется для нас цель жизни и совершенство ея. <...> Мало розницы между мелочными и так называемыми важными занятиями: одно внутреннее побуждение и чувство важно. Делайте, что и как можете: только любите добро, а что есть добро – спрашивайте у совести. Быть статским секретарем, министром или автором, ученым – все одно» [10, февраль, с. 470].

В письмах к А.И. Тургеневу Карамзиным были названы главнейшие для него духовные ценности: любовь к близким и друзьям, любовь к России, любовь к Богу. Определением жизни для Карамзина становится творение добра и духовное восхождение к его источнику. Л.Н. Толстой считал эти строки лучшими из всего написанного Карамзиным. Проходящий через целый ряд карамзинских произведений и писем мотив «Жизнь есть сон» прерывается минутами пробуждения, ясного осознания истины. Является она и в письмах к А.И. Тургеневу. Эпистолярный Карамзина предстает как важнейшая часть его наследия, как единственный источник сведений о личности (его литературное творчество не имело исповедального характера) и мирозерцании писателя и историографа.

Литература

1. Алексеев, М.П. Пушкин и мировая литература / М.П. Алексеев. – Л., 1987.
2. Архив братьев Тургеневых. – СПб., 1911. – Вып. 2.
3. Вацуро, В.Э. Сквозь умственные плотины / В.Э. Вацуро, М.И. Гиллельсон. – М., 1986.
4. Из неизданных писем Карамзина (публикация В.Э. Вацуро) // Русская литература. – 1991. – № 4. – С. 88–99.

5. Карамзин, Н.М. Неизданные сочинения и переписка. Ч. 1. / Н.М. Карамзин. – СПб., 1862.
6. Карамзин, Н.М. Соч.: в 2 т. Т. 2. – М., 1984.
7. О Карамзине и молчании о нем литературы нашей // Московский телеграф. – 1827. – № 9. – С. 67 – 69.
8. ОР ПД. – № 121.
9. ОР РНБ. – Ф. 831. – Цензурные материалы. – № 4.
10. Письма Н.М. Карамзина к А.И. Тургеневу // Русская старина. – 1899. – Январь – апрель.
11. Погодин, М.П. Письмо из Симбирска об открытии

памятника Карамзину (к М.А. Дмитриеву) / М.П. Погодин // Москвитянин. – 1845. – Ч. V. – № 9. – Отд-ние 1. – С. 1 – 18.

12. Пушкин, А.С. Полн. собр. соч.: в 17 т. – М.; Л., 1937. – Т. 13.

13. Сапченко, Л.А. Н.В. Гоголь о погодинском «Историческом похвальном слове Н.М. Карамзину» / Л.А. Сапченко // Н.В. Гоголь и его окружение. Восьмые Гоголевские чтения: сб. докл. Междунар. науч. конф. – М., 2008. – С. 110 – 120.

УДК 821.111 Конрад 03

Е.Е. Соловьева

ДВА ПЕРЕВОДА РОМАНА ДЖ. КОНРАДА «ЛОРД ДЖИМ» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье рассматривается интересный случай рецепции Дж. Конрада в России: в 1926 г. появились два варианта перевода романа Дж. Конрада, подготовленные одной и той же творческой группой – Е.Л. Ланном и А.В. Кривцовой. Роман представляет собой сложный для перевода текст, органично сочетающий в себе различные повествовательные типы и развивающий конфликтующие между собой литературные традиции.

Джозеф Конрад, английский роман, Евг. Ланн, А.В. Кривцова, перевод.

This article considers the interesting fact of Conrad's reception in Russia. There were published two variants of translation of Conrad's novel "Lord Jim" prepared by the same creative group of E. Lann and A. Krivtsova. The novel is difficult for translation; it combines the different narrative types and develops antagonistic literary traditions.

Joseph Conrad, English novel, Evg. Lann, A.V. Krivtsova, translation.

Дж. Конрад, пришедший в литературу в 1890-е годы, осваивал модели психологической прозы, приключенческой литературы, но в то же время он искал средства обновления традиционной поэтики, предвзято поиски писателей-модернистов. Как писал Б. Спиттлз, Конрад «трансформировал классический роман XIX века (основанный на достоверном, авторском, хронологическом повествовательном потоке) в артефакт модернизма XX века, оспаривающий общепринятые понятия о действительности» [11, с. 29].

Особенно хорошо проявляется совмещение различных литературных традиций в романе «Лорд Джим» ("Lord Jim", 1900). Роман занимает промежуточное положение между первым и вторым периодами творчества, главные темы которых М. Брэбук метафорически обозначила как «тайны морских глубин» ("the Wonders of the Deep") и «полые люди» ("the Hollow Men") (цит. по: [10, с. 142]). С первым периодом произведение роднит место действия, которое разворачивается на море, на тропических островах, а также герои – моряки, торговые агенты и туземцы. Но повествователь пренебрегает возможностью динамичного развития авантюры и напряженно вглядывается в главного героя, пытаясь разгадать его загадку. Поэтому главной темой, как и в произведениях второго периода, становится разорванное сознание современного человека.

Название романа «Лорд Джим» создает установку у читателя на восприятие произведения в контексте

психологической прозы (ср.: «Госпожа Бовари» Г. Флобера, «Рудин» И.С. Тургенева), роман строится вокруг образа главного героя. По выражению Д. Хьюитта, Конрад применяет в этом романе «метод изоляции и концентрации» [9, с. 45]. Заглавие отражает конфликт между честолюбивыми стремлениями Джима и реальностью, неподвластной его желаниям, а также существование героя на границе двух миров – европейской цивилизации и первобытного племени, растворенного в джунглях. "To the white men in the waterside and to the captains of ship he was just Jim – nothing more... <...> The Malays of the jungle village... <...> called him Tuan Jim: as one might say – Lord Jim"¹ [7, с. 10].

Роман делится на две части. Действие первой происходит на берегу и концентрируется вокруг суда над командой, покинувшей корабль, терпящий бедствие. Поэтика первой части романа подчинена неторопливому обстоятельному темпу повествования. Конрад частично использует классическую композицию, в первой же главе он знакомит читателя с главным героем, описывает его внешность, дает представление о социальном статусе, излагает предысторию.

Повествование в 1 – 4-й главах ведется от лица автора. Безымянный повествователь, его можно на-

¹ «Для белых людей на реке и для капитанов он был просто Джим – не больше. <...> ...малайцы из джунглей ... <...> ...называли его Тюан Джим, можно сказать – Лорд Джим» (перевод мой. – Е. С.).

звать автором-повествователем, почти не имеет личных характеристик, кроме того, что он белый обитатель дальнего Востока, знакомый с морской службой. В пятой главе повествование передается капитану Марлоу. Образ Джима в рассказе Марлоу вырисовывается постепенно, из отдельных наблюдений, перемешанных с высказываниями других лиц, замечаний, философских и моралистических рассуждений. Рассказчик пытается выяснить мотивы поведения героя, но не может свести это в целостную гармоничную картину. Марлоу часто называет Джима «один из нас», это-то и не позволяет ему принять малодушие Джима. Рефреном сквозь все повествование проходит фраза: “He passes away under the cloud, inscrutable at heart, forgotten, unforgiving, and excessively romantic”¹ [7, с. 313].

Интересно, что роковое событие, которое перевернуло жизнь героя, излагается частично автором-повествователем, частично рассказчиком Марлоу и, наконец, самим героем Джимом, который пытается понять и объяснить свой поступок. Б.М. Проскурнин видит в романе двойной психологизм – Джима и рассказчика, который актуализируется попеременно. Он возводит к традиции Пруста соединение внешней бесстрастности и внутренней напряженности в повествовании [6, с. 48 – 51].

Во второй части темп повествования становится более динамичным. В соответствии с традицией приключенческого романа яркие живописные картины второй части, действие которой разворачивается на тропическом острове, оставляют место для фабульных лагун. Образ Джима раскрывается по контрасту с первой частью через ряд поступков, выявляющих его мужество, волю к жизни, честолюбие. Картины экзотического острова, затерянного в океане символизируют загадочность внутреннего мира героя: “The twilight lay over the east, and the coast, turned black, extended infinitely its sombre wall <...> For me that white figure in the stillness of coast and sea seemed to stand at the heart of a vast enigma”² [7, с. 252 – 53]. Непостижимый мир Востока окружает героя, но и его сердце непроницаемо для стороннего наблюдателя. Настоячивое повторение слов “mist” («туман»), “cloud” («облако»), “shadow” («тень»), используемых буквально, а затем метафорически (“the mist of his feelings” (буквально «туман, дымка чувств»), погружает образ героя в атмосферу таинственной неясности, угрожающей неизвестности [7, с. 194].

Образы океана, реки на острове, дождя, восходящие к мифологеме воды, сопровождают описание трагических провалов в судьбе главного героя. Необъяснимый до конца в контексте реалистической психологической прозы прыжок с борта тонущего судна получает переосмысление в контексте мифологического восприятия. Во вселенной, описываемой

Конрадом, человека подстерегает Случай (“Chance”), лишая его воли, мужества, нравственных принципов. Познаваемый мир растворяется в безграничном пространстве непознаваемого (“in the silent still waters of mystery” – «в тихих спокойных водах тайны») [7, с. 165]. Фигура рассказчика приобретает в таком контексте решающее значение, поскольку именно он призван связать, навести мост между двумя разьединенными реальностями – языком и бытием. Дж. Гуэтти, характеризуя повествовательную структуру «Лорда Джима», выделил три реальности: организованный, структурированный мир сознания и языка; мир, отражающий сущность и центр бытия; сомнение основного рассказчика, отражающее состояние колебания между двумя мирами. Причем, как заметил исследователь, между первой и второй реальностями – непреодолимое, разделяющее их пространство [8, с. 62].

Конрад, пытаясь выразить невыразимую сущность мироздания, использует различные традиции. В результате возникает нерасторжимое сочетание разных типов текста: аналитически-рефлексивного психологического; синтетически-динамического приключенческого; парадоксального и мифологического модернистского.

Роман «Лорд Джим» не сразу привлек внимание русских переводчиков, возможно, из-за своей сложной структуры и жанровой неопределенности. В 1926 г. русский читатель получил сразу два перевода романа: один – под оригинальным названием «Лорд Джим», другой – под концептуальным названием «Прыжок за борт». Интересно, что оба романа были переведены одной и той же творческой группой – Евгением Львовичем Ланном, поэтом, переводчиком и критиком, и его женой Александрой Владимировной Кривцовой, переводчицей с английского. Идейным руководителем и редактором в этом тандеме выступал Ланн, а собственно переводами занималась Кривцова.

Е.Л. Ланн и А.В. Кривцова были сторонниками буквализма, то есть стремились к передаче всей полноты содержания оригинала. В наиболее одиозных случаях буквализм приводил к попытке механического калькирования иноязычного текста. Но Кривцова и Ланн были людьми талантливыми и хорошо чувствовали стихию языка. Пример с «Лордом Джимом» демонстрирует, что буквалисты не всегда следовали принципу тождественности. Характер перевода зависел от целей и задач переводчика.

Е.Л. Ланн активно занимался продвижением книг Конрада в России. Он стал инициатором и главным редактором Собрания сочинений английского писателя в издательстве «Земля и Фабрика», но отношения Ланна с издательством были непростыми и окончились скандалом. После ухода Ланна издание Собрания сочинений Конрада прекратилось. Роман «Лорд Джим» оказался в самом центре конфликта.

В соответствии с планом издания десяти томника «Лорд Джим» был представлен в издательство «Земля и Фабрика» в переводе А.В. Кривцовой. У редакторов издательства возникли претензии к качеству ее перевода, издание романа затягивалось. Устав от

¹ «Он прошел в тени облака, непонятый, забытый, не прощенный и очень романтичный».

² «Восток померк, и берег, погрузившись во тьму, превратился в бесконечную непроницаемую стену... <...> И мне казалось, что одинокая белая фигура в безмолвии побережья и моря находится в самом сердце тайны».

ожидания, Ланн решил издать роман в Государственном издательстве [3]. Для этого он воспользовался переводом А.В. Кривцовой, в который внес существенную правку, в том числе дал новое заглавие, сократил текст. «В переводе, – пишет Е. Ланн, – я строго придерживался тех принципов, которые легли в основу всей моей работы над редактированием Конрада – дать точный <почти буквальный его> перевод, сохраняя с максимальной тщательностью славянизмы его синтаксиса <...> расстановку его слов» [1]. Идентичность некоторых фрагментов Е. Ланн объяснял тем, что привлекал к этой работе жену. Он считал, что их изменение значило бы искажение оригинала.

Издательство «Земля и Фабрика» все-таки выпустило этот роман в переводе А.В. Кривцовой в пятом томе Собрания сочинений¹, не заключив договора с переводчицей, не уведомив Ланна, который номинально еще значился главным редактором. Одновременно издательство обвинило Е. Ланна в нарушении профессиональной этики. Это вызвало у переводчика, считавшего перевод «Лорда Джима» «своей собственностью», права на который не были переданы издательству до заключения договора, новую волну возмущения. Запутанную историю своих отношений с новой реакцией «ЗиФ» Е. Ланн изложил в письме заведующему литературно-художественным отделом Госиздата от 02.06.1926 [1].

В 1959 г. Н. Банников при подготовке двухтомника Дж. Конрада [2] воспользовался переводом А.В. Кривцовой из Собрания сочинений. Для этого издания Ланн вновь правит текст первого варианта, избавляя его от буквализмов и устаревших слов, на сей раз без купюр. В Российской государственной библиотеке хранится экземпляр томика из Собрания сочинений с карандашными пометками Е. Ланна: предполагаем, что он начал редакторскую правку перевода по этому экземпляру (пометки есть только на первых страницах).

Большинство последующих изданий «Лорда Джима» (1989, 2005 и 2007 гг.) воспроизводят именно этот текст. Исключение составляет только трехтомник издательства «ТЕРРА», которое в 1996 г. предприняло попытку вернуть русскому читателю английского писателя и большим тиражом издало произведения Конрада в серии «Большая библиотека приключений и научной фантастики» [3]. Первый тираж быстро разошелся, затем был выпущен второй, что свидетельствует о безусловном интересе русского читателя к английскому классику. Новых переводов издатели не заказывали, а воспользовались переводами 1920-х годов. Из двух переводов А.В. Кривцовой был выбран более короткий и динамичный – в редакции Е.Л. Ланна, что, видимо, должно было приблизить роман к жанру приключенческой литературы.

Таким образом, сегодня существует две версии перевода романа на русский язык, конкурирующие друг с другом. Перед переводчиком романа стояла поистине невыполнимая задача – передать средства

ми другого языка всю сложность и красоту этого текста.

Е. Ланн был страстным пропагандистом творчества Дж. Конрада в России и написал несколько статей о писателе. Под руководством Е. Ланна были подготовлены переводы большинства произведений Конрада.

Выход первого тома Собрания сочинений совпал с датой смерти художника, которая вызвала в европейской литературной критике переоценку творчества Конрада. Ланн, прилагавший огромные усилия, чтобы следить за новейшими западными публикациями, понимал, что Конрад – писатель мирового уровня. В первом томе Ланн поместил большой очерк о писателе. Он оттолкнулся от идеи о синтезе трех культур в творчестве Конрада – «англо-саксов, галлов и славян» [4, с. 9]. Английским влиянием он объяснил морскую тематику произведений Конрада, дух «непокоя». Стремление к совершенству стиля, который он обозначает как импрессионистический, критик возвел к французской культуре, сформировавшей мышление Конрада. Тонкий и парадоксальный психологизм писателя критик оправдал славянским происхождением. Е. Ланн обратил внимание на такой парадокс, как неприятие русских самим писателем, с одной стороны, и ориентация на традицию русской психологической прозы – с другой. В результате своих наблюдений исследователь пришел к убеждению, что Конрада ни в коей мере нельзя рассматривать в контексте приключенческой литературы. Ланн был чутким критиком, и он предсказал мировую славу Конрада прежде всего как мастера стиля: «Недалеко то время, когда о нем будут писать, как о крупнейшем в наши дни стилисте всего писательского мира» [4, с. 35].

Если в очерке, опубликованном в Собрании сочинений, Ланн описал творческий метод Конрада в целом, то в кратком предисловии к «Прыжку за борт» он обратился к конкретному роману, который ценил за тонкий психологизм. Окраска этого психологизма романтическая: «Романтический психологизм – вот новая струя, вошедшая вместе с Конрадом в английскую литературу» [5, с. 4]. Романтизм для него – это «подсознательное устремление в ту утопическую страну, где обитают чистые духом, идеальные в своей высокой чистоте герои и великие страсти» [5, с. 5]. Для Ланна-поэта особую ценность представляла ранняя манера письма Конрада, насыщенная яркими метафорическими описаниями. Ланн характеризовал его стиль как импрессионистический: «Конрадовский импрессионизм с его одухотворением вещного мира... <...> ...убедителен» [5, с. 7]. Критик полагал, что для романтического мироощущения импрессионистический стиль наиболее органичен.

Для 10-томного Собрания сочинений, которое должно было отразить творческое разнообразие писателя, Ланн выбрал более полный перевод А.В. Кривцовой, без купюр.

Предложив Государственному издательству, занимавшемуся публикацией классической и современной зарубежной литературы, опубликовать роман

¹ Конрад, Дж. Лорд Джим / Дж. Конрад; пер. А.В. Кривцовой // Конрад Дж. Собр. соч.: в 10 т. – М., 1926. – Т. 5.

Конрада, Ланн посчитал необходимым изменить оригинальное название «Лорд Джим» на «Прыжок за борт». Тем самым он сместил акцент с образа главного героя на мотив, детерминирующий сюжет романа. В тексте романа мотив прыжка за борт человека, выброшенного судьбой на периферию жизни, даже за границы ойкумены, возникает неоднократно. Ланн ориентирует читателя на символическое прочтение поступка главного героя.

Стремление приблизить «трудного» автора к читателю заставило Ланна значительно сократить текст перевода, в основном за счет философского комментария повествователя. Основная тема этого комментария – таинственные силы судьбы, игра случая в жизни человека. Религиозные воззрения Конрада были достаточно туманными. Воспитанный в католической вере, он не был католиком. Но и к атеистам тоже не принадлежал. В столкновении человека с природой Конрад обычно видит проявление высшей, неконтролируемой силы, которую он называет “fate” («рок», «судьба»).

Приведем несколько примеров. “Only once in all that time he had again the glimpse of the earnestness in the anger of the sea. That truth is not so often made apparent as people might think. There are many shades in the danger of adventures and gales, and it is only now and then that there appears on the face of facts a sinister violence of intention – that that indefinable something which forces it upon the mind and the heart of a man, that this complication of accidents of these elemental furies are coming at him with a purpose of malice, with a strength beyond control, with an unbridled cruelty that means to tear out of him his hope and his fear, that pain of his fatigue and his longing for rest: which means to smash, to destroy, to annihilate all he had seen known, loved, enjoyed, or hated; all that is priceless and necessary – the sunshine, the memories, the future – which means to sweep the whole precious world utterly away from his sight by the simple and appalling act of taking his life.” [7, с. 19].

Перевод А.В. Кривцовой в целом точен: «Лишь однажды за все это время он снова мельком увидел подлинную ярость моря. А ярость эта проявляется не так часто, как принято думать. Есть много оттенков в опасности приключений и бурь, и только изредка лик событий затягивается мрачной пеленой зловещего умысла: вскрывает неуловимое нечто, и в мозг, и в сердце человека закрадывается уверенность в том, что это сплетение событий или бешенство стихий надвигается с целью недоброй, с силой, не поддающейся контролю, с жестокостью необузданной, замышляющей вырвать у человека надежду и возбудить в нем страх, мучительную усталость и стремление к покою... раздавить, уничтожить стереть все, что он видел, знал, любил, ненавидел, – и насущно-необходимое и ненужное – солнечный свет, воспоминания, будущее, – надвигается с жестокостью, замышляющей смести весь мир, просто и безжалостно отняв у человека жизнь» [2, с. 262].

Переводчица, придерживаясь принципов буквального перевода, стремилась сохранить лексикосемантическое подобие и воссоздать особенности

ритмики. Но русские слова, состоящие из трех и более слогов, неизбежно тормозят энергичный ритм конрадовской фразы. Поэтическое «лик» вместо нейтрального “face” неправомерно увеличивает градус патетики. Порой меняется смысл фразы: солнечный свет, воспоминания о прошлом, размышления о будущем, по мысли автора, бесценны и необходимы (“priceless and necessary”). Переводчица же создает антитезу – «насущно-необходимое и ненужное».

Евгений Ланн избавляется от пассажа, в котором автор через повествователя прикасается к загадке мироздания: «Лишь однажды за все это время он снова мельком увидел подлинную ярость моря, а ярость эта проявляется не так часто, как принято думать» [3, с. 13].

Рассмотрим фрагмент, написанный от лица рассказчика: “...Our common fate fastens upon the women with a peculiar cruelty. It does not punish like a master, but inflicts lingering torment, as if to gratify a secret, unappeasable spite. One would think that, appointed to rule on earth, it seeks to revenge itself upon the beings that come nearest to rising above the trammels of earthly caution; for it is only women who manage to put at times into their love an element just palpable enough to give one a fright – an extraterrestrial touch. <...> However, I suspect there are very few women in the world, though of course I am aware of the multitudes of mankind and of the equality of sexes in point of numbers – that is” [7, с. 165].

Марлоу говорит о судьбе как о злобном, коварном существе, подвергающем пыткам наиболее слабых и беззащитных. Характеристики ее негативны: “a peculiar cruelty”, “a secret, unappeasable spite”. Напротив, женщины предстают как существа, идеализированные и абстрактные (“adventurous souls”), прикоснувшиеся к другому миру (“an extraterrestrial touch”). Возникает ощущение, что рассказчик испугался возвышенной стилистики и спрятал конец предложения в сумбур банальности: “I am aware of the multitudes of mankind and of the equality of sexes in point of numbers”.

Перевод Кривцовой хорошо передает смысл и специфику речи Марлоу: «...Общая наша судьба с сугубой жестокостью преследует женщин. Она не карает, как господин, но подвергает длительной пытке, словно утоляя тайную, непримиримую злобу. Можно подумать, что предназначенная править на земле, она старается выместить злобу на тех, кто готов вырваться из пут земной осторожности; ибо только женщины умеют иногда вложить в свою любовь тот еле ощутимый элемент сверхчеловеческого, внушающий нам страх, то дуновение неземного.

<...> Я подозреваю, что в мире очень мало женщин, хотя, конечно, мне известно о множестве людей, которые равно делятся на два пола» [2, с. 477 – 478].

Редакция Ланна: «Общая наша судьба с особой жестокостью преследует женщин <...> Я подозреваю, что в мире очень мало женщин в подлинном смысле» [3, с. 170].

Как видим, Ланн напрочь «изгоняет» всю мистику, превращая размышление Марлоу о прикоснове-

нии непознаваемого к познаваемой реальности в банальность. Авторскую оппозицию, которую переводчица попыталась передать (женщины – представители женского пола), Е.Л. Ланн игнорирует.

Обратим внимание еще на один фрагмент, в котором заметно расхождение между двумя вариантами перевода. Он, как и предыдущий, относится к философским отступлениям рассказчика: “It were our imagination alone that could set loose upon us the might of an overwhelming destiny. The imprudence of our thoughts recoils upon our heads; who toys with the sword shall perish by the sword” [7, с. 201].

Перевод Кривцовой точно соответствует оригиналу: «Словно одно лишь наше воображение может раскрыть перед нами власть ошеломляющей судьбы. Неосторожные наши мысли падают на наши головы; кто играет с мечом – от меча погибнет» [2, с. 530].

Однако Е.Л. Ланн осторожно сокращает фразу, которая могла бы навлечь гнев советской цензуры: «Словно одно лишь наше воображение может раскрыть перед нами власть ошеломляющей судьбы» [3, с. 208]. Кому, как не Е.Л. Ланну, идейному борцу, активисту писательских организаций, было известно, куда могут завести неосторожные мысли.

В результате подобных купюр значительно сократился объем произведения. Ланн серьезно поработал над языком перевода А.В. Кривцовой, с одной стороны, исправляя буквализмы, с другой стороны, пытаясь сохранить экзотический аромат, не переводя, а калькируя отдельные слова. За счет этого стиль перевода улучшился, стал более энергичным и экспрессивным. В редакции Ланна роман получился более динамичным, похожим на ранние, морские романы автора. Редактор «избавил» трудное произведение от повторов, противоречий. Он в какой-то степени искажил авторский замысел, исключив малейший намек на фатализм, мистицизм, суеверия. Поэтому мифологический пласт повествования практически полностью исчез из второго варианта перевода. Представляется, что все вышесказанное объясняется тем, что Е.Л. Ланн ориентировался на нового,

советского читателя. Можем предположить, что именно особенности перевода Е.Л. Ланна привели к тому, что издательство «Терра» выбрало именно его для своей приключенческой серии.

В настоящее время русский читатель имеет возможность познакомиться с романом Дж. Конрада в двух версиях, каждая из которых имеет свои достоинства и недостатки. Зифовский вариант, очевидно, ближе к оригиналу, в том числе и по жанру. Перевод Кривцовой – Ланна можно назвать версией романа. Очевидно, что существует потребность в новом, современном переводе, который бы учитывал тот «прыжок за борт» неоромантической поэтики в «бездну» художественных исканий XX века, который сделал Конрад в своем романе «Лорд Джим».

Литература

1. Архив Евг. Ланна и А.В. Кривцовой // РГАЛИ. Фонд № 2210. – Ед. хр. 245.
2. Конрад, Дж. Лорд Джим / Дж. Конрад // Конрад Дж. Избранное: в 2 т. – М., 1959. – Т. 1. – С. 253 – 590.
3. Конрад, Дж. Прыжок за борт / Дж. Конрад / пер. А.В. Кривцовой; под ред. Е. Ланна // Конрад Дж. Собр. соч.: в 3 т. / сост. Т. Прокопов. – М., 1996. – Т. 2.
4. Ланн, Е.Л. Джозеф Конрад / Е. Ланн // Конрад Дж. Собр. соч.: в 10 т. – М., 1924. – Т. 1. – С. 5 – 43.
5. Ланн, Е.Л. Предисловие / Е. Ланн // Прыжок за борт. – М.; Л., 1926. – С. 3 – 8.
6. Проскурнин, Б.М. Английская литература 1900 – 1914 гг. / Б.М. Проскурнин. – Пермь, 1993.
7. Conrad, J. Lord Jim / J. Conrad. – L., 1994.
8. Guetti, J. The Limits of Metaphor. A Study of Melvill, Conrad, and Faulkner / J. Guetti. – Ithaca; N.Y., 1967.
9. Hewitt, D. Conrad: A Reassessment / D. Hewitt. – Camb., 1952.
10. Palmer, J.A. Achievement and Decline / J.A. Palmer // Joseph Conrad. A collection of criticism / edit. by C.B. Cox. – N.Y., 1975. – P. 139 – 46.
11. Spittles, B. Joseph Conrad: Text and Context / B. Spittles. – Basingstoke, 1992.

УДК 82.085

В.Д. Черняк

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ПЕРЕКЛИЧКИ С ЧИТАТЕЛЕМ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКЕ

В статье рассматриваются интертекстуальные включения, характерные для текстов современной массовой литературы. Корпус прецедентных текстов является важной составляющей тезауруса языковой личности. В новейшей массовой литературе интертекстуальные связи отражают средний уровень культурной грамотности современника. Непонимание интертекстуальных включений читателем ведет к коммуникативным неудачам.

Интертекстуальность, прецедентные тексты, культурная грамотность, коммуникативные неудачи.

The paper considers inter-textual inclusions typical for modern mass literature. Corpus of precedent texts is an essential component of the linguistic personality's thesaurus. In modern mass literature inter-textual links usually reflect an average level of the contemporary's cultural literacy. Lack of understanding of reader's inter-textual inclusions leads to communicative failures.

Inter-textuality, precedent texts, cultural literacy, communicative failures.

Интертекстуальность на рубеже XX – XXI вв. стала «знаменем вербального творчества и искусства вообще» [9, с. 38]. Справедливость слов Р. Барта о том, что всякий текст «соткан из цитат, отсылок, отзвуков» [1, с. 418], подтверждается при обращении к практически любой сфере речевого творчества. Характеризуя особенности современного языкового существования, речевое поведение современника, Б.М. Гаспаров пишет: «Наш язык представляется мне гигантским мнемоническим конгломератом, не имеющим единого строения, неопределенным по своим очертаниям, которые к тому же находятся в состоянии постоянного движения и изменения. Он вмещает в себя неопределенно большое – принципиально непериодическое – количество разнородных „кусков“ предыдущего языкового опыта, имеющих самую разную форму и объем. <...> Наша языковая деятельность осуществляется как непрерывный поток „цитации“, черпаемой из конгломерата нашей языковой памяти» [2, с. 13 – 14].

В когнитивную базу современной языковой личности входит достаточно объемный и разнообразный по содержанию корпус прецедентных текстов. Количественный и качественный состав прецедентных феноменов (высказываний, имен, ситуаций), а также степень активизации их в речи конкретной языковой личности определяются многими факторами. Здесь большое значение имеют уровень образования личности, возраст, социальный статус, круг общения, круг чтения, сфера профессиональных интересов, личных увлечений и т.д. Все эти факторы определяют степень авторитетности для конкретного носителя языка определенных культурных, исторических, политических, общественных контекстов, а при обращении к литературе – готовность читателя воспринять обращенный к нему интертекстуальный сигнал.

Сам статус прецедентных текстов предполагает их присутствие в тезаурусе рядового носителя языка. Р.М. Фрумкина отмечает: «В каждой культуре есть круг текстов, которые „положено“ знать, и это „положено“ распространяется на всех более или менее образованных или хотя бы просто грамотных представителей данной культуры. Мне трудно представить себе человека русской культуры, который не знает, кто такой Евгений Онегин. Пусть он и роман не читал, а из оперы слышал две арии. Наконец, пусть лишь слышал, что есть такая не то песня, не то просто музыка. Но именно „про Онегина“» [8, с. 133].

Уровень читательского восприятия определяется знанием базовых феноменов отечественной и мировой литературы и культуры, способностью узнавать хрестоматийные тексты по цитатам, именам, отсылкам, намекам. Восприятие интертекстуальных элементов, включение их в ментальное пространство слушающего «осуществляется подобно наведенной в сознании <...> рефлекторной дуге, дуге условного рефлекса: намек (цитата или имя) – и вот уже определенное явление социально-психологического характера или какое-то событие общественно-политического, исторического значения оживает, активизируется в сознании слушающего, прецедент

вступает в игру» [3, с. 217]. Интертекстуальная ссылка – это «явление, лежащее на границе языка и культуры» [4, с. 3].

Каждое новое поколение привносит в состав корпуса прецедентных текстов все новые так или иначе значимые для него элементы, которые могут как сохранять свою актуальность в течение определенного отрезка времени (иногда короткого), так и достаточно быстро утрачивать свою значимость. Особенно заметна динамика прецедентных текстов в последнее время в связи с существенным сокращением и изменением круга чтения нашего современника. «Меняется сам характер использования прецедентных текстов. Если прежде они обычно выступали как определяющие нравственное поведение максимы, то в последнее время все чаще используются как малосодержательные присловья, связанные с речью не содержательно, но формально или ассоциативно» [5, с. 156].

Интертекстуальность современной литературы отражает «цитатность мышления» и предполагает соответствующий отклик читателя. Так, В. Пьецух назвал одну из последних книг «Плагнат», в игровой форме обозначив свои интенции: «...Великие предшественники так много начудили по линии художественной обработки, что им остро хочется надерзить. И надерзить предпочтительно на их собственном материале, желательно устами их же персонажей и по возможности тем же самым каноническим языком. Например, Гоголь доказывал, что в XXI столетии русский человек станет совершенен духом, совсем как Александр Сергеевич Пушкин. А он почему-то получился невежа и обормот. Так же любопытно было бы перенести чеховских героев, сто лет тому назад бредивших светлым будущим, в наш злополучный век. То-то они заскучали бы по крыжовенному кусту».

Создатель текста посредством интертекстуальных отсылок может сообщить о своих культурно-семиотических ориентирах, а в ряде случаев и о прагматических установках: тексты и авторы, на которых осуществляются ссылки, могут быть хрестоматийными или изысканными, модными или тривиальными. Обмен интертекстами в процессе общения позволяет установить общность культурного кода коммуникантов, определить совпадение или расхождение эстетических пристрастий.

Отсылки к другим текстам в составе данного текста часто ориентированы на конкретного адресата – того, кто в состоянии интертекстуальную ссылку опознать, а в идеале и оценить выбор автора, адекватно понять стоящую за ним интенцию. Опознание интертекстуальных ссылок нередко предстает как увлекательная игра, своего рода разгадывание кроссворда, сложность которого может варьироваться в очень широких пределах – от безошибочного опознания цитаты из культового фильма (например, фразы *Восток – дело тонкое*) до профессиональных разысканий, направленных на выявление сложных авторских аллюзий.

Категория интертекстуальности, свойственная в большей степени литературе постмодернизма, в уп-

рощенном виде обнаруживается и в текстах современной массовой литературы. Основной источник цитат, широко используемых в текстах современной беллетристики, – это тот обязательный литературный минимум, который должен осваиваться в школе. Однако это освоение происходит далеко не всегда. В. Пелевин, называя современную культуру «анонимной диктатурой», пишет о катастрофическом оскудении базы культурных реминисценций: «Ваше поколение уже не знает классических культурных кодов. Илиада, Одиссея – все это забыто. Наступила эпоха цитат из массовой культуры, то есть предметом цитирования становятся прежние заимствования и цитаты, которые оторваны от первоисточника и истерты до абсолютной анонимности» (В. Пелевин. «Empire V»).

Интертекстуальность современной массовой литературы апеллирует к культурной памяти усредненного читателя, к культурному полю, связанному прежде всего с кинематографом и телевидением, с общеизвестными литературными текстами. Авторы массовой литературы эксплуатируют поверхностный слой «культурной памяти» современника, как правило, сопровождая интертекстуальную ссылку метатекстовыми комментариями-подсказками. Маркеры интертекстуальности могут быть представлены в виде прямого (обычно иронического) указания на источник в сносках, в словах персонажей или в авторской речи, в заглавиях, эпиграфах и других компонентах текста.

Приведем несколько примеров:

„Год прошел, как сон пустой“ – эти слова из пушкинской сказки то и дело всплывали в памяти, сопровождая все, что он делал в этот бесконечный год: готовился к летним изысканиям, потом, летом, занимался геологоразведкой (А. Берсенева. Антистерва).

– Ни я не был в нее влюблен, ни она в меня... Это была нежность. Ее ко мне – за понимание, моя к ней – из сострадания.

– *«Она его за муки полюбила, а он ее за состраданье к ним?»*

– *Примерно так, – кивнул Кис, пытаясь припомнить, откуда цитата. Кажется, Шекспир. Он был мастером точных формулировок...* (Т. Гармаш-Роффе. Расколотый мир).

Показателен фрагмент повести А. Марининой «Имя потерпевшего – Никто», представляющий беседу интеллигентной старушки с университетским образованием и малообразованного молодого человека:

– *Например, – отвечала она [Софья Илларионовна], пряча в углах беззубого рта усмешку, которую Сергей, к счастью, не замечал, – известное направление в психологии, которое называется «гештальт психология», утверждает, что лучшие всего человек запоминает незаконченное дело. А дело, которое закончено, быстро стирается из памяти. Это в середине двадцатого века написали. Открыли якобы такую закономерность. А еще в начале девятнадцатого века Александр Сергеевич Грибоедов написал: «Подписано – и с плеч долой». И правильно на-*

писал. О законченном деле что думать? Оно уже сделано. И весь разговор. А незаконченное все время на память приходит, грызет человека, покоя ему не дает, сомнения будит.

Цитируя классика, Софья Илларионовна не называет произведение-источник, но указывает полное имя автора. Интересны реакция собеседника, демонстрирующая фрагментарность и калейдоскопичность его тезауруса, и достаточно банальная отсылка к недостаткам школьного преподавания литературы:

Про Грибоедова Суриков что-то такое помнил из школьной программы, но не очень отчетливо. Чацкий там был какой-то, что ли... Все, что когда-то изучалось в школе, казалось ему скучным и ненужным, как, впрочем, и все, что человек делает в принудительном порядке. И надо же, оказывается, в этих книжках такие умные вещи были! Но учителя ведь не так рассказывали, как Софья Илларионовна. Может быть, если бы они были такими, как старуха Бахметьева, он бы учился лучше, с интересом.

В повести А. Уткина «Самоучки» главный герой, студент-филолог, от лица которого ведется повествование, соглашается за соответствующее вознаграждение выполнить довольно странную на первый взгляд просьбу своего знакомого, типичного «нового русского» Павла, – во время поездок по городу восполнять его почти нулевой культурный багаж, пересказывая тексты классической литературы. Эти занятия не оставляют равнодушным и водителя Павла Чапу:

Чапа был, видимо, больше чем водитель. – Чапа был друг, поэтому, когда я однажды познакомил экипаж синего автомобиля с соображениями одного дипломата относительно пропорций счастья, глупости и любви, Чапа, к моему изумлению, осудил Софью с предельной жестокостью.

– Да сука, – мрачно сказал он. – Проститутки кусок. <...>

Поначалу меня выводили из себя комментарии такого рода, но я же не был убежденным профессором, поэтому быстро привык и почти перестал обращать внимание на эти замечания. Однажды я все-таки рассердился и спросил напрямик:

– *Слушай, ты вообще кроме “Маши и медведей” читал что-нибудь?*

– *Читал, – спокойно ответил Павел и загнул мизинец. – Таможенный сборник – раз, Уголовный кодекс – два...*

– *Новый, – добавил Чапа с глупым смешком.*

Больше никаких вопросов я не задавал и, как умел, делал свое дело.

А. Уткин не указывает ни имени А.С. Грибоедова, ни названия его произведения, более того, – содержание комедии передано достаточно расплывчато: соображения одного дипломата относительно пропорций счастья, глупости и любви. Читателю известно лишь то, что в задачу героя входит пересказ классических произведений русской литературы. Еще одной «подсказкой» является имя героини произведения – Софья. Включаясь в предлагаемую автором игру и сопоставив эти данные, человек, обла-

дающий достаточным культурным кругозором, без труда определит, что речь идет о комедии «Горе от ума».

Важной составляющей коммуникативной компетенции носителя языка, по мнению Г. Г. Слышкина, является «умение выбрать цитаты, адекватно выражающие <...> отношение к действительности» [6, с. 26], при этом термин «цитата» понимается очень широко – как любое включение в новый текст фрагмента прецедентного текста или отсылки к нему. Очевидно, что для языковых личностей с высоким уровнем коммуникативной компетенции характерно осознанное и уместное включение в речь различных прецедентных феноменов и адекватное их восприятие. Если участником коммуникации является менее компетентная языковая личность, возникает вероятность как неосознанного употребления в речи одного из коммуникантов прецедентных феноменов (которые в таком случае автоматически теряют свою прецедентность и выступают как речевые стереотипы), так и коммуникативной неудачи, при которой происходит полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации. Адресат, не способный распознать отсылку к тому или иному прецедентному тексту, даже уловив общий смысл сказанного, испытывает тем не менее чувство коммуникативного дискомфорта. Приведем в качестве примера фрагмент текста Е. Вильмонт, представляющий собой диалог матери с десятилетним сыном:

– Мам, ты знаешь, он, оказывается, привез мне из Марселя парусник! Угадай, как он называется?

– Откуда же мне знать?

– Ну мама, подумай, па-рус-ник из Мар-се-ля, тебе это ни о чем не говорит?

– О чем мне это должно говорить, не понимаю!

– Мам, ты что, забыла? Кто жил в Марселе?

– Мишка, ну не помню я, сдаюсь!

– В Марселе жил Эдмон Дантес! А парусник как называется?

– О господи, «Фараон», что ли?

– Наконец-то!

– Подумаешь, велика важность забыть «Графа Монте-Кристо»! (Е. Вильмонт. Плевать на все с гигантской секвойи!).

Роман «Граф Монте-Кристо», как показывают опросы молодежи, не является сегодня актуальным для всех прецедентным текстом. Современные дети в массе своей его не читают, поэтому мальчик, для которого текст романа А. Дюма является не только знакомым, но и прецедентным (ассоциация с ним возникает в сознании ребенка, когда он получает в подарок парусник из Марселя), для своего возраста явно начитан и рассчитывает на общий с матерью культурный код. Мальчик пытается при помощи ключевого для него словосочетания (па-рус-ник из Мар-се-ля) вызвать соответствующие ассоциации у матери. Однако текст романа А. Дюма для нее не является прецедентным, хотя и известен ей. Поэтому она испытывает дискомфорт, безуспешно пытаясь понять, на что же намекает сын: откуда же мне знать, не понимаю, ну не помню я, сдаюсь. Наконец, ей удастся найти ответ на предложенную сыном за-

гадку, однако раздражение, вызванное осознанием собственной некомпетентности, все же остается: *Подумаешь, велика важность забыть «Графа Монте-Кристо»!*

Таким образом, перед нами явный коммуникативный сбой, описание которого выполняет как текстообразующую, так и характерологическую функции.

Приведем еще один текстовый фрагмент:

Она все-таки сняла сапожки и влезла в большие тапки, расшитые причудливым узором.

– Это из Чада, – объяснил он. – Знаешь, что было на озере Чад?

– Ну, кроме того, что там бродил изысканный жираф, пожалуй, ничего. А что?

Он посмотрел на нее с восхищением:

– Любишь стихи?

– В общем, да (Е. Вильмонт. Курица в полете).

Здесь адекватно воспринятая отсылка к прецедентному тексту – стихотворению Н. Гумилева «Жи-раф» – напротив, способствует установлению контакта между собеседниками не только на коммуникативном, но и на более глубоком интеллектуальном и эмоциональном уровне.

Диалог с потенциальным читателем нередко оказывается невозможным из-за несовместимости культурных кодов. Современные авторы, осознавая изменение уровня читательской компетенции, учитывают его в осуществлении диалога с читателем, делают объектом оценки и квазинтеллектуальной игры. Приведем показательный пример, иллюстрирующий попытки актуализации элементов культурной памяти читателя:

На круглом столе высился двухкилограммовый торт, вернее, то, что от него осталось.

– Дары данайцев? – спросила я, ткнув пальцем в бисквитно-кремовые руины. – Борзой щенок от кого?

– Что? – не поняла Галя.

Девушка не только не знала легенды и мифы Древней Греции, она даже не читала Гоголя. Пришлось спросить о том же, но попроще (Д. Донцова. Три мешка хитростей).

Отмечая особую значимость интертекстуальных связей в современной литературе, М. Эпштейн пишет: «<...> Теперь кавычки уже так впитались в плоть каждого слова, что оно само, без кавычек, несет в себе привкус вторичности, который стал просто необходим, чтобы на его фоне стала ощутима свежесть его повторного употребления» [10, с. 281]. Однако для достижения отмеченного эстетического эффекта («ощущения свежести от повторного употребления») необходимо наличие у читателя общего с автором культурного кода, общего тезауруса и соответствующей текстовой компетенции, позволяющей почувствовать и актуализировать при восприятии представленные в тексте связи.

Литература

1. Барт, Р. Семиотика. Поэтика: Избранные работы / Р. Барт; пер. с фр.; общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М., 1994.

2. Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. – М., 1996.
3. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М., 2003.
4. Костомаров, В.Г. Старые мехи и молодое вино: Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века / В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова. – СПб., 2001.
5. Милославский, И.Г. Русский язык как культурная и интеллектуальная ценность и как школьный предмет / И.Г. Милославский // Знамя. – 2006. – № 3. – С. 151 – 164.
6. Слышкин, Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. – М., 2000.

7. Супрун, А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление / А.Е. Супрун // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 17 – 28.
8. Фрумкина, Р.М. Размышления о «каноне» / Р. Фрумкина // Р. Фрумкина. Внутри истории. – М., 2002. – С. 133 – 142.
9. Шулежкова, С.Г. Проблема смерти автора в условиях «тотальной цитатности» / С.Г. Шулежкова // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: Сб. докл. Междунар. науч. конф. (Магнитогорск, 12 – 14 ноября 2003 года). – Магнитогорск, 2003. – С. 38 – 45.
10. Эпштейн, М. Постмодерн в России / М. Эпштейн. – М., 2000.

УДК 821.16.1

М.А. Черняк

ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ТИНЕЙДЖЕРОВ В КОНТЕКСТЕ ЭКСПЕРИМЕНТОВ НОВЕЙШЕЙ ПРОЗЫ XXI ВЕКА

В статье рассматриваются актуальные проблемы современной прозы. Литература для подростков как социальный феномен оказывается центром пересечения важных тем литературы для взрослых.

Литература для подростков, школьная повесть, инфантильность, социология литературы.

The article deals with the actual problems of the modern prose. Literature for teenagers as a social phenomenon is the point of intersection of the important themes of the literature for adults.

Literature for teenagers, school story, infantilism, sociology of literature.

Произошедшая несколько лет назад «потеря» всей страны» не отменила все же желания российских подростков читать не только о Гарри Поттере, но и о героях, более близких и понятных. При этом необходимо отметить, что многие темы и жанры подростковой литературы, популярные в советское время, трансформировались или вообще исчезли. Актуальная проблема подлинности и исторической памяти обострилась в эпоху массового поглощения информации при недостаточном уровне ее понимания, повысив интерес современных писателей, пишущих как для детей, так и для взрослых, к памяти как своеобразному способу установления реальности. Радикальные изменения последних 15 – 20 лет в политической, социальной и культурной жизни нашей страны привели к бесследному исчезновению многих реалий советского времени. Уже не только в воображении детей, родившихся после распада Советского Союза, но и в памяти людей взрослых и это государство, и эта жизнь стали мифом. Оценивая «ностальгию по советскому», проявляющуюся в разнообразных социологических опросах, социолог Б. Дубин отмечает: «Это возводимое культурное здание на самом деле – метафора современного (докризисного), нынешнего, всего того, что связывается с хорошим и благонадежным, с порядком, принятым сегодня большинством. „Советское“ конструировалось заново и в результате стало зеркалом, в котором видны отражения нас сегодняшних. Две картинки поддерживают друг друга – прошлое в настоящем и настоящее в прошлом. И эта новая конструкция и была воспроизведена в культуре» [4, с. 3].

Эти две картинки определяют и сюжетный каркас повести белорусских писателей Андрея Жвалевского и Евгении Пастернак «Время всегда хорошее». Герой повести пионер-шестиклассник Витя из своего 1980-го года попадает в наше недалекое будущее – 2018 год. А девочка Оля, компьютеризированный тинейджер из 2018 года, оказывается в советском прошлом. Поменявшись местами, героям приходится решать проблемы друг друга. В 1980 году лучшего друга Вити пытаются исключить из пионеров и из школы, а в мире Оли, где люди уже практически не общаются в «реале» и даже мамы приглашают детей на кухню обедать с помощью электронных средств связи, неожиданно вводят устные экзамены вместо таких привычных компьютерных тестов. Тема представлений о прошлом в массовом сознании входит в проблемное поле культурологии, литературоведения, социальной психологии. Современная литература занимается своеобразным «формированием памяти», в рамках которого национальные истории интегрируются в «глобальную» историю, и основным источником представлений о прошлом становятся мифы, легенды, фантастические допущения. Создается устойчивое ощущение, что современные авторы воспринимая историю как своеобразный мистический заговор, что позволяет перевести реальность в фантастику и представить жизнь целых поколений с помощью фантастического кода.

А. Жвалевский и Е. Пастернак, отставив точку зрения, озвученную в заглавии, тем не менее, довольно критически относятся и к прошлому, и к будущему. Витя искренне не понимает, где его книж-

ный шкаф со энциклопедиями, почему в магазинах нет очередей, что это за штука такая Интернет и почему ребятам в школе так сложно отвечать устно у доски. Свое новое положение Витя воспринимает как особое задание, постепенно он начинает учить своих одноклассников общаться: играет с ними в «города», собирает своеобразный «Кружок любителей говорения», объединяя разьединенных виртуальным миром и не умеющих общаться в реальности ребят. «Мы не разговариваем, мы пишем», – признается один из учеников класса. И все же зашоренность советскими идеологическими стереотипами зачастую мешает Вите воспринимать новый мир. «В гастрономе – огромном, как стадион, – людей было много, но очередей все равно не наблюдалось. Я уже спокойнее рассматривал прохожих и обратил внимание, что многие из них тоже ведут диалоги с невидимыми собеседниками. Некоторые, как мама, пользовались большой сережкой на ухе, другие – приборчиками вроде моего. Только они прижимали его к уху, как телефонную трубку. Я вдруг сообразил, что это телефон и есть! Только очень маленький и удобный, можно с собой носить. У американцев таких точно нет! Как хорошо жить в самой передовой стране мира!» (выделено мною. – М. Ч.) [5, с. 78]. Оля, напротив, абсолютно свободна от идеологических штампов: она не понимает абсурдного, по ее мнению, текста клятвы советских пионеров, не понимает, почему существует одна партия, защищает мальчика, который принес в класс пасхальный кулич и т.д. Но при этом она свободна и от любых культурных ассоциаций, от книг, от культурных кодов: «Я честно пыталась сосредоточиться, но смысл того, что говорила русичка, от меня ускользал. Зачем мне запоминать стихи, если на Гугле я найду их в три секунды? Зачем самой придумывать все эти красивые слова, если они уже давно все написаны и выложены, украшенные разными шрифтами?» [5, с. 51].

Социологи литературы и библиотекари фиксируют серьезные изменения в стратегии чтения современного подростка. «Подростки могут пользоваться в основном теми достижениями книжной культуры, которые им предоставляют взрослые. В то же время подростки создают собственную субкультуру, отличную от культуры старшего поколения. Не принимая всерьез наставления взрослых, считая их во многом устаревшими, подростки опережают родителей, библиотекарей и педагогов в освоении новых информационных технологий, иностранных языков, западной музыкальной культуры, основ рыночной культуры. Социальные потрясения последних десятилетий привели к ослаблению межпоколенных связей, к разрыву культурной традиции. Для современного подростка существует не ось времени, а ее конкретный отрезок – дискретность мировосприятия и суженная идентичность проявились как характерные черты современного юного человека», – полагают В. Аскарова и Н. Сафонова [2, с. 34].

Повесть Жвалевского и Пастернак «Время всегда хорошее» выводит к актуальной проблеме двуадресности детской книги. Эта повесть, опубликованная в серии «Время – детство» издательства «Время»,

сразу стала активно обсуждаться читателями совершенно разных возрастов. Показателен комментарий на сайте данного издательства: «Моя дочь, ей 11 лет, прочитала и посоветовала мне (выделено мною. – М. Ч.). Замечательная книга. Добрая и хорошая. Прочитала на одном дыхании, за два часа не отрываясь. А дочка сказала: „Я думала, что читать уже нечего, все прочитала, а тут такое чудо“. Нельзя не согласиться с современными детскими писателями И. Волынской и К. Кашеевым, доказывающими, что литература для подростков «имеет читателя самого многогранного, а значит, *читателя универсального* (выделено мною. – М. Ч.). Мураками или Улицкую будет читать исключительно тот, кто купил, а книгу для ребенка прочтет как минимум половина семьи, хотя бы чтоб понять почему ребенку это нравится! И каждый читатель, вне зависимости от возраста, должен найти там свое! Это лакмусовая бумажка для любой подростковой книги – если она годится читателям от 8 до 80-ти, то и читатель от 12 до 17 тоже найдет, что ищет» [3]. Детская литература вообще выполняет в отношении общей литературы особую функцию дублирующей системы: помимо решения в каждую эпоху конкретных воспитательно-образовательных задач, она обеспечивает сохранность наиболее важных художественных открытий, сделанных в литературном процессе, и транслирует их в дальнейшие фазы развития общей литературы. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что инфантильность является одной из ярких черт современной социокультурной ситуации.

Рудименты детского сознания становятся защитным рефлексом современного читателя. Можно согласиться с М. Кормиловой, объясняющей феномен инфантильности современного общества тем, что «постиндустриальное общество лишено идей, ради которых стоило бы взрослеть, массовая культура навязывает детские книжки и футболки, от постоянной тревожности хочется спрятаться за спиной у кого-нибудь взрослого и сильного. В новой России постиндустриальное общество и голливудские стандарты восторжествовали одновременно, наложившись еще и на внутренние сдвиги в стране, взрослеть во время которых – и заманчиво, и страшно, потому что очень трудно встать на ноги, когда кругом все шатается. В конце концов, инфантильность – маска, которая нужна, чтобы спрятать свои страхи, языком жестов попросить о любви и снисхождении. И как литературный прием она манит хоть какой-то надеждой построить гармоничный, пригодный для жизни художественный мир» [6, с. 145].

Инфантильность сознания человека XXI века своеобразно интерпретирует У. Эко. В «Говорите мне „ты“, мне всего пятьдесят!» он пишет о смещении возрастных рамок и границ зрелости в связи с успехами медицины: «Вообразим теперь, что человечество в среднем доживает до 150 лет. Тогда инициация смещается к пятидесяти годам. <...> В обществе, в котором тридцатилетние и сорокалетние подростки будут заводить детей, государству снова придется вмешаться, забирая потомство под свой контроль и помещая его в детские учреждения» [10, с. 66]. Инфантильный герой, зависимый от своих

детских воспоминаний и комплексов (герои пьесы Е. Гришковца «Как я съел собаку», повести П. Санаева «Похороните меня за плинтусом», произведения Д. Гуцко «Покемонов день» и др.), – типичный герой литературы «нулевых», причем, что важно, востребованной широкой и разновозрастной читательской аудиторией. Критики давно фиксируют резкое «омоложение» героя современной прозы, произошедшее в минувшее десятилетие. Это связано с возрастающим вниманием к теме детства и отрочества как определенным экзистенциальным темам и с появлением особой «молодежной» прозы «двадцатилетних», пишущих о подростках, т.е. о своих недавних одноклассниках (проза С. Шаргунова, И. Абузарова, И. Денежкиной, С. Чередниченко, М. Кошкиной и др.). И дети и взрослые сегодня с интересом читают одни и те же сказки и комиксы, фэнтези и авантюрные романы. На эти запросы предельно чутко реагируют современные писатели, неслучайно сказка становится одним из самых репрезентативных жанров новейшей литературы.

«Мы сами, наверное, виноваты в том, что происходит с неоперившейся юной частью общества. <...> Нельзя благодушествовать, надеясь, что ничего страшного не происходит: сейчас они жестокие, бессердечные, высокомерные, а подрастут – исправятся, мы их исправим. Не исправим. Исправлять трудно...» [1, с. 4], – писал Ч. Айтматов 20 лет назад. За это время выросло целое поколение, а боль этих слов и сегодня ощущается многими. Актуализацией темы толерантности в современной литературе для подростков можно объяснить появление целого ряда произведений последних лет, героями которых становятся дети с ограниченными возможностями. В этом же ряду, безусловно, стоит повесть Екатерины Мурашевой «Класс коррекции», вызвавшая массу дискуссий и споров еще в рукописи и получившая престижную премию в области детской литературы «Заветная мечта», книга, поражающая своей безжалостной правдой и удивительной искренностью.

Школа как макромир показана Е. Мурашевой, практикующим семейным и школьным психологом, с предельной откровенностью. Страшным и больным становится мир взрослых, а не мир по-настоящему больных детей. Клавдия Николаевна, классная руководительница 7 «Е», внушает молодому учителю географии, единственному, который встал на сторону ребят: «Школа — всего лишь слепок с общества в целом. Неужели вы не видите разделения «на классы» всего нашего мира? Бедные и богатые. Удачливые и неудачники. Умные и глупые... Школа не может изменить мир, который существует за ее пределами... Мы разработали для класса коррекции особые программы, учителя преподают там в условиях, приближенных к боевым... мы научили их читать, писать и считать, но поймите, мы не можем изменить их судьбу!» [9, с. 35]. Эта повесть о том, о чем в школах молчат, о чем никогда не прочитаешь в отчетах методических объединений и педагогических советов, эта повесть о правде современной школьной жизни, жестокой и беспросветной, где слово «милосердие» в активный словарь не входит, где

дети вынуждены придумывать себе другой светлый, добрый и справедливый мир и жить в нем, а значит – умирать в этом мире. Изменять свою судьбу придется самим ребятам. Настоящим нравственным испытанием для класса коррекции, где собрались и дети алкоголиков, и больные, и запущенные, и изуродованные семейными ссорами, и просто трудно-воспитуемые, стал приход (вернее – приезд на инвалидной коляске) новенького, мальчика с диагнозом ДЦП. Мальчик из интеллигентной и любящей семьи (что для многих ребят оказывается невиданным чудом), умный и ироничный, все время подтрунивающий над собой и своим недугом. Юра не только объединяет 7 «Е» – он, как лакмусовая бумажка, неожиданно проявляет в ребятах доселе не востребовавшееся: умение терпеть и защищать, заботиться и сопереживать, думать и мечтать. Юра обладает особым даром – уходить от страданий и безысходности в параллельный мир, где сбываются все желания. Эта повесть – оптимистическое произведение, оптимистическое вопреки всему. Класс коррекции и существует вопреки всему – школьным порядкам, жестокости, болезням, нищете. Ребята сами познают значения слов «милосердие», «доброта», «дружба». Вывод из этой светлой повести с грустным финалом заключается в необходимости коррекции всего современного общества.

Острота постановки вопросов о редукции человечности и атрофии способности к состраданию во взрослом мире сближает книгу Е. Мурашовой с дебютным романом Мариам Петросян «Дом, в котором...», вызвавшей широкий резонанс. Дом – это нечто гораздо большее, чем просто интернат, в котором живут подростки с тяжелыми недугами: инвалиды-опорники, слепые, безрукие, онкологические больные, сиамские близнецы. Герои его ненавидят, склоняют, проклинаят, но все же боятся быть выставленными из Дома в большой мир, который им неведом. И чем больше они ненавидят свой Дом, тем больше они его любят и боятся потерять, потому что он единственное, что у них есть в настоящем. Население Дома делится на «стаи» – Птиц, Фазанов, Бандерлогов. У каждой стаи свои вожаки, свои традиции, кодексы поведения. Для героев очевидно, что только в стае можно выжить. О прежней жизни и родителях никто из них и не вспоминает, так как только в Доме у ребят появляется настоящая семья, они чувствуют родственную связь не только друг с другом, но и со стенами дома.

Главный герой романа Курильщик попадает в Дом уже семнадцатилетним, незадолго до выпуска. И он тоже счастлив обрести Дом, стать своим в стае, почувствовать себя частью единого организма. Курильщик видит, что та сердечная теплота, которая связывает обитателей Дома, на самом деле – взаимопонимание «белых ворон». Точная трагическая нота романа М. Петросян связана с тем, что придуманный Курильщиком, Сфинксом, Слепым, Табаки, Лордом, Кузнечиком (у героев нет имен, только прозвища, которые они получают, переступив порог Дома) мир бесконечно далек от мира реального, в котором так или иначе придется оказаться каждому после выпус-

ка. В этот причудливый и невероятно сложный мир вторгается беспощадная реальность. Кому-то суждено погибнуть, кому-то – исчезнуть, кого-то заберут с собой странные дурманные вещества. Лишь постепенно становится понятным, что мир Дома – это развернутая метафора детства, расставание с которым неизбежно. В книге М. Фуко «Надзирать и наказывать» на широком историческом и социокультурном материале показано, что на заре Нового времени «неполноценные» группы населения – дети, старики, инвалиды – были фактически вытеснены в своеобразные гетто. Их не ограничивали в передвижении и не заставляли носить специальную одежду, но во всех смыслах отбросили на периферию социальной и общественной жизни. В течение XX века общество медленно осознавало эту несправедливость и училось с ней бороться, однако, как показывает книга М. Петросян, эта проблема осталась актуальной и для XXI века.

Постановка большого и очень личного (во многом опять же автобиографического) вопроса о трагедии взросления стала толчком для создания удивительно трепетной и острой повести Егора Молданова «Трудный возраст», получившей номинацию «Мужество в литературе» независимой литературной премии «Дебют». В одном из интервью молодой писатель, трагически ушедший из жизни в декабре 2009 года в возрасте 22 лет, рассказал о своем замысле так: «„Трудный возраст“ – история не лично моя, это история моего детства. Иногда мне хочется громко крикнуть всем родителям, учителям, даже прохожим: „Господи, ну что вы творите со своими детьми, почему вы настолько невнимательны к их проблемам, которые кажутся вам мелочными и ничтожными?! Мне не хочется, чтобы какой-то подросток повторил фразу моего главного героя: „Я не трудный – я труднодоступный“. Скорее всего, главной задачей при написании книги было, чтобы ребенок, подросток осознал: он в этом мире не одинок, его проблемы решаемы, что настоящая дружба и светлая любовь существуют, что вокруг него Люди и что он – ЧЕЛОВЕК» [7].

Сюжет развивается как цепь переходов героя из одного замкнутого пространства в другое. Сначала это дом-клетка и школа-Пентагон, затем детский дом, прозванный за форму здания Клюшкой, потом Бастилия – колония общего режима для несовершеннолетних, с которой и начинается повествование. Описывая ужас травли сверстниками, жестокость «взрослого мира», драматическое, но принципиальное для героев сопротивление серой массе, воспроизводя неприглядную модель отношений между учителями и учениками, учеников между собой, Молданов выходит к художественному обобщению: семья, школа таковы, каково общество. Традиции «Подростка» Ф. Достоевского и «Республики Шкид» Г. Белых и Л. Пантелеева явно угадываются в повести Молданова, главный герой которой говорит: «Я научился не бояться и не дрожать на морозе, потому что мы жили в зоне вечной человеческой мерзлоты» [8, с. 91].

Критики, откликнувшись на неприглядное изо-

бражение современной школы, посчитали, что в зеркале современной прозы школа посттоталитарная и постсоветская оказалась страшнее школы тоталитарной и советской, а учитель из наставника превратился в маргинала. Школа – чуть ли не самое массовое социальное учреждение. Поэтому вполне закономерно то, что все особенности нашего социума и нашего «ксеркса культуры» (по определению Ж. Бодийара) могут сканироваться через образ Школы и образ Учителя, причем сканироваться с помощью широкого использования инструментария современной культуры. Школа – живой социальный институт, в котором концентрируются человеческие характеры и оживают разнообразные стереотипы. Для героев вышеназванных произведений школа является площадкой, на которой ставятся эксперименты, проверяются гипотезы, ищутся ответы на болезненные вопросы, это этапы и формы жизненного пути, самоопределения, познания себя и мира.

Произведения А. Жвалевского, Е. Пастернак, Е. Мурашевой, М. Петросян и Е. Молданова абсолютно лишены педагогического морализаторства во многом потому, что истории рассказываются от первого лица, от лица подростка. В этом причина популярности этих текстов в разной читательской аудитории: и подростковой, и взрослой. Очевидно, что литература для подростков сегодня изменяется, трансформируется, обращается к значительно более широкому, чем прежде, кругу читателей. Интерес писателей к проблемам современных подростков очевиден. Свидетельством этому является и то, что лауреатами литературной премии имени Юрия Казакова стали рассказы Захара Прилепина «Грех» и Льва Усыкина «Длинный день после детства», в которых тонко и психологически точно воссоздается душевный мир юного человека, познающего окружающую действительность, переживающего первую любовь, получающего настоящие уроки жизни от своих учителей. Этот выбор жюри – оценка не только качественной прозы, но и актуальности темы, помогающей читателю ориентироваться в «диких дебрях средней школы» (так иронически называется одно из произведений Г. Остера).

«От книг для подростков, от наших книг требуется геометрической ясности, шекспировских страстей, голливудского экшена и нравственного посыла святочных рассказов, преподнесенного с деликатностью дипломата и незаметностью шпиона, чтоб подросток даже не понял, что его поучают! <...> И вот если, совместив все эти практически невыполнимые требования, записав под одну обложку все для читателя любого, перепрыгнув через забор из бдительных родителей, с карандашом в руках отслеживающих то конкретное место, где ты учишь детей хорошему, ты еще и сумеешь написать книгу, которую прочтут по доброй воле и захотят еще – значит, ты гений и умудрился совершить невозможное. А если не можешь совершать невозможное – пиши для взрослых, это проще» [3], – провозглашают свое кредо молодые детские писатели. Останутся ли эти слова лишь декларацией, покажут новые произведения XXI века, адресованные «взрослым детям» и «инфантильным взрослым».

Литература

1. *Айтматов, Ч.* Цена – жизнь / Ч. Айтматов // Литературная газета. – 1986. – 13 августа.
2. *Аскарлова, В.* Подросток и взрослые: трудный диалог по поводу книги / В. Аскарлова, Н. Сафонова // Библиотека. – 2007. – № 1. – С. 34 – 36.
3. *Волынская, И.* Литература для подростков: Погоня за Бет Глатисант, или «Я не догоняю!» / И. Волынская, К. Кашеев. – URL: <http://www.eksmo.ru/news/authors/483417>
4. *Дубин, Б.* Интервью / Б. Дубин // Новое время. – 2009. – № 5. – С. 4.
5. *Жвалевский, А.* Время всегда хорошее / А. Жвалевский, Е. Пастернак. – М., 2001.

6. *Кормилова, М.* Недолюбили. Об инфантильном герое в молодой литературе / М. Кормилова // Новый мир. – 2007. – № 3. – С. 112.
7. *Молданов, Е.* «Трудный возраст» – история моего детства / Е. Молданов. – URL: <http://www.amurpravda.ru/articles/2008/12/26/5.html>
8. *Молданов, Е.* Трудный возраст / Е. Молданов // Урал. – 2009. – № 10.
9. *Мурашова, Е.* Класс коррекции / Е. Мурашова. – М., 2010.
10. *Эко, У.* «Говорите мне „ты“, мне всего пятьдесят!» / У. Эко // Esquire. – 2006. – № 5.

ЮБИЛЕИ

Александр Валентинович Чернову – 50 лет!

4 ноября 2011 года исполнилось пятьдесят лет директору Гуманитарного института ЧГУ, доктору филологических наук, профессору Александру Валентиновичу Чернову.

А.В. Чернов с отличием окончил филологический факультет Череповецкого государственного педагогического института. Работал учителем русского языка и литературы в средней школе № 30 г. Череповца.

Окончил аспирантуру Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. В 1988 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «А.Ф. Вельтман-романист, 30 – 60-е гг. XIX в.»

Работал ассистентом, затем старшим преподавателем и доцентом ЧГПИ.

В 1997 году защитил докторскую диссертацию на тему «Русская беллетристика 20 – 40-х гг. XIX в.: вопросы генезиса, эстетики, поэтики», а в 1998 г. ему присвоено ученое звание профессора.

С момента создания Гуманитарного института ЧГУ Александр Валентинович является его бессменным директором. На этом посту он проявил себя как талантливый управленец и организатор. Объединяющим принципом работы Гуманитарного института стали максимальная междисциплинарность, раннее включение студентов в профессиональную деятельность, полная открытость к сотрудничеству как с российскими коллегами-гуманитариями, так и с зарубежными вузами, фондами, исследовательскими центрами, работающими в родственных направлениях, а также с учреждениями, предприятиями, организациями города, региона и страны, понимающими перспективность и принципиальность гуманитарных технологий и гуманитарного знания в целом в постиндустриальном обществе.

Под руководством и при непосредственном участии Александра Валентиновича в Череповце открыты специальности вузовской подготовки: «история», «социология», «связи с общественностью», «искусствоведение». Внимательное отношение к новым образовательным моделям и практикам позволило Александру Валентиновичу активно включиться в научное руководство магистерской программой «Социальные коммуникации».

А.В. Чернов – автор 5 книг и более 160 научных статей, член нескольких общественных академий и профессиональных российских ассоциаций, общественных и научно-методических советов города и области. Он является членом правления Национальной ассоциации исследователей масс-медиа. Награжден нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования РФ».

РЕФЛЕКСИЯ В ОБЩЕНИИ КАК УСЛОВИЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДОШКОЛЬНИКОВ С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ*

В статье представлен краткий анализ литературных источников по теме исследования, раскрывается актуальность изучения рефлексии в общении у детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи (ОНР); уточняются существенные характеристики основных понятий и категорий.

Рефлексия, рефлексия в общении, социализация, дошкольники, общее недоразвитие речи.

The article presents the short analysis of references on the research theme reveals the urgency of studying reflection in dialogues of preschool children with the general underdevelopment of speech; essential characteristics of the basic concepts and categories are specified.

Reflection, reflection in dialogue, socialization, preschool children, the general underdevelopment of speech.

Изменения в функционировании современного общества, негативные тенденции в развитии детской популяции обуславливают необходимость поиска адекватных путей и средств социализации дошкольников (Д.И. Фельдштейн, В.В. Рубцов). Особенно остро проблема создания условий для освоения человеческой культуры встает перед детьми, имеющими нарушение речи. Недоразвитие речи первичной этиологии неизменно провоцирует недостатки социально-личностного развития детей, приводит к трудностям их социальной адаптации, определяет нарушения вербализации различных аспектов социального взаимодействия (Г.В. Чиркина, С.Н. Шаховская, В.И. Селиверстов). Недостатки социального развития детей с речевым недоразвитием позволяют актуализировать проблему поиска оптимальных путей и эффективных средств их социализации.

Традиционно выделяют три сферы, в которых осуществляется социализация: деятельность, общение, самосознание [11], [14]. Общей характеристикой всех этих трех сфер является процесс расширения, умножения социальных связей с внешним миром. В процессе социализации деятельность, общение и самосознание неразрывно связаны: они постоянно взаимодействуют, контролируют, детерминируют и направляют друг друга. Таким образом, становится очевидным то, что полноценная социализация возможна лишь в том случае, если ребенок способен:

- 1) расширить собственные возможности как субъекта деятельности;
- 2) умножить контакты с другими людьми;
- 3) децентрироваться, ориентироваться на партнера, более точно его воспринимать;
- 4) понимать себя в качестве некоторой целостности, контролировать и определять развитие самосознания постоянным приобретением социального опыта в условиях расширения диапазона деятельности и общения.

В условиях модернизации специального образования, его ориентированности на социализацию как конечный результат образовательного процесса особенно остро встает вопрос о развитии *универсального и системообразующего качества личности ребенка* с ограниченными возможностями здоровья, которое будет способствовать успешному усвоению ребенком социального опыта. Проведенный литературный анализ позволил выделить в качестве такого свойства рефлексивность, реализующуюся наиболее полно в аспекте общения.

В качестве рабочего определения рефлексивности примем позицию Г.П. Щедровицкого, характеризующего рефлексивность как базовое свойство личности, благодаря которому происходит осознание и регуляция субъектом своей деятельности [29]. Рефлексия в общении, являясь частным случаем рефлексивности как свойства личности, проявляется в позиции «над» и «вне» общения, которая позволяет партнерам не только прогнозировать действия друг друга, но и, корректируя свои действия, влиять на партнера, все глубже проникая в глубины взаимопонимания или, напротив, намеренно вводя партнера в заблуждение [12].

Анализируя литературные данные, можно согласиться с мнением Е.Б. Петрушиной, что формирование строгой дефиниции изучаемого явления еще не закончено. Рефлексия является методологическим (категория сознания) и методическим (процедуры самонаблюдения и саморегуляции) понятием. Она является универсальным механизмом саморегуляции, саморазвития, самоизменения индивида как во внутреннем плане (самосознание, самопринятие, самоанализ), так и в социуме [19].

На данный момент в научной литературе существует множество подходов к интерпретации понятия «рефлексия» (см. рис. 1).

Рис. 1. Основные подходы к исследованию рефлексии

В рамках *философского* подхода рефлексия рассматривается как процесс размышления индивида о происходящем в его собственном сознании. Уже у Аристотеля, Платона и позднее у средневековых схоластов можно найти много глубоких рассуждений, касающихся разных сторон того, что сейчас относится к рефлексии. Все же принято считать, что основной и специфический круг проблем, связываемых сегодня с этим понятием, зарождается лишь в новое время, а именно благодаря полемике Дж. Локка и Г.В. Лейбница [24]. Именно у Локка и Лейбница рефлексия начинает трактоваться как самопознание, как «поворот духа к «я» и благодаря этому приобретает отчетливо психологическую окраску. Дж. Локк разделил ощущение и рефлексию, трактуя последнюю как особый источник знания (внутренний опыт в отличие от внешнего, основанного на свидетельствах органов чувств). Рефлексия по Локку – это «наблюдение, которому ум подвергает свою деятельность» [15]. Р. Декарт отождествлял рефлексию со способностью индивида сосредоточиться на содержании своих мыслей, абстрагировавшись от всего внешнего, телесного [22]. У Фихте в дополнение к этому рефлексия получила эпистемологический оттенок (рефлексия знания есть «наукоучение») и была поставлена в контекст процессов развертывания или развития «жизни». Гегель сделал попытку дать рефлексии имманентное определение в рамках общей картины функционирования и развития духа. После Гегеля понятие рефлексии стало и остается до сих пор одним из важнейших в обосновании философского анализа знания [20].

В последней трети XX века М.К. Мамардашвили, Г.П. Щедровицкий, И.С. Ладенко, В.А. Лекторский, В.С. Швырев, А.П. Огурцов пытались осуществить философскую проработку понятия рефлексии в контексте проблемы сознания и деятельности. Философский план анализа позволил выделить следующие аспекты рефлексии:

- 1) онтологический, где рефлексия – модус существования психологического в виде данностей сознания;
- 2) гносеологический, где рефлексия как интроспективное начало психологического познания является методом самонаблюдения (Дж. Локк);
- 3) методологический, где рефлексия рассматривается как модальность взаимодействия (взаимоотражения) категорий познания (И. Кант);
- 4) аксиологический, где рефлексия рассматривается как «мировоззренческие чувства» личности, выражающие экзистенциально-этические ценности ее бытия и сознания (С.Л. Рубинштейн).

Первые три аспекта выделяют рефлексию как рациональное начало организации психического в его интеллектуально-познавательных проявлениях. Четвертый аспект знаменует переход от философско-интеллектуального к личностно-психологическому пониманию рефлексии.

Педагогический подход рассматривает рефлексию как процесс и результат фиксирования участниками педагогического процесса состояния своего развития, саморазвития и причин этого [10]. Использование рефлексивной практики в образовательном процессе позволяет выстроить эффективные межсубъектные отношения в системе «ученик – учитель».

Более того, как это справедливо подчеркивали западные психологи Д. Боуд, Р. Кеог и Д. Уокер, рефлексия может стать фундаментом для всего образовательного процесса. Обучение на основе рефлексии уже потому, что рефлексия сама по себе – «всегда порождение нового знания в сознании индивида» [10]. Педагогические аспекты рефлексии наиболее подробно и полно отражены в теории и практике развивающего обучения (Н.Г. Алексеев, В.В. Давыдов, А.А. Зубченко, В.А. Львовский, В.В. Рубцов и др.). В данном аспекте пропагандируется идея формирования теоретического мышления, служащего основой для воспитания рефлексии гражданина.

Частным случаем общепедагогического подхода является подход в рамках специальной психологии и коррекционной педагогики. Отметим, что взгляды на сущность и значение рефлексивности в рамках *коррекционно-педагогического подхода* не систематизированы. Имеются лишь отдельные исследования, в которых рефлексия выступает как средство коррекции и компенсации основного дефекта: формирование самоконтроля над произношением у глухих детей (О.А. Денисова, В.Л. Казанская и др.); формирование осознанного отношения к лексико-грамматическим и синтаксическим компонентам родного языка у детей с системной патологией речи (В.К. Воробьева, Р.И. Лалаева, Л.Б. Халилова и др.), формирование осознанного отношения к отдельным компонентам и средствам общения у детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) (Т.А. Басилова, Г.В. Григорьева, О.Л. Леханова и др.). Несмотря на бессистемность и отсутствие целевой компоненты в исследовании рефлексивности детей с ОВЗ, невозможно отрицать, что рефлексия является основой коррекции и компенсации нарушений когнитивной, речевой и коммуникативной деятельности. Для детей с тяжелыми нарушениями речи развитие рефлексивных навыков приобретает особое значение. Имеющийся в логопедии опыт активизации рефлексивного сознания у дошкольников с ОНР показывает, что направленность обучения на осознание определенных сторон речевой деятельности в единстве когнитивных и коммуникативных составляющих содействует повышению эффективности преодоления основного дефекта и формированию «обходного пути» в процессе коррекционно-педагогической работы [4].

Социальный подход к рефлексии тесно связан с социально-педагогическими исследованиями, изучающими факторы и механизмы гармонизации взаимодействия человека и социума, подготовки к социальной жизни, что нашло отражение в работах Л.В. Мардахаева, А.В. Мудрика, Ф.А. Мустаевой, И.А. Липского, Л.Е. Никитиной. Социально-культурный контекст формирования социальной рефлексии определяется задачами повышения эффективности воспитания личности средствами культуры, в условиях досуга, что нашло отражение в работах М.А. Ариарского, Т.И. Баклановой, Е.И. Григорьевой, И.Н. Ерошенкова, А.Д. Жаркова, Л.С. Жарковой, Л.С. Зориловой, А.С. Каргина, Ю.Д. Красильникова,

Н.В. Кротовой, А.П. Маркова, Н.Ф. Максютин, Ю.С. Моздоквой, В.С. Садовской, Ю.А. Стрельцова, Е.Ю. Стрельцовой, А.А. Сукало, В.Я. Суртаева, В.Е. Триодина, В.В. Туева, Н.Н. Ярошенко [23].

В контексте *психолнгвистического подхода* рефлексия рассматривается как возможность осознания различных аспектов процессов порождения и восприятия речи, реализующихся в особом виде речевой деятельности – метаязыковой деятельности. Так, С.Н. Цейтлин отмечает, что в дошкольном возрасте наблюдается целая сеть явлений метаязыкового порядка: дошкольники способны исправлять ошибки в своей речи и замечать ошибки других; они ощущают, удачно или неудачно общение, и при необходимости не только повторяют, но и изменяют свои высказывания, чтобы собеседник смог их понять; умеют менять свое речевое поведение (интонацию, лексический строй речи) в зависимости от взятой на себя роли в различных играх и инсценировках) [27]. В фундаментальном и классическом для онтолингвистики исследовании А.Н. Гвоздева приводятся факты осознанного отношения дошкольника к смысловому, фонетическому, лексическому и грамматическому компонентам языка (ребенок дает образец произношения другим детям, оценивает непонятную речь как плохую, замечает и понимает условность слова и др.). В своей работе «Вопросы изучения детской речи» А.Н. Гвоздев пишет о том, что детям дошкольного возраста не только свойственно «сознательное отношение к разным сторонам речи», но что они «фиксируют свое внимание на звуковой стороне речи и даже на физиологии произношения» [5, с. 253]. Дети не просто направляют свое внимание на звуковую сторону речи, они «обнаруживают стремление бороться за правильное произношение... <...> Ребенок сознает норму произношения, имеет представление о правильном произношении и деятельно борется за осуществление этой нормы» (Там же).

В рамках *психологического подхода* предпринимаются попытки не только определения сущностных характеристик рефлексивности как свойства личности, но и рассматриваются вопросы генезиса рефлексии. Отметим, что онтогенетический аспект проблемы представлен в психолого-педагогической литературе наиболее противоречиво. В современной психологии однозначно определено, что осознание себя, другого человека и ситуации взаимодействия проходит ряд последовательных стадий, составляющих суть генезиса рефлексии в общении. Как отмечает Е.М. Иванов, первично средства рефлексии обретаются путем наблюдения за конкретными развертками смыслов в чувственных переживаниях и поведенческих актах, а затем соответствующие смыслы фиксируются с помощью языковых средств [8]. Для современной психологии признанным является факт смещения возрастных границ рефлексивности как новообразования личности ребенка. Так, в исследованиях последнего десятилетия рефлексия определяется как новообразование дошкольного возраста (Н.И. Люрья, Н.Г. Салмина и др.), в работах конца прошлого века – как достижение младшего школьного возраста (Л.И. Айдарова, М.Э. Боцманова, В.В.

Давыдов, А.З. Зак, А.В. Захарова, Г.И. Катрич, П.В. Новиков, Г.А. Цукерман и др.), в работах 1930 – 1960-х годов рефлексия понималась исключительно как достижение подросткового возраста (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия и др.). Источник данного парадокса кроется, прежде всего, в двух причинах: 1) в обогащении теоретической психологии новыми эмпирическими данными; 2) в происходящих изменениях детской популяции, в трансформации облика современного ребенка. Так, Д.И. Фельдштейн пишет о том, что современные дети обнаруживают новые закономерности развития и созревания психики, демонстрируя большую способность к самосознанию и саморазвитию [25, с. 3]. По мнению В.В. Давыдова [7], воспитание рефлексизирующих граждан, осознающих свои взаимоотношения с окружающими людьми и возможные способы их изменения, происходит под влиянием образовательной системы, и исходные формы рефлексии в коллективной деятельности с легкостью появляются у ребенка к 6 – 9 годам. О влиянии обучения на формирование механизмов рефлексии пишут Н.Г. Алексеев [1] и Л.Н. Алексеева [2]. В работах Е.А. Сергиенко [21] экспериментально доказано, что ребенок раннего возраста способен осуществить элементарную рефлексия, которая разворачивается не во внутреннем плане, а имеет развернутый характер оценки своего достижения. Анализируя экспериментальные данные развития детей в возрасте до 28 месяцев, автор приходит к выводу о том, существуют две функциональные подсистемы перцептивного контроля действия и опознания, последняя из которых характеризуется значительной осознанностью. По мнению Е.А. Сергиенко, опознание требует, чтобы наблюдатель направлял свое внимание на выбранный объект и знал, когда он воспринимает релевантную информацию. Автор пишет: «Еще несколько десятилетий назад многие положения о познании человеком реальности казались устоявшимися и незыблемыми в психологии... Современная когнитивная психология исходит из того, что процесс восприятия – это процесс принятия интеллектуального решения, вне которого восприятия не существует... низшие и высшие уровни организации психического – не полярны, а находятся в непрерывном взаимодействии» [21, с. 22]. Подобные позиции не только позволяют по-новому взглянуть на проблему генезиса рефлексии в общении, но и иллюстрируют появление новых научных парадигм.

Генезис развития рефлексивных процессов с позиции когнитивной психологии в контексте развития мышления наиболее детально рассмотрен в работах Ю.В. Громыко [6] и Н.И. Люрья [17]. Авторы выделяют этапы становления рефлексивности у детей, не связывая их с возрастными границами, но указывая на важность прохождения ребенком каждой стадии. Н.И. Люрья выстраивает авторскую схему возрастного развития рефлексивных процессов в дошкольном возрасте, указывая на необходимость прохождения каждого этапа развития рефлексии и включения результатов каждого более простого уровня развития в последующий, более сложный. При этом, как отме-

чает автор, не все дети могут «полноценно и развернуто» пройти каждый из этапов [17]. Представители «средового» направления доказывают обусловленность метакогнитивных навыков своевременными формирующими воздействиями на ребенка, определяя возраст 4 – 6 лет сензитивным периодом для целенаправленного развития метакогнитивных процессов (период, «подготавливающий» формирование личностной рефлексии) [22]. Значимо, что развитие метакогнитивных функций происходит в совместной деятельности ребенка и взрослого, реализующей функцию научения ребенка вариативным стратегиям получения знаний и самоконтроля интеллектуальной деятельности.

При такой дихотомии взглядов на детерминацию метапознания можно говорить о существовании трех последовательных стадий исследования метапознания в детском возрасте (по У. Шнейдеру и Д. Локку):

1. **Исследование генезиса развития рефлексивных операций** (Ж. Пиаже и др.). Ж. Пиаже принадлежит периодизация развития метапознавательных феноменов и описание феноменологии осознания ребенком своих познавательных процессов в разном возрасте. Ж. Пиаже выделяет три основных этапа в генезисе рефлексии: период дооперационного мышления, когда ребенком осознаются только цель и результат собственного действия; период конкретных операций, когда происходит осознание временной и функциональной последовательности действий; период формальных операций, когда осознаются логические операции, проведенные над собственными действиями [3]. В экспериментальных исследованиях обозначенного направления получено много данных о восприятии и различении детьми разного возраста своих мыслей, фантазий и намерений [18]. Рефлексивность в данном направлении репрезентируется через споры ребенка со сверстниками, где ему приходится оценивать логичность собственных и чужих утверждений.

2. **Исследование становления отдельных метакогнитивных процессов: метапамяти, метамышления, самосознания** (Дж. Флейвелл, А. Браун, Д. Миллер и др.). Исследователи пришли к выводу о том, что в старшем дошкольном возрасте возможно развитие метакогнитивной саморегуляции как компонента метапознания, основная функция которой заключается в управлении интеллектуальной деятельностью. Следует отметить, что Дж. Флейвелл [26], один из основателей метакогнитивизма, проводивший эксперименты по исследованию метапознания с детьми различного возраста, считал, что современные дети гораздо менее эгоцентричны в своем мышлении, чем это описывал Ж. Пиаже, и гораздо раньше способны отслеживать и контролировать свою умственную деятельность.

3. **Исследования в рамках имплицитной теории сознания** (Д. Джонсон, Х. Уэллмен, Н. Пернер и др.). Основной объем исследований представители данного этапа проводят с детьми 4 – 6-летнего возраста. Это обусловлено тем, что именно в данном возрасте впервые феноменологически проявляются

метакогнитивные функции: дети начинают «проговаривать» способы и стратегии решения проблемных ситуаций, анализировать особенности общения и совместной деятельности с различными взрослыми и сверстниками. С точки зрения метакогнитивистов исследования генезиса «теории сознания» у детей – ключ к пониманию механизмов формирования комплексных, метакогнитивных по своей природе феноменов [28].

Обозначенные стадии исследования метапознавания детей могут быть условно обозначены как первая группа психологических исследований генезиса рефлексивности.

Вторая группа исследования генезиса рефлексивности связана с изучением рефлексии в структуре самосознания и самооценки личности и с исследованием генезиса рефлексии как самостоятельного явления. В работах ряда авторов (А.В. Карпов, В.В. Барцалкина, И.М. Скитяева и др.) рассматривается взаимосвязь развития рефлексивных процессов и самосознания [9]. Исследователи характеризуют разные этапы возрастного развития ребенка, выделяя процессы обособления и отождествления, и содержание самосознания ребенка. Значимой для настоящего исследования является позиция Е.В. Лушпаевой [16], описывающей *рефлексию в общении* как «сложную систему рефлексивных отношений, возникающих и развивающихся в процессе межличностного взаимодействия» [16, с. 31]. На основании экспериментальных данных она выделяет следующие компоненты в структуре «рефлексия в общении»:

- личностно-коммуникативная рефлексия (рефлексия «Я»);
- социально-перцептивная рефлексия (рефлексия другого «Я»);
- рефлексия ситуации или рефлексия взаимодействия.

И первая, и вторая группы психологических исследований генезиса рефлексивности дают ценную в исследовательском плане информацию о возможности осознания действительности современными детьми дошкольного возраста и о пользе данного умения для когнитивного и социально-личностного развития детей.

Таким образом, в современной науке могут быть выделены ключевые подходы к изучению рефлексии в общении. Философский подход позволяет определить феноменологию явления, социальный – связь с социокультурными феноменами, педагогический – зависимость от образовательных сред, психологический – онтогенетический и онтологический аспекты проблемы. Проведенный анализ показал, что существуют изменения в состоянии рефлексивности как свойства личности современных детей по сравнению с их сверстниками прошлого столетия, что во многом определяется влиянием социального окружения и содержания образования. В представленном обзоре показано, что рефлексия в общении является системообразующим свойством личности, определяющим успешность социализации ребенка и его благополучие в социальном плане. На основании представленного обзора сформулируем наиболее значимые для настоящего исследования **выводы**:

1. Рефлексия в общении – это базовое условие социализации ребенка. Рефлексия в общении определяется как сложная система рефлексивных отношений, возникающих и развивающихся в процессе межличностного взаимодействия. Это существенная составляющая развитого общения, включающая личностно-коммуникативную, социально-перцептивную рефлексию и рефлексию ситуации, взаимодействия.

2. Отклонения в развитии речи сопровождаются трудностями социализации, недостатками в социальном развитии детей, что проявляется в снижении способности к приему, переработке, хранению и использованию информации; в трудностях словесного опосредствования; в замедлении процесса формирования понятий; в незавершенности формирования психических функций определенного периода [13]. Отмечаются недостаточная произвольность поведения детей с ОНР, трудности освоения ими правил и норм поведения, незрелость самооценки, форм и средств взаимодействия с окружающими, несформированность антиципирующей деятельности (О.Е. Грибова, О.Л. Леханова, О.С. Павлова, Е.Г. Федосеева, С.Н. Шаховская и др.).

3. Однозначно охарактеризовать способность детей с ОНР к рефлексии в общении не представляется возможным: данные на этот счет отрывочны и бессистемны. Так, с одной стороны, имеются данные о трудностях преодоления эгоцентрической позиции детьми с ОНР, а с другой – многократно описанный в литературе опыт успешной активизации у детей рефлексивного отношения к отдельным сторонам речевой деятельности в процессе коррекционной логопедической работы.

Значимость рефлексии общения для социализации детей с ОНР и недостаточную теоретико-практическую решенность проблемы позволяет сформулировать противоречие, определяющее перспективы исследования в выделенном направлении.

**Статья подготовлена в рамках реализации Гранта «Система многоуровневой подготовки научно-педагогических кадров в сфере сохранения социального здоровья детей в условиях промышленного города» (Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (2009 – 2013 гг.), государственный контракт № 14.740.11.0776).*

Литература

1. Алексеев, Н.Г. Познавательная деятельность при формировании осознанного решения задач: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Н.Г. Алексеев. – М., 1975.
2. Алексеева, Л.Н. Освоение принципа рефлексии в системе развивающего обучения / Л.Н. Алексеева // Электронный журнал «Психологическая наука и образование». – 2010 – № 4. – URL: www.psyedu.ru
3. Белкина, В.Н. Возрастная динамика развития рефлексии на разных стадиях педагогической профессионализации / В.Н. Белкина, И.И. Ревякина. – URL: http://student.km.ru/ref_show_frame.asp?id=02A485B039754B4F8B321C5E084D55C8

4. *Выготский, Л.С.* Основы дефектологии / Л.С. Выготский. – СПб., 2003.
5. *Гвоздев, А.Н.* Вопросы изучения детской речи / А.Н. Гвоздев. – М., 1961.
6. *Громыко, Ю.В.* Построение общественной практики средствами образования / Ю.В. Громыко // Вопросы психологии – 1998. – № 5 – С. 43 – 48.
7. *Давыдов, В.В.* Проблемы развивающего обучения / В.В. Давыдов. – М., 1986.
8. *Иванов, Е.М.* Онтология субъективного / Е.М. Иванов. – Саратов, 2007.
9. *Карпов, А.В.* Психология рефлексии / А.В. Карпов, И.М. Скитяева. – М.; Ярославль, 2002.
10. *Кашлев, С.С.* Современные технологии педагогического процесса: пособие для педагогов / С.С. Кашлев. – Мн., 2002.
11. *Кон, И.С.* Социология личности / И.С. Кон. – М., 1967.
12. *Косцова, М.В.* Психологические особенности профессиональной рефлексии у студентов технических специальностей / М.В. Косцова // Психологические аспекты педагогики и образования – 2008. – № 1 – С. 150 – 155.
13. *Лебединский, В.В.* Нарушения психического развития у детей / В.В. Лебединский. – М., 1985.
14. *Леонтьев, А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М., 1975.
15. *Локк, Дж.* Опыт о человеческом разуме / Дж. Локк // Локк Дж. Избр. филос. произведения. – М., 1960. – Т. 1.
16. *Лушпаева, Е.В.* Развитие рефлексии в общении средствами социально-психологического тренинга: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Е.В. Лушпаева. – М., 1989.
17. *Люрья, Н.И.* Психологические особенности развития рефлексивного знания в дошкольном и младшем школьном возрасте / Н.И. Люрья. – URL: http://www.childpsy.ru/upload/dissertations/%CB%FE%F0%FC%FF_%C D_%C8_1_1997.htm
18. *Пиаже, Ж.* Избранные психологические труды / Ж. Пиаже. – М., 1969.
19. *Потемкина, М.В.* Особенности структурной организации рефлексивности и ее влияния на регуляцию профессиональной деятельности: автореф. дис. ... канд. психол. наук / М.В. Потемкина. – М., 2010.
20. *Семенов, И.Н.* Проблемы психологического изучения рефлексии и творчества / И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов // Вопросы психологии. – 1983. – № 5. – С. 171 – 173.
21. *Сергиенко, Е.А.* Восприятие и действие: взгляд на проблему с позиций онтогенетических исследований / Е.А. Сергиенко // Психология. – 2004. – Т. 1, № 2. – С. 16 – 38.
22. *Слободчиков, В.И.* Генезис рефлексивного сознания в младшем школьном возрасте / В.И. Слободчиков, Г.А. Цукерман // Вопросы психологии. – 1990. – № 3. – С. 25 – 26.
23. *Сподаренко, Е.В.* Педагогические условия формирования социальной рефлексии младших школьников: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Е.В. Сподаренко. – М., 2008.
24. *Тихомиров, О.К.* Эмоциональная регуляция мыслительной деятельности / О.В. Тихомиров, В.Е. Ключко // Вопросы психологии. – 1980. – № 5. – С. 23 – 31.
25. *Фельдштейн, Д.И.* Приоритетные направления психолого-педагогических исследований в условиях значимых изменений ребенка и ситуации его развития / Д.И. Фельдштейн. – М.; Воронеж, 2010.
26. *Флейвелл, Дж.* Генетическая психология Жана Пиаже / Дж. Флейвелл. – М., 1967.
27. *Черноокова, Т.Е.* Формирование метакогнитивных стратегий у детей дошкольного возраста: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Т.Е. Черноокова. – М., 2001.
28. *Щедровицкий, Г.П.* Рефлексия и ее проблемы / Г.П. Щедровицкий. – М., 1975.
29. *Цейтлин, С.Н.* Язык и ребенок: лингвистика детской речи / С.Н. Цейтлин. – М., 2000.

УДК 377.5

Т.А. Магсумов

ПОПЕЧИТЕЛЬНЫЕ СОВЕТЫ СРЕДНИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ КАЗАНИ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВЕКОВ

Рассмотрены нормативно-правовые и практические аспекты устройства и функционирования попечительных советов средних профессиональных учебных заведений дореволюционной Казани. Особое внимание уделено анализу составов, организации работы и основных направлений их деятельности. Делается вывод об эффективности работы попечительных советов коммерческих школ.

Попечительный совет, коммерческое училище, ремесленное училище, речное училище, торговая школа, Казань.

The article considers legal and practical aspects of structure and functioning of the councils of guardians of secondary vocational schools in the pre-revolutionary Kazan. The special attention is given to the analysis of the compounds, organization and basic directions of their activity. The conclusion on the effectiveness of the board of trustees of commercial schools was made.

Council of guardians, commercial school, vocational school, river school, trading school, Kazan.

В современных условиях появления в России слоя состоятельных граждан и недостатка у государства средств на финансирование образования, в целях сохранения и приумножения культурного и интеллектуального потенциала страны и поиска эффективных форм и способов обеспечения автономности

образования становятся востребованными институты попечительства.

Институт попечительства учебных заведений складывался постепенно, начиная с XVIII века, когда для оказания помощи открывавшимся учебным заведениям назначали отдельных состоятельных лиц.

Однако целостная система патронирования образовательных учреждений в нашей стране была создана во второй половине XIX века. В нее вошли как попечители по должности, так и попечительные советы и отдельные попечители, а также общества вспомоществования нуждающимся учащимся.

Попечительные советы стали особыми органами управления в негосударственной школе и части учебных заведений, не входящих в ведомство Министерства народного просвещения. В практику организации и деятельности коммерческих учебных заведений были заложены принципы и нормы, которые существенно отличались от соответствующих оснований деятельности государственных средних профессиональных учебных заведений. Этот процесс не обошел и негосударственные средние профессиональные школы Казани. С первых шагов их деятельность строилась на коллегиальной основе.

Составы попечительных советов были практически идентичными. Условно членов советов можно подразделить на следующие группы: неперенные (постоянные), выборные и представители.

Постоянными членами советов были:

1. Руководитель учебного заведения (в Казанском коммерческом училище (далее – ККУ) еще и инспектор, а при отсутствии должности инспектора – один из преподавателей по выбору педагогического совета; в Казанской торговой школе (далее – КТШ) – один из педагогов по выбору педсовета);

2. Представитель от министерства, которому подчинялось учебное заведение (начальник местного округа путей сообщения или его заместитель по наблюдению за училищем – в Казанском речном училище (далее – КРУ), представитель министерства торговли и промышленности – в ККУ и КТШ, если таковой будет назначен министром торговли и промышленности). Здесь необходимо отметить, что, несмотря на негосударственный характер рассматриваемых учебных заведений, профильные министерства посредством своих представителей в попечительных советах могли осуществлять контролирующие функции. Хотя среди всех казанских средних профессиональных учебных заведений министерский представитель имелся лишь в составе речного училища – окружной инспектор судоходства Казанского округа, статский советник Сергей Петрович Доможиров [7, с. 2];

3. Почетные попечители (в коммерческих училищах) или почетные блюстители (в торговых школах и ремесленных училищах), если такие лица избирались попечительным советом из числа людей, оказавших учебному заведению особые услуги.

К выборным членам советов (в числе которых был и председатель совета) относились лица, которых избирал учредитель учебного заведения. В ККУ (4 человека) и КТШ (5 человек) их выбирала Казанская городская дума. Все выборные члены коммерческих образовательных учреждений утверждались министром торговли и промышленности. В Казанском Александровском ремесленном училище (далее – КАРУ) трех попечителей избирала Казанская городская дума, и двух человек избирало мещанское

общество [4, с. 41]. Председатель попечительного совета, вполне естественно, был выборным представителем учредителя, который через него осуществлял контроль и общее руководство учебным заведением.

В число членов попечительных советов могли входить представители общественности, организаций, учреждений и частных лиц, субсидирующих учебное заведение.

Если проанализировать составы попечительных советов негосударственных школ Казани, то можно констатировать, что в число их членов входили в основном представители чиновничьей, общественной и финансовой элиты города. Так, из 13 членов попечительного совета ККУ (не считая директора и инспектора) на 1911 – 1912 учебный год в органах власти и местного самоуправления было представлено 10 членов совета, из них: депутат Государственной думы, почетный мировой судья, шесть гласных городской думы, предводитель уездного дворянства, гласный губернского земского собрания. С финансовыми кругами было связано восемь человек, из которых: два директора казанских отделений крупных российских банков, председатель правления, член совета и член правления Казанского купеческого банка, председатель Казанского биржевого комитета и его заместитель, член Казанской и Московской бирж. При всем этом восемь членов совета состояли председателями и членами 18 благотворительных и общественных организаций [2, с. 3 – 7].

Составы попечительных советов оставались более-менее постоянными; изменения в них происходили в основном по причине смены места жительства или смерти членов совета. Это способствовало согласованности действий членов совета, быстрому решению поставленных перед ним задач. Так, за первые 25 лет существования КАРУ в состав попечительного совета училища входило 20 членов [1, с. 15 – 16].

Руководство попечительными советами коммерческих учебных заведений осуществляли их председатели. В целом на них лежали следующие обязанности:

- назначение заседаний совета и председательствование в нем;
- сношение с подлежащими учреждениями и лицами по делам совета;
- представление вышестоящим инстанциям ежегодных отчетов по учебному заведению.

Столь сухой перечень обязанностей вовсе не означал, что председатели попечительных советов занимались только этими вопросами. Главной задачей для большинства из них была забота о развитии учебного заведения. Рассмотрим, к примеру, основные достижения председателей попечительного совета КАРУ. Первый председатель И.К. Кузнецов (1881 – 1882) (в скобках указаны сроки председательства лиц в попечительном совете. – Т. М.) предоставил под первоначальное помещение для училища второй этаж деревянного флигеля в своем доме. Он также был и первым заказчиком в училище. Сменивший его И.Я. Павловский (1882 – 1891) придал

ремесленному образованию коммерческую направленность, при нем училище стало активно принимать частные заказы. Следующий председатель – В.Н. Емельянов (1891 – 1901), по почину которого училище было оборудовано машинами и станками, а ручной способ обработки дерева и металлов был заменен более продуктивным и совершенным – машинным. М.А. Тюфиллин (1901 – 1914) приложил все силы, чтобы училище не было закрыто и не лишилось городского финансирования.

Обязанности, вменяемые законодательством попечительным советам, можно подразделить на две основные группы:

1. Финансово-хозяйственные. К ним относились: изыскание средств к содержанию и материальному улучшению учебного заведения и их расход наиболее оптимальным образом; заведование имуществом и денежными средствами, принадлежащими школам; составление ежегодных смет и отчетов по содержанию школы; заключение контрактов на поставку необходимых для содержания учебного заведения предметов, ремонт здания, классных принадлежностей и пр.; свидетельствование ежемесячное – наличности кассы и ежегодное – имущества школы.

Следует отметить, что, согласно уставу ККУ, хозяйственный комитет училища учреждался в помощь попечительному совету, и председателем его мог стать только член последнего. Такая формулировка показывает, что хозяйственный комитет создавался для решения вопросов, связанных, прежде всего, с покупкой оборудования, материалов, с мелким ремонтом. Также в хозяйственных комитетах проводилось обсуждение более крупных хозяйственных проблем с последующим вынесением их на заседание попечительного совета. Таким образом, попечительный совет перекладывал ряд своих финансово-хозяйственных забот на подконтрольный ему хозяйственный комитет. Делалось это, по нашему мнению, для экономии времени членов попечительного совета, которые, как будет сказано ниже, не всегда могли уделить много времени для работы в совете.

2. Регулирование деятельности участников педагогического процесса. В отношении учащихся это: рассмотрение просьб об освобождении недостаточных учеников от платы за обучение и выдача единовременных пособий и стипендий, если таковые будут учреждены при учебном заведении; содействие трудоустройству выпускников по специальности.

Что же касается преподавательского корпуса, то здесь были различия, обусловленные типом учебного заведения. Так, в ККУ попечительный совет представлял на утверждение министра торговли и промышленности кандидатов на должность директора училища, рассматривал представления директора о денежном награждении служащих и о высших окладах преподавателям, рассматривал представления педагогического комитета по вопросам, касающимся программ и учебных планов преподавания специальных предметов. Попечительный совет КТШ избирал преподавателей и всех должностных лиц школы, за исключением инспектора, представлял их министру торговли и промышленности на утверждение и на

увольнение, назначал им содержание [9, с. 12 – 13], [10, с. 6 – 7].

Председатель и члены совета имели право посещать занятия и присутствовать на переводных и выпускных экзаменах. При этом они не имели права делать какие-либо распоряжения или замечания лично от себя, но могли вносить их на рассмотрение попечительного совета [9, с. 11], [10, с. 7]. Председатель или один из членов попечительного совета, по выбору последнего, был членом педсовета с правом голоса [5, с. 32].

Судя по уставам, основные обязанности советов сводились к финансово-хозяйственным заботам. Однако на практике работа попечительных советов была намного шире. Рассматривая отчеты о работе попечительных советов торговой школы, коммерческого, речного и ремесленного училищ Казани, можно выделить и другие направления деятельности советов: заслушивание распоряжений учебных отделов профильных министерств, возбуждение ходатайств о приеме учеников в учебное заведение сверх нормы, рассмотрение порядка празднования в училищах выдающихся событий российской жизни, возбуждение мотивированных ходатайств в различные инстанции по вопросам обучения, носившим общероссийский характер, страхование движимого и недвижимого имущества училищ, выражение благодарностей отдельным лицам и учреждениям, оказавшим помощь учебному заведению, возбуждение ходатайств о субсидиях, выделение средств на научные командировки преподавателей, содействие в пополнении (не покупке!) учебного заведения книгами и учебными пособиями и мн. др. [6, с. 5 – 7], [2, с. 10 – 16]. Однако главными заботами большинства советов все же оставались постройка училищных зданий, поиск средств на зарплату персоналу и развитие материальной базы школы.

Попечительный совет ККУ собирался по мере необходимости, но должен был делать это не реже раза в месяц. За первые десять лет существования коммерческого училища было проведено 123 собрания попечительного совета [3, с. 26], т.е. в среднем 12,3 раза в год.

Для того чтобы заседание попечительного совета ККУ считалось действительным, было необходимо присутствие на нем не менее половины его членов. В случае если заседание совета все же не состоялось вследствие неявки более половины членов, то следующее заседание совета, назначаемое не ранее чем через три дня, считалось законно состоявшимся, если на нем присутствовал председатель совета (или лицо, его заменяющее), директор и два члена совета [9, с. 14]. Столь малый по числу членов кворум был утвержден, по-нашему мнению, в связи с тем, что подавляющее большинство членов совета были заняты основной работой и, естественно, не всегда могли посещать заседания совета. В этой связи весьма примечательно замеченное нами резкое несовпадение подписей на протоколах заседаний одного из членов попечительного совета – купца Саид-Гирея Шагиахметовича Алкина. Так, только в протоколах за вторую половину 1904 года мы выявили шесть его подписей, из них две – одинаковые и четыре – совер-

шенно другие [8, л. 3, 6 – 8, 10, 15]. Вполне допустимо, что, не имея возможности явиться на заседание, он отправлял кого-нибудь из своих многочисленных родственников или подчиненных.

Вопросы в совете решались простым большинством голосов; в случае равенства голосов голос председателя давал перевес. Члены совета, несогласные с общим заключением, могли подать в семидневный срок свое особое мнение, которое прилагалось к журналу заседаний в подлиннике и сообщалось министру торговли и промышленности, но лишь по вопросам, представляемым на утверждение министерства.

Советская власть ликвидировала попечительные советы при учебных заведениях, а изучение их деятельности, как и в целом благотворительности и попечительства, оказалось под негласным запретом. Воссоздание попечительных советов в России началось после принятия в 1999 году «Примерного положения о попечительном совете образовательного учреждения». За это время в целом ряде регионов страны работа попечительных советов получила существенное плодотворное развитие. Однако их деятельность еще далека от дореволюционного уровня.

Вышесказанное позволяет говорить о том, что в негосударственных средних профессиональных учебных заведениях была выстроена достаточно эффективная система общественного управления, осуществлявшаяся посредством попечительных советов. Это позволило усилить общественный надзор за негосударственной школой, особенно в части рационального использования финансовых средств, улучшить эффективность и быстроту решения ряда проблем. Негосударственные учебные заведения все же контролировались со стороны государства, что не дава-

ло серьезных возможностей для ряда учредителей резко изменять функционирование негосударственной профессиональной школы.

Литература

1. Вольман, В. Краткая историческая записка о 25-летнем существовании Казанского ремесленного училища Императора Александра II / В. Вольман. – Казань, 1906.
2. Годовой отчет Семиклассного Казанского коммерческого училища ведомства Министерства торговли и промышленности за 1911 – 1912 учебный год; 8 год. – Казань, 1913.
3. Десятилетие Казанского коммерческого училища. 1905 – 1915. – Казань, 1916.
4. Магсумов, Т.А. Казанское ремесленное училище в конце XIX – начале XX в.: проблемы функционирования ремесленного образования / Т.А. Магсумов // Вестн. Челябинского гос. ун-та. – 2010. – № 10. – С. 41 – 46.
5. Магсумов, Т.А. Педагогические советы средних учебных заведений России на рубеже XIX – XX века / Т.А. Магсумов // В мире научных открытий. – 2010. – № 1 – 3. – С. 31 – 36.
6. Отчет о состоянии и деятельности Казанской четырехклассной торговой школы Казанского общества распространения образования за 1913 – 1914 учебный год (4-й год существования). – Казань, 1914.
7. Отчет по учебно-воспитательной и материальной части Казанского речного училища за 1905 – 1906 учебный год. – Казань, 1905.
8. Протоколы заседаний попечительного совета Казанского коммерческого училища за 1904 г. // Национальный архив Республики Татарстан. – Ф. 120. – Оп. 1. – Д. 1.
9. Устав Казанского коммерческого училища. – Казань, 1906.
10. Устав Казанской городской торговой школы. – Казань, 1912.

УДК 37.015.324

В.Г. Маралов, Т.П. Маралова

ДИНАМИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОПАСНОСТЯХ И О СПОСОБАХ РЕАГИРОВАНИЯ НА НИХ У ШКОЛЬНИКОВ

В статье анализируются особенности представлений об опасностях и способах реагирования на них у детей младшего школьного и подросткового возраста. Показывается, что в сознании школьников опасности ассоциируются, прежде всего, с угрозами жизни и здоровью, а в реальной жизни первостепенное значение приобретают угрозы психологического характера. Дается сравнительная характеристика отношения к опасностям в младшем школьном и подростковом возрасте.

Представления об опасностях; угрозы жизни, здоровью, психологическому благополучию; младший школьный возраст; подростковый возраст.

Peculiarities of representations about dangers and ways of reaction to them of junior schoolchildren and teenagers are analysed in the article. It is shown that in schoolchildren's consciousness dangers are associated with threats to life and health first of all. But in real life threats of psychological type acquire paramount significance. Comparative description of junior schoolchildren's and teenagers' attitude to dangers is given.

Representations about dangers; threats to life, health and psychological well-being; junior school age, teenagers.

Обеспечение безопасности развивающейся личности – актуальная проблема современности [1]. Особую значимость она приобретает в нашей стране,

где количество детей, нуждающихся в защите, не только не уменьшается, но и возрастает [2]. В соответствии с этим возникает ряд вопросов: Чего (или

кого) опасаются наши дети? Насколько они готовы к встрече с опасностями? Каким образом они способны противостоять опасностям? Другими словами, на первый план выдвигается проблема изучения субъективных факторов, связанных с восприятием угроз, что является, в свою очередь, важнейшим условием формирования безопасного типа личности.

Цель настоящего исследования состояла в выявлении специфики репрезентации в сознании опасностей и способов реагирования на них у детей младшего школьного и подросткового возраста. При этом нас интересовали два аспекта: во-первых, каково отношение учащихся к опасностям в целом; во-вторых, какие опасности для себя они связывают непосредственно с тем учебным заведением, в котором обучаются. В обследовании приняло участие 174 ученика одной из школ г. Череповца Вологодской области (с 1-го по 9-й класс). Основными методами исследования являлись опрос, беседы с детьми, специальные авторские методики, направленные на изучение структуры переживаний (тревог), связанных с вероятностной оценкой возможных угроз.

Ведущим теоретическим положением, которое легло в основу настоящего исследования, стало положение о том, что все опасности могут быть подразделены на три типа: опасности жизни и здоровью; опасности психологическому благополучию; опасности благополучию социальному. Было сделано предположение о несовпадении репрезентации этих различных групп опасностей в сознании школьников с реальными их переживаниями.

Обратимся к некоторым наиболее значимым результатам исследования. Прежде всего, нас интересовали вопросы: каковы представления школьников об опасностях, какие из них (угрозы жизни и здоровью, угрозы психологическому благополучию, угрозы социальному благополучию) в большей мере находят отражение в сознании детей, как они субъективно оценивают готовность встречи с ними.

В итоге было установлено, что представления об опасностях у первоклассников и частично у второклассников слабо структурированы и обусловлены в основном запретами взрослых. Например, опасны огонь (пользование спичками может привести к пожару), электричество (в розетку ничего нельзя совать), общение с незнакомым человеком (тебя могут украсть), падение из окна, беготня по стройке и т.д. Начиная с третьего класса, эти представления постепенно структурируются. В конечном счете выделяются следующие группы опасностей: 1) нападения, грабежи, убийство, насилие, похищение; 2) дорожно-транспортные происшествия; 3) собственная болезнь, болезнь и потеря близких; 4) пожары, боязнь утонуть; 5) терроризм и др. На всех возрастных этапах чаще всего представлены первая, вторая и третья группы опасностей. Установлено, что в сознании школьников под словом «опасность» репрезентируются чаще всего угрозы жизни и здоровью. Угрозы же психологическому благополучию и тем более благополучию социальному встречаются гораздо реже. Только несколько учащихся 7 – 9-х классов считают, что угрозами являются: риск не сдать экза-

мен, боязнь одиночества, т.е. угрозы психологическому благополучию; отчисление из школы (потеря статуса), бедность (нехватка средств к существованию), т.е. угрозы социальному благополучию.

Далее нас интересовало, как оценивают дети свой опыт встречи с опасностями (см. табл. 1).

Таблица 1

Оценка детьми своего опыта встречи с ситуациями, которые угрожали жизни и здоровью

Варианты ответов	Количество учащихся, %			
	1-го и 2-го классов	3-го и 4-го классов	5-го и 6-го классов	7 – 9-го классов
Да, встречались	42	28	50	34
Нет, не встречались	45	61	38	34
Не знаю	13	11	12	32
Всего	100	100	100	100

Как видно из табл. 1, полученные данные достаточно иллюстративны, в них, как в зеркале, отражаются возрастные особенности детей.

Конечно, трудно поверить, что 42 % учащихся первых и вторых классов реально сталкивались с серьезными угрозами. Оценка опыта встречи с опасностями очень субъективна и основывается на конкретных фактах, вызвавших у ребенка страх (например, испугался собаки, глубоко зашел в воду, упал с лестницы, болел). Учащиеся третьих-четвертых классов более объективно способны оценить свой реальный опыт встречи с опасностями. Большая часть из них (61 %) отмечает, что таких ситуаций не было.

А вот в младшем подростковом возрасте процент таких учащихся вновь возрастает. Половина из них полагает, что сталкивалась в своей жизни с реальными угрозами. Чем это обусловлено? Во-первых, в младшем подростковом возрасте расширяется сфера взаимодействия учащегося с миром, а следовательно, появляются и новые угрозы, с которыми младший школьник не сталкивается. Во-вторых, немаловажную роль начинает играть «чувство взрослости» как центральное новообразование этого возраста, желание «казаться взрослым», подтверждаемое опытом встречи с опасностями.

Ситуация кардинально меняется к 7 – 9-му классам. Здесь оценка своих встреч с реальными опасностями, скорее всего, носит более объективный и реалистичный характер. Можно поверить, что треть подростков на самом деле имели такой опыт. Тем более в этом мнении позволяет утвердиться и тот факт, что 32 % респондентов сомневается в оценке определенной травмирующей ситуации как реально угрожающей.

Еще более интересные факты получены нами при анализе ответов учащихся на вопрос: «Готов ли ты справиться с любой опасной ситуацией?» (см. табл. 2). В силу значимости возрастных различий здесь приводятся данные не обобщенно, а по классам.

Таблица 2

Оценка школьниками своей готовности справиться с опасными ситуациями

Варианты ответов	Количество учащихся, %								
	Класс								
	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й	7-й	8-й	9-й
Готов справиться	53	14	31	23	40	27	19	47	36
Не совсем готов	38	61	56	70	60	64	81	53	64
Не готов	9	25	13	7	0	0	0	0	0
<i>Всего</i>	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Как и следовало ожидать, наибольшее количество испытуемых, «готовых справиться с любой ситуацией» оказалось в первом классе (53 %). Бессознательная аргументация первоклассника здесь понятна. Она может быть выражена следующим утверждением: «Я уже большой, учусь в школе, поэтому могу справиться с любыми опасностями и преодолеть трудности». Во втором классе ситуация кардинально меняется. Только 14 % детей считают, что они готовы справиться с любой ситуацией, 61 % – не совсем готовы и 25 % (наибольший из всей выборки ответ) – не готовы.

Большое количество детей, готовых справиться с опасностями, наблюдается в 5-м классе (40 %). Объяснение этого аналогично предыдущему. Для подростка быть взрослым – значит справляться с любыми трудностями и опасностями, поэтому он, явно переоценивая свои возможности, попросту «бравит». К 6-му и 7-му классам такая «бравада» несколько снижается, но вновь ее «всплеск» обнаруживается в 8-м классе. На первый взгляд, данный факт труднообъясним. Реально же ничего удивительного здесь нет. В восьмом классе постепенно стабилизируется отношение к себе, начинается сложный процесс становления «Я-концепции», который выражается в повышении уверенности в себе как личности, растет вера в свои возможности, что, вероятно, и находит отражение в описываемом феномене.

В то же время процесс взросления и социализации, ориентация на социальные нормы и правила уже к 9-му классу повышают уровень объективности оценки. Об этом свидетельствует тот факт, что старшие подростки проявляют осторожность, отвечая на вопрос: «Готов ли ты справиться с любой опасной ситуацией?» (64 % старших подростков ответили: «Не совсем готов»).

Следующий этап нашего исследования был посвящен анализу того, насколько учащиеся воспринимают школу как источник опасности для себя. Школьнику задавали вопрос: «Случались ли в школе ситуации, опасные для тебя?». Очевидно, что здесь мы переходим от некоторого абстрактного представления об опасностях, которые могли быть в опыте школьника, к оценке его реального положения в реальном учебном заведении, которое может восприниматься личностью и как представляющее опасность, и как безопасное. Результаты исследований представлены в табл. 3.

Таблица 3

Оценка учащимися ситуаций в школе как опасных или безопасных для них

Варианты ответов	Количество учащихся, %			
	1-х и 2-х классов	3-х и 4-х классов	5-х и 6-х классов	7 – 9-х классов
Да, случались	32	29	8	18
Нет, не случались	57	59	89	63
Затрудняюсь ответить	11	12	3	19
<i>Всего</i>	100	100	100	100

Полученные данные достаточно любопытны с точки зрения рассматриваемой проблемы. Если до трети учеников начальной школы и 18 % учеников старшего подросткового возраста ощущают себя в опасности при 19 % учеников, затруднившихся в оценке ситуаций в школе как угрожающих, то наиболее безопасно чувствуют себя в учебном заведении младшие подростки, т.е. учащиеся 5 – 6-х классов. На первый взгляд, объяснение данного факта затруднительно. Однако результаты, полученные при анализе предыдущих данных, наталкивают на выстраивание определенных гипотез. Одна из них может быть сформулирована следующим образом: в младшем подростковом возрасте может возникать несоответствие между осознаваемыми опасностями и реальными переживаниями, вызванными угрозами, которые не идентифицируются еще как опасности в сознании школьников.

С целью ее проверки учащимся предлагалось в письменном виде закончить предложение: «Самая большая опасность в школе – это...».

Полученные данные полностью подтвердили выдвинутое предположение. Здесь нет нужды приводить табличные данные, поскольку результаты однозначны и их интерпретация укладывается в несколько положений. Подавляющее большинство младших школьников на первое место выдвинули два фактора, представляющие опасность для школы и, соответственно, для них: пожар и драки (конфликты со старшеклассниками). Почему пожар? Потому что на момент обследования в данном учебном заведении велась активная кампания по противопожарной безопасности, что не могло не отразиться на оценках младших школьников. Почему драки? Реально здесь они встречаются редко. Но, как и в любой школе, существует проблема взаимоотношений детей старшего и младшего возраста. Младшие школьники боятся притеснений со стороны старшеклассников (в основном младших подростков – учеников 5 – 6-х классов) и не столько физического насилия, сколько унижения собственного достоинства.

Ситуация меняется в суждениях учащихся 7 – 9-х классов. На первый план выдвигаются проблемы, связанные с психологическим благополучием, с учебной, с отношением к учителям. Поэтому вопрос

«Самая большая опасность в школе», трансформируется в их сознании в положение «Самая большая опасность в школе для меня». Ответы на этот вопрос вполне определены и однозначны: «Получить двойку»; «Не выполнить домашнее задание»; «Спросят на уроке, когда я не знаю материал»; «Отношения с учителями»; «Боязнь встречи с директором» и т.п.

Ответы учащихся 5 – 6-х классов являются как бы разделительной линией между оценкой ситуаций опасности в школе младшими и старшими школьниками. У них встречаются ответы: «Самая большая опасность в школе – это пожар». Значительно реже отмечается «боязнь старшеклассников» как реальной угрозы, появляются суждения, характерные для учащихся 7 – 9-х классов (например, «боязнь санкций учителя, родителей», «боязнь получить оценку „2“ и т.п.). Таким образом, получается, что они чувствуют себя в большей безопасности, чем другие категории учащихся. Страхи и опасения, которые были характерны для младших школьников, уже теряют свою актуальность (особенно боязнь старшеклассников). Переживания, характерные для старших школьников, не осознаются ими как опасности психологического характера.

Что же происходит в сознании младших подростков? Действительно ли они чувствуют себя в безопасности, и их переживания никак не связаны с угрозами жизни и здоровью или психологическому благополучию? С целью ответа на эти вопросы мы осуществили следующий этап исследования. Подросткам предложили проранжировать опасности, объединенные нами в шесть групп, по степени значимости: 1) собственная болезнь; 2) болезнь близких; 3) риск оказаться в опасной ситуации, угрозы жизни и здоровью (нападения, ДТП, пожар, угроза утонуть, природные катаклизмы); 4) риск оказаться в ситуациях, угрожающих психологическому благополучию в школе (боязнь получить двойку, боязнь замечаний и нареканий со стороны учителей); 5) риск оказаться в ситуациях, угрожающих психологическому благополучию дома (нарекания родителей, конфликты в семье); 6) оказаться в ситуациях, угрожающих психологическому благополучию в среде сверстников (непринятие сверстниками, позор, конфликты).

После того как эти группы опасностей были ранжированы, школьникам предлагалось оценить вероятность наступления того или иного события, при которой они начнут испытывать тревогу. Например, в ситуациях возможного заболевания одни люди начинают тревожиться при 5 %-ной вероятности наступления события, а другие – только при вероятности в 70 – 80 % и более.

В итоге был получен достаточно большой массив данных, которые характеризуют индивидуальные особенности восприятия школьниками опасностей и переживаний, связанных с ними.

Если попытаться сделать некоторые обобщения, то обнаруживается один любопытный факт. По степени значимости для подростков на первом месте стоит болезнь близких людей, на втором – оказаться в опасной ситуации, на третьем – собственная болезнь. Ситуации, связанные с отношениями со

сверстниками и школьной жизнью, занимают последние места. Однако по нашей просьбе оценить вероятность, при которой возникает тревога, на первое место были выдвинуты ситуации, связанные как раз с неприятием сверстниками, конфликты с ними, бойкот и т.п. Некоторые подростки указывают, что уже при вероятности 1 – 3 % быть отвергнутыми друзьями, они будут испытывать выраженную тревогу и дискомфорт. Для сравнения отметим, что тревога, проявляющаяся в результате угрозы заболеть самому, будет возникать в среднем при 50 %-ной вероятности болезни. Итак, младшие школьники свои опасения, часто не подтвержденные реальностью, связывают с боязнью старшеклассников (чаще всего это учащиеся 5 – 6-х классов), старшие подростки – с боязнью не соответствовать требованиям школы к ним как к ученикам (риск получить двойку, санкции за невыполненные задания, хотя здесь встречаются и другие опасения, связанные, например, с боязнью одиночества). Младшие подростки неосознанно придают большее значение общению со сверстниками. Оценивая свое положение в школе как относительно безопасное, они больше всего внутренне опасаются конфликтов со сверстниками, неприятия с их стороны и бойкота.

В заключение сделаем несколько важных выводов.

1. В сознании школьников опасности в основном ассоциируются с угрозами жизни и здоровью, реже – с угрозами психологическому благополучию и практически не ассоциируются с угрозами социальному благополучию. Причем для первоклассников оценка события или ситуации как угрожающей есть интропективное воспроизведение запретов, которые транслируются детям взрослыми и прежде всего родителями.

2. Обнаружены существенные различия в субъективной оценке своей готовности к встрече с опасностями. Неадекватно высокий уровень готовности к встрече с ними чаще всего проявляется у учащихся первых, пятых и восьмых классов. В первом случае это объясняется «восторженным» восприятием малышом своей новой позиции школьника, что сопровождается установкой «я большой и все могу», во втором – реально возникающим чувством взрослости, в третьем – начинающимся процессом формирования целостной «Я-концепции» личности, что также обуславливает повышение уверенности в своих силах и возможностях.

3. Установлено, что реальное восприятие опасностей в жизни отличается от их репрезентации в сознании, в результате чего актуализируются угрозы именно психологического содержания. В младшем школьном возрасте они позиционируются как боязнь подвергнуться унижению со стороны детей старшего возраста. В младшем подростковом возрасте ведущую роль играют опасения быть отвергнутым сверстником, не получить их поддержку. В старшем подростковом возрасте, при сохранении высокого потенциала угроз предыдущего типа, доминирующее значение приобретают травмирующие ситуации школьной жизни (риск получить оценку «2», невыполненные задания, нарекания учителей).

Литература

1. Маралов, В.Г. Актуальные проблемы обеспечения безопасного развития личности в процессе социализации / В.Г. Маралов // Вестник ЧГУ. – 2008. – № 1. – С. 3 – 13.

2. Обеспечение психологической безопасности в образовательном учреждении / под ред. И.А. Басовой. – СПб., 2006.

УДК 18:37.01

Т.М. Мауткина

Научный руководитель: доктор педагогических наук, профессор В.М. Быстров

**МЕТОДИКА ОРГАНИЗАЦИИ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ
НА ОСНОВЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕГО И ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Статья посвящена поиску методики повышения качества эстетического воспитания в технологическом обучении на основе взаимодействия общего и дополнительного образования. Рассматривается проблема оптимизации процесса технологического обучения в условиях сокращения учебной нагрузки в школе.

Эстетическое воспитание, единое творческое пространство, взаимодействие общего и дополнительного образования, мастер-класс, декоративно-прикладное творчество.

The article is devoted to searching for the methods of improving the quality of aesthetic education in technological education based on interaction between general and additional education. The problem of optimization of the process of technological education in conditions of reduced teaching load at school is considered.

Aesthetic education, single creative space, interaction between general and additional education, master-class, decorative-applied art.

В современных социально-экономических условиях непрерывного ускорения темпа информационных, технологических и коммуникативных преобразований, модернизации образования, интересов культуры становится все более очевидным то, что в нашей действительности особое место в развитии личности учащихся в школе занимают дисциплины, способные видеть, воспринимать и понимать прекрасное, формировать эстетические вкусы, идеалы и чувства.

Потребность привнесения эстетического начала в учебную подготовку любого предмета рассматривалась многими крупными мыслителями прошлого. К ним можно отнести Платона, Аристотеля, Ф. Шиллера, И.Г. Песталоцци и др.

В настоящее время проблема эстетического воспитания, развития личности школьника, формирования эстетической культуры является важнейшей задачей, которая ставится перед системой образования. Значительный вклад в разработку вопросов эстетического воспитания школьников внесли ученые: А.С. Макаренко, С.Т. Шацкий, А.В. Бакушинский, В.А. Сухомлинский – по педагогике; Л.С. Выготский, В.С. Кузин, Б.Г. Ананьев – по психологии; М.Г. Каган, Б.Г. Лихачев, Н.Г. Чернышевский, Б.М. Неменский, Н.В. Сокольникова, Т.Я. Шпикалова – по эстетике. Изучению проблем эстетического воспитания в технологическом образовании посвящены исследования В.М. Быстрова, Е.М. Крысинской, А.А. Павловой.

Анализ психолого-педагогической литературы [2], [3] позволил выделить основные задачи эстетического воспитания:

1. Усвоение знаний об основных законах композиции, цвета, формы, о выразительных средствах дизайна: пропорции, масштаба, фактуры;

2. Непрерывное формирование у школьников умения видеть, воспринимать, чувствовать и понимать красоту окружающего мира и произведений искусства;

3. Умение осознавать школьниками своих эстетических потребностей, вкусов, идеалов, что позволит предотвратить навязывание идеалов массовой культуры, которая обрушивается извне в связи с интенсивным развитием информационных технологий;

4. Воспитание собственного суждения, умения эстетически проявлять себя в различных сферах деятельности;

5. Приобретение навыков искусства (приемы живописи, рисунка и т.д.), умение творить по законам красоты;

6. Воспитание творческой активности учащихся через получение грамотно оформленных, эстетичных объектов труда. В этом случае у детей повышается интерес, самооценка, создаются предпосылки для новой, более сложной деятельности.

Перечисленные задачи по формированию знаний, умений и навыков становятся все более необходимыми в современном массовом производстве в условиях мощнейшего развития индустрии и информационных технологий. Выпускник школы – будущий конструктор или потребитель – должен эстетически воспринимать, оценивать продукты деятельности, а также принимать участие в их создании.

В условиях социально-экономического кризиса существует противоречие между проблемой создания школьниками на уроках технологии эстетичных,

грамотно оформленных объектов труда и количеством часов, отведенных для этого на уроках в школе. Анализ исследований по данной теме выявил несколько путей выхода из сложившейся ситуации. Одни ученые считают, что в преподавании каждого учебного предмета важное место должно занимать эстетическое воспитание. Таким образом, в процессе изучения всех предметов школьного цикла будет достигнут требуемый уровень эстетической воспитанности учащихся [2]. Другие ученые видят разрешение проблемы в переносе завершения наиболее сложных, интересных изделий на внеклассные занятия и факультативы [1].

В ходе проведения исследования нами был найден следующий выход из данной ситуации. Разработана модель организации эстетического воспитания на основе взаимодействия общего и дополнительного технологического образования (см. схему).

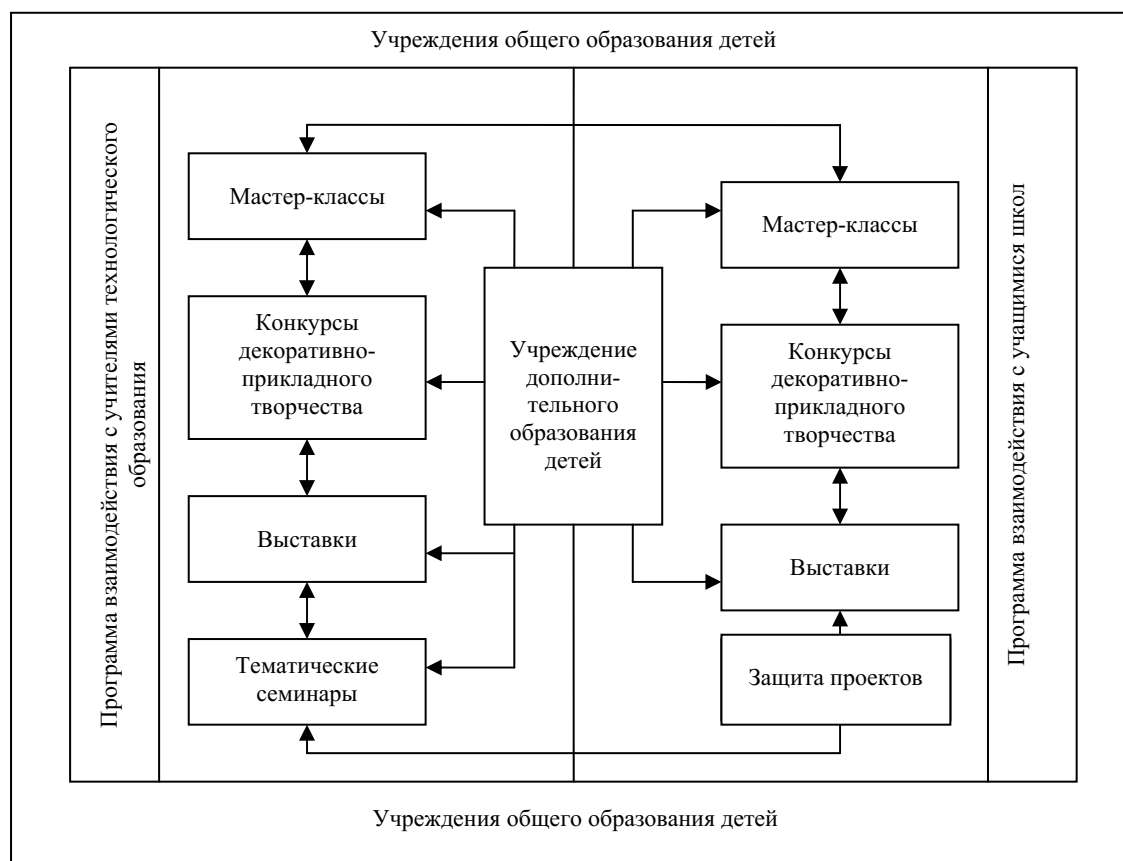
Модель организации эстетического воспитания представляет собой единое творческое пространство, организующее взаимно интересную, насыщенную жизнь школьников и учителей. Разработанная модель рассматривается как процесс и результат упорядоченной совместной деятельности учреждения дополнительного образования и близлежащих общеобразовательных школ, создающей условия для разработки новых форм, методов, содержания эстети-

ческого воспитания учащихся, оптимизации кадрового, методического потенциала в едином творческом пространстве. Под единым творческим пространством понимается специально созданная путем слияния внутришкольной и внешкольной жизни творческая среда детей и педагогов, активизирующая деятельность общеобразовательных учреждений. Говоря о внутришкольной жизни, мы имеем в виду творческую и проектную деятельность учащихся на уроках технологии. Внешкольная деятельность – занятия учащихся в кружках в учреждениях дополнительного образования детей по художественно-эстетическому направлению.

Учреждение дополнительного образования детей является методическим центром, который предлагает и организует различные мероприятия для учителей технологии и школьников с учетом их пожеланий. В начале учебного года разрабатывается программа мероприятий, включающая в себя конкурсы декоративно-прикладного творчества, тематические семинары, выставки творческих работ и мастер-классы. Координатор программы предварительно проводит анкетирование педагогов и учащихся с целью выявления наиболее интересующих тем для их проведения, а также привлекает активных педагогов для помощи в организации мероприятий.

Схема

Модель организации эстетического воспитания школьников на основе взаимодействия общего и дополнительного образования

Основные задачи методической работы:

- реализация процесса эстетического воспитания в ходе совместной скоординированной деятельности детей и педагогов образовательных учреждений;

- организация деятельности педагогов по внедрению в практику теоретических достижений и практических разработок по эстетическому воспитанию школьников на уроках технологии;

- развитие творческих способностей, фантазии, образного мышления через проведение мастер-классов различной направленности, результатом которых должен быть грамотно оформленный, эстетичный объект труда;

- создание банка педагогических разработок по эстетическому воспитанию школьников на основе взаимодействия общего и дополнительного образования;

- поиск оптимальных форм работы с педагогами и учащимися с целью повышения эффективности эстетического воспитания на уроках технологии;

- поиск направлений и способов взаимодействия всех членов единого творческого пространства на базе учреждения дополнительного образования.

Для работы с учителями технологии используются эффективные формы организации деятельности, направленные на повышение профессиональной компетентности педагогов в области эстетического воспитания на уроках технологии:

- тематические семинары;
- открытые занятия;
- мастер-классы;
- презентации авторских разработок;
- выставки работ прикладного характера;
- участие в конкурсах педагогического мастерства;

- посещение выставок методической продукции;
- конкурсы декоративно-прикладного творчества.

Основными задачами работы с детьми являются: активизация их творческой деятельности через участие в выставках, конкурсах прикладного характера, знакомство и освоение новых техник исполнения изделий ручной работы, повышение качества выполненных работ.

Участие в выставках и их посещение знакомит учащихся с различными традиционными ремеслами,

современными видами декоративно-прикладного искусства. Созерцание эстетически оформленных объектов труда рождает новые идеи, отражающие единство мысли и мастерства.

Конкурсы декоративно-прикладного творчества, организуемые для школьников, активизируют их творческую деятельность, повышают мотивацию. При оценивании представленных работ независимым жюри, лучшие из них могут быть выдвинуты на конкурсы более высокого уровня (областной, всероссийский), что создаст предпосылки к созданию учащимися изделий лучшего качества.

Ожидаемые результаты внедрения представленной модели:

- рост профессиональной компетентности учителей технологии в области эстетического воспитания через тематические семинары, самообразование, проведение открытых занятий, посещение выставок методической продукции;

- повышение мастерства педагогов через их участие в мастер-классах, профессиональных конкурсах и конкурсах декоративно-прикладного творчества;

- обеспечение постоянства и устойчивости содержательных связей между учреждением дополнительного образования детей и общеобразовательными школами;

- повышение уровня эстетического воспитания школьников за счет проведения обучающих семинаров с педагогами по данной теме;

- положительное изменение качественных показателей работы учащихся, педагогических работников и деятельности школ в целом.

Литература

1. Быстров, В.М. Методическая система эстетического воспитания учащихся на уроках технологии / В.М. Быстров. – Череповец, 2006.
2. Лихачев Б.Т. Теория эстетического воспитания школьников / Б.Т. Лихачев. – М., 1985.
3. Современные концепции эстетического воспитания / под ред. Н.И. Киященко. – М., 1998.
4. Ягненкова, Н.В. Эстетическое воспитание. Актуальность и вечность проблемы / Н.В. Ягненкова. – М., 2008.

УДК 372.853

А.В. Парфенова

Научный руководитель: кандидат педагогических наук, доцент А.В. Праг

ВОПРОСЫ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ В КУРСЕ ФИЗИКИ ОСНОВНОЙ ШКОЛЫ В КОНТЕКСТЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

В статье рассматривается вопрос формирования компетенции здоровьесбережения у учащихся посредством школьного курса физики. Компетенция здоровьесбережения – способность учащихся правильно пользоваться знаниями в ситуациях, при которых существуют негативные факторы для здоровья. Сведения, полученные на уроках и правильно примененные на практике, способны сохранить человеку здоровье. Работа с ситуационными заданиями по физике и выполнение проектных работ по предмету – основные методы формирования заданной компетенции.

Компетентность здоровьесбережения школьников, школьный курс физики, проектные работы, ситуационные задания.

The article deals with the issue of forming the competence of health protection of school children through school physics course. Competence of health protection of school children – the ability of students to use knowledge in situations where there are negative factors for health. Information obtained in the classroom, and properly applied in practice, can save a person's health. Working with situational tasks on physics and design work on the subject are the basic methods of formation of the competence.

Competence of health protection of school children, course of physics, project work, situational tasks.

Знания по предмету должны помогать ориентироваться ученику в постоянно меняющемся мире, способствовать избеганию опасных ситуаций, в которых создается угроза для здоровья человека. Безусловно, огромным потенциалом в этом контексте обладает такой предмет школьной программы, как физика. В процессе обучения физике ученики не только усваивают теоретическую информацию, объясняют, как происходит то или иное явление природы, как работает техническое устройство, но и получают сведения по физике, необходимые в ситуациях, при которых здоровью человека угрожает опасность. Однако в современных учебно-методических комплексах по физике недостаточно внимания уделяется практическому применению физических знаний для безопасности человека. Отсюда у большинства школьников возникает проблема при решении задач, связанных с правильным поведением человека в серьезных ситуациях. Избежать затруднений при решении подобных упражнений поможет систематическая работа с материалом, который касается здоровья человека и правильных способов действия в реальных условиях.

В последние годы компетентностный подход хорошо зарекомендовал себя в системе среднего и высшего профессионального образования. «Новые модели специалистов» описываются именно в терминах компетентностного подхода. Здесь не только наполнено содержательным смыслом понятие «компетентность специалиста», но и разработаны подробные индикаторы (показатели) качества подготовки выпускников на основе компетентностной модели. Эксперты уверены, что компетентностный подход в высшем образовании позволит выпускнику наиболее четко представить цели и результаты своей деятельности, получить лучшие навыки принятия решений, работы с информацией, обеспечивающей успешность деятельности, и т.д. [3]. Анализ сложившейся ситуации в среднем общем образовании показывает, что выпускники школ, овладевая деятельностью в учебных ситуациях на уроках, не всегда могут правильно применять знания в реальных жизненных ситуациях. Другими словами, выпускникам средних школ не хватает компетентности. Следовательно, школа должна формировать у учащихся общие умения и навыки, обобщенные способы действий в реальных жизненных ситуациях. Причем знания должны усваиваться не отдельно друг от друга, а в комплексе, где первостепенное место уделяется самой процедуре получения знания и применения его на практике. Реализация в среднем общем образовании компетентностного подхода не является искусственной «модной придумкой». В дидактике уже давно известны принципы, которые связывают теоретические знания с их применением на практике:

принцип связи обучения с практикой, принцип продуктивности и надежности обучения, принцип научности и связи теории с практикой, принцип фундаментальности образования и его профессиональной направленности. В этом случае образование лишь перейдет по той же спирали развития на качественно новый виток. Поэтому использование компетентностного подхода в системе общего среднего образования вполне обосновано и оправдано.

Наряду с другими компетентностями выпускников школ не надо забывать и о компетентности здоровьесбережения, которая является составной частью ключевых социокультурных компетентностей. Термин «здоровьесбережение» стал общепринятым в современной педагогической литературе. Педагоги, осознавая, что для здоровья детей они могут сделать не меньше, чем врачи, внедряют в процесс обучения здоровьесберегающие образовательные технологии. Новая деятельность ведется по следующим направлениям: использование оптимальных технологий на уроке, снижение учебной нагрузки и т.д. Если говорить в целом, то здоровьесберегающая педагогика в школе включает в себя систему мер, направленных на профилактику так называемых «школьных болезней» и улучшение здоровья детей. Мы полагаем, что проблема здоровьесбережения приобретает особый смысл в контексте компетентностного подхода в обучении, который требует от школьников умения сознательно применять полученные знания на практике. Компетентность здоровьесбережения должна быть направлена на формирование правильного поведения в повседневной жизни, в решении конкретных задач. Важнейшим условием любой успешной деятельности является хорошее здоровье человека. Поэтому компетентность здоровьесбережения должна выражаться в конкретных умениях, способах поведения, в том числе и в нестандартных ситуациях. Только в одном случае природа может стать союзником людей – если человек будет действовать по законам физики, законам природы. Основываясь на анализе психолого-педагогической литературы, мы сформулировали следующее определение компетентности здоровьесбережения: это совокупность знаний, умений и способов деятельности человека в бытовых и нестандартных ситуациях, направленных на улучшение самочувствия человека, укрепление его здоровья; предотвращение условий, являющихся угрозой собственному здоровью и здоровью окружающих.

В нашем исследовании сущность здоровьесберегающей компетентности учеников средних школ раскрывается посредством деятельностного подхода. В качестве методологической основы определения содержания здоровьесберегающей компетентности учеников средних школ выступила культурологическая концепция И.Я. Лернера, М.Н. Скаткина и

В.В. Краевского, согласно которой содержание образования представляет собой педагогически адаптированный социальный опыт человечества, тождественный по структуре человеческой культуре и состоящий из четырех культуросообразных компонентов. В качестве компонентов выступают знания, умения, процедуры творческой деятельности и личностно-ценностные установки. В данном контексте содержание здоровьесберегающей компетентности учеников средних школ представлено системой инвариантных и вариативных знаний и умений, а также устойчивыми ценностными ориентациями, которые развиваются в деятельности организации обучения и сами по себе являются основой целостного, технологично организованного педагогического процесса (см. табл. 1).

Нами были проанализированы различные современные методы оценивания деятельности учащегося. Освоение тех или иных компетенций в учебном процессе можно оценивать как по разрешению проблемных учебных нестандартных ситуаций, так и в самом процессе их применения на практике. В обоих случаях необходимы заранее разработанные критерии успешной деятельности, а роль эксперта должен выполнять учитель, который грамотно по известным критериям может оценить уровень владения компетенциями. Уровень владения конкретными умениями оценивают в таких процедурах, как наблюдение за исполнением действий учащихся в ситуациях написания эссе, выполнения проекта, решений тестовых заданий и т.д. Мы предлагаем выделить три уровня сформированности компетенции здоровьесбережения (см. табл. 2). Первый уровень считается базовым (основным). Уровни обладают свойством кумулятивности – каждый следующий уровень содержит в себе умения, входящие в предыдущий уровень, с добавлением новых умений и навыков учащихся. То есть каждый уровень характеризуется каким-то усложнением действий, которые должен выполнить учащийся в каждой из областей, относящихся к данной компетенции. Каждый из трех уровней овладения компетенциями состоит из двух частей: первая часть содержит описание умений, которыми должен овладеть учащийся; вторая часть включает описание формы, в которой учащийся может представить результат своей деятельности, в подтверждении того, что он овладел требуемыми компетенциями.

Диагностика достижений учащегося происходит на каждом уровне и во всех областях, относящихся к той или иной компетенции. Учащийся должен подтвердить, что он овладел требуемыми умениями. Совместно с учителем он проводит наблюдение и протоколирование своих учебных ситуаций, собирает необходимые подтверждения и представляет их в соответствующей форме. Учащийся принимает участие в дискуссии или в одиночку представляет результаты своей деятельности, свой анализ затруднительной ситуации, демонстрирует свое умение руководить проектом или участвовать в нем, используя для этого соответствующие компетенции.

Диагностика достижений учащегося происходит на каждом уровне и во всех областях, относящихся к той или иной компетенции. Учащийся должен подтвердить, что он овладел требуемыми умениями. Совместно с учителем он проводит наблюдение и протоколирование своих учебных ситуаций, собирает необходимые подтверждения и представляет их в соответствующей форме. Учащийся принимает участие в дискуссии или в одиночку представляет результаты своей деятельности, свой анализ затруднительной ситуации, демонстрирует свое умение руководить проектом или участвовать в нем, используя для этого соответствующие компетенции.

Таблица 1

Содержание здоровьесберегающей компетентности учеников школ

Компоненты здоровьесберегающей компетентности	Содержание здоровьесберегающей компетентности учеников школ
Когнитивный (знания)	Знание факторов, негативно влияющих на человека Знание способов защиты от факторов, негативно влияющих на человека Знание физической терминологии Знание материалов, устройства, обслуживания и условий эксплуатации бытового оборудования и техники Знание техники безопасности при работе с различными видами оборудования
Операционально-деятельностный (умения)	Умение использовать физическую терминологию Умение организовывать собственную деятельность, определять методы и способы выполнения задач, так или иначе связанных со здоровьем человека, оценивать их эффективность и качество Умение подбирать материалы в соответствии с задачей – факторы, влияющие на здоровье человека Умение правильно эксплуатировать, обслуживать, а также проводить частичный ремонт оборудования/ техники с соблюдением техники безопасности Умение выполнять различные виды бытовых работ без нанесения вреда собственному здоровью и здоровью окружающих
Креативный (процедуры творческой деятельности)	Умение рационализировать свою деятельность Умение ориентироваться в необычных условиях, при которых существует угроза здоровью человека Умение предотвращать возможные бытовые проблемы Умение осуществлять поиск и использовать информацию для эффективного выполнения задач и личностного развития Умение принимать решения в нестандартных бытовых ситуациях
Ценностно-мотивационный (ценностные ориентации)	Понимание значимости своего здоровья и факторов, негативно влияющих на него, проявление устойчивого интереса к сохранению здоровья Понимание важности и необходимости самостоятельно определять задачи личностного развития, заниматься самообразованием, осознанно планировать повышение квалификации

Уровни сформированности компетенции здоровьесбережения

Уровень	Содержание уровня
Первый (базовый)	Учащийся разбирается в физике происходящих явлений Учащийся отчетливо выделяет каждое явление Учащийся осознает влияние каждого фактора на человека и живую среду в целом Учащийся знает общие способы уменьшения/ увеличения воздействия фактора на здоровье человека или живую среду в целом
Второй	Учащийся глубоко разбирается в физике происходящих явлений и процессов Учащийся знает оптимальные условия для комфортной жизни человека Учащийся понимает способы увеличения/ уменьшения влияния фактора на человека и живую среду в целом Учащийся знает способы изменения негативного воздействия фактора Учащийся умеет самостоятельно отбирать дополнительный материал, касающийся физики и здоровья человека Учащийся способен предположить результат воздействия фактора на человека Учащийся знает, как повлияет изменение фактора на человека
Третий	Учащийся предлагает свои способы изменения воздействия негативного фактора на человека Учащийся вырабатывает стратегию использования различных знаний по физике, касающихся здоровья человека в ходе реализации проекта Учащийся развивает и нарабатывает новые умения по вопросу здоровьесбережения на основе физических знаний, проявляя ответственность и самостоятельность Учащийся анализирует и синтезирует получаемую информацию из различных источников, интерпретирует ее, делает выводы о влиянии различных факторов на здоровье человека; учащийся сообщает полученную информацию другим участникам проекта В групповых работах учащийся занимает позицию лидера, который координирует работу всей группы Учащийся способен составлять отчеты, выполнять исследовательские работы по теме связи физики с жизнью человека Учащийся выполняет комплексную деятельность, в которой могут произойти неожиданные изменения какого-то фактора, отрицательно влияющего на здоровье человека

В данном исследовании рассматриваются два способа формирования компетентности здоровьесбережения – через систему ситуационных заданий, работу с рассказами, где приведены физические ошибки и выполнение проектных работ, связанных со здоровьем человека. Эти два метода могут быть использованы по отдельности, однако наилучшего результата можно достичь, используя обе формы работы параллельно.

Ситуационные задания разрабатываются для проверки знаний и умений испытуемых действовать в практических, экстремальных и других условиях. Это может быть смоделированная ситуация фрагмента урока, производственная ситуация, событие повседневной жизни и т. д. Задание может быть разбито на несколько частей, объединенных общей смысловой нитью или же представлено как единое целое. Обязательно разбор каждой ситуации должен предполагать этапы, требующие простого репродуктивного знания физического материала и творческого решения поставленной задачи (предложение новых, нестандартных путей решения ситуации). Нами разработано учебное пособие, в котором приведено 32 рассказа-упражнения с физическими ошибками. Читая рассказ или воспринимая его на слух, ребята должны понять, что герои этой истории делают неправильно с точки зрения физики. Ученики, найдя ошибку, опирались на имеющиеся у них физические знания, предлагали наиболее безопасные способы поведения. После каждого рассказа есть рекоменда-

ции правильных действий в той или иной ситуации. Таким образом, ребенок может работать с данными текстами как фронтально, так и самостоятельно, имея возможность всегда контролировать верность своих рассуждений.

Другим способом формирования компетентности здоровьесбережения является проектная работа над темами школьного курса физики, так или иначе связанного с жизнедеятельностью человека. Вовлечение учащихся в проектную деятельность происходит постепенно. Как показывает опыт проектной деятельности в школе, интерес к такой в значительной степени самостоятельной работе появляется в основном звене школы. Подростки обладают достаточными знаниями, опытом исследовательской работы, владеют навыками использования компьютера для поиска информации и оформления письменной части проекта. Они обладают необходимыми волевыми качествами, чтобы преодолевать возникающие трудности и не утрачивать интерес к длительной работе, способны не терять из поля зрения значимую цель. Большая доля самостоятельности и личной ответственности за выполнение проекта ведет к повышению таких качеств, как развитие трудолюбия, внимания, памяти, целенаправленного восприятия. А успешное выполнение и защита своего проекта формируют самоуважение [1], [2].

Базой экспериментального исследования явились МОУ СОШ № 5, 7, 29 г. Вологды. Всего в исследовании приняло участие 584 школьника 7 – 9-х клас-

сов средних общеобразовательных школ № 5, 7, 29 г. Вологды. За весь период исследования в педагогическом эксперименте приняло участие 593 школьника г. Вологды. Все школьники были из общеобразовательных классов, учебный комплекс по физике также был одинаковым. В экспериментальную группу вошли 384 школьника. Для оценки эффективности методики были выделены контрольная и экспериментальная группы учащихся. Экспериментальной группой учащихся считались классы, в которых проводилась работа со здоровьесберегающей компонентой школьного курса физики. Контрольной группой учащихся считались остальные ученики параллели, не принимавшие участия в данном исследовании и получавшие обычные домашние задания. В ходе проведения обучающего эксперимента постоянно контролировалась динамика формирования и развития основных компетентностей здоровьесбережения (КЗС) школьников экспериментальной и контрольных групп с помощью срезов знаний и умений учащихся. Контрольных срезов было три. В экспериментальной группе учащихся проводились еще два промежуточных среза знаний и умений по окончании первого и второго этапов экспериментального обучения. В контрольной группе учащихся промежуточный срез был один – в конце обучения. Основной задачей промежуточных срезов было выявление тенденций в развитии отдельных КЗС и их корректировка. Контрольные срезы знаний и умений выявляли сравнительный уровень сформированности основных КЗС у учащихся экспериментальной и контрольной групп. Первый контрольный срез знаний и умений позволил определить общий уровень сформированности КЗС в начале экспериментального

обучения – уровень сформированности КЗС у контрольной и экспериментальной группы на начальном этапе примерно одинаков. После проведения педагогического эксперимента мы сделали вывод: уровень сформированности КЗС у контрольной группы остался примерно тот же, у экспериментальной группы наблюдается значительное увеличение уровня сформированности КЗС.

Итак, начальные (до начала эксперимента) состояния экспериментальных и контрольных групп совпадают, а конечные (после окончания эксперимента) – различаются. Следовательно, эффект изменений обусловлен именно применением экспериментальной методики – использование здоровьесберегающей компоненты курса физики на уроках в средней школе. Полученный эффект выражается в том, что происходит заметный сдвиг, во-первых, в осознании учащимися того, что знания, полученные на уроках физики и правильно примененные на практике, способны помочь человеку избежать неблагоприятных ситуаций, а во-вторых, в рациональном применении физических знаний на практике для собственной пользы.

Литература

5. Википедия. – URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>
6. Пахомова, Н.Ю. Метод учебных проектов в образовательном учреждении: пособие для учителей и студентов пед. вузов / Н.Ю. Пахомова – М., 2003.
7. Хуторской, А.В. Технология проектирования ключевых и предметных компетенций / А.В. Хуторской. – URL: <http://www.eidos.ru/journal/2005/1212.htm>

УДК 37.0

О.А. Пятакова

Научный руководитель: кандидат педагогических наук, профессор О.Е. Черствая

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КУЛЬТУРЫ У СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ВУЗА

В статье рассмотрены понятия «культура», «иноязычная культура», выделены культурно-ориентированные подходы к обучению иностранному языку, определена специфика процесса формирования иноязычной культуры на неязыковых специальностях вуза.

Культура, иноязычная культура, культурно-ориентированные подходы, формирование иноязычной культуры, специфика обучения иностранному языку на неязыковых специальностях вуза.

The author of the article considers the concepts “culture”, “foreign language culture”, allocates cultural approaches to teaching foreign languages and defines the specifics of formation of foreign language culture at non-linguistic specialties of university.

Culture, foreign culture, culturally-oriented approaches, formation of foreign-language culture, specifics of teaching foreign language at non-linguistic specialties of university.

Владение иностранным языком является неотъемлемой составляющей профессиональной компетенции студента высшего учебного заведения. На протяжении многих десятилетий способы и методы обучения данной дисциплине в вузе постоянно изменялись, модифицировались. Постепенно, благодаря исследованиям в области социолингвистики (О.С.

Ахманова, Л.Б. Никольский, Ю.Д. Дешериев и др.) и социальной психологии (Б.Я. Парыгин, Л.А. Петровская, Г.М. Андреева, И.Н. Богомолова), стало очевидным, что для полноценного общения на иностранном языке необходимо не только умение владеть языковым материалом, но и знание специфических понятий, свойственных той или иной человечес-

кой общности, владение внеязыковыми знаниями, связанными с культурой и обычаями этой общности людей. Незнание данного внеязыкового материала является препятствием в процессе общения и вызывает непонимание из-за «частичного расхождения между коммуникативно-языковыми сообществами в наборе знаний о мире» [9, с. 10]. Ознакомление обучаемого с миром другого народа обогащает его как личность и повышает мотивацию к изучению иностранного языка. Именно поэтому, по мнению И.Л. Плужник, «включение в программу обучения иностранным языкам культурологических сведений связано не со стремлением придать учебному процессу занимательность, а с внутренней необходимостью самого процесса обучения» [8, с. 13].

В настоящее время тезис о неотделимости изучения иностранного языка от ознакомления с культурой страны изучаемого языка, ее историей, социокультурными традициями, особенностями национального видения мира народом-носителем является общепризнанным в методике преподавания и находит свое отражение в ряде культурно-ориентированных подходов, таких как лингвострановедческий, культурологический, социокультурный, этнографический, межкультурный, кросскультурный, лингво-социокультурный и т.д. Если на примере языковых специальностей вуза проблема интеграции компонентов культуры в процесс обучения иностранным языкам в целом решается благополучно (наличие достаточного количества часов, специальных дисциплин – «страноведение», «история страны изучаемого языка»), то относительно неязыковых специальностей существует ряд трудностей, обусловленных спецификой образовательного процесса. Во-первых, это ограниченное количество часов, отведенное на иностранный язык. В зависимости от факультета и специальности цифры несколько отличаются, но в целом курс рассчитан (на примере Вологодского государственного технического университета) на 2 года: в первый год предмет изучается 1 раз в неделю (2 академических часа), во второй – 1,5 раза в неделю (3 академических часа). Некоторые специальности предполагают изучение иностранного языка на третьем или даже четвертом (с перерывом в год!) курсе чаще всего в виде элективной дисциплины «Деловой иностранный язык» (не более 30 часов). Студенты узкого круга специальностей изучают «Основы технического перевода» в объеме, не превышающем 30 часов. В среднем, количество часов, отводимое на изучение иностранного языка, составляет от 200 до 300. Во-вторых, традиционно обучение иностранному языку в неязыковом вузе ориентировано на чтение, понимание и перевод текстов по широкому и узкому профилю специальности, а также на изучение проблем синтаксиса научного стиля. Предусматривается обучение студентов таким видам речевых произведений, как аннотация, реферат, резюме. В-третьих, необходимо учитывать отсутствие преемственности между школой и вузом и низкий уровень подготовки и мотивации студентов. В итоге на «культуросодержащие» компоненты у преподавателя остается крайне мало времени и сил.

Тем не менее вопрос о взаимодействии и взаимовлиянии языка и культуры является краеугольным в переосмыслении подходов к обучению иностранным языкам на неязыковых специальностях вуза. Рассмотрим возможность применения некоторых культурно-ориентированных подходов в данных условиях.

Лингвострановедческий подход стал первой попыткой взаимосвязанного изучения языка и культуры в отечественной методике. Основоположники данного подхода Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров выдвинули предположение, а затем разработали теорию, согласно которой обучение иностранному языку необходимо проводить на основе сопоставления и взаимодействия родной и «чужой» культур. В соответствии с лингвострановедческой теорией слова предметом лингвострановедения является специально отобранный, специфический однородный языковой материал, отражающий культуру страны изучаемого языка, фоновые и коннотативные лексические единицы, узуальные формы речи, а также невербальные языки жестов, мимики и повседневного поведения [5]. Источником лингвострановедческой информации служит лексический состав слова, следовательно, основное внимание с позиций данного подхода уделяется изучению эквивалентных и безэквивалентных лексических понятий, терминологической и фоновой лексики, фразеологизмов. Таким образом, данный подход целесообразен для подготовки филологов, лингвистов-преподавателей, педагогов.

Лингвокультурологический подход (В.Н. Телля, В.В. Воробьев, В.П. Фурманова, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, В.В. Красных) появился с развитием такой науки, как лингвокультурология. По мнению В.А. Масловой, предметом исследования в лингвокультурологии являются единицы языка, которые приобрели символическое, образно-метафорическое значение в культуре, а именно: безэквивалентная лексика; архетипы, мифологемы, обряды, закрепленные в языке; фразеологический фонд языка; эталоны, стереотипы, символы; речевое поведение; область речевого этикета [6, с. 37]. Таким образом, мы видим, что данный подход предполагает достаточно высокий уровень владения иностранным языком для исследования проявлений культуры народа в этом языке, что не соответствует среднему уровню знаний студентов неязыковых специальностей вуза.

Социокультурный подход разработан в России в начале 1990-х гг. В.В. Сафоновой. Дальнейшую разработку социокультурный подход получил в диссертационных исследованиях, в частности применительно к условиям обучения иностранному языку в школе (М.А. Стрелкова, А.В. Хрипка, П.В. Сысоев), на языковых (И.И. Лейфа, Л.А. Борходоева), а также и на неязыковых (М.А. Богатырева, О.А. Дареева) специальностях вуза. Немногочисленность работ по социокультурному подходу применительно к обучению иностранным языкам студентов-нефилологов свидетельствует о том, что на данный момент он практически не получил широкого распространения на неязыковых специальностях вуза. Причина этого

кроется в том, что ориентация на обучение иностранным языкам в контексте диалога культур имеет ограниченную сферу своего влияния.

Межкультурный подход. В его основе лежит идея о необходимости подготовки изучающих иностранный язык к эффективному осуществлению межкультурной коммуникации (И.И. Халеева, В.П. Фурманова, Н.В. Филиппова, Л.А. Гусейнова, И.В. Третьякова – на примере языкового вуза; Г.В. Елизарова, О.В. Сыромясов, М.Г. Евдокимова, И.Л. Плужник – на примере неязыкового вуза). Способность анализировать и сравнивать особенности носителей различных культур может быть значимой при подготовке современного специалиста-нефилолога, так как межкультурной оценке может подвергнуться профессиональная сфера деловой коммуникации с иноязычными и инокультурными коллегами [3, с. 279].

Таким образом, анализ представленных подходов показал, что они трудно применимы на неязыковых специальностях вуза. Тем не менее мы уверены, что иностранный язык может помочь студентам расширить представления о современной жизни в стране изучаемого языка, о деловых контактах, психологии взаимоотношений; понимание чужой культуры и ее носителей должно стать неотъемлемой частью изучения иностранного языка, в том числе и студентами неязыкового вуза. Мы считаем, что эффективным будет неформальное знакомство с отдельными фактами культуры, а именно ее формирование – формирование иноязычной культуры студентов неязыковых специальностей вуза.

Рассмотрим понятие «иноязычная культура». Сначала дадим определение слову «культура». В современной литературе встречается уже более 1000 определений; первоначальное научное определение принадлежит английскому этнографу Э.Тэйлору: “Culture is that complex whole which includes knowledge, belief, art, morals, law, custom, and any other capabilities and habits acquired by man as a member of society” («Культура – комплекс, включающий знания, верования, искусство, мораль, законы, обычаи, а также иные способности и навыки, усвоенные человеком как членом общества») [10].

Мы, вслед за М.В. Кислинской, понимаем под культурой исторически сложившийся определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в различных типах и формах организации жизни и деятельности людей и в создаваемых ими материальных и духовных ценностях [4, с. 14]. Также культуру можно рассматривать как систему духовных кодов, которая заставляет людей воспринимать и оценивать происходящее в определенном смысле: это, прежде всего, характерный для конкретного человека и всего общества образ мыслей и образ действий [2, с. 30].

На современном методологическом уровне понятие «иноязычная культура», в силу своей неразработанности, определяется довольно широко. Как таковой термин «иноязычная культура» в словарях отсутствует. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой определяет слово «иноязычный» как «относящийся к другому языку», сле-

довательно, можно предположить, что «иноязычная культура» – это культура «иного языка (народа)», тогда за основу принимаем следующее определение: совокупность достижений представителей иноязычной культуры в производственной, общественной и духовной жизни.

Если понятие иноязычной культуры рассматривать с позиции культурологического подхода (А.В. Барабанщиков, Е.В. Бондаревская, М.Я. Виленский, И.Ф. Исаев, А.К. Колесова, Ю.В. Сенько, В.А. Сластенин, В.Э. Тамарин и др.), то в соответствии с ним раскрытие личности представляет собой самоопределение ее в культуре мышления, действия, чувств, общения, поведения. «Данный подход позволяет трактовать нам усвоение иноязычной культуры как процесс личностного открытия, создания мира культуры в себе, развитие идей диалога культур (М.М. Бахтин), при котором происходит индивидуальная, личностная актуализация заложенных в ней смыслов» [4, с. 17].

Мы разделяем точку зрения философов по поводу того, что «культура есть особый способ освоения человеком мира, включая как внешний мир – природу и общество, так и внутренний мир самого человека в смысле его формирования и развития» [1, с. 105].

Более узкое, ориентированное непосредственно на образовательный процесс, определение данного понятия приводит Е.И. Пассов: «Иноязычная культура – это та часть общей культуры человечества, которой учащийся может овладеть в процессе коммуникативного иноязычного образования в познавательном (культуроведческом), развивающем (психологическом), воспитательном (педагогическом) и учебном (социальном) аспектах» [7].

Итак, рассматривая иноязычную культуру студентов неязыковых специальностей вуза, мы считаем, что она может быть оценена по следующим критериям:

- собственно лингвистические умения;
- коммуникативные умения;
- страноведческие знания;
- социокультурные знания;
- толерантность.

Каждый критерий определяется рядом показателей: лингвистические умения складываются из знания определенного объема лексических единиц и грамматических конструкций; коммуникативные умения основываются на лингвистических: характеризуются умением использовать различные виды учебной деятельности для построения общения, а также коммуникабельность учащегося; страноведческие знания – это знания географического положения, политического и экономического устройства страны; социокультурные знания включают в себя знания обычаев и традиций, современных проблем страны изучаемого языка; толерантность подразумевает уважительное отношение как к культуре страны, изучаемого языка, так и к другим культурам, включая родную и к ее представителям.

Таким образом, в процессе формирования иноязычной культуры осуществляются следующие ее функции:

1. Познавательная (или гносеологическая). Ее важнейшим компонентом являются знания, которые дают целостную картину познания и освоения мира. У нее двойная направленность: с одной стороны, на систематизацию знаний; с другой – на познание человеком самого себя.

2. Коммуникативная, с помощью которой человек может вступать как в непосредственное, так и в опосредованное общение с людьми. Носителями коммуникативной функции выступают, главным образом, словесный язык, «бумажные и электронные компоненты» педагогического программного комплекса. К бумажному компоненту можно отнести обыкновенный учебник, учебное пособие, лекции, устный рассказ преподавателя. В качестве электронного компонента может выступать: обучающая программа, электронный учебник, моделирующая программа, электронный задачник, текстовая система.

3. Оценочная функция, которая формирует и активизирует умение студентов ориентироваться в потоке разнообразной информации, отбирать известную и новую, значимую и второстепенную.

4. Информативная функция культуры позволяет передать социальный опыт как между поколениями, так и внутри одного поколения. Эту функцию может выполнять только культура.

5. Гуманистическая функция иноязычной культуры отражает ее социальный смысл и призвана формировать определенный тип личности.

6. Развивающая функция иноязычной культуры. Речь идет не только об усвоении определенной системы знаний, норм, позволяющих действовать в современном обществе, но и о необходимости активной внутренней работы самого человека, ведущей к самореализации.

Анализ повседневной практики преподавания иностранных языков на неязыковых специальностях вуза показывает, что основной упор в обучении делается на формирование умений и навыков, необходимых для осуществления профессионального общения, преимущественно в опосредованном виде. При этом особое внимание уделяется чтению и переводу специализированных текстов. Как следствие, гуманитарная по своей сути дисциплина «иностранный язык» не реализует свой общекультурный потенциал. Первостепенной задачей культуры является

развитие внутреннего потенциала человека, обогащение его духовного мира, обеспечение возможности для непрерывного самовоспитания и самообразования. Формирование иноязычной культуры учащегося, помимо реализации познавательной, коммуникативной, информативной, оценочной функций, способствует достижению более общей цели – развитию его личности. Для осуществления таких возможностей на неязыковых специальностях вуза мы считаем необходимым разработку специальной программы, в которой больше внимания уделялось бы основам иноязычной культуры. Альтернативным или дополнительным решением, на наш взгляд, может стать введение факультатива по данной дисциплине.

Литература

1. Арнольд, А.И. Введение в культурологию / А.И. Арнольд. – М., 1993.
2. Букина, Т.В. Иноязычная культура выпускника ССУЗ технологического профиля как фактор его конкурентоспособности: дис. ... канд. пед. наук / Т.В. Букина. – Казань, 2005.
3. Дикова, Е.Л. Межкультурный подход в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе / Е.Л. Дикова // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена: Психолого-педагогические науки. – 2008. – № 12. – С. 276 – 281.
4. Кислинская, М.В. Педагогические условия формирования иноязычной культуры студентов колледжа в процессе профессиональной подготовки: дис. ... канд. пед. наук / М.В. Кислинская. – Магнитогорск, 2007.
5. Костомаров, В.Г. Лингвострановедческая теория слова / В.Г. Костомаров, Е.М. Верещагин. – М., 1980.
6. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М., 2001.
7. Пассов, Е.И. Иноязычная культура как содержание иноязычного образования / Е.И. Пассов. – URL: http://www.portal@gramota.ru/biblio/magazines/mrs/28_250
8. Плужник, И.Л. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции студентов гуманитарного профиля в процессе профессиональной подготовки: дис. ... д-ра пед. наук / И.Л. Плужник. – Тюмень, 2003.
9. Райхштайн, А.Д. Национально-культурный аспект интеркоммуникации / А.Д. Райхштайн // Иностр. яз. в школе. – 1986. – № 5. – С. 10 – 14.
10. Tylor, E.B. Primitive Culture / E.B. Tylor. – URL: <http://www.britanica.com/EBchecked/topic/476450/Primitive-Culture>

УДК 37.048.45

Ю.А. Сarduшкина

Научный руководитель: доктор педагогических наук, профессор Л.И. Фишман

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ, НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОЙ ПРОФОРИЕНТАЦИОННОЙ РАБОТЫ СРЕДИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ В РАМКАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВУЗА И ШКОЛЫ

В статье представлены результаты исследования, направленного на изучение сформированности у старшеклассников умения делать выбор, условий образовательного процесса, способствующих развитию данного умения. Предложен возможный способ повышения результативности проведения профориентационной работы через организацию взаимодействия вуза и школы, особое внимание уделено созданию соответствующих организационно-педагогических условий.

Умение делать выбор, профессиональная ориентация, профильное обучение, взаимодействие вуза и школы, организационно-педагогические условия.

The article presents the results of the research aimed at studying high school students' ability to make a choice and educational conditions which contribute to this ability. A possible way of making professional guidance more effective on the basis of well-structured cooperation between school and university is offered, particular attention is given to the creation of proper organizational and educational conditions.

Ability to make a choice, professional guidance, specialized education, cooperation between school and university, organizational and educational conditions.

Выбор профессии – первое звено в цепи последовательных жизненных выборов, связанных с работой, созданием семьи, социальным продвижением, материальным благосостоянием и духовным развитием. С него начинается самостоятельный жизненный путь человека. Но, к сожалению, проблема выбора профессионального и жизненного пути со всей остротой встает перед человеком в том возрасте, когда он, как правило, до конца еще не осознает всех отдаленных последствий принятых в юности решений. Профессиональные планы в юношеском возрасте весьма расплывчаты, аморфны, имеют характер мечты. Подросток чаще всего воображает себя в разных эмоционально привлекательных для него профессиональных ролях, но окончательный психологически обоснованный выбор профессии сделать не может. Неудовлетворенность реально наступившим будущим стимулирует развитие рефлексии – осознания собственного «Я» (кто я? каковы мои способности? каков мой жизненный идеал? кем я хочу стать?) [2].

В данной ситуации старшекласснику самостоятельно развивать умение делать выбор очень сложно. Для этого и существует профессиональная ориентация – система научно обоснованных мероприятий, направленных на подготовку молодежи к выбору профессии с учетом особенностей личности и социально-экономической ситуации на рынке труда, на оказание помощи молодежи в профессиональном самоопределении и трудоустройстве [2], [7], [9]. На сегодняшний день наиболее распространенными направлениями работы в сфере профориентации являются:

- профессиональное просвещение – ознакомление учащихся и выпускников учебных заведений с современными видами трудовой деятельности, социально-экономическими и психофизиологическими особенностями различных профессий, потребностями в квалифицированных кадрах, требованиями, предъявляемыми профессиями к человеку, возможностями профессионально-квалификационного роста и самосовершенствования в процессе трудовой деятельности;

- профессиональное консультирование – оказание помощи учащимся в профессиональном самоопределении и предоставление или рекомендаций о возможных направлениях профессиональной деятельности, наиболее соответствующих их психологическим, психофизиологическим, физиологическим особенностям, на основе результатов психологической, психофизиологической и медицинской диагностики;

- психологическая поддержка – методы, способствующие снижению психологической напряженности, формированию позитивного настроения и уверенности в будущем [7].

Работа по этим направлениям проводится в областных или городских центрах профессиональной ориентации, в различных кружках и секциях, дающих возможность учащимся развивать свои способности, приобретать дополнительные умения и навыки. Но более лучшие условия для плановой, системной профориентационной работы можно создать на базе старшей школы. И так как на сегодняшний день старшая школа не может быть «непрофильной» [5, с. 5], то именно профильное обучение позволяет «более полно учитывать интересы, склонности и способности учащихся создавать условия для обучения старшеклассников в соответствии с их профессиональными интересами и намерениями в отношении продолжения образования» [4]. Через профилизацию старшей школы учащимся предоставляется возможность «спроектировать свое будущее и сформировать необходимые ресурсы для осуществления осознанного профессионального выбора» [5, с. 10].

Соответственно, одним из результатов эффективного профильного обучения должно являться – «умение делать выбор» [5, с. 10], т.е.:

- умение анализировать мотивы выбора;
- умение анализировать внешние условия;
- умение прогнозировать и оценивать результаты выбора.

Это умение является одним из основных необходимых ресурсов для осуществления осознанного выбора профессии.

С целью изучения сформированности у учащихся старших классов умения делать выбор, а также организационно-педагогических условий образовательного процесса, необходимых для проведения результативной профориентационной работы, было проведено эмпирическое исследование.

В процессе проводимого исследования применялся комплекс методов, адекватных поставленной цели, в том числе интервью, и контент-анализ.

«Интервью (от англ. *Interview* – беседа) – один из основных видов опроса через беседу, которую проводит исследователь по заранее намеченному плану либо с одним лицом, либо с группой» [3]. Их ответы служат материалом для последующего анализа, интерпретации и обобщения, в совокупности с материалом, полученным другими методами.

Контент-анализ – это «метод сбора количественных данных об изучаемом явлении или процессе, содержащихся в документах. Слово „контент“ озна-

чает содержимое (или содержание) документа. Под документом при этом понимается официальный текст (типа инструкции или правового закона), а также все написанное или произнесенное, все, что стало коммуникацией» [1, с. 4].

Исследование проходило в течение всего учебного года на базе заранее определенных образовательных учреждений (ряда школ и гимназий) г. Самара.

В начале учебного года было проведено интервьюирование завучей этих образовательных учреждений. Все завучи признали, что в школе необходимо реализовывать профориентационную программу, направленную на развитие умения учащихся делать самостоятельный выбор. Это связано с тем, что, по их наблюдениям, в ситуации выбора у старшеклассников возникают сложности, относящиеся к умению этот выбор совершать.

Большинство завучей считают целесообразным начинать профориентационную работу с 9-го класса, объясняя это тем, что в конце 9-го класса учащиеся должны определиться с дальнейшим профилем обучения либо принять решение о продолжении образования в учреждениях, дающих среднее профессиональное образование. А их опыт работы показывает, что на сегодняшний день к концу обучения в 9-м классе учащиеся не готовы делать осознанный самостоятельный выбор. И, соответственно, уже в 9-м классе завучи видят необходимость в реализации программы, развивающей это умение, с обязательным продолжением в 10-м, 11-м классах, но уже на более углубленном уровне. Часть завучей, опираясь на огромный опыт работы в школе, предлагает начинать реализовывать задачи профориентации с 1-го класса с помощью программы «Знакомство с миром профессий», а начиная с 8-го класса, в течение 4 лет на более углубленном уровне – профориентационную программу, способствующую развитию умения делать выбор. Остальные завучи считают, что оптимальным для начала реализации профориентационной программы является 10-й класс, поскольку у учащихся к этому возрасту есть представление о том, что им интересно/неинтересно, к чему есть способности, занятие в какой сфере деятельности приносит удовлетворение. Полученная информация позволила нам сделать вывод о том, что у старшей школы есть необходимость в проведении профориентационной программы, направленной на развитие умения у учащихся делать самостоятельный выбор, и оптимальный вариант, реально осуществимый в современных условиях, для начала ее реализации – это или 9-й или 10-й класс.

На вопрос о том, достаточно ли в школе соответствующего кадрового ресурса для реализации профориентационной программы, все завучи ответили, что на сегодняшний день его недостаточно. На их взгляд, этот вопрос поможет решить сотрудничество с высшей школой: вузовские преподаватели через непосредственное взаимодействие со специалистами-практиками смогут наилучшим образом разработать и реализовать профориентационную программу. Таким образом, мы видим, что в настоящее время старшая школа заинтересована в выстраивании

взаимодействия с высшей школой, в результате которого будет решен как кадровый вопрос (по соответствующему направлению работы), так и вопрос, касающийся разработки и реализации профориентационной программы.

Результаты исследования, полученные нами вследствие проведенного контент-анализа, подтвердили высказывания завучей о том, что у учащихся к концу 9-го класса, а также при дальнейшем обучении в 10-м классе в ситуации выбора (в данном случае речь идет о профессии) возникают сложности, связанные с умением этот выбор делать.

Мы проводили исследование среди учащихся 10-х классов. Из всех испытуемых только 32 % с меньшими сомнениями могут сказать, какую профессиональную сферу они выбирают. 40 % учащихся выбрали для себя несколько приоритетных сфер деятельности, не зная какой из них отдать предпочтение, какие критерии при выборе использовать. 28 % учащихся вообще не знают, какую профессию выбрать. В своих работах они пишут о том, что возникают большие трудности с тем, как выбирать; они не знают, чем руководствоваться, совершая выбор профессии. Некоторые открыто признают следующее: несмотря на возникшие затруднения в выборе профессии, задумываться об этом вопросе начнут только после окончания 10-го класса либо рассчитывают на то, что данный выбор им помогут совершить родители. Полученные результаты говорят о возникновении у учащихся сложностей с проектированием своей дальнейшей образовательной и профессиональной деятельности, с умением анализировать свои мотивы и причины принятия тех или иных решений, с умением прогнозировать результат выбора и последствий совершаемого выбора.

Находясь в ситуации выбора профессии, только 28 % испытуемых задумываются о внешних условиях, под которыми, в частности, мы подразумеваем: умение анализировать ситуацию на рынке труда и учитывать то, какие специальности востребованы на сегодняшний день и будут востребованы через несколько лет. Умение анализировать внешние условия, учитывать их является одним из необходимых факторов, позволяющих сделать выбор наиболее осознанным. Из полученных данных видно, что в этом направлении, в рамках реализации профориентационной программы, также необходимо проводить работу.

Изучение суждений завучей и проведенный контент-анализ работ школьников показали, что старшей школе необходима помощь, направленная на повышение эффективности проводимой профориентационной работы и связанная в том числе с созданием соответствующих организационно-педагогических условий. Как было указано выше, оптимальным вариантом для решения этого вопроса является выстроенное взаимодействие с высшей школой. У школы есть потребность в высокопрофессиональных специалистах, которые на должном уровне смогут провести профориентационную работу: будут способствовать развитию у учащихся старших классов умения делать осознанный самостоятельный выбор;

разработают и реализуют профориентационную программу, предоставляющую старшеклассникам широту выбора. Потребность вуза (во взаимодействии с общеобразовательным учреждением) – привлечь к поступлению в него учащихся старших классов. Любому высшему учебному заведению нужны ориентированные на это заведение школьники, самостоятельно осознающие, чего они хотят, понимающие, почему хотят поступать именно в этот вуз и почему выбирают именно это направление подготовки. Только благодаря взаимодействию с такими абитуриентами вуз будет получать ответственного студента, а в дальнейшем удовлетворять потребности общества и государства в квалифицированных специалистах с высшим профессиональным образованием, в научно-педагогических кадрах высшей квалификации.

При рассмотрении содержательной стороны организации взаимодействия вуза и школы (организационно-педагогических условий этого сотрудничества), в первую очередь вуз должен предоставить школе профориентационную программу, состоящую из модулей, дать возможность учащимся выбрать несколько модулей из предложенных и пригласить преподавателей, которые смогут провести эту программу. Предоставление старшеклассникам широты выбора – обязательное условие результативной реализации профориентационной программы. Один модуль программы – это один элективный курс. Элективные курсы (курсы по выбору учащихся) [6] сориентированы на более полное удовлетворение индивидуальных познавательных потребностей и интересов старшеклассников, они направлены на формирование умений и способов деятельности, связанных с решением практических задач, на получение дополнительных знаний, на приобретение соответствующих результатов, востребованных в профессиональном образовании и на рынке труда.

Помимо реализации модульной профориентационной программы, в течение учебного года в рамках сотрудничества вуза и школы возможно следующее взаимодействие:

- участие сотрудников вуза, по просьбе администрации школы, в родительских всеобучах, посвященных темам, актуальным для учащихся старших классов и их родителей;
- проведение представителями вуза индивидуальной работы с родителями и учащимися старших классов по вопросам профориентации;
- участие сотрудников вуза в школьных ярмарках профессий, в рамках которых вузам предоставляется возможность презентовать себя, а учащимся, проанализировав полученную информацию, сделать выбор более осознанным;
- организация для старшеклассников и их родителей Дней открытых дверей, проводимых на базе вуза, предоставление им возможности познакомиться с профессорско-преподавательским составом высшей школы и получить ответы на все интересующие вопросы, в том числе непосредственно о самом вузе, его истории, традициях, перспективах развития и реализуемых в нем специальностях и направлениях подготовки;

– организация и проведение высшей школой совместно с органами образования конкурсов, олимпиад, конференций для учащихся старших классов;

– оказание помощи старшеклассникам со стороны профессорско-преподавательского состава вуза по вопросам проведения научной работы;

– проведение экскурсий для учащихся старших классов на рабочие места. Экскурсия является важнейшей формой по ознакомлению старшеклассников с организацией производства, с техникой, технологией и основными профессиями различных предприятий;

– организация встреч со специалистами – представителями разных профессий. Это одна из возможностей проведения ознакомительной профориентационной работы, а также возможность обратить внимание учащихся на профессии, необходимые региону, в котором они собираются начинать свою профессиональную деятельность.

При создании данных организационно-педагогических условий между вузом и школой происходит «взаимовыгодный обмен» [8]. Вуз удовлетворяет интересы школы и старшеклассников через создание соответствующих организационно-педагогических условий, в том числе через реализацию модульной профориентационной программы. Школа, предоставляя возможность преподавателям вуза заниматься с аудиторией старшеклассников с целью ориентации их на профессии, к работе по которым готовят в данном вузе, удовлетворяет интересы высшей школы. Таким образом, через согласованное взаимодействие вуза и школы удовлетворяются интересы этих двух сторон, а также повышается результативность проводимой профориентационной работы среди учащихся старших классов.

Литература

1. Гудзовская, А.А. Контент-анализ как метод эмпирических и прикладных исследований в психологии / А.А. Гудзовская. – Самара, 2007.
2. Зеер, Э.Ф. Профориентология: Теория и практика / Э.Ф. Зеер, А.М. Павлова, Н.О. Садовникова. – М.; Екатеринбург, 2004.
3. Методы и методика педагогического исследования. – URL: <http://paidagogos.com/>
4. Об утверждении Концепции профильного обучения на старшей ступени общего образования. Приказ Министерства образования Российской Федерации от 18 июля 2002 г. № 2783. – URL: http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_02/2783.html
5. Организация профильного обучения в форме индивидуальной образовательной траектории на старшей ступени общего образования: метод. рекомендации / Г.Б. Голуб, Е.А. Перелыгина, И.С. Фишман, О.В. Чуракова; под ред. Е.А. Когана. – Самара, 2007.
6. Профильное обучение: Типовые профили / под ред. А.А. Кузнецова. – М., 2005.
7. Федеральный портал «Российское образование». – URL: <http://www.edu.ru/abitur/act.15/index.php>
8. Фишман, Л.И. Механизмы общественного управления образовательным учреждением / Л.И. Фишман, М.Ю. Иванов. – Самара, 2007.
9. Чистякова, С.Н. Основы профессиональной ориентации школьников / С.Н. Чистякова; под ред. В.А. Сластенина. – М., 1983.

ОПЫТ РАЗРАБОТКИ ТЕСТОВЫХ КОНТРОЛЬНО-ИЗМЕРИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ИСТОРИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА»

В статье представлены контрольно-измерительные материалы по дисциплине «История изобразительного искусства». Материалы апробированы в ходе тестирования студентов специальности 050602 – «Изобразительное искусство» с целью выявления уровня остаточных знаний по данной дисциплине после изучения разделов «Западноевропейское искусство XVII века» и «Западноевропейское и отечественное искусство XVIII века».

Тестирование, контрольно-измерительные материалы, история изобразительного искусства, стиль, жанр.

The article presents control and measuring materials on the discipline «History of Fine Arts». The materials have been evaluated in the course of testing the students with qualification “Fine Arts” (code 050602) in order to estimate the level of residual knowledge on the discipline after having studied the sections “West European Art of the XVII Century” and “West European and Russian Art of the XVIII Century”.

Testing, control and measuring materials, history of fine arts, style, genre.

На сегодняшний день тестирование – один из наиболее часто используемых способов контроля знаний учащихся и студентов. Для специальности 050602 – «Изобразительное искусство» мы разработали контрольно-измерительные материалы в форме тестов по дисциплине «История изобразительного искусства». Контрольно-измерительные материалы составлены на основе ГОС ВПО от 31.01.2005 № 667 по специальности 050602 (030800) – «Изобразительное искусство» и рабочей программы по дисциплине «История изобразительного искусства» (разделы «Западноевропейское искусство XVII века» и «Западноевропейское и отечественное искусство XVIII века»). Тесты апробированы в 2009 – 2010 и 2010 – 2011 учебных годах.

Данные контрольно-измерительные материалы могут быть применены для тестирования студентов-бакалавров педагогического и художественного направлений соответствующих профилей и студентов направления «Дизайн» с целью осуществления промежуточного контроля, а также для выявления уровня остаточных знаний по указанным разделам дисциплины.

Проверяемые дидактические единицы: 1) стиль (направление, течение); 2) жанр; 3) представители; 4) опорные памятники. Количество заданий – 17. Время выполнения теста – 30 ÷ 40 мин. Критерий освоения разделов дисциплины – не менее 60 % правильно выполненных заданий.

В контрольно-измерительные материалы включены вопросы открытого типа (тестируемый должен вписать ответ) и закрытого типа (тестируемый должен выбрать ответ из нескольких предложенных вариантов), а также задания на установление соответствий и упорядочивание материала.

Для подготовки к тестированию студентам предлагается использовать источники [1] – [4].

Примерные варианты тестов

Вариант 1

1. Фламандское барокко – это:
 - а) исторический стиль
 - б) историко-региональный стиль
 - в) направление в искусстве
 - г) манера, творческий метод
2. Русский художник, автор знаменитого портрета А.П. Струйской:
 - а) Д.Г. Левицкий
 - б) В.Л. Боровиковский
 - в) Ф.С. Рокотов
 - г) А.П. Лосенко
3. Архитектор, создатель собора в Петропавловской крепости:
 - а) Ф.Б. Растрелли
 - б) Д. Трезини
 - в) Ч. Камерон
 - г) Дж. Кваренги
4. Автор памятника А.В. Суворову:
 - а) М.И. Козловский
 - б) Ф.И. Шубин
 - в) Ф.Ф. Щедрин
 - г) И.П. Мартос
5. Н. Пуссен, К.Н. Леду, Ж.Л. Давид – представители:
 - а) классицизма
 - б) рококо
 - в) барокко
 - г) сентиментализма

6. Русский художник, автор серии портретов «смолянок» – _____.

7. Французский художник, создатель жанра «галантных празднеств», автор картины «Паломничество на остров Киферу» – _____.

8. Представитель итальянского барокко, автор скульптуры «Экстаз святой Терезы» – _____.

9. Пастораль – жанр, характерный для стиля ____.

10. Последовательность развития историко-региональных стилей:

а) «петровское барокко», итальянское барокко, «голландское барокко», «елизаветинское рококо», «екатерининский классицизм»

б) итальянское барокко, «голландское барокко», «елизаветинское рококо», «петровское барокко», «екатерининский классицизм»

в) «екатерининский классицизм», «петровское барокко», итальянское барокко, «голландское барокко», «елизаветинское рококо»

г) итальянское барокко, «голландское барокко», «петровское барокко», «елизаветинское рококо», «екатерининский классицизм»

11. Последовательность создания произведений Ж.Л. Давида (эволюция творчества):

а) «Клятва Горациев», «Клятва в зале для игры в мяч», «Смерть Марата», «Коронация Наполеона и Жозефины»

б) «Коронация Наполеона и Жозефины», «Клятва Горациев», «Клятва в зале для игры в мяч», «Смерть Марата»

в) «Клятва Горациев», «Клятва в зале для игры в мяч», «Коронация Наполеона и Жозефины», «Смерть Марата»

г) «Смерть Марата», «Клятва Горациев», «Клятва в зале для игры в мяч», «Коронация Наполеона и Жозефины»

12. Установите соответствие между художественными стилями и представителями этих стилей (напротив наименования стиля впишите соответствующую фамилию из предложенного перечня): Я. Вермер Делфтский, Н. Пуссен, Ж.А. Ватто, Л. Бернини, П.П. Рубенс, Д. Веласкес:

Французский классицизм	
Фламандское барокко	
Итальянское барокко	
Рококо	

13. Установите соответствие между произведением и автором (напротив наименования произведения впишите соответствующую фамилию из предложенного перечня): Э.М. Фальконе, К. Лоррен, Ж.О. Фрагонар, Ф. Буше, Х. Рибера, Х. ван Р. Рембрандт:

«Возвращение блудного сына»	
«Медный всадник»	
«Хромоножка»	
«Счастливые возможности качелей»	

14. Установите соответствие между автором и характерным для него жанром (напротив фамилии впишите наименование жанра из предложенного перечня): галантные празднества, аристократический портрет, героический пейзаж, пастораль, натюр-морт, групповой портрет:

А. Ван Дейк	
Н. Пуссен	
Ф. Хальс	
Ф. Снейдерс	

15. Рациональность, гармоничность, идеал героического, обращение к античному идеалу – черты, характерные для стиля (направления):

- а) классицизм
- б) рококо
- в) барокко
- г) маньеризм

16. Жанр героического пейзажа предполагает:

а) обязательное включение в пейзаж мифологических персонажей как центрального предмета изображения

б) обязательное включение в пейзаж мифологических героев как символа одухотворенности мира, но они почти незаметны среди огромных гор, облаков, деревьев

в) обязательное включение в пейзаж героев-современников

г) отсутствие в картине мифологических персонажей и героев-современников

17. Картина Д. Веласкеса, в которой изображено зеркало, отражающее королевскую чету:

- а) «Пряхи»
- б) «Венера с зеркалом»
- в) «Менины»
- г) «Портрет инфанты Маргариты»

Ключ к варианту 1

Вопрос	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Ответ	а	в	б	а	а	Левицкий (Д.Г. Левицкий, Дмитрий Левицкий, Дмитрий Григорьевич Левицкий)	Ватто (Ж.А. Ватто, А. Ватто, Жан Антуан Ватто, Антуан Ватто)	Бернини (Л. Бернини, Лоренцо Бернини)	Рококо	г
Дидактические единицы	1	3	3	3	1	3	3	3	2	1

Вопрос	11	12	13	14	15	16	17
Ответ	а	Французский классицизм – Н. Пуссен. Фламандское барокко – П.П. Рубенс. Итальянское барокко – Л. Бернини. Рококо – Ж.А. Ватто	«Возвращение блудного сына» – Х. ван Р. Рембрандт. «Медный всадник» – Фальконе. «Хромоножка» – Х. Рибера. «Счастливые возможности качелей» – Ж.О. Фрагонар	А. Ван Дейк – аристократический портрет. Н. Пуссен – героический пейзаж. Ф. Хальс – групповой портрет. Ф. Снайдерс – натюрморт	а	б	в
Дидактические единицы	4	3	4	2	1	2	4

Вариант 2

- Екатерининский классицизм – это:
 - исторический стиль
 - историко-региональный стиль
 - направление в искусстве
 - манера, творческий метод
- Русский художник, автор знаменитого портрета М.И. Лопухиной:
 - Д.Г. Левицкий
 - В.Л. Боровиковский
 - Ф.С. Рокотов
 - А.П. Лосенко
- Проектировщик площади св. Петра в Риме:
 - Л. Бернини
 - Ф. Борромини
 - Дж. дела Порта
 - К. Мадерна
- Автор памятника К. Минину и Д. Пожарскому:
 - М.И. Козловский
 - Ф.И. Шубин
 - Ф.Ф. Щедрин
 - И.П. Мартос
- В.Л. Боровиковский, Ж.Б. Грез – представители:
 - сентиментализма
 - рококо
 - классицизма
 - барокко
- Русский художник, представитель академического классицизма XVIII в., автор картин «Владимир и Рогнеда», «Прощание Гектора с Андромехой» – ____.
- Английский гравер и живописец, создатель серий картин «Карьера мота», «Модный брак» – ____.
- Представитель английского Просвещения, художник, создатель картин «Младенец Геркулес, удушающий змей», «Сара Сиддонс в образе музы трагедии» – _____.
- Героический пейзаж – жанр, характерный для стиля _____.

10. Последовательность развития видов натюрморта (по Б.Р. Випперу):

- портрет («охотничий натюрморт») и бытовой жанр (“peinture de genre” Ж.Б. Шардена), интерьер (“stilleven”), “nature morte” неоклассицизма, связь с историческим жанром, пейзажный натюрморт, «живопись предметов» (П. Сезанн)
- интерьер (“stilleven”), портрет («охотничий натюрморт») и бытовой жанр (“peinture de genre” Ж.Б. Шардена), “nature morte” неоклассицизма, связь с историческим жанром, пейзажный натюрморт, «живопись предметов» (П. Сезанн)
- интерьер (“stilleven”), портрет («охотничий натюрморт»), “nature morte” неоклассицизма, бытовой жанр (“peinture de genre” Ж.Б. Шардена), связь с историческим жанром, пейзажный натюрморт, «живопись предметов» (П. Сезанн)
- бытовой жанр (“peinture de genre” Ж.Б. Шардена), интерьер (“stilleven”), портрет («охотничий натюрморт»), “nature morte” неоклассицизма, связь с историческим жанром, пейзажный натюрморт, «живопись предметов» (П. Сезанн)

11. Последовательность создания произведений Х. ван Р. Рембрандта (эволюция творчества):

- «Автопортрет с Саскией на коленях», «Ночной дозор», «Святое семейство», «Возвращение блудного сына»
- «Ночной дозор», «Возвращение блудного сына», «Автопортрет с Саскией на коленях», «Святое семейство»
- «Святое семейство», «Ночной дозор», «Возвращение блудного сына», «Автопортрет с Саскией на коленях»
- «Автопортрет с Саскией на коленях», «Возвращение блудного сына», «Ночной дозор», «Святое семейство»

12. Установите соответствие между художественными стилями и представителями этих стилей (напротив наименования стиля впишите соответствующую фамилию из предложенного перечня): Я. Йорданс, К. Лоррен, Ж.О. Фрагонар, Л. Бернини, В.К. Хеда, Д. Веласкес:

Французский классицизм	
Фламандское барокко	
Голландское барокко	
Рококо	

13. Установите соответствие между произведением и автором (напротив наименования произведения впишите соответствующую фамилию из предложенного перечня): Л. Бернини, П.П. Рубенс, Ж.О. Фрагонар, Ф. Буше, Д. Веласкес, Ж.А. Ватто:

«Портрет Елены Фоурмен с детьми»	
«Экстаз св. Терезы»	
«Пряхи»	
«Жиль»	

14. Установите соответствие между автором и характерным для него жанром (напротив фамилии впишите наименование жанра из предложенного перечня): бытовой жанр, пастораль, героический пейзаж, групповой портрет, натюрморт цветочный, натюрморт охотничий:

Ф. Буше	
Н. Пуссен	
Ф. Хальс	
В.К. Хеда	

15. Театральность, идеал юности и женственности, обращение к любовным сюжетам, «галантным празднествам», пасторальным сценкам – черты, характерные для стиля (направления):

- классицизм
- рококо
- барокко
- маньеризм

16. Жанр «бодегон» («бодегонес»):

- разновидность натюрморта «суета сует»
- в переводе с испанского обозначает «харчевня»
- в переводе с французского «пастушеская сцена»

17. Памятник русского классицизма (архитектор А.Н. Воронихин), собор, в котором похоронен М.И. Кутузов:

- Петропавловский
- Исаакиевский
- Казанский
- Христа Спасителя

Ключ к варианту 2

Вопрос	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Ответ	б	б	а	г	а	Лосенко (А. Лосенко, А.П. Лосенко, Антон Лосенко, Антон Павлович Лосенко)	Хогарт (У. Хогарт, Уильям Хогарт)	Рейнолдс (Дж. Рейнолдс, Джошуа Рейнолдс)	Классицизм (классицизма, французского классицизма)	б
Дидактические единицы	1	3	3	3	1	3	3	3	2	

Вопрос	11	12	13	14	15	16	17
Ответ	а	Французский классицизм – К. Лоррен. Фламандское барокко – Я. Йорданс. Голландское барокко – В.К. Хеда. Рококо – Ж.О. Фрагонар	«Портрет Елены Фоурмен с детьми» – П.П. Рубенс. «Экстаз св. Терезы» – Л. Бернини. «Пряхи» – Д. Веласкес. «Жиль» – Ж.А. Ватто	Ф. Буше – пастораль. Н. Пуссен – героический пейзаж. Ф. Хальс – групповой портрет. В.К. Хеда – натюрморт цветочный	б	б	в
Дидактические единицы	4	3	4	2	1	2	4

Литература

- Виппер, Б.Р. Проблема и развитие натюрморта / Б.Р. Виппер. – СПб., 2005.
- Власов, В.Г. Стили в искусстве: словарь: в 3 т. / В.Г. Власов. – СПб., 1995 – 1997.

- Ильина, Т.В. История искусств. Западноевропейское искусство / Т.В. Ильина. – М., 2008.
- Ильина, Т.В. История искусств. Отечественное искусство / Т.В. Ильина. – М., 2007.

СПЕЦИФИКА ОБРАБОТКИ ИНФОРМАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ИНТУИТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

В данной статье анализируется специфика обработки информации в процессе интуитивного мышления и прогнозирования, проблема малоизученная, но актуальная в условиях постоянных изменений окружающего мира и самого субъекта мышления и прогнозирования. Рассматриваются физиологические механизмы интуитивного мышления, интуиции, операции обработки информации, а также условия активизации интуитивного мышления в целях успешного прогнозирования и решения мыслительных задач.

Прогнозирование, прогноз, интуиция, интуитивное мышление, дискурсивное мышление, правое и левое полушарие, информация, операции обработки информации, эмоции, задача, решение.

The article considers the specificity of processing the information in the course of intuitive thinking and forecasting, the problem is insufficiently known, but actual in the conditions of constant change of world around and the subject of thinking. Physiological mechanisms of intuitive thinking, intuition, operation of information processing and conditions of activation of intuitive thinking with a view of successful forecasting and decision of cogitative problems are considered.

Forecasting, forecast, intuition, intuitive thinking, discourse thinking, the right and left hemisphere, information, operations of information processing, emotion, problem, decision.

Несомненно, прогнозирование связано с развитием как интуитивным, так и дискурсивным мышлением. Согласно А.В. Брушлинскому [3, с. 204], «всякое мышление есть прогнозирование, но не наоборот, т.е. не всякое прогнозирование есть мышление», это обосновывается наличием физиологических, психологических, а иногда и технических механизмов управления прогнозированием.

Мысленное прогнозирование связано с решением определенной задачи, когда некоторые свойства объекта предвосхищаются, происходит глубокое по своей сути *обобщение* соотношений этих свойств, способов их познания. В результате прогнозирование это «живой мыслительный процесс», а не «дизъюнктивный выбор из альтернатив» [3]. Прогнозирование нуждается в строгой логичности выстраиваемых схем, точных статистических подсчетах вероятности события и других методах рационального познания действительности. Однако при совершении научных открытий, а также в сложных условиях, при повышенной динамике изменений, лимите времени и других обстоятельствах, затрудняющих процесс прогнозирования хода развития (событий) и принятия решения на первое место встают интуитивные решения.

Говоря о физиологических механизмах интуитивного познания и прогнозирования, можно смело утверждать, основываясь на исследованиях А.Р. Лурия [6], важность роли лобных долей. Иначе говоря, планирование, предвидение и другие проявления интеллектуального поведения, по-видимому, во многом зависят от активности лобных долей коры головного мозга. Прогнозирование и интуитивное мышление невозможны без какого-либо эмоционального сопровождения, положительного или отрицательного. Исследования В. Пенфилда показали

также возможность вызывания эмоционального состояния при раздражении электродами некоторых участков головного мозга без вспоминания о каком-либо событии. Опыты также показали, что определенные участки мозга ответственны за воспроизведение событий, что сопровождается переживанием эмоций в зависимости от субъективной важности события [2, с. 327].

Интуитивное мышление сильно отличается от мышления дискурсивного, и на современном этапе развития психологической науки мы сталкиваемся с необходимостью определить различия в их физиологических механизмах.

Механизм интуиции [4] связан с накоплением и обработкой информации в одном полушарии и передачей подготовленного в этом полушарии варианта решения для реализации, завершения или осознания в другое полушарие. Дискурсивное мышление связано с работой тех зон коры головного мозга, которые обеспечивают гностические (познавательные) функции, начиная от тех, которые служат основой для более элементарных психических процессов, например ощущения, и заканчивая более сложными. Значимую роль играют и речевые центры коры головного мозга, так как мышление человека по своей сути носит вербальный характер. Если интуитивное мышление задействует в большей степени правое полушарие (известные мыслительные операции будут рассмотрены позднее), то дискурсивное мышление больше связано с левым, «вербальным» полушарием. Лобные доли, отвечающие за целенаправленную активность, задействованы в обоих случаях [6]. В итоге задачей психологии мышления и прогнозирования становится поиск специфики обработки информации в каждом полушарии, а также методов произвольной регуляции их работы и развития мыш-

ления, необходимого в ходе прогностической деятельности. Одним из ключевых моментов является состояние человека – эмоциональный фон повышается на некую величину, в результате процесс осознания интуитивного решения становится возможным и вероятным.

Если индивид не доверяет собственным ощущениям, информации полученной в результате обработки подпороговых импульсов, интуитивно принятому решению, то процесс интуитивного мышления затрудняется или даже становится невозможным. Отсюда можно сделать вывод о необходимости развитой саморефлексии, самосознания как условия интуиции и успешного прогнозирования.

Интуитивное мышление протекает не в сознании, а вне его. И по-прежнему открытым остается вопрос: к какой сфере следует отнести процесс интуитивного мышления – бессознательного, неосознаваемого, подсознания или же «надсознания»? Ж. Адамар называл эту сферу поверхностным подсознанием, или «краевым сознанием» [1, с. 43]. Этот вопрос тем более сложный, что разграничение данных понятий в психологической науке еще не завершено и до сих пор они являются многозначными. Так, согласно Е.И. Рогову, концептуальный анализ современного научного понимания бессознательного разделяется на два основных направления: теорию психоанализа, где бессознательное и сознание – взаимоисключающие элементы психической деятельности, и теорию неосознаваемой психологической установки, опирающуюся на идею целостной психики, представление о фундаментальном единстве человеческой личности [8, с. 47].

Р.М. Грановская [4] выделяет три операции обработки информации, в ходе которых задействована интуиция: конденсация, смещение и символическая трансформация. Все три операции протекают в правом полушарии. Об обработке в правом полушарии известно мало и главным образом потому, что эти способы не осознаются. Еще З. Фрейд предпринял попытку выделения неосознаваемых операций обработки информации, описав две из них – конденсацию и смещение.

Конденсация – совмещение разнородных элементов в единый образ. Основой для данной операции является развитие пространственного воображения с помощью реального манипулирования предметами или моделями условий обстановки. Подобная тренировка у детей происходит в игровой деятельности, при конструировании. Для взрослых с этой целью используется, например, метод моделирования (имитация условий полета на специальных тренажерах). Другой тип конденсации (не в моторной сфере, а в сфере восприятия) формируется при восприятии сказки, усвоении социальных стереотипов, в процессе социализации, проявляется, в частности, в обобщенных социальных портретах. Так, большинство людей представляют себе общие черты лиц различных национальностей и могут отличить немца от испанца, француза от китайца, англичанина от итальянца. Многие, не зная, по существу, иностранных языков, могут отличать немецкую речь от английской, английскую от французской, французскую

от испанской и т. д. Однако признаки, по которым осуществляется различие, обычно не осознаются: если людей попросить перечислить характерные черты внешнего облика представителей этих национальностей или языка, то большинство будет испытывать затруднения.

В этом случае такой во многом вербальный продукт, как метафора, возникает на основе операций, сходных с конденсацией, отражает взаимосвязь между контекстами, воплощая обобщенную новую идею, и тем самым облегчает, стимулирует перенос мыслей с одного контекста на другой, т. е. способствует ассоциативному установлению между ними новых связей.

Смещение – это процесс, при котором внимание направляется из центра на периферию, представление мыслей о значимых событиях и предметах посредством второстепенных эмоционально несущественных деталей, выявляющих скрытое, но личностно-значимое для человека содержание этих событий. Такое преобразование неоднозначно, так как второстепенных деталей много и результат смещения трудно предсказать. Особенно ярко смещение проявляется в сновидениях. Смещение в некотором смысле родственно метонимии, переименованию – употреблению названия одного предмета вместо названия другого – на основании внешней или внутренней связи между ними. Здесь потребуются различать смещение как мыслительную операцию и защитный механизм замещения, к результатам и показателям которого относятся в том числе, и некоторые компоненты сновидений (выделяют замещение объекта, замещение потребности и замещение деятельности).

Символическая трансформация – операция, в некотором смысле обратная смещению. Это замещение сложного содержания символом, в котором игнорируются все эмоционально несущественные элементы и усиливаются эмоционально значимые. Символов, соотносимых с одним содержанием, может быть множество в зависимости от изменения эмоционального состояния человека и его ценностных ориентиров.

За счет этих мыслительных операций информация не только подвергается существенному изменению и возможно выделение новых смыслов, но и снимаются ограничения на обработку информации. В частности, символическая трансформация переводит информацию как бы в другие единицы, и то, что ранее требовало большого объема памяти, уже «занимает значительно меньше места». Представим себе текстовое описание пейзажа со всеми подробностями. Сколько времени и усилий понадобилось бы, чтобы заучить его! Но если заменить описание образом или «картинкой», то мы легко сможем воспользоваться ею (воспроизведение требует меньше усилий), и подобно изображению в компьютере, его легче и хранить и модифицировать по нашему усмотрению, причем как по деталям, так и целиком. Меня огромный поток информации на модель (вспомним изображение полета ракеты на мониторе) человек уже способен управлять тем, что раньше было за пределами его перцептивных способностей. Точно так сведение к символу помогает оперировать большим количеством информации.

Известны способы, помогающие развить интуицию в процессе решения творческих задач. Так, для облегчения операции смещения служит сознательное торможение подробного, тщательного анализа задачи, выделения в ней значимой детали. Следует сместить внимание с центральных на этот момент деталей и особенностей задачи на задачу в целом, сделать попытку усмотреть общие отношения, пропорции, композицию и провести эмоциональную оценку данных [4]. Подобный тренинг реализуется через концентрацию внимания не на содержательных, а на эстетических критериях как форме скоростной целостной оценки: красиво ли, гармонично ли, приятно ли будет, если мы подойдем к этому с такой-то стороны и выберем такое-то решение? Интуитивные гипотезы чаще формулируют те ученые, которые умеют воспринять всю область своих исследований в целом и почувствовать в ней определенный порядок и гармоничную структуру. Известно, например, что Эйнштейн поверил в свою общую теорию относительности потому, что почувствовал ее внутреннюю стройность и гармоничность. В данном случае он опирался на эстетический критерий, который не является единственным, по мнению многих исследователей.

В частности, на основе анализа научных источников мы можем выделить критерий практики; критерий истинности, обусловленный способностью различения истины от заблуждения (пример, интуитивное недоверие, логическое обоснование которого не всегда возможно); статистический критерий вероятности, «правдоподобности»; критерий прошлого опыта; критерий полезности (в том смысле, что в него вкладывали представители прагматизма). Использование того или иного критерия ограничено рамками и характером задачи, конкретными условиями деятельности, а также зависит от индивидуальных особенностей человека.

Простые задачи, в которых требуется задействовать интуитивное мышление, часто называют задачами типа «Ага»:

1. Две колеи рельсов идут параллельно, за исключением того места, где они проходят в тоннель. Тоннель слишком узок, чтобы вместить две колеи, и по всей длине тоннеля дорога становится однопутной. Однажды один поезд вошел в тоннель с южного конца, а другой – с северного. Оба состава шли в противоположных направлениях с предельной скоростью, но крушения не произошло. Почему?

2. Три студента пошли в ресторан пообедать, сложились по десять рублей. Обед стоил двадцать пять рублей. Сдачи было пять рублей, но официант подумал, что пять на троих не делится, и сдал им по рублю, а два рубля положил себе в карман. В итоге студенты заплатили по 9 рублей (всего двадцать семь рублей), два рубля остались у официанта в кармане. В сумме оказалось двадцать девять рублей. Найти недостающий рубль.

Решение задачи предстанет перед нами, если мы сумеем отойти от навязанного хода рассуждений. Вся задача должна представляться в комплексе, как одно целое. Когда человек пристально вглядывается только в определенное место, где ожидаются изме-

нения, он, скорее всего, не увидит весьма важных преобразований, готовых произойти вне поля его внимания. Если он сфокусирован на одной части объекта (проблемы), то трудно оценить взаимоотношения этой части с окружающим. Поэтому и говорят, что для активизации интуитивного решения человек должен стимулировать периферическое (латеральное) мышление, т.е. развивать операции смещения. Правильное применение его связано с некоторой отстраненностью – нельзя слишком близко подходить к какой бы то ни было части, чтобы не утратить представление о ее положении внутри целого. Именно периферическое восприятие способствует усмотрению того, что не ожидалось, не планировалось, что невозможно было предвидеть.

Для продуктивной активизации интуиции нужно не только воспринять проблему в целом, но и уметь оперировать ею как монолитным объектом. Вместо обозрения проблемы по частям следует пробовать изменять, трансформировать всю ее сразу. Одновременное представление и преобразование всего объекта – типично правосторонняя операция, она будет облегчать конденсацию и способствовать направлению мысли в желаемое русло.

Полушария головного мозга взаимно тормозят друг друга (они реципрокны). Поэтому, желая способствовать растормаживанию правого полушария, необходимо создавать условия торможения левого полушария. Для этого можно постараться не выделять крупным планом какую-либо деталь задачи (проблемы). Такое акцентирование на детали – функция левого полушария. Выделение определенных деталей может существенно исказить взгляд на проблему, способствовать недооценке каких-то других частных особенностей и повлечь ограниченность в выдвижении гипотез или версий решения. В этом смысле полезен прием обобщенного взгляда на проблему, применяемый в методе «мозгового штурма» («мозговых атак» или коллективной генерации идей).

Операции конденсации, смещения, символической трансформации функционально относятся [2] к правому полушарию: поскольку правосторонние операции не осознаются, а только переживаются, возникает потребность повысить чувствительность к своим смутным ощущениям, научиться понимать их и доверять этому пониманию. Очень часто собственные переживания кажутся человеку сначала неясным хаосом чувств и настроений, но в некоторый момент в его представлении на первый план выдвигаются черты, которые более или менее похожи на то, о чем он слышал или видел у других людей. И только тогда эти черты становятся существенными для его мысли и объединяются в его сознании в нечто целое, а все остальное богатство ощущений уходит из поля внимания и мало-помалу стирается в сознании.

Если человек недостаточно доверяет себе, то его переживания незаметно обедняются и преобразуются сообразно тем схемам, которые он воспринял от окружающих людей. Поэтому полезно научиться доверять себе больше и самостоятельно структурировать свои чувства в представления, усиливая тем самым символическую трансформацию. С этой це-

лью можно, например, тренироваться в отгадывании значения слова при его подпороговой экспозиции, т.е. пытаться догадаться, что это за слово еще до достижения интервала времени или яркости, достаточных для однозначного порогового различения. Обнаружив, что часто правильно отгадывает эти слова, т.е. может использовать слабые сигналы, человек начинает больше доверять себе, чаще опирается на свои еще не отчетливые ощущения. Особенно полезна подобная тренировка для представителей точных наук: гуманитарии и люди искусства в среднем чувствительнее к подпороговым импульсам. На уровне эмпирической проверки замечена взаимосвязь полезности и полнезависимости с прогностическими способностями, причем в одних случаях полезность помогает прогнозировать среду (внимание к стимулам среды), в других случаях – полнезависимость (концентрация на искомом предмете).

Если человек снимет возникшее напряжение и приведет себя в состояние релаксации, то в этом состоянии будет облегчено восприятие подпороговой информации вследствие активизации работы подсознания. Если перед релаксацией предварительно информировать и ориентировать на желаемые критерии качества решения, то это создаст благоприятные условия для перехода подсознательно накопленной информации в сознание. В этом плане важным является владение способами регуляции психофизиологического состояния.

Полезным считается временное отключение от проблемы. Ж. Адамар [1] приводит пример Ж.А. Пуанкаре, обдумывавшем автоморфные функции в виде отношения двух рядов: «...эта идея была совершенно сознательной и обдуманной; мной руководила аналогия с эллиптическими функциями. Я спрашивал себя, какими свойствами должны обладать эти ряды, если они существуют, и мне без труда удалось построить эти ряды, которые я назвал тета-автоморфными. В этот момент я покинул Кан, где я тогда жил, чтобы принять участие в геологической экскурсии, организованной Горной школой. Перипетии этого путешествия заставили меня забыть о моей работе. Прибыв в Кутанс, мы сели в омнибус для какой-то прогулки; в момент, когда я встал на подножку, мне пришла в голову идея безо всяких, казалось бы, предшествовавших раздумий с моей стороны, – идея о том, что преобразования, которые я использовал, чтобы определить автоморфные функции, были тождественны преобразованиям неевклидовой геометрии. Из-за отсутствия времени я ничего не проверил и, едва сев в омнибус, продолжал начатый разговор, но я уже был вполне уверен в правильности сделанного открытия. По возвращении в Кан я на свежую голову и лишь для очистки совести проверил найденный результат» [1, с. 17].

В некоторых случаях решение приходит во сне. Ж. Адамар рассказывал случай уже из своей биографии: «Однажды, когда меня внезапно разбудил посторонний шум, мгновенно и без малейшего усилия с моей стороны мне в голову пришло долго разыскиваемое решение проблемы – и путем, совершенно отличным от всех тех, которыми я пытался ее ре-

шить ранее» [1, с. 13]. Естественно, нельзя переоценивать значения слов и надеяться, что решение проблемы придет в голову само собой, но и пренебрегать такими возможностями, полностью отрицать их реальность также нельзя.

На начальных этапах решения полезно уяснить не столько то, что желательно получить, сколько личную значимость ожидаемого результата. Повышение эмоциональной вовлеченности создает оптимальные условия для символической трансформации и тем самым для последующего поиска в памяти конкретного решения с помощью организации зоны направляющих стимулов. Выявление в первую очередь эмоциональных оценок и общего отношения к предмету отчетливо обнаружилось в следующем эксперименте. Опытным преподавателям предложили всесторонне охарактеризовать студента по представленному в их распоряжение личному делу, включавшему анкету, автобиографию, фотографию и образец письменной работы студента. Они должны были произвести анализ материалов личного дела по определенной, общей для всех схеме. Все 400 преподавателей работали с одним и тем же личным делом. Суть эксперимента состояла в том, что в половину личных дел вклеили фотографию симпатичного, серьезного и вдумчивого молодого человека, а в другую – фотографию малопривлекательного человека того же возраста. Оказалось, что, располагая массой объективных данных, подавляющее большинство преподавателей ориентировалось лишь по фотографии. Результаты были таковы: малая часть преподавателей дала нейтральное заключение, остальные разделились пополам в точном соответствии с предложенной фотографией [9, с. 269].

Ощущение проблемы как диссонанса между имеющимся и желаемым вызывает у человека определенное познавательное напряжение, которое может разрешиться либо отысканием логического решения (левополушарный процесс), либо внезапным усмотрением решения как новой структуры исходных данных – инсайтом (правополушарный процесс).

У некоторых народов давно существуют упражнения, которые с помощью специальных, логически неразрешимых задач повышают познавательное напряжение до такой степени, что происходит срыв логического мышления и скачок к другому типу мышления (по нашей терминологии – к правостороннему). Так, коапы в системе дзен – это специфические парадоксы, вопросы-загадки. Для их решения необходимо особым образом сосредоточиться, преодолеть формально-логический подход, перейти с помощью смещения и трансформации к подсознательно-ассоциативному мышлению. Полезно всматриваться вглубь проблемы до тех пор, пока не возникнет ощущение слияния с миром, теряется граница «я», сознание включается в поток конкретной ситуации и внимание сливается с объектом восприятия, что обеспечивает тотальную переработку информации от объекта. Возникает возможность воспринимать объективную действительность целостно, без разбиения на детали.

При решении задачи оправдано стремление мак-

симально опираться на предметы и образы, модели и картины, тем самым стимулируя конденсацию. Прилагая усилия для решения задачи в плане образа, человек выделяет из каждого образа, вовлекаемого в решение, богатую дополнительную информацию. При этом в анализ включается много индивидуально неповторимых черт каждого образа, теряющихся в акте логического вывода, связанного с выбором адекватных категорий. Например, эффективны упражнения по сведению словесных задач, представленных в языке последовательно, в воспринимаемые одновременно, зрительно, с предметной наглядностью схемы.

Пробуждает творческую фантазию интуиции предъявление задач с недостающими элементами, как если бы кто-то уже нашел решение, но оно частично потеряно или неизвестно полностью. Здесь снимается ряд психологических барьеров: не надо бояться войти в противоречие с законами природы (существование решения доказано), не надо страшиться авторитетов (ведь кто-то уже решил). Указанный прием хорошо работает, когда неполное решение предлагается в неблагоприятных условиях восприятия или при дефиците времени, когда необходимо сделать прогноз, принять решение, а ресурсов дискурсивного мышления для этого недостаточно.

Согласно А.А. Налчаджяну [7], для нахождения аналогии между ранее решенными и актуально анализируемыми задачами необходимо достигнуть установления их внутреннего структурного единства. Поэтому процесс анализа должен сопровождаться попытками сознательной актуализации и сравнения. Это увеличит вероятность подсознательного сравнения и получения идеи решения, часто «невозможной» для сознания. Кроме того, найденное решение по-новому освещает процесс анализа и даже условия задачи. В результате А.А. Налчаджян говорит о том, что: а) подсознательное мышление имеет место не только после прекращения сознательного анализа, но и параллельно с ним и им же обуславливается; б) неполнота анализа задачи присутствует даже тогда, когда решение уже налицо.

Достаточно интересно в этом контексте исследование Я.А. Пономарева [10], он варьировал время прерывания решения основной задачи, перед тем как предъявить задачу-подсказку. Если прерывать первоначальные попытки решения основной задачи в самом их начале, задача-подсказка не помогает; если прерывать эти попытки примерно в середине поиска, задача-подсказка помогает примерно половине решающих; наибольшему числу людей задача-подсказка помогает, если первоначальные попытки решения прерываются во второй половине поиска. Если первоначальные попытки решения основной задачи не прерываются и решающий приходит к выводу, что задача нерешаема, то задача-подсказка не помогает.

Наличие задачи-подсказки не всегда является явным, так как время решения такой задачи не обязательно бывает между попытками решить основную задачу, проблему. Часто мы так и не осознаем, что же нас натолкнуло на верную мысль или образ. Тем не

менее «подсказка» является «толчком», «пусковым механизмом» для срабатывания интуиции. В науке такими примерами являются яблоко, упавшее на И. Ньютона и вызвавшее идею всемирного тяготения, паутина между ветвями, натолкнувшая инженера-мостовика С. Броуна на идею висячего моста и мн. др. [2, с. 329].

Все перечисленные приемы активизируют правое полушарие, способствуя включению его в творческий процесс. Оба полушария играют в интуиции каждое свою роль. Логика гарантирует достоверность и служит орудием доказательства. Правосторонняя обработка, способствуя целостному восприятию, служит орудием изобретательства. Интуитивный и осознанный процессы выбора решений тесно переплетаются и представляют собой последовательность логических и подсознательных этапов. Плодотворной подсознательной деятельности может предшествовать программа поиска – ряд логических рассуждений, сужающих и ограничивающих интуитивный поиск. Реальный процесс открытия не всегда подчинен логике, но оформление полученных результатов в научный текст не может быть осуществлено вне логики – формулирование гипотезы требует указания ее логических связей с известными законами.

Известна мысль об относительности любого знания, поскольку оно (как и собственно истина) верно лишь в определенных условиях, известна и фраза, что истина, высказанная вслух, перестает быть истинной. Видимо, только интуитивное знание может быть истинным, но при «оформлении во внешнюю форму» оно теряет свою определенность, так как, с одной стороны, жестко «привязывается» к словам, а с другой – появляется многозначность толкования, и отбрасываются несущественные детали (а насколько они несущественны?).

Сам уровень сформированности прогностического мышления на основе анализа работ Ж. Адамара, А.В. Брушлинского, Р.М. Грановской, Я.А. Пономарева и других ученых можно определять на основе следующих критериев обработки информации и выработки решения [3]:

1. Использование или неиспользование подсказок, объективно содержащих принцип или звено решения основной задачи. Чем успешнее используются подсказки, тем выше уровень прогнозирования.
2. Частота решения задачи путем инсайта. Инсайт характерен для людей с высоким уровнем предвосхищения (по крайней мере, в области задач, решаемых с помощью инсайта).
3. Уверенность или неуверенность на этапе анализа условий задачи. Сомнение на этапе принятия условий задачи дает установку на сомнение в возможности адекватного решения – человек как бы заранее оправдывается в своей возможной неудаче.
4. Умение верно квалифицировать промежуточные и конечные решения задачи, другими словами, определять завершенность или незавершенность выполнения задачи, получение всех возможных результатов или только их части.
5. Уверенность или неуверенность в правильности найденного решения и способе его получения.

Развитое прогностическое мышление предполагает уверенность в своих возможностях.

6. Умение отходить от навязанного хода рассуждений, искать альтернативные ему. Здесь проявляются уровень конформности личности и творческие способности.

7. Умение приводить себя с помощью саморегуляции в такое состояние, которое будет максимально способствовать интуиции, успешному прогнозированию, решению поставленной задачи. Оптимальный уровень психического напряжения в этом случае индивидуален и зависит от личностных особенностей.

8. Умение интегрировать полученный ранее опыт и применять его в новых условиях, на задачах иного типа. Особенно это важно при обстоятельствах, когда полная, точная, своевременно поступающая информация недоступна или действуют другие ограничения, например, во времени. Данное свойство есть основа развитой интуиции.

В сложных ситуациях хорошо развитое воображение, освобожденное от давления многих внутренних запретов и подстегиваемое дефицитом времени, работает автоматически и может восполнить пробелы сенсорной информации, но должно быть ощущение решаемости задачи.

Следует добавить, что развитие способности к интуитивным решениям не только стимулирует творческие возможности, но и дает важное преимущество в общении. Поведение людей, способных к интуитивным решениям, трудно предсказать, и поэтому ими сложнее манипулировать. И, наоборот, те, кто не обладают развитой интуицией, оказываются в известном проигрыше, ими легче манипулировать, поскольку их поведение направляется по высоковероятному и поэтому легко предсказуемому пути.

Вероятностный, условно-конкретный характер прогноза, порождаемый неопределенностью будущего и трудностями его познания, открывает простор для инициативы, развития личности, дает возможность избежать многих ошибок и стимулирует твор-

ческую энергию [5, с. 558]. Не следует забывать и о «самооправдывающем» прогнозе. Негативный прогноз ориентирует на неуспех, неудачу, делает человека уязвимым и направляет его действия в такое русло, чтобы подтвердить очевидность тщетности любых усилий на пути к цели. Позитивный прогноз при адекватной самооценке и реалистичной оценке объективной действительности, напротив, ставит вопрос перед человеком уже не о возможности/невозможности успеха, а о способах его достижения. Таким образом, позитивное мышление также является необходимым условием интуитивного мышления и успешного прогнозирования.

Литература

1. Адамар, Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики / Ж. Адамар; пер. с фр. – М., 1970.
2. Алексеев, П.В. Философия / П.В. Алексеев, А.В. Панин. – М., 2001.
3. Брушлинский, А.В. Мышление и прогнозирование: логико-психологический анализ / А.В. Брушлинский. – М., 1979.
4. Грановская, Р.М. Элементы практической психологии / Р. М. Грановская. – Л., 1988.
5. Калаков, Н.И. Методология прогностического исследования в глобалистике (на материале анализа прогнозирования социально-образовательных процессов) / Н.И. Калаков. – М., 2010.
6. Лурия, А.Р. Высшие корковые функции человека / А.Р. Лурия. – СПб., 2008.
7. Налчаджян, А.А. Некоторые психологические и философские проблемы интуитивного познания (интуиция в процессе научного творчества) / А.А. Налчаджян. – М., 1972.
8. Общая психология: Курс лекций для первой ступени педагогического образования / сост. Е.И. Рогов. – М., 2003.
9. Основы педагогики и психологии высшей школы / под ред. А.В. Петровского. – М., 1986.
10. Пономарев, Я.А. Психика и интуиция / Я.А. Пономарев. – М., 1967.

УДК 331.101.32: 378.12

В.Б. Никишина, И.В. Запесоцкая

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ КАК КРИТЕРИЙ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У ПЕДАГОГОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

В статье исследуется процесс формирования профессиональной идентичности педагогов высшей школы. Определена интегрирующая функция удовлетворенности в процессе формирования профессиональной идентичности. Выявлено, что удовлетворенность как эмоциональное отношение субъекта к осуществляемой деятельности, в отличие от фактора успешности профессиональной деятельности, выступает критерием формирования профессиональной идентичности педагогов высшей школы.

Критерии профессиональной идентичности, педагоги высшей школы, успешность профессиональной деятельности, удовлетворенность профессиональной деятельностью.

The article examines the process of formation of high school teachers' identity. The integrating function of satisfaction in the process of formation of high school teachers' identity is defined. Satisfaction as subject's emotional attitude to realizing activity unlike the factor of success of professional activity is determined as a criterion of formation of high school teachers' identity.

Criteria of professional identity, teachers of high school, success of professional activity, satisfaction with professional activity.

Междисциплинарный статус категории идентичности проявляется в широком пространстве исследований психологии (психология труда [5], [6], организационная психология, социальная психология [1]), философии [7], [8], социологии [11] и др.

Анализируя современные теории и подходы профессиональной идентичности [2] – [4], [9], [10], можно увидеть, что в данном феномене выражается взаимосвязь когнитивных, мотивационно-ценностных и поведенческих характеристик личности, обеспечивающих ориентацию в мире профессий, профессиональном сообществе и широком социальном окружении, позволяющих более полно реализовывать личностный потенциал в профессиональной деятельности, а также прогнозировать возможные последствия профессионального выбора и наметать перспективы личностного развития. Профессиональная идентичность характеризует значимость для человека профессии и профессиональной деятельности как средства удовлетворения своих потребностей и развития своего индивидуального ресурса.

Исследования профессиональной идентичности в отечественной психологии реализуются в принципе системности и структурности психических явлений, принципе генетически взаимосвязанных уровней идентичности, в принципе единства теории и практики при формировании идентичности в процессе освоения и выполнения профессиональной деятельности.

Так, З.В. Ермакова [2], рассматривая профессиональную идентичность как конгруэнтность профессионально-ментальной позиции относительно компонентов образа профессии и профессиональной Я-концепции, характеризует степень соответствия субъективного образа себя как профессионала представлениям о требованиях профессии, отражает отношение человека к выбранной деятельности, профессиональным нормам, ценностям и традициям.

Помимо того, что профессиональная идентичность обеспечивает адаптацию человека к меняющимся условиям труда, она также выполняет стабилизирующую (через обеспечение необходимой степени устойчивости профессионально-ментальной позиции) и преобразующую (через побуждение к дальнейшему профессиональному саморазвитию) функции, тем самым обеспечивает равновесие между уровнем профессионализма человека и требованиями, предъявляемыми профессиональной средой.

Е.П. Ермолаева [3] рассматривает профессиональную идентичность в соответствии с современными тенденциями зарубежной психологии, в русле которой профессиональная идентичность трактуется как компонент личностной идентичности [10], обеспечивающий успешную профессиональную адаптацию, и как доминантный фактор профессиональной карьеры, базирующийся на компетентности, пригодности, интересе к работе и их балансе со средой. Понимание профессиональной идентичности как комплексной характеристики психологического соответствия всех компонентов профессиональной структуры отражает ее статус самостоятельной ценности. В отличие от профессионализма как характеристики уровня или профессионализации как харак-

теристики процесса, профессиональная идентичность выступает, прежде всего, как характеристика внутреннего соответствия субъекта деятельности социально-профессиональной среде.

Л.Б. Шнейдер [9] рассматривает профессиональную идентичность как «функциональное и экзистенциальное соответствие человека и профессии, которое включает в себя понимание своей профессии, принятие себя в профессии, умение хорошо выполнять свои профессиональные функции» [9, с. 156].

Профессиональная идентичность – это не только осознание своей тождественности с профессиональной общностью, но и ее оценка, психологическая значимость членства в ней, разделяемые профессиональные чувства, своеобразная ментальность, ощущение своей профессиональной компетентности, самостоятельности и самоэффективности, т. е. переживание своей профессиональной целостности и определенности [9].

Л.Б. Шнейдер выделяет как объективные (нормативно-правовые документы, государственные акты, регламенты профессиональной деятельности и т. д.) источники формирования профессиональной идентичности, так и внутренние: эмоционально-положительный фон, на котором происходило получение первичной и последующей информации о собственной профессии; положительное восприятие в качестве субъекта профессиональной деятельности; эмоционально-позитивное принятие своей принадлежности к профессиональному сообществу; успешное усвоение (присвоение) прав и обязанностей, норм и правил профессиональной деятельности. Инициирование становления профессиональной идентичности зависит от меры ответственности, которую специалист готов принять на себя, от соотношения процессуальной и целевой активности; от уровня личностного и «технологического» развития; от характера выраженности и самопринятия экзистенциального и функционального Я; от сильной мотивационной готовности к реализации себя на избранном профессиональном поприще, к вхождению в профессиональное сообщество, к постоянному самоисследованию и развитию своей личности, образа Я [9].

В качестве критериев профессиональной идентичности выступают удовлетворенность и успешность профессиональной деятельности. Удовлетворенность профессией – это интегративный показатель, который отражает преимущественно эмоциональное отношение субъекта к осуществляемой деятельности, ее содержанию, процессам и форме. Низкая удовлетворенность профессиональной деятельностью имеет как индивидуально-личностную проекцию (редукция профессиональных достижений), так и социальную (снижение экономической эффективности). Успешность профессиональной деятельности рассматривается как результирующая характеристика и отражает общую эффективность субъекта, включенного в систему профессиональных отношений. Успешность профессиональной деятельности педагогов высшей школы может рассматриваться в формальном аспекте, когда она оценивается по квалификационным уровням: так, первый уровень успешности соответствует преподавателям, второй –

старшим преподавателям, третий – доцентам, четвертый – профессорам.

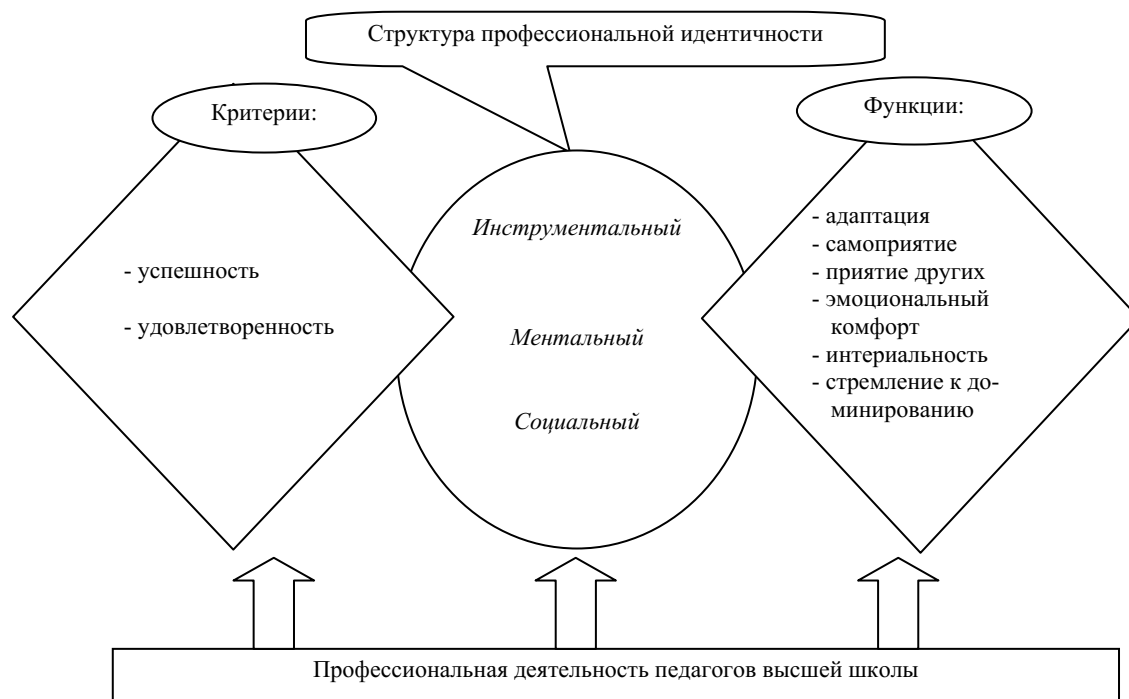
Критериальный характер успешности и удовлетворенности профессиональной деятельностью отражен в схеме концептуальной модели профессиональной идентичности педагогов высшей школы (см. рисунок). Структура профессиональной идентичности (по Е.П. Ермолаевой) имеет три измерения: инструментальный (измеряется по критерию владения субъектом операциями, навыками, знаниями), ментальный (измеряется по критерию психологического принятия субъектом правовых норм и адекватности личности этим нормам) и социальный (измеряется по критерию социальной адекватности профессиональных поступков) [3]. Социально-психологическая адаптация выступает функцией профессиональной идентичности.

При решении задачи изучения структурных параметров профессиональной идентичности у педагогов высшей школы, использовались следующие методики: методика Л.Б. Шнейдер «Изучение профессиональной идентичности»; методика А.А. Реана «Удовлетворенность избранной профессией»; методика самооценки Дембо-Рубинштейна в модификации А.М. Прихожан; тест интеллекта Векслера; методика диагностики социально-психологической адаптации (СПА) К. Роджерса и Р. Даймонда.

Эмпирическое исследование проводилось в различных высших учебных заведениях города Курска: в Курском институте социального образования (филиал РГСУ), в Курском государственном университете, в Курском государственном медицинском университете. В исследовании приняло участие 78 педагогов высшей школы, градация испытуемых осуществлялась по критерию профессиональных достижений и включала в себя 4 группы: «преподаватели», «старшие преподаватели», «доценты», «профессо-

ра». «Преподаватель» имеет высшее профессиональное образование без требований к стажу, а также ученую степень кандидата наук без требований к стажу. «Старший преподаватель» имеет высшее профессиональное образование, стаж научно-педагогической работы не менее трех лет, из них не менее 1 года педагогической работы в высших учебных заведениях, а также ученую степень кандидата наук по профилю кафедры без требований к стажу. «Доцент» имеет ученую степень кандидата по профилю кафедры и стаж научно-педагогической работы не менее 4 лет, из них не менее двух лет педагогической работы в высших учебных заведениях, а также ученую степень кандидата наук, ученое звание доцента по профилю кафедры и стаж научно-педагогической работы не менее 5 лет, из них не менее трех лет педагогической работы в высших учебных заведениях. «Профессор» имеет ученое звание профессора по профилю кафедры или ученую степень доктора наук по профилю кафедры и стаж научно-педагогической работы не менее 5 лет, из них не менее трех лет педагогической работы в высших учебных заведениях, а также ученое звание по профилю кафедры, ученую степень доктора наук по профилю кафедры и стаж научно-педагогической работы не менее 10 лет, из них не менее 5 лет педагогической работы в высших учебных заведениях.

В результате общестатистического анализа показателей удовлетворенности профессией педагогов высшей школы выявлено, что показатель выраженности соответствует высокому уровню в группе «старшие преподаватели» ($4,31 \pm 0,56$). Высокий уровень удовлетворенности избранной профессией означает положительное отношение субъекта к профессии и способствует высокому уровню профессионализма. Тогда как аналогичный показатель

Концептуальная модель профессиональной идентичности педагогов высшей школы

удовлетворенности избранной профессией в группах «преподаватели» ($3,66 \pm 0,73$), «доценты» ($4,03 \pm 15,25$) и «профессора» ($4,14 \pm 0,77$) имеет уровень выше среднего, что также означает положительное отношение субъекта к профессии и успех в достижении высокого профессионализма. В этой связи можно отметить общую тенденцию в качественном уровне удовлетворенности всех групп преподавателей высшей школы вне зависимости от уровня их удовлетворенности и специфическую тенденцию, согласно которой мотивирующая роль удовлетворенности в большей степени проявляется в группе старших преподавателей, что соотносится с положением, согласно которому данная категория преподавателей уже успешно прошла процесс профессиональной адаптации в системе высшей школы и определилась в стратегии роста карьерных возможностей. С точки зрения практического использования данных результатов, дифференцированная тенденция предполагает осуществление стратегии внутренних кадровых ротаций с целью обеспечения более высокой эффективности деятельности преподавателя высшей школы.

Решая задачу исследования взаимосвязи структурных параметров профессиональной идентичности и удовлетворенности профессиональной деятельностью, необходимо отметить очевидную роль фактора успешности в указанной взаимосвязи. Согласно полученным результатам, данный фактор выступает опосредующим звеном. Можно отметить, что в структурных взаимосвязях, отраженных в корреляционном анализе, присутствует закономерность, отражающая качественное изменение структуры профессиональной идентичности, выступающей смысловой и содержательной основой формирования эмоционального отношения – удовлетворенности – в профессиональной деятельности. Так, в группе преподавателей выявлена значимая связь между удовлетворенностью и уровнем притязаний ($r = 0,32$; $p = 0,28$), удовлетворенностью и самооценкой ($r = 0,44$; $p = 0,28$), удовлетворенностью и адаптацией ($r = 0,34$; $p = 0,28$), удовлетворенностью и самопринятием ($r = 0,34$; $p = 0,28$), удовлетворенностью и приятием других ($r = 0,40$; $p = 0,28$), удовлетворенностью и эмоциональной комфортностью ($r = 0,34$; $p = 0,28$), удовлетворенностью и интернальностью ($r = 0,31$; $p = 0,28$), удовлетворенностью и стремлением к доминированию ($r = 0,40$; $p = 0,28$). В группе доцентов значимых корреляционных связей структурных параметров и критериев профессиональной идентичности и удовлетворенности выявлено не было. В группе профессоров картина корреляционных связей иная: выявлена значимая отрицательная связь между показателями удовлетворенности и уровнем притязаний ($r = 0,24$; $p = 0,23$), а также положительная – между удовлетворенностью и осведомленностью ($r = 0,56$; $p = 0,23$), удовлетворенностью и адаптацией ($r = 0,34$; $p = 0,23$), удовлетворенностью и самопринятием ($r = 0,34$; $p = 0,23$), удовлетворенностью и эмоциональной комфортностью ($r = 0,34$; $p = 0,23$).

Необходимо отметить, что при общей тенденции выраженности уровня удовлетворенности препода-

вателей вне зависимости от их профессиональной успешности, меняется ее интегрирующая роль в структуре профессиональной идентичности. Так, самая высокая степень интегрированности удовлетворенности с параметрами профессиональной идентичности соответствует старшим преподавателям, а уже в группе доцентов удовлетворенность не обеспечивает интеграцию компонентов профессиональной идентичности, что может служить объяснением снижения темпа и качественности профессиональной успешности преподавателей, стереотипизации их деятельности. Достижение уровня успешности, соответствующего группе доцентов, проявляется в дифференцирующем соотношении удовлетворенности и успешности, т.е. данный уровень можно рассматривать как критический с точки зрения развития профессиональной идентичности. Особенности интеграции удовлетворенности и структурных компонентов профессиональной идентичности в группе профессоров свидетельствуют о проявлении качественно иного отношения к себе и своим достижениям на пути возрастания успешности, отношение перестает быть «линейным» и становится опосредованным не только самооценкой, но в большей степени когнитивным компонентом – осведомленностью. Интернальность и доминирование как компоненты адаптации, позволяющие обеспечить успешную конкуренцию, перестают быть значимыми, удовлетворенность профессиональной деятельностью в группе наиболее успешных (профессоров) определяется высоким уровнем адаптации и самопринятия.

Решая задачу изучения удовлетворенности как критерия организации профессиональной идентичности педагогов высшей школы, выявили, что информационным критерием является критерий удовлетворенности, тогда как критерий успешности не дифференцирует роль в структуре профессиональной идентичности педагогов высшей школы в зависимости от уровня успешности. Полученные результаты могут быть использованы в работе психологической службы вуза, в структурах, занимающихся повышением квалификации преподавателей, в психологическом сопровождении педагогической деятельности, при разработке программ профилактики профессионально-личностных деформаций педагогов высшей школы.

Литература

1. Андреева, Г.М. Социальная психология / Г.М. Андреева. – М., 2001.
2. Ермакова, З.В. Профессиональная идентичность социального педагога: дис. ... канд. психол. наук / З.В. Ермакова. – Владивосток, 2007.
3. Ермолаева, Е.П. Психология социальной реализации профессионала / Е.П. Ермолаева. – М., 2008.
4. Иванова, Н.Л. Структура социальной идентичности личности: проблема анализа / Н.Л. Иванова // Психол. журн. – 2004. – Т. 25, № 1. – С. 52 – 60.
5. Климов, Е.А. Психология профессионала / Е.А. Климов. – М., 1996.
6. Пряжников, Е.С. Психология труда и человеческого достоинства / Е.С. Пряжников, Е.Ю. Пряжникова. – М., 2007.

7. Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность / Ю. Хабермас. – М., 1995.
8. Хесле, В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности / В. Хесле // Вопросы психологии. – 1994. – № 10. – С. 112 – 123.
9. Шнейдер, Л.Б. Профессиональная идентичность: теория, эксперимент, тренинг / Л.Б. Шнейдер. – М., 2004.

10. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – М., 2006.
11. Ядов, В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности / В.А. Ядов // Социологический журнал. – 1994. – № 1. – С. 35 – 52.

УДК 159.922.77

Е.В. Панина

Научный руководитель: доктор психологических наук, профессор А.Ф. Филатова

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛОВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ У ПОДРОСТКОВ

В статье рассматриваются результаты исследования половых особенностей саморегуляции у подростков. Основное внимание уделено описанию самостоятельности и гибкости мальчиков и девочек.

Подросток, половые различия, самосознание, саморегуляция, самостоятельность, гибкость.

The article covers the results of research devoted to the gender features of teenagers' self-regulation. Great attention is focused on the description of boys' and girls' independence and flexibility.

Teenager, gender differences, self-consciousness, self-regulation, independence, flexibility.

Разговоры о подростке без учета того, мальчик он или девочка, беспредметны.
Д.И. Фельдштейн.

Подростковый возраст является одним из самых важных периодов жизни человека. Отечественные и зарубежные исследователи характеризуют его как исключительно сложный этап психического развития (Д.И. Фельдштейн, И.С. Кон, 1998), переходный (Л.С. Выготский, 1984; Л.И. Божович, 1995), переломный период (Е.А. Сорокоумова, 2006), период взросления, перехода от детства к взрослости (Е.Л. Солдатова, 2004; И.Ю. Кулагина, В.Н. Калюцкий, 2001; О.А. Карабанова, 2005; Е.Н. Каменская, 2006; А.Ф. Филатова, 2009), «бури и натиска» (С. Холл, 1925), возраст вхождения в культуру (Э. Шпранглер, 1931), период созревания (Ш. Бюллер, 1936), «серьезной игры» (Э. Штерн, 1996), достижения жизненного самоопределения, самотождественности (Э. Эриксон, 1996) [1] – [9], [16], [18], [20] – [22]. Будучи богатым на события (кризис, конфликты, становление чувства взрослости и т.д.) подростковый возраст определяет многие изменения в личности ребенка. Одной из сфер, претерпевающих существенные перемены, является самосознание. Оно становится более эмансипированным [15, с. 286] и уже включает в себя все компоненты самосознания взрослой личности [12, с. 406]. Именно в подростковом возрасте такие акты самосознания, как самонаблюдение, самоанализ, самоотношение, саморегуляция поведения и деятельности, становятся одной из неотъемлемых потребностей личности [17, с. 148]. Именно о саморегуляции подростков и пойдет речь в данной статье.

Изучение интересующего нас явления мы счита-

ем целесообразным вести в русле исследования половых особенностей. Как образно заметил И.С. Кон, психология долгое время оставалась «бесполой» наукой [8]. Однако современные исследователи признают важность учета половых различий при организации процесса обучения и психологического сопровождения (Д.И. Фельдштейн, А.Ф. Филатова и др.). И действительно, биологический пол и формирующаяся на его основе половая идентичность оказывают существенное влияние на развитие личности именно в подростковом возрасте: происходит усиление полоролевых ориентаций и критическое осмысление половой идентичности, формируются половые идеалы, интенсивно осваиваются мужские и женские роли [19]. Таким образом, основной целью настоящего исследования является изучение особенностей саморегуляции подростков разного пола.

Исследование особенностей саморегуляции мальчиков и девочек осуществлялось с помощью методики изучения стилевой саморегуляции поведения «Стиль саморегуляции поведения – 98» («ССП–98») В.И. Моросановой, Е.М. Коноз¹. Беседа, анкетирование и наблюдение использовались нами в качестве дополнительных методов. Выборку исследования составили учащиеся средних школ г. Омска в возрасте 14 – 15 лет (100 мальчиков и 100 девочек).

¹ Перед проведением методики «ССП–98» на выборке подростков была проведена процедура ее адаптации и рестандартизации.

Прежде чем обратиться к результатам нашего исследования, остановимся на рассмотрении структуры саморегуляции. Последняя представляет собой системно организованный психический процесс по инициации, построению, поддержанию и управлению всеми видами и формами внешней и внутренней активности, которые направлены на достижение принимаемых субъектом целей [11], [14]. В.И. Моросанова указывает на следующие процессы, составляющие структуру саморегуляции:

- *планирование* – характеризует индивидуальные особенности выдвижения и удержания целей, сформированность осознанного планирования деятельности;

- *моделирование* – позволяет определить индивидуальную развитость представлений о внешних и внутренних значимых условиях, степень их осознанности, детализированности и адекватности;

- *программирование* – характеризует индивидуальную развитость осознанного программирования человеком своих действий;

- *оценивание результатов* – характеризует индивидуальную развитость и адекватность оценки испытуемым себя и результатов своей деятельности и поведения;

- *гибкость* – определяет уровень сформированности способности перестраивать, вносить коррективы в систему саморегуляции при изменении внешних и внутренних условий;

- *самостоятельность* – характеризует развитость регуляторной автономности [10].

Все эти процессы учтены в методике «ССП-98» и составляют ее шкалы. Помимо этого, методика позволяет определить общий уровень саморегуляции субъекта.

Результаты проведенного нами исследования представлены на рисунке.

Как видно из рисунка, подавляющее большинство испытуемых демонстрируют низкий уровень развития всех процессов саморегуляции. Это свидетельствует о том, что для современных подростков является проблематичным самостоятельное выдвижение целей и их удержание, адекватная оценка результатов своей деятельности, а также корректировка своего поведения в соответствии с изменяющимися обстоятельствами. Возможно, именно это является причиной того, что образно можно обозначить как «плыть по течению», «иду, куда ветер дует». А это, в свою очередь, приводит к отсутствию мотивации к учебе (об этом часто говорят современные учителя), к пассивности относительно своей дальнейшей жизни, к неустойчивости собственной позиции, к подверженности влиянию других людей. В качестве примера приведем фрагмент беседы с мальчиком (возраст – 15 лет, успеваемость удовлетворительная):

Е.П.: *Кем ты хочешь стать по профессии?*

А.Ш.: *Бизнесменом.*

Е.П.: *А чем занимается бизнесмен?*

А.Ш. (улыбаясь): *Получает деньги, ездит за границу.*

Е.П.: *А в какое учебное заведение ты будешь поступать, чтобы стать бизнесменом?*

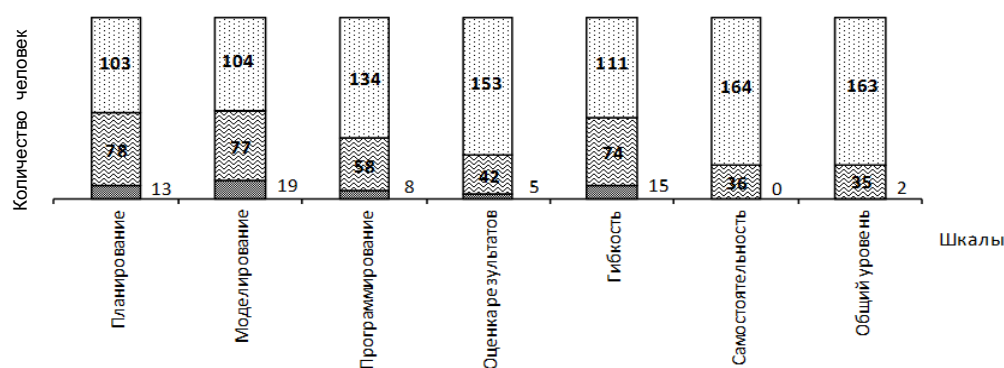
А.Ш.: *Не знаю. Куда-нибудь.*

Очевидно, что представление нашего собеседника о своей дальнейшей жизни весьма призрачно. Цели относительно своего ближайшего будущего размыты, основаны на нереалистичных образах, преподносимых СМИ, и, скорее, относятся к разряду мечтаний. Вызывает опасение тот факт, что такая ситуация характерна для 81,5 % подростков (163 человека), принимавших участие в нашем исследовании. Бесспорно, проблема низкой саморегуляции у большинства современных подростков не должна оставаться без внимания родителей, педагогов и психологов учебных заведений.

Испытуемых, которые демонстрируют высокий уровень саморегуляции, всего два (один мальчик и одна девочка). Эти подростки очень уверенно описывают свои ближайшие цели, ясно представляют, что им необходимо сделать, чтобы этих целей достичь. Так, девочка (15 лет, отличница) заявила, что хочет стать психологом. Она уже знает, в какое учебное заведение будет поступать, какие экзамены для этого ей нужно будет сдавать. Помимо этого, для увеличения своих шансов на поступление, она регулярно принимает участие в различных научно-образовательных учреждениях и конференциях, где представляет результаты собственных психологических исследований. Еще один пример: мальчик (14 лет, «хорошист») имеет разряд кандидата в мастера спорта по спортивному ориентированию, активно тренируется, поскольку хочет стать тренером. В беседе он достаточно подробно описал свои шаги на пути к этой цели.

Далее рассмотрим процессы саморегуляции, по которым нами не было обнаружено значимых половых различий, а именно: планирование, моделирование значимых условий, программирование и оценка результатов деятельности.

Прежде всего, обратим внимание на процесс планирования подростками своей деятельности. Для большинства из них характерна нестабильность целей, потребность в планировании развита слабо, поставленные цели достигаются редко. Все это признаки низкого уровня планирования, который демонстрируют 50 мальчиков и 59 девочек. В повседневной жизни это может проявляться в неспособности рационально распределять свое время: нередко подростки большую часть времени тратят на прогулки, компьютерные игры, просмотр телевизионных передач, вспоминая о заданных уроках в самый последний момент, иногда лишь – с подачи родителей. Отметим, что низкий уровень планирования встречается преимущественно у тех мальчиков и девочек, которые помимо школы нигде больше не заняты (не посещают кружки, секции, школу искусств и т.п.). Напротив, в группе ребят, демонстрирующих средних (35 мальчиков и 43 девочки) и высокий (5 девочек и 8 мальчиков) уровни планирования, больше таких, чье внешкольное время в большей мере занято. Поэтому мы можем предположить, что необходимость контроля своего времени (вовремя выйти из дома, вовремя прийти на дополнительные занятия, выкроить время для друзей и приготовления домашнего задания и т.д.) благоприятно сказывается на развитии способности к планированию всей деятельности в целом.

Результаты исследования стили саморегуляции подростков по выборке в целом:

■ – высокий уровень; ▨ – средний уровень; ▤ – низкий уровень

Способность составлять программы своих действий у большинства подростков также развита на низком уровне (у 65 мальчиков и 69 девочек). Это говорит о том, что их поведение импульсивно, деятельность осуществляется без должного продумывания последовательности своих шагов, методом «проб и ошибок». Наличие прямой умеренной связи между планированием и программированием ($r = 0,617$, при $p \leq 0,01$) свидетельствует о том, что уровень одного определяет уровень другого. Бесспорно, подросток, планирующий свою деятельность на низком уровне, иначе запрограммировать не может.

Средний уровень программирования обнаружен у 28 мальчиков и 30 девочек, высокий – у 4 девочек и 4 мальчиков.

Способность адекватно оценивать внешние и внутренние обстоятельства, замечать изменение ситуации во многом определяет успешность деятельности. Однако результаты нашего исследования показывают, что большая часть подростков (54 мальчика и 50 девочек) моделирует свою деятельность на низком уровне. Мальчики и девочки зачастую не способны оценить значимость тех или иных условий деятельности, оказываются не готовыми к переменам. Все это может привести к неудаче. Так, например, многие подростки при выполнении домашнего задания не выключают громкую музыку или телевизор, не отдавая себе отчет в том, что это отвлекает и не способствует активному вовлечению в работу. А между тем лишь единицы способны эффективно заниматься в таких условиях.

Способность оценивать и учитывать обстоятельства деятельности на среднем уровне выявлена у 35 мальчиков и 42 девочек, на высоком – у 8 мальчиков и 11 девочек.

От процесса моделирования значимых условий деятельности напрямую зависит уровень оценивания результатов (значение коэффициента Пирсона $r = 0,638$ при $p \leq 0,01$ подтверждает наличие прямой умеренной связи) [13]. Следовательно, чем выше уровень моделирования, тем выше и уровень оценки результата. Однако оценивание результатов является наиболее слабым звеном саморегуляции подростков,

представленным у большинства наших испытуемых на низком уровне (у 82 мальчиков и 71 девочки). Это является признаком не критичности к своим действиям; мальчики и девочки часто не замечают своих ошибок; их субъективные критерии оценивания неустойчивы. Все вышеперечисленное приводит к ухудшению качества выполняемой деятельности, особенно при возникновении внешних препятствий. Возможно, причиной такой ситуации служит тот факт, что самооценка и содержание образа Я подростка подвержены периодическим изменениям и во многом зависят от мнения окружающих людей, оказывая соответствующее влияние и на особенности оценивания своей деятельности. Лишь у трех мальчиков и двух девочек рассматриваемый процесс функционирует на высоком уровне. Все они охарактеризованы учителями как ответственные, прилежные ученики, успешно справляющиеся с учебной и общественной работой.

Далее обратимся к анализу различий. Они были обнаружены в частоте встречаемости уровней развития некоторых процессов саморегуляции (см. таблицу).

Половые различия в частоте встречаемости различных уровней развития процессов саморегуляции

Шкала методики ССП-98	Количество человек		Значение φ-критерия*
	Девочки	Мальчики	
Низкий уровень			
Самостоятельность	91	73	3,415*
Средний уровень			
Самостоятельность	9	27	3,422*
Высокий уровень			
Гибкость	12	3	2,539*

*При $p \leq 0,01$.

Как видно из таблицы, половые различия характерны лишь для двух процессов: гибкость и самостоятельность. Рассмотрим их подробнее.

Девочки, принимавшие участие в нашем исследовании статистически чаще, чем мальчики, демонстрируют низкий уровень самостоятельности. В то время как у мальчиков чаще встречается ее средний уровень. При этом высокий уровень самостоятельности не выявлен вовсе. Тот факт, что мальчики и девочки различаются по уровню самостоятельности, подтверждается и значением U-критерия Манна – Уитни, равным 5960,5 (при $p = 0,017$). Это свидетельствует о том, что уровень самостоятельности у девочек ниже, они чаще мальчиков оказываются не способными к автономии в принятии решений, целеполагании и выполнении какой-либо деятельности. Девочки нуждаются в поддержке со стороны, в некоем образце, которому нужно следовать. Это также подтверждается результатами проведения авторской анкеты, в которой и мальчикам и девочкам задавался следующий вопрос: «Есть ли такой человек, на которого ты бы хотел(а) быть похожим/похожей? Какой он (она)?». Абсолютно все мальчики указали, что такого человека нет или они хотят быть похожи на самих себя. В то время как некоторые девочки признавали, что хотят быть похожими на других людей (в качестве которых они чаще всего указывали известных голливудских актрис или собственных мам). Указанные различия в самостоятельности можно наблюдать и в ситуации школьного взаимодействия: при выполнении каких-либо заданий девочки чаще мальчиков обращаются к учителям с вопросами; во время проведения различных тренинговых упражнений, требующих от участников выбора, девочки чаще поступают так, как поступает большинство, тогда как мальчики ориентируются в основном лишь на свое мнение. Большая самостоятельность мальчиков может быть детерминирована следующими причинами: во-первых, в ходе исторического развития в нашей стране преобладал патриархат, при котором мужчины являлись доминантными в семейной, хозяйственной и общественной жизни и от них во многом зависело благополучие семьи; во-вторых, в большинстве современных семей мальчиков опекают меньше, чем девочек (они чаще гуляют допоздна, меньше общаются с родителями на сокровенные темы и т.п.); мальчики меньше нагружены домашними обязанностями. Следствием этого является большее количество свободного времени, которым они распоряжаются самостоятельно.

Половые различия были обнаружены не только в самостоятельности, но и в гибкости, высокий уровень которой чаще встречается у девочек. Это является показателем того, что девочки чаще мальчиков могут с успехом перестраивать свою деятельность и поведение с учетом изменившихся обстоятельств или возникших трудностей. Однако не стоит забывать, что представительниц высокого уровня гибкости очень мало – 12 человек (12 % от общего числа девочек). Очевидно, что девочки потенциально гораздо больше мальчиков способны к проявлению гибкости на высоком ее уровне. Мы полагаем, что предпосылки этого следующие: во-первых, филоге-

нетически женщина вынуждена проявлять гибкость во взаимодействии со всеми членами семьи разного пола и возраста, должна уметь выстраивать взаимодействие с каждым из них, в то время как мужчина такой необходимости не имеет (причем это характерно как для родовой общины, так и для семьи современного типа). С течением времени к этому добавилась и необходимость гибко выстраивать свое поведение и деятельность не только дома, но и на работе. Во-вторых, с детства девочки проявляют большую гибкость в играх: они могут принимать на себя роли людей разного пола, представителей разных профессий, тогда как арсенал игровых ролей мальчиков не так разнообразен. Кроме того, игры девочек – это чаще всего обыгрывание ситуаций из реальной жизни, что может расцениваться как некая тренировка умения быть гибкой в дальнейшей жизни.

Изучая данные корреляционного анализа, мы обнаружили, что гибкость имеет прямую связь средней силы со всеми процессами саморегуляции. Следовательно, более высокий уровень гибкости девочек приводит к более высокому уровню их саморегуляции в целом, а также отдельных ее процессов. Самостоятельность имеет слабую прямую связь лишь с программированием ($r = 0,147$, при $p \leq 0,05$) и гибкостью ($r = 0,119$, при $p \leq 0,05$). Это говорит о том, что более высокий уровень самостоятельности мальчиков не является залогом более высокого уровня саморегуляции в целом.

Итак, обозначим основные выводы нашего исследования:

1. Большинство современных подростков демонстрируют низкий уровень саморегуляции. Такие мальчики и девочки чаще всего имеют низкую самооценку, не настойчивы в достижении целей, ориентированы скорее на социальный статус, нежели на самоактуализацию.

2. Мальчики и девочки подросткового возраста не различаются по уровню развития таких процессов саморегуляции, как планирование, моделирование, программирование и оценка результатов деятельности.

3. Особенностью саморегуляции девочек в подростковом возрасте является более высокий, чем у мальчиков, уровень гибкости. Это позволяет им более эффективно реагировать на изменяющиеся условия деятельности, оперативно вносить необходимые коррективы в программу действий. Обнаружение прямой умеренной связи между гибкостью и остальными процессами саморегуляции дает основания заключить, что более развитая гибкость ведет к более высокому уровню саморегуляции. Кроме того, у девочек обнаружен низкий уровень самостоятельности, что определяет их склонность к подражанию в выполнении деятельности, необходимость ориентации на некий образец.

4. Саморегуляция мальчиков-подростков отличается более высоким уровнем самостоятельности, что свидетельствует о большей автономии в принятии решений и организации деятельности. Более высокий уровень самостоятельности, при отсутствии тесной связи с другими процессами, не приводит к повышению уровня саморегуляции.

Литература

1. Божович, Л.И. Избранные психологические труды: проблемы формирования личности / Л.И. Божович; под ред. Д.И. Фельдштейна. – М., 1995.
2. Бурлачук, Л.Ф. Психодиагностика / Л.Ф. Бурлачук. – М., 2006.
3. Бюлер, Ш. Очерк духовного развития ребенка / Ш. Бюлер. – М., 1936.
4. Выготский, Л.С. Развитие личности и мировоззрение ребенка / Л.С. Выготский // Развитие личности. Тексты / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер. – М., 1982.
5. Выготский, Л.С. Собр. соч.: в 6 т. Детская психология / Л.С. Выготский; под ред. Д.Б. Эльконина. – М., 1984. – Т. 4.
6. Каменская, Е.Н. Психология развития и возрастная психология / Е.Н. Каменская. – Ростов н/Д, 2006.
7. Карабанова, О.А. Возрастная психология: конспект лекций / О.А. Карабанова. – М., 2005.
8. Кон, И.С. Психология половых различий / И.С. Кон // Вопросы психологии. – 1981. – № 2. – С. 47 – 57.
9. Кулагина, И.Ю. Возрастная психология: Развитие человека от рождения до поздней зрелости / И.Ю. Кулагина, В.Н. Колюцкий; предисл. В.П. Зинченко. – М., 2001.
10. Моросанова, В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека / В.И. Моросанова. – М., 1998.
11. Моросанова, В.И. Самосознание и саморегуляция поведения / В.И. Моросанова, Е.А. Аронова. – М., 2007.
12. Мухина, В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество / В.С. Мухина. – М., 1999.
13. Наследов, А.Д. Математические методы психологического исследования: анализ и интерпретация данных / А.Д. Наследов. – СПб., 2006.
14. Плахотникова, И.В. Развитие личностной саморегуляции / И.В. Плахотникова, В.И. Моросанова. – М., 2004.
15. Практическая психология образования / под ред. И.В. Дубровиной. – М., 2000.
16. Солдатова, Е.Л. Психология развития и возрастная психология. Онтогенез и дизонтогенез / Е.Л. Солдатова, Г.Н. Лаврова. – Ростов н/Д, 2004.
17. Сорокоумова, Е.А. Возрастная психология / Е.А. Сорокоумова. – М., 2006.
18. Фельдштейн, Д.И. Психология развития человека как личности: избр. тр.: в 2 т. / Д.И. Фельдштейн. – М.; Воронеж, 2005. – Т. 2.
19. Филатова, А.Ф. Половые различия в становлении характера подростка: концепция, эксперимент, практика / А.Ф. Филатова. – Омск, 2009.
20. Холл, С. Очерки по изучению ребенка / С. Холл. – М., 1925.
21. Штерн, Э. «Серьезная игра» в юношеском возрасте / Э. Штерн // Психология подростка / сост. И.Ю. Фролов. М., 1996. – С. 24 – 25.
22. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э.Г. Эриксон; пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. – М., 1996.

УДК 159

Л.Н. Рябова

Научный руководитель: кандидат психологических наук, доцент Т.А. Серебрякова

ИЗУЧЕНИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

В данной статье раскрывается сущность понятия «познавательная активность» личности, анализируются исследования отечественных ученых по данной проблеме. Эмпирическое исследование направлено на изучение влияния стиля педагогического взаимодействия на уровень развития познавательной активности детей старшего дошкольного возраста.

Познавательная активность, познавательный интерес, общение, авторитарный стиль педагогического взаимодействия, дети старшего дошкольного возраста.

The article reveals the essence of the concept «cognitive activity» of the person; researches of Russian scientists on this issue are analyzed. Empirical research is aimed at studying the influence of the style of pedagogical interaction on the level of development of cognitive activity of children of preschool age.

Cognitive activity, cognitive interest, communication, authoritarian style of pedagogical interaction, children of preschool age.

Еще с давних времен проблема активности личности привлекала внимание представителей разных областей научного знания о человеке. Как отмечает в своем исследовании Ж.Н. Тельнова [6], изучение понятия «активность» началось еще в рамках философского научного знания. Философы рассматривают активность как «универсальное, всеобщее свойство материи, выступающее в одних условиях мерой направленного действия, в других – возбужденным состоянием субъекта, обуславливающим обратное воздействие на действие, в-третьих – способностью материальных объектов вступать во взаимодействие с другими объектами» [6, с. 15].

С позиции психологической науки активность трактуется как «способность изменить окружающую действительность в соответствии с собственными потребностями, взглядами, целями» [5, с. 22].

В отечественной психологии появился особый интерес к проблеме активности личности (работы Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Н.С. Лейтеса и т.д.). В качестве одного из видов активности ученые выделяют активность познавательную (исследования Д.Б. Годовиковой, М.И. Лисиной, С.Ю. Мещеряковой, Г.И. Щукиной). В первую очередь ученые предпринимают попытку определить сущность понятия «познавательная активность». На наш взгляд, боль-

шое значение для определения сущности данного понятия имеют работы М.И. Лисиной [4], в которых познавательная активность рассматривается в контексте с познавательной деятельностью. М.И. Лисина [4] определяет познавательную активность как состояние готовности к познавательной деятельности, то состояние, которое предшествует деятельности и порождает ее. Показателями готовности к познавательной активности, по мнению исследователя, выступают: признаки интереса, внимания, сигналы о настройке на начало работы.

Исследования М.И. Лисиной [4] свидетельствуют о том, что между познавательной активностью и деятельностью прослеживается неразрывная связь. При этом познавательная активность выступает одним из компонентов в структуре деятельности и проявляется в процессах взаимодействия личности с окружающей действительностью.

Ряд исследователей, занимающихся изучением проблемы познавательной активности личности, обращаются к понятию «познавательный интерес». Так, Г.И. Щукина [7], рассматривая в своих работах понятия «познавательный интерес» и «познавательная активность», устанавливает между ними тесную взаимосвязь, а также указывает на обусловленность познавательной активности не чем иным, как познавательным интересом, характерными чертами которого, по ее мнению, являются стремление к его удовлетворению и определенный эмоциональный подъем. Исходя из этих характеристик, Г.И. Щукина [7] выделяет следующие тесно взаимосвязанные компоненты познавательного интереса:

- интеллектуальный компонент, выражающийся в интеллектуальной деятельности, проявляющийся в активном поиске разрешения проблемы, в исследовательском подходе, в готовности к решению познавательных задач;
- эмоциональный компонент, проявляющийся в эмоциях удивления, в чувстве ожидания нового, в чувстве интеллектуальной радости, успеха;
- регулятивный (волевой) компонент. Познавательный акт представляет собой своеобразное поэтапное движение, сопровождаемое волевой направленностью, преодолением различных трудностей, препятствий в процессе разрешения мыслительной, интеллектуальной задачи.

Таким образом, осуществленный нами анализ исследований по проблеме познавательной активности личности позволяет сделать вывод о том, что между понятиями «познавательная активность», «познавательная деятельность» и «познавательный интерес» существует теснейшая взаимосвязь.

Внимание ученых обращено и к изучению условий, способствующих наиболее эффективному развитию познавательной активности личности. Одним из таких условий исследователи считают общение. Они отмечают, что особое значение общение имеет для развития познавательной активности детей дошкольного возраста. Так, исследования М.И. Лисиной [4] доказывают, что «общение со старшим для ребенка служит единственно возможным контактом, в котором он постигает и присваивает добытое людьми ранее» [4, с. 17]. По мнению исследователя, именно посредством общения с взрослыми познава-

тельная активность дошкольников возрастает, развивается, совершенствуется. Особое значение при этом, по мнению автора, имеет не интенсивность общения, а его содержание и направленность.

Как отмечается в исследованиях А.А. Андреева [1], Д.Б. Годовиковой [2] и др., максимально эффективным в плане развития познавательной активности ребенка будет общение – сотрудничество, объективно обусловливаемое тем стилем взаимодействия, которого придерживается взрослый.

Основываясь на результатах исследований, касающихся характеристик стилей педагогического общения (исследования В.А. Кан-Калика [3], К. Левина [1] и др.), мы предполагаем, что максимально эффективным в плане развития познавательной активности детей дошкольного возраста будет демократический стиль общения педагога с ребенком, который характеризуется ориентацией на индивидуальные особенности и возможности ребенка, взаимоприятием, открытым и свободным обсуждением проблем совместно с детьми.

Таким образом, особое значение для оптимального развития познавательной активности дошкольников имеет стиль общения с ними со стороны взрослого.

Целью нашего исследования является изучение влияния стиля педагогического взаимодействия на уровень развития познавательной активности детей старшего дошкольного возраста.

Объектом нашего исследования выступает познавательная активность как качество личности.

Предмет экспериментального исследования – развитие познавательной активности детей старшего дошкольного возраста в процессе их общения с педагогами.

Гипотезой нашего исследования является предположение о том, что оптимальному развитию познавательной активности детей старшего дошкольного возраста способствует реализация демократического стиля педагогического общения.

В соответствии с целью, объектом, предметом и гипотезой исследования, мы осуществили констатирующий эксперимент, организованный в двух направлениях:

- 1) изучение уровня развития познавательной активности детей старшего дошкольного возраста;
- 2) изучение стилей общения педагогов с детьми.

В рамках реализации первичного экспериментального исследования нами было продиагностировано 23 ребенка старшего дошкольного возраста и 3 педагога одного из дошкольных образовательных учреждений г. Нижнего Новгорода.

Для изучения уровня развития познавательной активности детей нами была использована методика Д.Б. Годовиковой [2], целью которой является выявление уровня развития субъективной познавательной активности детей.

Экспериментальное исследование проходило следующим образом. В специально отведенном помещении на детском столике раскладывались предметы, позволяющие развернуть игры разного содержания (например, конструктор «Лего», пазлы, машины, куклы, счетные палочки, лото «Животные», «Овощи и фрукты», детские книги, энциклопедии и

пр.). Среди них находились также специальные предметы, заключающие в себе «секрет», «загадку». Детям предлагали поиграть в игрушки, не упоминая о предметах с «секретами». Взрослый при этом выступал сторонним наблюдателем (он находился в этом же помещении, но не вмешивался в деятельность ребенка) и фиксировал все вербальные и невербальные проявления детей. Особое внимание уделялось тому, обнаруживал ли ребенок интерес к предметам с «секретом», насколько настойчиво стремился разобраться в них и как при этом действовал. Экспериментальное исследование проводилось с каждым ребенком индивидуально.

В результате осуществленного экспериментального исследования мы получили следующие результаты.

Высокий уровень развития познавательной активности отмечен у 6 детей (26 %), принявших участие в эксперименте. Данные дети демонстрировали устойчивый интерес и внимание к выбранному предмету (например, в течение длительного времени дети играли, изучали выбранный предмет. Они рассказывали, как можно играть с этими предметами: «У меня дома тоже есть конструктор. Я строю крепость для солдат, а иногда большой гараж для машины»). Также детей, обладающих высоким уровнем развития познавательной активности, характеризуют ярко проявляющиеся вербальные и невербальные эмоциональные реакции по отношению к предмету взаимодействия. Во время игры с выбранными предметами дети вербально демонстрировали радость, удивление, озабоченность и другие эмоции (например: «Ура! У меня получилось!», «Вот это да!», «Что-то у меня не получается, надо подумать»). На невербальном уровне познавательная активность детей проявлялась в различных эмоциональных реакциях, таких как улыбка, нахмуренные брови, почесывание затылка и пр. О высоком уровне развития познавательной активности свидетельствует стремление детей включить в свою деятельность и взрослого (экспериментатора). Во время экспериментального исследования дети высказывали свое мнение, часто задавали вопросы, разные по содержанию. При этом большинство вопросов было направлено на получение глубоких знаний об объектах и предметах, заинтересовавших ребенка (например, девочка 6 лет, просмотрев несколько книг с яркими иллюстрациями животных, стала задавать вопросы познавательного характера: «А почему страус зарывает голову в песок?», «Зачем кукушка кукует?», «Как хамелеон меняет цвет?»).

Необходимо также отметить, что для детей с высоким уровнем развития познавательной активности характерен интерес к коробке с «секретом». Данные дети крутили ее, трясли, ощупывали, разглядывали, задавали вопросы («Почему коробка закрыта?», «Кто мог ее закрыть?», «Интересно, а что спрятано в коробке?»). Дети предлагали различные способы для открытия коробочки с «секретом» («Можно открыть ключом», «Или сломать ее», «У меня папа сильный, он точно откроет ее»). В итоге, проявляя упорство и настойчивость в достижении желаемого результата, дети открывали коробку с «секретом». Это открытие приносило им радость, удовлетворение и гордость

(«Ура! Она открылась!», «Я сам смог ее открыть» и т.д.).

Большинство детей старшего дошкольного возраста (10 человек, т.е. 43 %), принявших участие в эксперименте, характеризуются средним уровнем развития познавательной активности. Данные дети обращали внимание на хорошо знакомые игрушки (машинки, конструкторы, куклы). В процессе взаимодействия с предметами дети проявляли как вербально, так и невербально положительные и отрицательные эмоциональные реакции на выбранный предмет (дети улыбались, смеялись, хмурили брови, злились и т.п.). На вербальном уровне познавательная активность проявлялась в высказываниях: «Ничего не получается», «Я люблю играть в куклы», «Очень красивая книга» и пр. О среднем уровне развития познавательной активности детей свидетельствует их стремление задавать вопросы взрослому на интересующие его темы (например, «Из чего сделана эта машина?», «А какая марка этой машины?» и пр.). Вместе с тем необходимо отметить, что, в отличие от детей с высоким уровнем развития познавательной активности, дети, обладающие средним уровнем развития, задают вопросы познавательного характера намного реже. Также в центре внимания детей находился и предмет с «секретом» («А что это такое?», «Какая красивая коробочка!» и т.п.). Дети, характеризующиеся средним уровнем развития познавательной активности, предпринимали попытки открыть коробку с «секретом» (например, «Надо ее открыть!», «А где ключ, чтобы открыть коробку?»). Однако, не сумев открыть коробку с первого, второго раза, дети откладывали ее в сторону («Никак не открывается! Ну и ладно», «Лучше буду в машинки играть!» и т.д.).

Таким образом, во время экспериментального исследования дети со средним уровнем развития познавательной активности не проявляли упорства и настойчивости во взаимодействии с предметом с «секретом», а также устойчивого интереса к осуществлению данной деятельности.

Развитие познавательной активности оставшихся детей (7 человек, т.е. 31 %) находится на низком уровне. Во время исследования из всего перечня предлагаемого материала данные дети отдавали предпочтение играм знакомого содержания. Однако интерес к выбранным предметам недостаточно устойчивый. Детей привлекали лишь яркость и красочность материала (например, мальчик взял яркий и большой конструктор, затем стал рассматривать книги и т.д.). Во время взаимодействия с выбранными предметами дети не задавали вопросы, никак не комментировали свои действия. Ярких эмоциональных проявлений (вербальных и невербальных) в процессе взаимодействия с объектом также не наблюдалось. Дети, характеризующиеся низким уровнем развития познавательной активности, не проявляли интереса и внимания к предмету с «секретом». Во время исследования они не рассматривали, не ощупывали коробку с «секретом». Дети с низким уровнем развития познавательной активности не стремятся к достижению успеха, к познавательной деятельности, к решению проблемных ситуаций.

Подводя итог полученных эмпирических данных

в ходе реализации первого направления нашего экспериментального исследования, необходимо отметить, что развитие познавательной активности большинства детей (74 %) находится на среднем и низком уровнях. Лишь 26 % детей старшего дошкольного возраста, принявших участие в эксперименте, характеризуются высоким уровнем развития познавательной активности.

Для реализации второго направления экспериментального исследования, ориентированного на изучение доминирующего стиля общения педагогов, работающих с данными детьми, нами было осуществлено наблюдение за характером их общения с детьми старшего дошкольного возраста, которое осуществлялось как во время организованных занятий, так и в ходе свободной деятельности детей (на прогулке, в игровой деятельности и т.д.). Основными критериями оценки стиля общения педагога с детьми были выбраны:

- вербальные проявления (тон, эмоциональная окраска речи педагога, характер речевых высказываний);
- невербальные проявления – жесты, мимика, поза, телесный контакт;
- место расположения педагога во время организованной и свободной деятельности с детьми.

В экспериментальном наблюдении участвовали 3 воспитателя. Наблюдение за каждым педагогом проводилось индивидуально.

Анализ полученных нами результатов данного направления экспериментального исследования позволяет сделать вывод о том, что все воспитатели (100 %), принявшие участие в исследовании, придерживаются авторитарного стиля взаимодействия с детьми. Такие воспитатели разговаривают с детьми, используя формулировки повелительного наклонения («Иди, принеси!», «Не трогай игрушки!», «Сядь на лавочку!» и т.д.).

Авторитарный стиль общения педагогов с детьми проявляется в жестком контроле над детьми, в отсутствии стимуляции к проявлению ими самостоятельности, инициативности, творчества. Например, во время свободной деятельности дети играли лишь с теми игрушками, которые разрешили взять воспитатели. В структуре и содержании организованной деятельности практически отсутствовали игры и задания, стимулирующие и развивающие фантазию, воображение и творческую познавательную активность детей.

На невербальном уровне авторитарный стиль взаимодействия проявляется в позе педагога (руки скрещены на груди, руки на поясе), в минимальном количестве жестов и их характере (например, грозили пальцем). В процессе взаимодействия с детьми воспитатели редко допускают тактильный контакт: прикосновения, объятия, поглаживания по спине, голове и пр.

Также необходимо отметить, что авторитарный стиль общения характеризуется и месторасположением педагога во время деятельности. Данные воспитатели чаще всего располагаются в стороне от де-

тей, не взаимодействуя и не сотрудничая с детьми в процессе их деятельности, а жестко контролируя ее, разрешая или запрещая какие-либо игры.

Соотнесение данных, полученных в ходе реализации двух направлений экспериментального исследования, свидетельствует о том, что развитие познавательной активности исследуемых нами детей старшего дошкольного возраста происходит в условиях авторитарного общения и взаимодействия с педагогом. Как мы отмечали выше, большинству детей (74 %), принявших участие в эксперименте, присущ низкий и средний уровень развития познавательной активности, что проявляется в отсутствии интереса к новому материалу, в отсутствии вопросов познавательного характера, а также в неуверенном поведении и заниженной самооценке.

Выявленная нами тенденция позволяет предположить, что одной из причин недостаточно высокого уровня развития познавательной активности детей выступает неэффективное педагогическое общение воспитателей с ними, обусловленное превалированием у педагогов авторитарного стиля взаимодействия с детьми. Полученные данные свидетельствуют о целесообразности организации экспериментального исследования, предполагающего многоаспектное изучение познавательной активности детей и общения с взрослыми как важнейшего условия ее развития. Основываясь на результатах исследований Д.Б. Годовиковой, М.И. Лисиной, С.Ю. Мещеряковой, а также на данных, полученных нами в ходе осуществленного первичного констатирующего эксперимента, мы предполагаем, что основным условием эффективного и оптимального развития познавательной активности детей является демократический стиль общения педагога с ребенком, основанный на учете не только его возрастных, но и индивидуальных особенностей. Не случайно разработку программы работы с педагогами мы проектируем как важнейшую составляющую нашей дальнейшей экспериментально-исследовательской деятельности.

Литература

1. Андреев, А.А. Влияние стиля педагогического общения на познавательную активность учащихся на уроке: автореф. дис. ... канд. пед. наук / А.А. Андреев. – Л., 1984.
2. Годовикова, Д.Б. Общение и познавательная активность дошкольников / Д.Б. Годовикова // Вопросы психологии. – 1984. – № 1. – С. 34 – 40.
3. Кан-Калик, В.А. Учителю о педагогическом общении / В.А. Кан-Калик. – М., 1987.
4. Лисина, М.И. Развитие познавательной активности детей в ходе общения со взрослыми и сверстниками / М.И. Лисина // Вопросы психологии. – 1982. – № 4. – С. 18 – 35.
5. Мещеряков, Б. Большой психологический словарь / Б. Мещеряков, В. Зинченко. – М., 2009.
6. Тельнова, Ж.Н. Развитие познавательной активности детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста в разных формах и методах обучения: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Ж.Н. Тельнова. – Омск, 1997.
7. Щукина, Г.И. Активизация познавательной деятельности в учебном процессе / Г.И. Щукина. – М., 1979.

УДК 329.3:28 (430) ХДС «1945/1952»

В.К. Гуськов

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Б.В. Петелин

В РЯДАХ «СТРОИТЕЛЕЙ СОЦИАЛИЗМА»: ПЕРСПЕКТИВЫ ХРИСТИАНСКО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЮЗА В ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ В 1945 – 1950 ГОДАХ

Данная статья посвящена истории становления и роли Христианско-демократического союза в социально-политическом развитии Восточной Германии в 1945 – 1950 гг. Политика советского руководства строить новое немецкое государство по социалистическому образцу поддерживалась не только коммунистами и социал-демократами, но и представителями других партий. Христианские демократы, несмотря на свою буржуазную сущность, разделяли эти идеи, которые во многом совпадали с «христианским социализмом», и стремились также войти в круг творцов новой Германии.

Христианство, демократия, политика, Христианско-демократический союз (ХДС), советская оккупационная зона, репрессии, строительство социализма.

This article is devoted to the problem of formation and the role of the Christian Democratic union in socio-political development of Eastern Germany in 1945 – 1950. The policy of the Soviet leadership to build a new German state in a socialist way was supported not only by the communists and social democrats, but out also by the representatives of other parties. However the Christian democrats accepted these ideas, which were rather close to the “Christian socialism” and wanted to join the creators of new Germany.

Christianity, democracy, policy, Christian Democratic union, Soviet occupation zone, repression, building of socialism.

Как известно, 6 июня 1945 г. на территории Восточной Германии была создана Советская военная администрация (СВАГ) [1, с. 65]. Одним из первых приказов СВАГ было разрешение деятельности политических партий, профсоюзов и других общественных организаций, а также демократических органов самоуправления (Приказ № 2) [1, с. 68]. Предпочтение отдавалось Коммунистической партии Германии (КПГ) и Социал-демократической партии Германии (СДПГ). ХДС и Либерально-демократическая партия (ЛДП) изначально были поставлены в неравные условия по сравнению с другими партиями. Левые партии уже на начальном этапе не избежали раскола на западные и восточные организации (объединение КПГ и СДПГ в Социалистическую единую партию Германии (СЕПГ) в апреле 1946 г. в советской оккупационной зоне принципиально ничего не изменило). Тем самым КПГ и СДПГ не стали той политической структурой, вокруг которой могла бы формироваться государственность будущей единой Германии [3, с. 50].

Эту миссию мог бы взять на себя Христианско-демократический союз как межконфессиональная партия, объединившая в себе католиков и протестантов на западе и востоке Германии. В 1945 – 1952 гг. ХДС был одним из факторов внутренних перемен в восточной и западной оккупационных зонах. На это указывали в своих работах такие российские историки, как А.Ю. Ваглин, А.И. Патрушев, Б.В. Петелин, А.М. Филитов и др.

ХДС был третьей партией, зарегистрированной 26 июня 1945 г. в советской оккупационной зоне Германии как самостоятельная, христианская, общегерманская партия. 14 июля 1945 г. с разрешения

оккупационной администрации в Берлине был создан блок четырех партий: КПГ, СДПГ, ХДС и ЛДПГ. В программном заявлении, которое от ХДС подписали Андреас Гермес и Якоб Кайзер, говорилось об очищении Германии от пережитков гитлеризма и перестройки страны на антифашистско-демократических основах. Создатели ХДС в Берлине рассчитывали на общее руководство в партии. Именно здесь она была названа как «Христианско-демократический союз» (“CDUD”) [11, с. 35 – 36].

Христианско-демократический союз можно считать преемником католической партии Центра, созданной еще в 1870 г. в южно-германских землях. Однако само понятие «христианская демократия» появилось несколько позже, в опубликованной в 1901 г. энциклике римского Папы Льва XIII “Graves de communi”.

Система политических ценностей христианских демократов базировалась на таких понятиях, как «свобода», «справедливость», «солидарность». Исходным пунктом христианско-демократического понимания свободы стало представление о естественных, данных Богом, правах каждого человека. Основной идеологический упор основатели новой партии делали на возрождении забытых немецким народом христианских ценностей. Главным политическим лозунгом ХДС стала идея христианского социализма, выдвинутая одним из председателей партии – Я. Кайзером. Христианский социализм рассматри-

¹ Создатели посчитали, что термин «союз» в названии предпочтительней, чем «партия»: «Христианско-демократический союз Германии». Это должно было означать, что партия создается для всей Германии [11, с. 35 – 36].

вался как третий путь между капитализмом и советским социализмом, а ХДС как народная христианская партия становился его носителем в противовес КПГ и социал-демократам, которые следовали марксистской доктрине.

Эти программные положения ХДС нашли свое отражение в документе «Социализм из христианской ответственности». В нем, в частности, подчеркивалось, что партия отвергает социализм в марксистском понимании и отрицает «революционный путь классовой борьбы и диктатуры как средство достижения социализма» [13, с. 63]. Тем самым ХДС отмежевывался от научного социализма. Под «социализмом» ХДС понимает «борьбу, которую ведет рабочий класс за признание человеческого достоинства и полного равноправия». Кроме того, в этом документе ХДС указывал и цель своего социализма: это «...развертывание насколько возможно независимого существования во всех областях социального строительства, а также внутри самого рабочего класса» [13, с. 63]. Таким образом, советские оккупационные власти, как это ни парадоксально, в лице буржуазной, оппозиционной партии получили своеобразную поддержку и даже относительного союзника в деле создания немецкого социалистического государства.

Обращаясь к становлению Христианско-демократического союза в Восточной Германии, необходимо учитывать, на наш взгляд, следующие обстоятельства. В условиях советской оккупации Восточной Германии ХДС создавался при активном участии СВАГ. Немецкий исследователь Франк Беш отмечал: «ХДС был дитем оккупационного времени. Без послевоенной специфики создание и организационное развитие такой межконфессиональной партии, как ХДС, было бы невозможным [8, с. 51]. Политическим центром новой партии стал Берлин, что до определенного момента признавалось и христианскими союзами в западных оккупационных зонах.

Наряду с этим, несмотря на некоторую идейную солидаризацию с советским режимом, социализм христианских демократов имел свою трактовку и не был калькой с советского социализма. Однако цели и задачи у ХДС и советской оккупационной администрации были в целом схожи: построить новое справедливое государство, создать свободное немецкое общество. Вместе с тем различия взглядов на одну проблему неизбежно вели к конфронтации между ХДС и СВАГ. Позиция СВАГ по отношению к христианским демократам была определена следующим образом: «...превратить Христианско-демократический союз советской зоны оккупации Германии в такую партию, которая прочно шла бы в блоке с другими партиями, прежде всего с СДПГ, по принципиальным вопросам строительства демократии в нашей зоне оккупации и во всей Германии, выступала бы за необходимость тесного экономического и политического сотрудничества со странами новой демократии и с Советским союзом, а позднее и за политическую и экономическую ориентировку Германии на Советский союз, а также и такую партию, которая могла бы повлиять в нужном нам направлении на ХДС / ХСС западных зон, а в случае необходимости могла бы противостоять таким партиям» [3, с. 109].

Согласно установленному правилу, политические решения в партийном блоке, созданном СВАГ, могли приниматься только на единогласной межпартийной основе. Поэтому какое-либо коалиционное образование против интересов КПГ, а позднее СЕПГ с самого начала было исключено [4, с. 217]. Однако идиллия «единства» вскоре переросла в клубок противоречий. Поводом к этому стала земельная реформа, проводимая СВАГ. Инициатором конфликтной ситуации стали христианские демократы, которые требовали большей справедливости и равноправия в этом процессе. Деятельность партии не укладывалась в общие рамки политики оккупационных властей и становилась постоянным очагом напряжения в Восточной Германии. В качестве примера, отражающего результаты этого противостояния, можно привести выдержку из отчета начальника Управления пропаганды СВАГ полковника С.И. Тюльпанова на заседании комиссии ЦК ВКП(б) по проверке состояния работы Управления пропаганды СВАГ: «Мы прекрасно понимаем, что политическую комбинацию враждебных классов не повернешь и что эту партию просоветской не сделаешь. Но лишить ее возможности антисоветских выступлений, двусмысленных выступлений, усилить демократические элементы в этой партии, которая очень разношерстна — эту задачу мы ставим. Поэтому, когда эта партия стала явной угрозой и... синонимом всех реакционных элементов, мы приняли эту комбинацию со смещением Гермеса [первый председатель ХДС] и привлечением Кайзера» [10, с. 193].

В 1946 – 1948 гг. развитие Христианско-демократического союза в советской зоне оккупации (СЗО) определялось в целом новыми председателями ХДС Я. Кайзером и Э. Леммером. Особой активностью отличался Кайзер, последовательный сторонник христианского социализма и идейный противник К. Аденауэра [председатель западно-германского ХДС]. Популярность Кайзера объяснялась его близостью к профсоюзному и рабочему движению, а также его антифашистской деятельностью в годы войны. На муниципальных выборах в сентябре 1946 г. и на выборах в ландтаг и рейхстаг 20 октября 1946 г. ХДС в целом набрал четверть всех голосов. Успех ХДС по сравнению с СЕПГ был очевиден. К концу 1947 г. количество членов ХДС достигло 218 000. Это был наивысший период развития в истории восточно-германского ХДС [14].

В западной историографии по этому поводу имеются различные точки зрения. Например, немецкий историк Г. Каак считал, что Я. Кайзер стремился создать некий симбиоз консервативного христианства и социализма [12, с. 171]. По мнению Р. Спенсера, Я. Кайзер, хотел устранить проблему выбора между Западом и Востоком [9, с. 44].

Во второй половине 1947 г. руководством СВАГ была организована прямая акция по дискредитации Кайзера и снятию его с поста председателя ХДС. Для большей убедительности Управлением пропаганды СВАГ был озвучен лозунг «Кайзер – враг единства Германии» [5, с. 550].

Последней каплей, переполнившей «чашу терпения» СВАГ, стало выступление Кайзера на заседании руководства ХДС в Берлине 11 декабря 1947 г. На

нем Кайзер решительно выступил против Немецкого конгресса и участия в нем представителей ХДС. Однако единогласной поддержки он не получил. Более того, с критикой позиции Кайзера выступил другой член руководства союза Отто Нушке и предложил ему уйти в отставку. Инициатива Нушке была поддержана всеми председателями земельных правлений ХДС. Однако Кайзер не смирился с решением правления, написанным под диктовку СВАГ, и продолжал и дальше оказывать влияние на деятельность ХДС. Ситуация еще более усложнилась. Стараниями СВАГ в ХДС произошел раскол, сопровождавшийся репрессиями оккупационных властей против некоторых членов партии. Кайзер вынужден был уехать в Западную Германию. Вместе с ним из советской зоны оккупации выехало еще 600 функционеров среднего звена партии.

Таким образом, усилиями советских оккупационных властей Христианско-демократический союз подвергся партийной чистке и был примерно наказан. Теперь ХДС, как оппозиционная партия, должен был отречься от собственной точки зрения на процесс построения немецкого социализма, перестроить свою партийную политику в угоду руководству СВАГ и перестать быть неким инородным телом в общем «политическом организме» Восточной Германии. Для решения этих задач нужен был новый лидер партии. По мнению СВАГ, наиболее подходящей кандидатурой был Отто Нушке.

Сам Нушке, как гибкий политик, с одной стороны, был готов к лояльному восприятию советских стратегических инициатив. Определенную роль в этом сыграли его прагматизм, подразумевавший под собой возможность спокойной работы и дальнейшего существования его партии, а также его русофильская направленность. С другой стороны, Нушке был обеспокоен стремлением СВАГ подвергнуть унификации Христианско-демократический союз как самостоятельную и оппозиционную партию и придать ей статус вассала по отношению к СЕПГ. Он открыто требовал следовать принципам правового государства, свободных выборов, в которых станет возможной легитимная победа гражданских партий, стремился осуществить свою главную политическую цель – объединение Германии. Впоследствии ему, как заместителю премьер-министра правительства ГДР, был подчинен главный отдел по связям с религиозными конфессиями, где он, как мог, пытался смягчить остроту коммунистической церковной политики. Несмотря на это, СВАГ и руководство СЕПГ никогда не сомневались в лояльности Нушке и его политической надежности.

Свою точку зрения по отношению к новому режиму он выражал так: «Для немцев в советской зоне оккупации есть только три возможности: либо Вы кончаете жизнь самоубийством, либо Вы уходите на Запад, либо если Вы не хотите этого, то должны договариваться с властью» [6, с. 44]. Нушке прекрасно понимал, что открытым неприятием новой власти, протестами и сопротивлением проводимой ею политике ничего не добьешься. Ему были чужды непримиримость и прямолинейность предыдущих председателей ХДС Гермеса и Кайзера.

В конце 1947 г. вокруг Нушке сгруппировалась

часть руководства земельных союзов ХДС. Среди них были: Август Бах в Тюрингии, Геральд Геттинг в Саксонии-Ангальт, д-р Рейнгольд Лобеданц в Мекленбурге, пастор Людвиг Кирш в Саксонии, Ганс Пауль Гантер-Гильманс в Бранденбурге и д-р Герхардт Десчик в Берлине. Естественно, что такая позиция Нушке была положительно отмечена руководством СВАГ, что не замедлило сказаться на его политической карьере. В сентябре 1948 г. на 3-м съезде ХДС в Эрфурте новым председателем партии был избран Отто Нушке.

При Нушке ускорилась трансформация «Ost-CDU» от христианского социализма к более приемлемым для СЕПГ идейным установкам. Фактически меняется сама партия. Критические замечания по этому поводу со стороны некоторых членов ХДС попросту игнорировались председателем партии.

В конце ноября 1949 г. Социалистическая единая партия Германии организовала новую чистку в рядах христианских демократов. Хотя официально курс на строительство социализма в ГДР еще не был провозглашен, выбор уже был сделан. Партия ХДС ГДР как кадровая партия должна была превратиться в управляемую и послушную организацию, полностью зависимую от Отто Нушке и Георга Дертингера [7, с. 177]. После отстранения от должности председателя ХДС в Саксонии Г. Хикмана саксонская организация полностью утратила самостоятельность. Кроме того, из партии были также уволены и партийные функционеры среднего звена. На освободившиеся места были назначены «прокоммунистические» члены ХДС. Был усилен контроль и диктат со стороны СЕПГ. Ни один кандидат от ХДС не мог вступить в должность бургомистра, не мог быть избран в районный совет или ландрат без согласия СЕПГ. Кроме того, многие члены партии были поставлены тайной полицией ГДР перед выбором: либо стать осведомителем, либо – арест и тюрьма. Результатом этих мер стало бегство на запад и массовый выход рядовых членов партии из ХДС. За 1949 – 1950 гг. было арестовано по меньшей мере 597 членов ХДС. Многие из них погибли в заключении.

С 1950 г. Христианско-демократический союз почти полностью потерял политическое влияние на руководство страны. У партии оставались еще некоторые важные функции в правительстве ГДР, но большого значения это уже не имело [2].

Таким образом, стремление советского руководства построить новое немецкое государство в своей оккупационной зоне Германии по социалистическому образцу имело поддержку в немецком обществе и отвечало интересам трудящихся слоев. Партийные сателлиты советской стороны (Коммунистическая партия Германии и Социал-демократическая партия Германии, объединившиеся в 1946 г. в СЕПГ), полностью одобряли данную политику. У Христианско-демократического союза на этот процесс был собственный взгляд и своя идея социализма. Но СВАГ могла «предложить» только советский, сталинский социализм. Однако, несмотря на эти различия, в рядах строителей социализма оказались и христианские демократы, включая лидеров.

Приход в 1948 г. к руководству в ХДС Отто Нушке изменил не только стратегию в деятельности

ХДС, но и саму партию. Вместе с тем его партийная гибкость по отношению к СВАГ и СЕПГ привела к окончательной утрате политической самостоятельности ХДС. При нем союз из оппозиционной, кадровой партии, окончательно превратился в политический придаток партийной системы ГДР. Произошла деградация ХДС. Партия, проповедующая идеи христианского социализма, трансформировалась в партию социалистических христиан, и уже в ГДР ХДС, возглавляемый Отто Нухке, под руководством коммунистов «строил социализм на немецкой земле»¹.

В последующие годы, фактически вплоть до конца 80-х гг. XX в., восточно-германский ХДС оставался на этих позициях. Но, как показала практика, соединить вместе марксистскую идеологию с христианством, даже в ограниченном виде, оказалось тщетным. Поэтому в 1989 г. первой партией, покинувшей правящий блок в ГДР, стал Христианско-демократический союз, что способствовало быстрому краху режима СЕПГ.

Литература

1. За антифашистскую демократическую Германию: 1945 – 1949 гг. – М., 1969.
2. История Германской Демократической Республики 1949 – 1979. – М., 1979.
3. СВАГ и религиозные конфессии советской зоны оккупации Германии. 1945 – 1949. – М., 2006.

4. Советская военная администрация в Германии (СВАГ). Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945 – 1949. – М.; СПб., 2006.

5. СССР и германский вопрос. 1941 – 1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации: в 3 т. / сост. Г.П. Кынин и Й. Лауфер. – М., 2000 – Т. II: 9 мая 1945 г. – 3 октября 1946 г. – С. 550 – 557.

6. ACDP, Zentralbestand Ost-CDU VII-011-1899. fol.10/11; auch zitiert bei Siegfried Suckut: Blockpolitik in der SBZ/DDR 1945–1949. Die Sitzungsprotokolle des Einheitsfront – Ausschusses. – Köln, 1986.

7. Agethen, M. Georg Dertinger (1902 – 1968) / M. Agethen // Zeitgeschichte in Lebensbildern. – Bd. 11: Aus dem deutschen Katholizismus des 19. und 20. Jahrhunderts. – Münster, 2004. – S. 177 – 192.

8. Bösh, F. Die Adenauer – CDU: Gründung, Aufstieg und Krise einer Erfolgspartei 1945 – 1969 / F. Bösh. – München, 2001.

9. Flenby, R. Modern German History, with two additional chapters / ed. by R. Spenser; R. Flenby. – London; N.Y., 1968.

10. Gönze, W. Politiker zwischen Ost und West 1945–1949 / W. Gönze, J. Kaiser. – Köln, 1985.

11. Grundung und Entwicklung der Parteien in der Sowjetischen Besatzungszone Deutschlands 1945 – 1949. – Bonn, 1966. – S. 35 – 36.

12. Kaack, G. Geschichte und Struktur des deutschen Parteiensystems / G. Kaack. – Opladen, 1971.

13. Sozialismus aus christlicher Verantwortung // Dokumente zur parteipolitischen Entwicklung. Bd. 3.

14. Ähnlich auch J.B. Gradl in einem Diskussionsbeitrag bei der ACDP – Tagung „Die CDU in der – SBZ/DDR 1946–1948 am 22/23.11.1982 in Walberg“ ACDPVI-015-021-S. 32F.

УДК 94(470 1/6) «19»

А.Н. Егоров

КАДЕТЫ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ НА МУНИЦИПАЛЬНЫХ ВЫБОРАХ ЛЕТА 1917 ГОДА*

В статье рассматриваются муниципальные выборы лета 1917 г. в Вологодской губернии и участие в них местных организаций конституционно-демократической партии. Анализируются муниципальная программа вологодских либералов, особенности предвыборной кампании, итоги выборов, первые шаги вновь избранных органов городского самоуправления.

Конституционно-демократическая партия, выборы, политическая борьба, городские думы, муниципальная программа, революция.

The article considers the municipal elections in Vologda province in summer 1917, the participation of local organizations of the Constitutional-Democratic Party in elections. The municipal program of Vologda liberals, the features of the election campaign, election results, and the first steps of newly elected city government are analysed.

The Constitutional-Democratic Party, elections, political battle, town councils, municipal program, revolution.

В начале XX века на территории Вологодской губернии активно действовала основная либеральная партия России – конституционно-демократическая

(официальное название – Партия Народной Свободы (ПНС)). Важнейшей сферой деятельности кадетов были органы местного самоуправления – земства и городские думы. После Февральской революции в условиях ликвидации старой власти роль городских дум резко возросла – по сути, они превратились в основные центры власти на местах. Параллельно усиливалось и крепло влияние региональных Советов, ставших центром притяжения всех левых партий. Кадеты стремились поднять авторитет город-

¹ Решение II партийной конференции СЕПГ (9 – 12 июля 1952 г.) о переходе к планомерному строительству социализма «нашло радостное понимание» ХДС ГДР, руководство которой безоговорочно признало «ведущую роль СЕПГ как партии рабочего класса», о чем было опубликовано в органе СЕПГ «Neues Deutschland» (Lukas R. Op. cit. – S.133).

ского самоуправления, получить большинство в нем на предстоящих летом 1917 г. муниципальных выборах и превратить думы в противовес Советам.

Сразу после выхода закона о городском самоуправлении (15 апреля 1917 г.) Вологодский губернский комитет ПНС приступил к организации выборной кампании. Уже 21 апреля 1917 г. на собрании ПНС в Вологде главный редактор кадетской газеты «Северное эхо» А.М. Виноградов предложил избрать особый комитет по организации выборов «для проведения в них партийного списка» [6]. Комитет создали в начале июня, но еще до этого «Северное эхо» развернуло широкую агитационную кампанию. На собрании ПНС 15 июня 1917 г. в Вологде с участием секретаря ЦК А.А. Корнилова было решено, что «список гласных, который будет поддерживать партия, не может и не должен быть строго партийным. Этот список будет деловым, заключающим в себе как организованных партийных людей, так и беспартийных, примыкающих по своим воззрениям к партии и принимающих ее муниципальную программу» [1, с. 34].

Муниципальная программа вологодских кадетов не ставила коренных политических вопросов, исходя из того, что революция закончена и надо укреплять новый строй. Сами либералы объясняли свою программу так. ПНС есть партия внеклассовая, следовательно, она выступает за справедливое удовлетворение интересов всех слоев населения. Как демократическая партия она отдает предпочтение охране интересов широких и экономически слабейших слоев населения. Ставились задачи охраны труда, особенно женского и детского, уничтожения безработицы, устройства бирж труда, примирительных камер, где «могли бы получить справедливое и правомерное разрешение противоположные и сталкивающиеся интересы трудящихся и работодателей» [6, 23 июня]. Эту политику примирения, правомерного разрешения различных и часто противоположных интересов «партия ставит во главу своей программы». Большое значение программа придавала укреплению финансового и правового положения городского самоуправления, развитию народного образования и здравоохранения, решению продовольственного вопроса. Подчеркивалось, что «для сложного и ответственного городского дела нужно много знаний и опыта» и что «теоретической и практической подготовкой своих кандидатов, их общей интеллигентностью она (ПНС. – А. Е.) может гарантировать скорейшее достижение всех пожеланий программы» [6, 23 июня].

«Партия Народной Свободы – партия реальной политики. В своей деятельности она исходит не из утопических лозунгов, не из заманчивых мечтаний о будущем, но, увы, еще отдаленном рае на земле, а из реального соотношения жизненных сил; она никогда не забывает о фактической обстановке, о суровой прозе жизни» [6, 21 июня], – так вели агитацию вологодские кадеты.

После Февральской революции в городах Вологодской губернии, как и по всей стране, стали создаваться многочисленные общественные организации,

объединенные чаще всего по профессиональному признаку: в Вологде – Союз медицинских врачей, Союз служащих уездного земства, Союз служащих в правительственных учреждениях, Союз служащих перестройки линии Вологда – Архангельск, Лига равноправия женщин и др. (всего свыше 20); в Великом Устюге – Мещанское общество, Торгово-промышленный союз, Ремесленное общество и др.; в Тотьме – Союз домовладельцев, Союз квартирантов, Союз мещан и пр.; в Грязовце – Мещанское общество, Союз земских служащих и крестьян, Учительская организация и др. Подобные союзы и общества были во всех уездных городах Вологодской губернии.

Объединяться в общественные союзы горожанам было гораздо проще, чем вступить в ту или иную политическую партию, поскольку в союзах и обществах решались насущные проблемы жизни различных групп населения. В партии горожане шли неохотно – сказывались отсутствие демократических традиций, низкая политическая активность, недостаточная информированность. Некоторые общественные организации были достаточно многочисленными. В Вологде в Союзе квартирантов насчитывалось 600 человек, в Союзе служащих земских и городских учреждений – более 400, в Союзе служащих в правительственных учреждениях – 1400.

Каждая политическая партия придавала большое значение работе в этих союзах, однако наибольшим влиянием в них пользовалась ПНС. Многие союзы кадеты сами и организовали. В Вологде кадеты явились инициаторами создания Союза домовладельцев, Союза квартирантов, Союза медицинских врачей и др. В состав Совета Союза домовладельцев входили 2 члена губкома ПНС – И.Ф. Клушин и А.М. Виноградов. В правление Союза квартирантов входил председатель губкома ПНС Б.В. Беккер. Председателем Союза медицинских врачей был член губкома ПНС П.А. Кадников [4, с. 2]. Под кадетским влиянием находились: Союз служащих в правительственных учреждениях, Лига равноправия женщин и мн. др. Эти союзы не имели собственной печати – кадеты предоставляли им место в своих газетах, рекламировали их работу. В Великом Устюге кадеты явились инициаторами создания Торгово-промышленного союза, в Грязовце – Мещанского общества, в Тотьме – Союза домовладельцев и так далее. Многие кадеты состояли членами того или иного союза и, как правило, играли в нем далеко не рядовую роль.

Поэтому не случайно встал вопрос о блоке ПНС с союзами на предстоящих муниципальных выборах. Одни организации пошли на такой блок. В Вологде – Союз служащих в правительственных учреждениях, Союз квартирантов, Лига равноправия женщин; в Великом Устюге – Торгово-промышленный союз; в Грязовце – Мещанское общество. Другие организации, находившиеся под кадетским влиянием, решили выставлять свои списки гласных: в Вологде – Союз домовладельцев, в Тотьме – Союзы домовладельцев и квартирантов, в Великом Устюге – Мещанское общество. Несмотря на бли-

зость с кадетами, эти союзы выставляли свои списки, подчеркивая тем самым свой профессиональный, а не политический характер. Кроме того, состав союзов был разнообразным – в них входило немало людей, сочувствующих другим партиям, в основном правосоциалистическим (например, в состав правления вологодского Союза квартиронанимателей входил лидер местной группы «Единство» В.Н. Трапезников). В случае блока с кадетами эти люди могли выйти из союзов, что было нежелательно.

Для поддержки своих кандидатов кадеты развернули широкую агитационную кампанию, делая главный упор на надклассовом характере своей программы. 21 июля, за неделю до выборов, ПНС провела в Вологде митинг, посвященный городским выборам. А.М. Виноградов прочитал доклад о муниципальной программе, выступили Б.В. Беккер и др. На митинг пришли и представители левых партий – эсеров, меньшевиков, большевиков. Споры политических противников носили довольно резкий характер. Стремление кадets ограничиться обсуждением только внутригородских дел не увенчалось успехом – началось широкое обсуждение положения дел в стране. «Слишком сложно, запутано и тревожно состояние народа, такая разногласица по каждому вопросу, что немыслимо удержаться в рамках местных вопросов» [6, 23 июля], – констатировало «Сверное эхо».

В середине июля 1917 г. кадетские организации выдвинули свои списки кандидатов в гласные в Вологде, Великом Устюге, Тотьме и Грязовце. Во многих уездных городах Вологодской губернии списки кандидатов в гласные были непартийными, что говорило о слабом влиянии в провинции различных политических партий. Партийные списки были заявлены только в 4 вышеуказанных городах, причем ПНС выставила наибольшее количество списков, а в Грязовце их список из партийных был единственным. Немало кадets шло на выборы по спискам близких к ним общественных организаций (например, по списку Союза домовладельцев в Вологде).

Муниципальные выборы в Вологодской губернии прошли в июле-августе 1917 г. В Грязовце кадеты получили 12 мест из 21, а председателем городской думы стал кадет П.А. Бронников (председатель местного комитета ПНС) [6, 16 июля]. В Тотьме по списку ПНС прошло всего 4 человека, но по другим спискам (Союз домовладельцев, Союз квартиронанимателей) было избрано еще 6 кадets. В результате в Тотемской городской думе из 20 мест 10 принадлежало ПНС, а блок левых партий получил всего 5 мест. Председателем городской думы был избран заместитель председателя Тотемского отдела ПНС П.А. Мужиков [7, 29 августа]. В Великом Устюге кадеты получили 11 мест из 33, блок левых партий получил 16 мест [7, 1 августа]. В Никольске, хотя и не было партийных списков, кадеты все же получили несколько мест, пройдя по спискам близких общественных организаций. Председателем Никольской городской думы стал кадет Н.Н. Аруев [6, 5 ноября].

Выборы в Вологде состоялись в конце июля 1917 г. За кадетский список гласных проголосовало

2345 человек (18 %), что дало возможность ПНС получить 11 мест из 60 в городской думе. К этому нужно прибавить 1739 голосов (13 %), отданных за про-кадетский Союз домовладельцев (еще 8 мест). Блок левых социалистических партий (эсеры, социал-демократы, Бунд) получил 6861 голос (55 %) – 33 места [3, л. 8].

Роль кадets в органах местного самоуправления можно проследить на примере их работы в Вологодской городской думе. На первом же заседании вновь избранной думы 9 августа 1917 г. сложилось два блока: левый, в который вошли социал-демократы, эсеры, Бунд (33 гласных), и правый, объединивший кадets, народных социалистов, «Единство» и др. (27 гласных). Левый блок выражал мнение Вологодского Совета рабочих и солдатских депутатов, правый – кадets и правых социалистов. Ведущую роль в правом блоке играли кадеты.

В первые дни работы левый блок отказался от сотрудничества с кадетами. Выборы председателя думы и заместителей он провел без соглашения с правыми, что дало повод А.М. Виноградову обвинить его в «большевистских тенденциях». При выборе делегатов на Московское государственное совещание кадеты предлагали послать одного гласного от левых, одного – от правых. Но левые, воспользовавшись своим незначительным преимуществом, провели двух своих делегатов [5, л. 8]. Однако очень быстро жизнь показала, что без соглашения работа в думе невозможна, и левый блок изменил свое отношение к соперникам. При выборах в городскую управу кадets уже предложили выставить своих кандидатов.

В отношении тактики у гласных ПНС в городской думе было два пути: стать в непримиримую оппозицию, тормозя работу, чтобы «показать населению, что оно послало в думу неподходящих людей» [6, 10 ноября], или включиться в совместную работу с левыми. Кадеты выбрали второй путь: «Мы шли в городское самоуправление не ради политики, а ради реального дела. Поэтому фракция ПНС считает своим долгом принять участие в думской работе» [6, 10 ноября]. Кандидатов от кадets в городскую управу поддержала левая часть думы, и два места из пяти стали принадлежать ПНС.

Особенно сильные прения вызвал вопрос об учреждении жилищной примирительной камеры, в которой должны были решаться конфликты между домовладельцами и квартиронанимателями. Кадеты придерживались той точки зрения, что право выборов в камеру должно быть предоставлено общественным организациям – Союзам домовладельцев и квартиронанимателей. Левые возражали, но были побеждены, что показало неустойчивость их большинства [2, с. 19].

Однако в большинстве случаев победу одерживал все же левый блок, кадеты были вынуждены уступать их требованиям. Так, при формировании думских комиссий правые сняли ряд своих кандидатур из-за протеста левых [6, 10 ноября]. На заседании городской думы 10 ноября 1917 г. левый блок провел решение о повышении в 2,5 раза платы за воду, электроэнергию, очистку нечистот, вдвое увеличил го-

родской оценочный сбор с недвижимого имущества. Эти меры, в первую очередь, были направлены против зажиточных слоев города и ударили по прокатетским Союзам домовладельцев и квартиронанимателей [6, 19 ноября]. Оказавшись в меньшинстве в думе, кадетская фракция сосредоточилась на деловой работе в комиссиях, отстаивала права горожан, критиковала левые партии, по политическим вопросам вносила решительные заявления от имени ПНС.

Если в Вологодской городской думе ведущую роль играли левые социалистические партии, то в тех городах, где на муниципальных выборах победили кадеты, положение в органах местного самоуправления было иное. В Грязовце, Тотьме, Никольске кадеты возглавляли городские думы, и там уже социалисты были вынуждены подчиняться их политике.

Кадеты, возглавлявшие думы, были авторитетными общественными деятелями, что видно на примерах П.А. Мужикова и Н.Н. Аруева. Прокопий Александрович Мужиков родился 10 февраля 1882 г. в деревне Демьяново Нестеферовской волости Устюжского уезда Вологодской губернии в крестьянской семье. Окончил церковно-приходскую школу, с 14 лет стал работать на Красавинской фабрике. Жил бедно, получал 10 руб. в месяц. «Несмотря на скудность моего заработка, классовой ненависти, которую так разжигают теперь, приобрести не сумел», – писал он впоследствии [6, 5 ноября]. В 1902 г. Мужиков закончил Дымковскую второклассную ЦППШ на средства Устюжского Стефано-Прокопьевского братства и стал учителем Мишковской школы грамоты. В 1903 г. сдал экзамены на звание учителя ЦППШ. Осенью 1904 г. он был уволен с работы за либеральную общественную деятельность, переехал в Тотьму, устроился управляющим типографией И.Я. Львова. В 1905 г. одним из первых вступил в кадетскую партию. В 1910 г. сдал экзамен на звание частного поверенного и стал заниматься адвокатурой. В 1917 г. Мужиков был избран председателем Тотемской городской думы, гласным уездного земства, членом продовольственного и земельного комитетов, заместителем председателя Тотемского отдела ПНС, входил в список кандидатов в Учредительное собрание от ПНС. Он был одним из немногих кадетов, кто признал Советскую власть и служил ей в должности Тотемского комиссара юстиции. В середине 1918 г. большевики вспомнили его кадетское прошлое и отстранили от должности. Дальнейшая судьба П.А. Мужикова неизвестна.

Николай Николаевич Аруев родился в крестьянской семье вблизи города Сольвычегодска. По окончании городского училища в 1890 г. он стал секретарем Сольвычегодской уездной земской управы, а в 1906 г. избран ее председателем. В 1907 г. Аруев был снят с работы и отдан под негласный надзор полиции за либеральную общественную деятельность. В 1913 г. стал секретарем Никольской уездной земской управы. В 1917 г. избран председателем Никольской городской думы, почетным мировым судьей, входил в список кандидатов в Учредительное собрание от ПНС.

Таким образом, муниципальные выборы лета 1917 г. показывают, что кадетская партия имела достаточно серьезное влияние в городах Вологодской губернии. Кадеты возглавляли городские думы Грязовца, Тотьмы, Никольска. В органах городского самоуправления Вологды и Великого Устюга кадеты, оказавшись в меньшинстве, сделали упор на решение конкретных проблем жизни населения, чем способствовали поднятию своего авторитета. ПНС имела большое влияние среди многочисленных городских общественных организаций и могла через них проводить свою политику. В ходе муниципальных выборов, а затем в городских думах начинал складываться блок между кадетами и правыми социалистами (народные социалисты, «Единство»), что стало характерной особенностью политической борьбы на Европейском Севере России в 1917 г.

**Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» 2009 – 2013 г., ГК П 360.*

Литература

1. Вестник Партии Народной Свободы. – Пг., 1917. № 11/13.
2. Вестник Партии Народной Свободы. – Пг., 1917. № 26/27.
3. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). – Ф. 475. – Оп. 1. – Д. 1549.
4. ГАВО. – Ф. 475. – Оп. 3. – Д. 5.
5. ГАВО. – Ф. 476. – Оп. 1. – Д. 598.
6. Северное эхо: газ. губ. к-та ПНС / ред. А.М. Виноградов. – Вологда, 1917.
7. Северо-Двинский край. – Великий Устюг, 1917.

УДК 94(470 1/6) «19»

Р.С. Колокольчикова

ПРОСТРАНСТВЕННО-АРХИТЕКТУРНЫЙ ОБЛИК ИНДУСТРИАЛЬНЫХ ГОРОДОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ (середина 1960-х – середина 1980-х гг.)*

В данной статье речь идет об изменениях, происходивших в пространственно-архитектурном облике индустриальных городов региона; анализируется градостроительный опыт по разнообразию визуальной среды и организации архитектурно-планировочных решений застройки «соцгородов» региона в условиях применения индустриальных методов строительства и типовых проектов застройки.

Градостроительство, индустриальные города, пространственная среда, архитектурный стиль, типовые проекты, «соцгород».

The article considers the changes taking place in the spatial-architectural look of the industrial cities of the region. The author analyses the city-planning experience on the variety of visual environment and organization of the architectural and planning solutions of the building of social cities of the region in the context of using the industrial methods of construction and standard projects of building.

City-building, industrial cities, spatial environment, an architectural style, standard projects, “social city”.

Индустриальные города Европейского Севера России, как особая типологическая группа, начинают формироваться в годы первых пятилеток, в связи с освоением природных ресурсов региона; получают мощный градостроительный импульс в середине 1960-х – середине 1980-х гг. в связи с наращиванием, реконструкцией уже существующих производств, а также строительством новых градообразующих предприятий.

Пространственно-архитектурная среда индустриальных городов европейского севера России в середине 1960-х – середине 1980-х гг. представляла собой результат реализации архитектурно-планировочных решений не только изучаемого периода, но и в той или иной степени архитектурно-планировочных решений всей предшествующей истории городов данной типологической группы.

Пространственно-архитектурная среда российских городов, «соцгородов» стала привлекать внимание историков в конце XX – в начале XXI в. [1], [2], [4]. Однако сюжет, которому посвящена данная статья, специально не изучался как с точки зрения исследуемых в статье проблем, так и с точки зрения исследуемого периода и региона.

Целью данной статьи является изучение изменений, происходивших в пространственно-архитектурном облике индустриальных городов Европейского Севера России, опыта по разнообразию визуальной среды, организации архитектурно-планировочных решений «соцгородов» региона в условиях индустриальных методов строительства, использования типовых проектов застройки.

Формирование и развитие индустриальных городов региона пришлось на время, когда в стране происходил переход к индустриальным методам строительства, когда в советской архитектуре происходили изменения в используемых проектировщиками архитектурных стилях. На смену конструктивизму, или так называемой функциональной архитектуре, пришел неоклассицизм [9], [17]. Именно в этом стиле осуществлялась в соответствии с локальными планировочными решениями, генпланами застройка индустриальных городов региона до середины 1950-х гг.

Эстетическое восприятие архитектурного облика отдельных сооружений, площадей, города в целом во многом определяется географическим положением архитектурного объекта, степенью учета архитекторами при разработке проекта природных ландшафтов, особенностей окружающей природной среды.

Наиболее выразительно и удачно неоклассицизм был использован при строительстве «соцгорода»

Мончегорска, который с самого начала возводился по заранее разработанной схеме генплана, выполненной в 1936 г. и откорректированной в послевоенный период в мастерской архитектора С.Е. Бровцева в Ленинградском отделении Гипрогора [14, с. 37].

Архитекторы поместили город на лесистой площади между озерами Лумболкой, Нудъявр и Мончегубой озера Имандра. Гора Нюдауйвенч прикрывала это пространство от зимних холодных ветров, уменьшала возможность заноса заводского газа, и, кроме того, территория имела резерв для роста города в будущем. Основные городские магистрали, улицы С.Е. Бровцев расположил с учетом окружающего ландшафта. Направление улиц с востока на запад обеспечило максимум солнца в домах и защиту от наиболее частых северных и южных ветров. Вершины близких гор стали естественным завершением проспектов. Особое очарование городу придавали озера, окружающие его с трех сторон, и Комсомольское озеро в зеленом массиве на территории города. Содержащиеся в генплане, разработках детальной планировки города свободная композиция зданий в рамках жилых кварталов, когда здания ставились и параллельно, и перпендикулярно друг другу, под различными углами, образуя ступенчатые линии, создающие разнообразие и известную живописность в облике внутриквартальных пространств, в сочетании с естественной растительностью; широкие (до 70 м) проспекты, дифференциация и крупный шаг городских магистралей; большие площади озелененных территорий; посадка зданий и их архитектурные решения с индивидуализацией фасадов в стиле неоклассицизма с использованием элементов «петровского барокко» стали успешно воплощаться в жизнь строителями [15]. Уже к концу первого послевоенного десятилетия новый «соцгород» Мончегорск приобрел тот «строгий и стройный вид архитектурного единства в гармоническом подчинении планировки города географическим особенностям» [14, с. 68], который не оставляет равнодушными, очаровывает людей поколения начала XXI века.

Переломным событием в развитии советской архитектуры и градостроительства стали постановления ЦК КПСС и СМ СССР от 4 ноября 1955 г. «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» [12, с. 532 – 536] и от 31 июля 1957 г. «О развитии жилищного строительства в СССР» [13, с. 193 – 208]. Данные постановления были вызваны требованиями научно-технического прогресса, социального развитием страны. После Великой Отечественной войны, когда десятки миллионов советских людей не имели крыши над головой и ютились во

«временках» и бараках, продолжались процессы урбанизации, методы строительства становились все более индустриальными, – сама жизнь требовала массового жилищного строительства и типизации проектов жилых и общественных сооружений. Однако именно в этот период, в послевоенное десятилетие окончательно оформляются черты архитектурного «стиля эпохи» – неоклассицизма. «То была пора расцвета архитектурных излишеств, когда многие архитекторы склонны были рисовать монументальные композиции, забывая о существовании денежных ассигнований, смет и тому подобных прозаических вещей...» [19, с. 95 – 96]. Нарастание противоречий разрешилось в конечном счете принципиальными изменениями в используемых проектировщиками-градостроителями архитектурных стилях: начался возврат к функциональной архитектуре, на смену неоклассицизму пришел конструктивизм. На первое место в архитектуре выдвигались экономические соображения. В постановлении от 4 ноября 1955 г. было отмечено наличие крупных недостатков в работе проектных организаций, что не соответствовало «линии партии и правительства в архитектурно-строительном деле». Отсутствие типовых проектов признавалось одной из главных причин, тормозящих массовое внедрение поточных и сборных методов строительства [12, с. 532 – 536]. «Устранение излишеств в проектировании» должно было обеспечить удешевление и сокращение сроков строительства гражданских объектов, что вполне соответствовало начавшейся с середины 1950-х гг. и утвердившейся в 1960-х – середине 1980-х гг. индустриализации строительства. Архитекторам, проектировщикам «вместо колонн, фронтонов и перспектив в духе Пиранези нужно было выдавать жилую площадь и скрупулезно считать ее сметную стоимость» [19, с. 97].

Типовые проекты в конструктивном отношении несли ряд несомненных преимуществ: появились сборные железобетонные конструкции из пустотных панелей-перекрытий, лестничные марши и т.д. Это, с одной стороны, позволяло, переходя к массовому жилищному строительству, сокращать сроки строительства жилья, с другой – экспериментировать с точки зрения использования новых архитектурных форм, объемов, строительных материалов и т.п.

Массовое жилищное строительство, его индустриализация, утверждение градостроительства по типовым проектам сопровождалось компанией по сносу бараков, «временного» жилья, появившегося на территории индустриальных городов стихийно, в первые годы строительства градообразующих предприятий, в первые послевоенные годы.

Массовый снос бараков и ветхого жилья сопровождался изменениями архитектурно-планировочных решений застройки городов. В г. Кировске, например, массовый снос бараков начался с 1967 г., когда в этом городе развернулась подготовка к реализации нового генплана. С карты города исчезли целые улицы (Новая, Болотная, Ударная, 30-летия комсомола, Нагорная, Кольцевая и др.), которые застраивались бараками, «деревяшками» еще для первых строителей города, в том числе и для заключенных ГУЛАГа в конце 1920-х – в 1930-е гг., сразу же

после Великой Отечественной войны [10, с. 35]. На начало 1973 г. в г. Кировске существовали бараки общей площадью 48,3 тыс. м², на которых проживало 4 528 человек, – это примерно 1/10 часть населения города. С 1973 по 1977 гг. все бараки в Кировске были снесены, и уже на 1 января 1978 г. бараков в городе не числилось [6, л. 129].

Территории, освобождаемые от бараков, ветхого жилья, а также вновь осваиваемые территории застраивались, особенно в хрущевский период, преимущественно 5-этажными домами. Однако проектировщики, заботясь об архитектурной выразительности застройки, учитывая возможности стройиндустрии, стремились добиться разнообразия пейзажей городских территорий, их дискретности путем включения в территории индустриальных городов озелененных пространств, использования зданий различной этажности, объемных ярусных структур. Так, в начале 1970-х гг., когда развитие г. Мончегорска требовало освоения новых территорий, самым привлекательным как по экологическим, так и по строительным соображениям признали участок леса на берегу Мончегубы, на северо-востоке города, являвшийся ближайшим местом отдыха горожан. Учитывая опыт строительства городов на зелененных территориях, который показал, что из сохраняемых участков леса в городских условиях более жизнеспособными оказываются относительно крупные участки зеленых насаждений, к проектированию подошли с особой основательностью [16, с. 89]. С помощью летчиков подшефного Сафоновского авиаполка сделали крупномасштабную аэрофотосъемку, а специалисты-лесники определили наиболее перспективные участки леса, которые следовало сохранить [18, с. 246]. Из двух предложенных проектов планировки микрорайона более удачным был признан проект, выполненный архитектором В.Д. Чернопятовым, который сохранил наиболее ценную лесопарковую зону в центре и на севере нового микрорайона, учел рельеф местности. Вынужденный использовать только типовые дома, В.Д. Чернопатов применил принцип свободной планировки и сумел уйти от скучной серости, создал в районе живописный вид и уют, присущий Мончегорску с первых лет его существования [14, с. 92].

Постоянно увеличивалась в новом строительстве доля домов повышенной этажности. В г. Череповце, например, первый 9-этажный типовой односекционный дом был построен уже в 1966 г., а в XI пятилетке в городе появились первые 12-этажные дома [23, л. 193 – 194]. В г. Мончегорске строительство первых 9-этажек началось в конце 1970-х гг., а в г. Новодвинске первый 9-этажный дом на 225 квартир был сдан в 1982 г. [3, л. 28], [5, л. 47]. В визуальную среду индустриальных городов вносило разнообразие увеличение удельного веса в новой застройке крупнопанельных и каркасно-панельных домов и зданий соцкультбыта. Так, в 1979 г. в г. Мончегорске преобладало строительство крупнопанельных жилых домов, удельный вес которых в общем количестве введенного жилья составил 67 %, увеличившись по сравнению с 1976 г. в два раза [5, л. 49]. Главный архитектор г. Апатиты в 1979 г. отмечал: «С каждым

годом в г. Апатиты и пригородной зоне все меньше строится зданий кирпичных и все больше панельных. Если несколько лет назад общественные здания города строились только из кирпича, примером тому служит застройка центра города, то в настоящее время и общественные здания строятся из панелей ... <...> ...меняется архитектура зданий...» [7, л. 88].

В 1970-е гг. в индустриальных городах региона появились первые дома комбинированной конструкции – в кирпично-панельном и кирпично-блочном исполнении, монолитно-блочные дома, увеличилось количество домов по индивидуальным и экспериментальным проектам, которые с архитектурной точки зрения намного выгоднее отличались от своих типовых предшественников [23, л. 193 – 194], [24, л. 4 – 6].

Изменение архитектурного облика г. Кировска в 1960-е – в начале 1980-х гг. так фиксировалось в аналитической справке инспектора госстатистики г. Кировска: «За последние 20 лет сильно изменился облик города. На 1 января 1960 г. 577 зданий из 622 (или 93 %) имели менее четырех этажей. В городе было всего 12 пятиэтажных зданий, жилая площадь которых составляла 11 % всей жилой площади городского жилищного фонда. Средняя этажность здания составляла 1,6 этажа, т.е. здания были преимущественно двухэтажные. Только 16 % зданий (42 % жилой площади) были каменные и кирпичные, остальные 525 зданий с площадью 122,5 тыс. м² (58 %) – деревянные, каркасно-засыпные или щитовые. Все это отрицательно сказывалось на архитектурном облике города. В последние десятилетия происходил интенсивный снос старых домов, велось широко-масштабное строительство, появились новые районы (застройка десятиго и двадцатого километра). По состоянию на 1 января 1982 года в городе насчитывается 298 жилых зданий, то есть число их сократилось в два раза, в то же время вдвое увеличилась жилая площадь. Теперь лишь 27 % жилых домов (80) имеют менее четырех этажей, а их площадь составляет 6 % всей жилой площади городского жилья. Средняя этажность зданий достигла 4,1 этажа против 1,6 в 1960 году. Было построено пять девятиэтажных жилых домов. С 1965 года началось строительство крупнопанельных домов и сейчас их общее количество достигло 108, а их жилая площадь составляет 54 % жилой площади города. Резко сократилось количество деревянных и брусчатых домов с 113 до 37. Совсем не стало каркасно-засыпных и щитовых домов, зато количество крупнопанельных кирпичных и каменных домов составляет 237 единиц (80 % от общего числа домов), а их жилая площадь – 398 тыс. м² или 93 % всей жилой площади города» [6, л. 129 – 130].

Ценный опыт формирования оптимальных архитектурно-планировочных решений в условиях индустриальных методов строительства, при сохранении основных принципов строительства «соцгорода», наблюдался во второй половине 1970-х – первой половине 1980-х гг. при строительстве г. Костомукши в неосвоенном районе на северо-западе Карелии.

При возведении города, осуществлявшемся в рамках советско-финского проекта, были учтены достижения двух градостроительных школ – совет-

ской и финской. Структурно-планировочные решения г. Костомукши определились при разработке генплана как результат оценки природноклиматических данных, рельефа и ландшафта местности, качества лесных массивов на территории города, взаимосвязи селитебной и промышленной территории, возможности перспективного развития города. Территория города, имеющая сравнительно пологий спуск к озеру Контолки и спокойное понижение рельефа к востоку и югу, холмы, покрытые лесом, живописное очертание большого озера Контолки, создавали прекрасную среду со своеобразным северным ландшафтом.

«Фасад» города обращен к озеру Контолки, он запроектирован таким образом, чтобы естественный «амфитеатр» местности подчеркивался застройкой: на самых высоких отметках местности расположены высотные дома, по мере снижения отметок местности снижается и этажность зданий. Акценты на холмах и многоплановый силуэт застройки дают необходимый психологический и художественный контраст, создают впечатление от города как от скульптуры, расположенной в зелени. При проектировании города было осуществлено такое зонирование селитебных территорий, которое позволяло максимально сохранить лесные массивы. Зеленая система города построена на основе «вклинивания» в город больших лесных массивов, принята свободная планировка территории по принципу «дом в лесу», которая сочеталась с возведением малосекционных домов с относительно невысокой плотностью застройки (ниже нормы на 20 – 25 %) и невысокой плотностью населения [11, л. 17 – 18]. Свободное начертание жилых групп обеспечивает богатую светотеневую пластику застройки и различия в эмоциональных уровнях ее восприятия. Строительство жилья предполагалось осуществлять замкнутыми кварталами, что является наиболее приемлемым для суровых климатических условий северо-запада Карелии, так как замкнутый двор защищает от ветров, шума, кроме того, создает благоприятный интерьер для проживающих, несет на себе определенные социальные функции, являясь объединяющим звеном для жителей [11, л. 20 – 21]. Членение жилых образований в соответствии с генпланом осуществлялось не по микрорайонам, а по блокам: А, Б, В, Г и т.д. В центре жилых блоков располагались детские дошкольные учреждения и школы с их территориями. Ярко выраженный центр Костомукши выполнен в линейно-планировочной структуре, так называемый городской «Арбат» начинается от берега озера Контолки. Продуманная планировка системы пешеходных связей, как внутриквартальных, так и микрорайонных – тротуаров, пешеходных дорожек, выполненных с учетом характерных особенностей поверхности земли на территории города, обеспечивала оптимальные внутригородские связи, придавала городу уют и ухоженность.

Определенным разнообразием отличается архитектурный облик тех индустриальных городов региона, которые как городские поселения возникли исторически и изначально относились к иным типологическим группам городских поселений, однако с

течением времени стали развиваться по модели индустриальных городов, при этом сумели сохранить фрагменты исторической застройки. К таким городам региона относятся, например, Череповец, Коряжма. Сохранение в Череповце осколков исторической части города – прежде всего, Воскресенского собора – сооружения XVIII века, нескольких зданий последней трети XIX века вдоль Советского проспекта, выполненных в так называемом «кирпичном стиле»; сохранение в Коряжме монастырского здания начала XX века, которое соединяет в себе два разных по функциям сооружения – церковь и келейный корпус, объединенные по-северному в один объем, выполненный в «кирпичном стиле», позволило включить эти здания в середине 1980-х гг. в современную градостроительную структуру, современную жизнь индустриальных городов [22, л. 113–119], [20], [21]. Сохранение архитектурных и исторических памятников прошлых столетий в индустриальных городах региона позволило не только придать внешнему облику индустриальных городов неповторимый образ, но и показать, что данные города обладают исторической глубиной, что расширяет культурно-историческое пространство человека в советском индустриальном городе.

Однако в целом архитектурный облик индустриальных городов европейского севера России свидетельствует, что рационализм сделал архитектуру городов маловыразительной, серой, лишенной образности. Например, существовавшая к началу 1980-х гг. часть г. Апатиты на 90 % была сформирована из 5-этажных зданий, что делало визуальную среду города безликой, унылой, лишенной образности, гуманистического смысла [8, л. 50 – 52]. Микрорайоны, выполненные по типовым проектам, невыгодно контрастировали с городскими кварталами и микрорайонами с застройкой в стиле неоклассицизма, с просторными улицами, проспектами и площадями, зданиями, отличающимися величественностью, жизнерадостностью, гуманизмом, монументальностью, с фрагментами исторической части городов. Это особенно бросается в глаза в таких индустриальных городах региона, как Череповец, Кировск, Коряжма, Мончегорск, Новодвинск. Но все же массовое жилищное строительство, ставшее этапом в советском градостроительстве, дало возможность миллионам советских людей улучшить свои жилищные условия, переселившись из «временок», «бараков», «общежитий», «съемного» жилья в благоустроенные квартиры.

***Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» 2009 – 2013 г., ГК П 360.**

1. Агеева, Е.Ю. Город как социокультурное образование / Е.Ю. Агеева. – Н. Новгород, 2004.
2. Алисов, Д.А. Административные центры Западной Сибири: городская среда и социокультурное развитие (1870 – 1914 гг.) / Д.А. Алисов. – Омск, 2006.
3. Архивный отдел г. Новодвинска. – Ф. 27. – Оп. 1. – Д. 87.
4. Город в зеркале генплана: панорама градостроительных проектов в российской провинции XVIII – начале XXI вв.: сб. статей / под ред. Е.В. Конышевой и др. – Челябинск, 2008.
5. Государственный архив Мурманской области в г. Кировске (ГАМО в г. Кировске). – Ф. 106. – Оп. 3. – Д. 193.
6. ГАМО в г. Кировске. – Ф. 187. – Оп. 1. – Д. 684.
7. ГАМО в г. Кировске. – Ф. 368. – Оп. 1. – Д. 61.
8. ГАМО в г. Кировске. – Ф. 368. – Оп. 1. – Д. 78.
9. Кириллова, Л.И. Советская архитектура за 50 лет / Л.И. Кириллова. – М., 1968.
10. Кировское ЖКУ три четверти века. 1930 – 2005 / сост. И. Минзарь. – Апатиты, 2005.
11. Костомукшский муниципальный архив. – Ф. 19. – Оп. 1. – Д. 154.
12. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1985. – Т. 8.
13. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1985. – Т. 9.
14. Лукичев, Ю. Город в красивой тундре. Краеведческая повесть / Ю. Лукичев. – Мурманск, 1993.
15. Metallург Заполярья: газ. / печатный орган парткома, профкома, комитета ВЛКСМ, дирекции комбината «Североникель». – 1987. – 18 сент.
16. Мирзоев, Р.А. Особенности архитектурно-планировочной организации нового города в Восточной Сибири. (На примере Новая Зима) / Р.А. Мирзоев, Н.В. Кашкадамова // Планировка и застройка новых городов. В помощь проектировщику-градостроителю. – Киев, 1974.
17. Пилявский, В.И. История русской архитектуры / В.И. Пилявский. – Л., 1984.
18. Поздняков, В.Я. Североникель (страницы истории комбината «Североникель») / В.Я. Поздняков. – М., 1995.
19. Ромм, И. Заметки архитектора / И. Ромм // Живая Арктика: историко-краеведческий альманах. – 2001. – № 1. – С. 92 – 99.
20. Трудовая Коряжма: газ. / печ. орган Коряжемского гор. ком. КПСС и гор. Совета нар. депутатов. – 1986. – 14 окт.
21. Трудовая Коряжма: газ. / печ. орган Коряжемского гор. ком. КПСС и гор. Совета нар. депутатов. – 1987. – 15 окт.
22. Череповецкий центр хранения документации (ЧЦХД). – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 986.
23. ЧЦХД. – Ф. 7. – Оп. (11)1. – Д. (525)173.
24. ЧЦХД. – Ф. 7. – Оп. (11)1. – Д. (977)248.

МОДЕЛЬ МИРА ВО ВЗГЛЯДАХ РУССКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается выраженная во взглядах русских мыслителей в годы Первой мировой войны модель нового мирового устройства, исключающая любые вооруженные конфликты из жизни человечества.

Первая мировая война, русские мыслители, модель мира, христианизация.

The paper considers a new model of the world being represented in the ideas of Russian thinkers during the First World War. This model excludes any armed conflicts in the life of the humanity.

World War I, Russian thinkers, the model of the world, Christianization.

В отличие от получившей широкое освещение в научной литературе материально-экономической стороны истории Первой мировой войны, связанной с борьбой государств за новые территории, источники сырья и сферы влияния, ее духовная составляющая – тот спектр общественно-политических идей, нравственных идеалов и моральных ценностей, которые, определяя умонастроения народов, были ярко выражены в различных странах, в том числе и в России, – во многих отношениях остается мало изученной или вовсе не раскрытой. Это, в частности, относится к взглядам В.И. Иванова, Н.А. Бердяева, С.Н. Дурылина и других русских мыслителей о необходимости создания нового устройства мира, исключающего возникновение каких-либо войн и несущего свободу и счастье всему человечеству. Даже в условиях возросшего в последние годы интереса к указанным авторам, как представителям «русской идеи», данный вопрос не стал предметом специального изучения.

Между тем означенные взгляды русских мыслителей нашли свое воплощение в определенной модели мирового устройства, которую условно можно обозначить как «христианско-православную». В ее обосновании значительную роль сыграли идеи славянофилов, Ф.И. Тютчева и Ф.М. Достоевского, к которым было обращено особое внимание в военный период. «Христианско-православная» модель предполагала достижение на Земле «вечного» мира посредством духовного преображения и единения человечества на основе его христианизации или «православизации».

Русские мыслители как XIX, так и начала XX века исходили из тех представлений, что военные катастрофы, социальные потрясения, вражда и зло в мире происходят из-за духовной опустошенности людей, утраты ими истинной веры и отсутствия на этой почве взаимопонимания, согласия и чувства братства. Единственно истинным путем, на который должны ступить народы, чтобы уберечь себя от взаимоистребления и достичь всеобщего процветания, они считали христианство. Данный путь предполагал глубокое усвоение христианского учения как основы жизни и деятельности человека, его мировоззрения и нравственности. Проповедуя эту идею, С. Дурылин ссылаясь на следующие слова славянофила К.С. Ак-

сакова: «...христианство истинно, и христианство есть единый истинный путь. Следовательно, этим истинным путем и надобно идти» [5, с. 35]. О необходимости постепенного преодоления в мировой истории темного злого начала светлым и добрым «путем христианизации человечества» [10, с. 3] говорил и другой автор, А. Цинговатов. «Христос, христианство, – утверждал он 7 декабря 1914 г. в публичной лекции, посвященной заветам Ф.И. Тютчева, – вот единственный исход из трагических противоречий „злой жизни“, вот единственное наше спасение... духовное наследие Христа... явлено для спасения всего человечества» [10, с. 4].

При этом подчеркивалось, что настоящая христианская истина заключалась в православии, наиболее верным приверженцем которого был русский народ. Согласно таким взглядам, главным отличием носителей истинного вероучения было признание ими приоритета духовных, нравственных ценностей над вещественными, материальными интересами. Роскошь, богатство, с точки зрения мыслителей, всегда рассматривались русскими православными людьми как порок, а счастье виделось в исполнении евангельских заветов. Напротив, жизненные идеалы и устремления европейцев, утвердившиеся на основе западного христианства, представлялись как прямо противоположные. Так, по мнению докладчиков, выступавших на религиозных собраниях в Петрограде, вследствие разрыва таинственной связи с Богом германцы «оторвались от неба и занялись всецело землей», сформировав убеждение, что «счастье наше, благополучие, все внутреннее удовлетворение человека зависит прежде всего от внешних условий, создаваемых самим человеком» [7, с. 24]. В результате, как говорилось в газете «Утро России» от 14 августа 1914 г., а затем цитировалось в книге В.В. Розанова, моралью «страны, создавшей Канта, стало уважение к богатству и толстому животу, набитому колбасой и налитому пивом» [9, с. 66].

В соответствии с такими представлениями, русские мыслители кардинально расходились с германцами, да и в целом с европейцами, в оценке истинного общественного прогресса, истинной культуры, а также истинной духовной свободы. Лишь с православной верой они связывали достижение свободы высшего порядка, как внутренней свободы от уст-

ремлений к материальной наживе и политическому господству. Не случайно Н.А. Бердяев в очерке «Душа России» (1915 г.) утверждал, что в «русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жадной земной прибылью и земного благоустройства» [1, с. 302].

Такую свободу, по мнению русских мыслителей, как раз и не ведал Запад. Еще Ф. Достоевский указывал на то, что «чуть не весь нынешний мир полагает свободу в денежном обеспечении и в законах, гарантирующих денежное обеспечение... А между тем это в сущности не свобода, а опять-таки рабство от денег» [4, с. 62]. Такая позиция высказывалась и в годы Первой мировой войны. «Внешней свободы, – утверждал, например, С. Дурылин, – не может быть при внутреннем рабстве, при подчинении бездушной материалистической культуре» [5, с. 37].

Именно незнание сути подлинной свободы, по убеждению русских авторов, вело народы к опасности физического уничтожения, которая непосредственно нависла над ними в связи с мировыми притязаниями достигшей военного могущества Германии. Немец, как отмечал Н.А. Бердяев в очерке «Судьба России» (1918 г.), «погрузился... в... материальное властвование... дух его изошел в материю» [2, с. 371]. Вследствие этого представлялось вполне закономерным, что из глубочайших недр германского мира, по образному выражению А. Цинговатова, «вырвалось безобразное чудовище Хаоса, готовое пожрать на своем пути все и превратить всю Европу, а если можно и весь мир, в один кровавый кошмар, в одну кровавую пустыню» [10, с. 18].

К тому же русские мыслители принципиально отказывали Западу в возможности привести человечество к светлому будущему. Они считали, что утвердившаяся там внешняя юридически трактуемая свобода, основанная на теории общественного договора, вела к установлению лишь формальных отношений между людьми и не способна была служить фундаментом истинно свободного общества. Ее победа во вселенском масштабе не в состоянии была бы предохранить человечество от войн и социальных потрясений и даже спасти возведенное на основе западных ценностей все общественное здание от полного краха. Как заявлял еще Ф.М. Достоевский, «все гражданское основание всех европейских наций – все подкопано и, может быть, завтра же рухнет бесследно на веки веков» [3, с. 166]. И в годы Первой мировой войны также выражалась уверенность, что начавшаяся война «знаменует общий кризис европейской цивилизации, свидетельствует об ее зрелости и приближении ее конца» [9, с. 56].

Напротив, повсеместное утверждение внутренней, духовной свободы каждой личности, с точки зрения русских авторов, должно было привести к созданию нового, самого свободного, справедливого и счастливого общественного устройства – «Царствия Божьего на земле», основанного на высших нравственных началах и скрепленного христианской любовью. С возведением христианской нравственности в основу всей жизни человека, с их точки зрения, решался вопрос не только установления соци-

альной гармонии внутри каждого общества, развития каждой национальности, но и создания всемирного братства различных народов, примирения людей всей планеты, их окончательного единения и, соответственно, реализации многовековой мечты человечества о вечном мире. «Мы должны и будем бороться за мир всего мира, – писал в 1914 г. В. Орлов, – видя в нем не космополитические теории, а Царствие Божье на земле» [8, с. 13].

Тем самым именно России отводилась особая миссия в совершенствовании мира на указанных основаниях. А. Цинговатов прямо провозглашал: «Живая собирательная душа человечества – Россия. России суждена единственная, исключительная роль во всемирной истории... Неисповедимыми путями Промысла России предначертана великая, священная миссия – привести человечество к ногам Христа» [10, с. 4 – 6]. Осуществление этой миссии, по убеждению религиозных мыслителей, предполагало православное просвещение народов, привнесение в человечество нового слова, новой идеи. Важно отметить, что русские авторы не отрицали всемирного предназначения других народов, считая, что «разные народы в разное время избираются для великой миссии» [1, с. 308]. Но они выражали уверенность, что для ее исполнения настал черед именно русского народа и всего славянства. «Россия, – заявлял Н. Бердяев, – призвана сказать новое слово миру, как сказал его уже мир латинский и мир германский» [1, с. 307]. «Бьет тот час мировой истории, – подчеркивал он, – когда славянская раса во главе с Россией призывается к определяющей роли в жизни человечества» [1, с. 297].

Как видно, сторонники «христианско-православной» модели мира делали акцент на предполагаемое использование исключительно мирных средств для достижения священной цели. Однако обязательным условием исполнения Россией ее великого предназначения они считали овладение Константинополем, чего невозможно было добиться дипломатическим путем. Константинополь, с их точки зрения, должен был не только удовлетворить чисто экономические потребности страны в обладании знаменитым портом, но и стать объединительным центром православных, славянских народов, во главе которых России предстояло решить предначертанные ей задачи. Таким образом, присоединение Константинополя давало России военно-политическое и духовное преобладание в мире и тем самым – материальные и духовные предпосылки для преобразования человечества уже в послевоенных условиях.

Отсюда признание русскими мыслителями войны, в том числе мирового масштаба, как неизбежного явления на пути реализации Россией ее великой миссии. Еще в марте 1877 г. Ф.М. Достоевский выражал свою полную уверенность в том, что именно в восточном вопросе произойдет «окончательное столкновение наше с Европой» [4, с. 74], о чем весьма кстати вспомнил В. Иванов в ходе Первой мировой войны. Достоевский, констатировал он в 1916 г., «предвидел настоящую мировую из-за Царьграда войну, не нами поднятую, и заранее учил, что нам

должно ее принять» [6, с. 154]. И как Федор Михайлович в ходе русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. видел в действиях России «первый шаг к достижению того вечного мира, в который мы имеем счастье верить, к достижению воистину международного единения и воистину человеколюбивого преуспевания» [4, с. 100], так и В. Иванов рассматривал развернувшуюся мировую войну в качестве того «порога», через который придется перейти народу на пути к его высокой цели. После трех месяцев всеобщего кровопролития он убежденно заявлял: «И то дело, что мы творим, есть еще только переход или порог к предстоящему нам вселенскому делу. Но если не перейдем порога, то и окончательного назначения нашего не исполним» [6, с. 18]. А уже в 1916 г. он с воодушевлением говорил о приближающемся «царьградском периоде» российской истории [6, с. 154]. Н.А. Бердяев также считал решение восточного вопроса важнейшей исторической задачей России в интересах человечества. Он даже сделал знаменательный вывод о неизбежности новых мировых войн, если первая из них не приведет к необходимому результату: «И если беспримерная война не решит восточного вопроса, то человечеству грозят новые страшные войны» [2, с. 395].

Как видно, через «большую войну» (выражение, использовавшееся в литературе тех лет) предполагалось перейти к прочному миру и счастью человечества. Специально обосновывая свою позицию в данном вопросе, Н. Бердяев утверждал, что пацифизм «провозглашает превосходные нравственные истины, но он не угадывает путей, которыми совершается историческая судьба человечества» [2, с. 320]. Периоды мирного процветания народов, считал Николай Александрович, периодически чередуются с войнами, раздорами, кровопролитием. Только в «абсолютной» жизни, то есть в «Царстве Божьем», утверждал он, «не может быть войны, насилия и убийства» [2, с. 379]. И, подчеркивая свои конечные устремления, Н. Бердяев заявлял: «Мы принимаем войну во имя ее отвержения» [2, с. 380]. Он доказывал, что светлое будущее человечества постепенно достигается в темном и злом мире посредством огромных усилий и даже самых страшных жертв, перед которыми не стоит останавливаться: «Нужно иметь мужество идти навстречу неведомому дню, идти во тьме к новой заре... перейти к новой жизни через смерть» [2, с. 353].

К тому же русские мыслители, отмечая отрицательную природу всеобщей схватки, вместе с тем увидели в ней и положительный смысл. С их точки зрения она сама создавала благоприятные условия для духовного обновления человечества. Происходившая борьба, как подчеркивалось, способствовала возрождению религиозности людей и развенчанию идеалов материального обогащения. По мнению Н. Бердяева, она являлась великим изобличителем лжи мещанской жизни и ее духовной ущербности. «Мещанская замкнутость, – утверждал он, – размыкается в крови, политикой на войне... Неизбежен конец мещанского атеизма» [2, с. 360].

Кроме того, мировая война, по убеждению русских авторов, способствовала объединению народов.

Тот же Н. Бердяев заявлял, что она «приводит Восток и Запад в такое близкое соприкосновение, какого не знала еще история... Расы и народы братаются в кровавой борьбе» [2, с. 326]. И, обращая внимание на двойственность исторических процессов, Николай Александрович утверждал, что эта жестокая битва «должна в кровавых муках родить твердое сознание всечеловеческого единства» [1, с. 306].

Тем самым война, согласно исследуемым взглядам, готовила благодатную почву по ее окончании для откровений русского духа и единения восточного и западного миров на христианской основе. В литературе указывалось на обязательность переплетения и взаимообогащения культур различных народов в ходе данного процесса и первоочередность духовного единения России с Европой. Н. Бердяев выражал уверенность, что Россия, став признанным духовным лидером, преодолит «односторонность западноевропейской культуры с ее позитивизмом и материализмом, самодовольство ее ограниченных горизонтов» [2, с. 338]. Он особо подчеркивал: «То, что совершалось в недрах русского духа... станет мировым и общечеловеческим, не восточным только, но и западным» [1, с. 297]. В. Иванов также, надеясь на высвобождение русской духовной энергии после успешного окончания войны, ожидал творческого обновления «вселенского религиозного сознания, которое... обратит, наконец, глубоко недугующий европейский мир в живое целое христианского мира» [6, с. 30].

Вслед за Европой преображенное православием христианство, на взгляд русских авторов, должно было прочно утвердиться в Азии и Африке. «Перед Европой и перед Россией, – заявлял, например, Н. Бердяев, – будут поставлены... внутренние духовные вопросы о Турции и панславизме, о Палестине, об Египте, об Индии и буддизме, о Китае и панмонголизме» [2, с. 338]. При этом мыслители высказывались за «свободное воссоединение древней азиатской души с действующей на всемирно-историческом поприще душой грядущего христианского человечества». В. Иванов специально подчеркивал, что при обращении Азии в христианство та же Индия внесет в сокровищницу вселенского религиозного сознания «все богатство своего обособленного внутреннего опыта и познания, всю самобытность своего вселенского лика» [6, с. 29]. В свою очередь, Н. Бердяев отмечал, что духовное сближение Востока и Запада принесло бы свободу всем народам, ибо «дало бы простор всякому индивидуальному историческому существованию» [2, с. 390].

Что же касалось политических форм будущего объединения народов, то здесь у сторонников «христианско-православной» модели мира не было единства взглядов. Для одних это должна была быть единая, под началом России, всемирная империя, для других – нечто вроде Соединенных Американских Штатов. Однако в любом случае всемирный союз государств и народов должен был иметь, прежде всего, духовный характер.

Таким образом, в годы Первой мировой войны во взглядах русских мыслителей, неоднократно апеллировавших к идеям славянофилов, Ф.И. Тютчева и Ф.М. Достоевского, была выражена «христианско-

православная» модель мира. Предполагалось, что ее практическая реализация на основе духовного преображения человечества и внесения в него идеи подлинной свободы должна была сотворить на земле чудо великой гармонии, всеобщего братства, примирения всех людей и устранения из их жизни всяких вооруженных конфликтов. Решающая роль в данном процессе отводилась России, в связи с чем она должна была стать политическим и духовным лидером в мире уже в ходе развернувшегося всеобщего столкновения. Претендуя на свое практическое воплощение, указанная модель тем не менее осталась в трудах русских авторов лишь в концептуальном выражении. Однако освещение борьбы за ее реализацию позволяет расширить наши представления о духовном содержании всемирного конфликта, значительная часть которого была прежде вынесена за рамки российской истории.

Литература

1. Бердяев, Н.А. Душа России / Н.А. Бердяев // Русская идея / сост. и авт. вступ. ст. М.А. Маслин. – М., 1992. – С. 296 – 312.

2. Бердяев, Н.А. Русская идея. Судьба России / Н.А. Бердяев. – М., 1997.

3. Достоевский, Ф.М. Дневник писателя за 1880 г. Август. Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине / Ф.М. Достоевский // Русская идея: сб. произведений русских мыслителей / сост. Е.А. Васильев; предисл. А.В. Гулыги. – М., 2002. – С. 162 – 172.

4. Достоевский, Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / Ф.М. Достоевский. – Л., 1983. – Т. 25.

5. Дурылин, С. Лик России. Великая война и русское призвание. Лекция, читанная в 1914 – 16 г. в Москве, Костроме и Рыбинске / С. Дурылин. – М., 1916.

6. Иванов, В. Родное и вселенское. Статьи (1914 – 1916) / В. Иванов. – М., 1917.

7. Лодыженская, О. Значение религиозного опыта / О. Лодыженская // Современные события при свете веры: докл. на религиозных собраниях в доме Е.Г. Шварц. – Пг., 1915. – С. 20 – 28.

8. Орлов, В. Причины русско-немецкой войны и ее конечная цель / В. Орлов. – М., 1914.

9. Розанов, В.В. Война 1914 года и русское возрождение / В.В. Розанов. – Пг., 1915.

10. Цинговатов, А. В Россию можно только верить! (Заветы Ф.И. Тютчева) / А. Цинговатов. – Ростов н/Д, 1915.

УДК 93/94

К.А. Соловьев

И.Л. ГОРЕМЫКИН ВО ГЛАВЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

В статье рассматривается деятельность И.Л. Горемыкина на посту председателя Совета министров, его понимание характера государственного строя, сформированного в 1905 – 1906 гг., функций Совета министров.

И.Л. Горемыкин, Государственная дума, Государственный совет, Совет министров.

The article considers the activity of I.L. Goremykin as the president of the council of ministers; his interpretation of the state system formed in 1905 – 1906, the functions of the council of ministers.

I.L. Goremykin, State Duma, State Council, Council of Ministers.

13 мая 1906 г. с трибуны Государственной думы председатель Совета министров И.Л. Горемыкин тихо и монотонно зачитал декларацию правительства. Расслышать что-либо из речи премьера было необычайно трудно. Горемыкин повысил голос лишь однажды, когда заявил о принципиальной недопустимости отчуждения частновладельческих земель. Депутатам оставалось следить за выступлением по заранее розданным экземплярам текста декларации, в которой с определенностью утверждалось, что думские требования реализованы быть не могут [8, с. 555]. «Невысокий, сгорбленный, с длинными, старомодными седыми баками, как носили дворецкие в барских домах, Горемыкин всем своим обликомлицетворял уходящую в прошлое сановную бюрократию. Говорить речи он, конечно, не умел, пожалуй, обиделся бы, если бы кто-нибудь заподозрил в нем претензию на красноречие. Горемыкин... просто читал по бумажке речь, вероятно, составленную для него кем-нибудь из секретарей. Его голос, его мане-

ры, его слова и мысли – все было из другого мира» [24, с. 421].

Образ сановного старца, не вполне адекватного острой политической ситуации, органически не принимавшего все новое в государственной жизни России, неизменно будет встречаться в воспоминаниях. «Его высокочестное имя Иван Логгинович», – так именovali Горемыкина коллеги по правительству [12, с. 23]. В поведении премьер-министра В.И. Гурко усматривал полнейшее равнодушие к происходящему. Когда министры убеждали Горемыкина в необходимости скорейшего роспуска Думы I созыва, «белорыбца» меланхолично поглощал простоквашу, будто бы и не замечая своих товарищей по кабинету [8, с. 568]. Министр иностранных дел А.П. Извольский описывал скучающего Горемыкина в кресле председателя Совета министров, лениво «отмахивавшегося» от всех нововведений в области государственного управления. Он с усмешкой говорил о наивности своих коллег, ставивших вопрос о полити-

ческом кризисе, требовавших принятия экстренных мер [10, с. 115]. Думу же он просто не замечал. По словам Извольского, Горемыкин «публично заявил, что даже не сделает им (депутатам. – К. С.) чести рассуждать с ними, но будет поступать так, как будто их не существует» [10, с. 109]. Министр финансов В.Н. Коковцов вспоминал человека с выражением полного безразличия на лице, безразлично относившегося к законодательным учреждениям [13, с. 148 – 149] и в то же время сохранявшего загадочное молчание, когда отношения между правительством и депутатами становились все более напряженными [13, с. 173].

В период премьерства И.Л. Горемыкина объединенное правительство существовало лишь номинально. Примечательно, что А.П. Извольский дал весьма низкую оценку Совету министров, в который он сам и входил: «Кабинет Горемыкина – сходбище ничтожных людей, которые ожидают событий, но не в состоянии ни их предвидеть, ни их направлять» [7, л. 135]. Впрочем, и Горемыкин довольно критично относился к своим коллегам по правительству. В частности, он жаловался императору на разномыслие среди министров, которые выносили на суд царя даже второстепенные вопросы [5, л. 18]. Заседания высшей правительственной коллегии поначалу отличались вопиющей беспорядочностью. Они даже проходили не за столом. Министры были «разбросаны» по комнате. Это придавало собраниям характер салонной беседы, на которые руководители ведомств регулярно опаздывали. Более всех в этом отношении отличался как раз министр Извольский, который почему-то все время садился на стул лицом к его спинке. Горемыкин же «председествовал... вяло, но одновременно с таким видом, что, дескать, болтайте, а я поступлю по-своему» [8, с. 553]. Согласно воспоминаниям всезнающего журналиста газеты «Речь» Л.М. Клячко, «в заседаниях Совета министров он никогда не спорил, никогда не возражал, не вносил никаких предложений. Он сидел в застывшей позе. Если он иногда вставлял несколько слов, то это отмечалось как исключительное явление. Единственно за чем он следил, это за тем, чтобы не нарушились prerogatives монархии» [12, с. 23 – 24]. Горемыкина чаще всего вспоминали в состоянии полудремы. Впрочем, он спал и в Думе, не обращая внимания на экзальтацию депутатов: «Он даже не делал попытки бороться с одолевавшим его старческим сном. Лишь только садился в свое кресло, голова его опускалась, бакенбарды ложились на лацканы сюртука, и он крепко засыпал, просыпаясь лишь от подымавшегося порой шума. Тогда он медленно поднимал голову, обводил сонными глазами депутатские скамьи и снова засыпал» [19, с. 346].

Однако было бы явной исследовательской ошибкой, принимая во внимание все эти обстоятельства, не брать в расчет Горемыкина. Этот немолодой, флегматичный и вечно дремавший человек оказал, например, существенное влияние на формирование состава Совета министров. Так, он добился отставки министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа [8, с. 538], предложил кандидатуру Н.К. Шауфуса на

пост министра путей сообщений [13, с. 155]. Наконец, по его настоянию министром внутренних дел стал П.А. Столыпин [18, с. 88].

У Горемыкина было и собственное представление об учреждении, которым он руководил. В частных разговорах он прямо утверждал, что все правительство – в одном царе и его воля не подлежит обсуждению [13, с. 180]. По мнению Горемыкина, в Российской империи Совет министров не мог играть роль парламентского кабинета. Он представлял собой не политическую власть, которую олицетворял собой лишь император, а только высшее государственное управление, «непосредственный орган действия верховной власти и исполнитель ее предначертаний». По этой причине правительство нельзя было рассматривать отдельно от царя. Борьбу, которую развернула Дума против кабинета, Горемыкин объяснял тактикой депутатов, не решавшихся непосредственно критиковать Николая II. Совету министров ничего не оставалось, как принять этот вызов, так как в его задачу входило представлять императора в Думе и Государственном совете [5, л. 18 – 20]. В этой связи правительству не стоило озадачиваться программой будущей совместной деятельности с законодательными палатами: «Она (Дума. – К. С.) будет заниматься одной борьбой с правительством и захватом у нее власти, и все дело сведется только к тому, хватит ли у правительства достаточно силы и умения, чтобы отстоять власть в тех невероятных условиях, которые созданы этой невероятной чепухой, – управлять страной во время революционного угара какой-то пародией на западноевропейский парламентаризм» [13, с. 149].

При этом, по мнению Горемыкина, объединенное правительство было насущной необходимостью, по крайней мере, для решения двух задач. Во-первых, Совет министров смог бы представлять императора в Думе только в том случае, если бы деятельность высшей бюрократии в России в полной мере координировалась кабинетом. Во-вторых, консолидация усилий министерств и ведомств должна была способствовать минимизации «бюрократического хаоса» при принятии решений государственного значения. «В настоящем своем виде вся наша правительственная организация представляется сложным, пестрым и иногда неуклюжим наслоением учреждений и властей, наследием протекшего со времени реформ Александра I столетия, в течение которого эти учреждения создавались, переделывались и нагромождались одно на другое без достаточного согласования, под влиянием разнородных потребностей государственного управления. Пока не существовало созданных ныне представительных законодательных учреждений, правительство могло действовать с таким несовершенным аппаратом, но ныне он становится решительно непригодным» [5, л. 21].

Записку с программой действий будущего кабинета Горемыкин подал еще 19 апреля 1906 г., т. е. за несколько дней до своего назначения председателем Совета министров. В самом ее начале будущий глава правительства констатировал невозможность вернуться к дореформенным временам и, следовательно,

отказаться от представительных органов власти: «Мысль об участии народных представителей в законодательной деятельности правительства успела пустить во всех слоях русского народа глубокие корни, недоверие и даже ненависть к чиновничьему строю управления настолько всеобщие и болезненные, что монархической власти угрожала бы серьезная опасность, если бы сделаны были шаги, оправдывающие предположения о том, что с народным представительством намерены покончить или сузить его до пределов призрачности» [5, л. 22об]. Правительству следовало считаться с Думой, имея в виду, что процесс складывания новой политической системы должен был стать мучительным и долгим [5, л. 23об].

От депутатов Думы I созыва Горемыкин многого не ожидал. Он предсказывал, что народные избранники очень скоро обнаружат свою «деловую неспособность»: они будут «тонуть» в бесплодных прениях, порой позволяя себе дерзкие выходы против представителей власти или даже провоцируя беспорядки среди населения. Однако и в этом случае правительство должно было исключить для себя самое простое решение этого вопроса – роспуск Думы. Он был бы чреват серьезными потрясениями для государства. «К этой мере придется прибегнуть лишь в том случае, если Дума узурпирует не принадлежащую ей власть, и обратиться в Учредительное собрание. Таких действий, конечно, допускать нельзя ни под каким предлогом» [5, л. 24]. «Но едва ли подобная ситуация была бы возможна», – предсказывал И.Л. Горемыкин [5, л. 24]. От кадетов, занявших лидирующие позиции в Думе, он ожидал предельно осторожную тактику – не штурм государственной власти, а тайного «подкопа» под действовавшее правительство [5, л. 24]. «При таком обороте дела надо дать Думе самой похоронить свой престиж в народном сознании и обнаружить свое бессилие. Такое положение может представить известную опасность, но эта опасность будет меньше той, которую представило бы распускание Думы с ореолом жертвы политической реакции» [5, л. 25]. Горемыкин предлагал будущему правительству тактику выжидания: либо Дума сама подорвет собственный престиж и ее роспуск не будет столь опасен для государства, либо она займет радикальную позицию и власти придется принимать решительные меры.

По прошествии двух месяцев с момента подачи горемыкинской записки к решительным мерам все же пришлось прибегнуть. И в данном случае глава правительства сыграл далеко не последнюю роль. 7 июля 1906 г. заседание Совета министров было назначено на 8 часов вечера. Сам Горемыкин был вызван в Царское Село к 5 часам. Его возвращения ждали до девяти. Он пришел веселым, в приподнятом настроении. Оказывается, вопрос о роспуске Думы был по его настоянию решен (она будет распущена 9 июля), а сам Горемыкин отставлен от столь тяготившей его должности [13, с. 185]. В 9 часов 30 минут приехал и Столыпин [6, л. 59], новый председатель Совета министров. Он рассказал коллегам, какое давление он выдержал со стороны барона В.Б.

Фредерикса, уверенного в том, что роспуск Думы обозначал и конец династии [13, с. 186]. В правительстве роспуск нижней палаты вызывал у многих большие опасения. Единодушия не было. На самом заседании кабинета А.П. Извольский, П.М. Кауфман, В.Н. Коковцов выступили против роспуска Думы, считая это решение чрезвычайно опасным: «Он неминуемо обозначил бы собою явный разрыв правительства с населением, без поддержки которого немислима между тем никакая созидательная работа, а следовательно, невозможно и действительное успокоение страны» [20, с. 34 – 35]. Министры решительно высказывались даже в пользу обновления правительства, т. е. приглашения в состав кабинета чиновников, более приемлемых для думского большинства [20, с. 38 – 39]. Утром 8 июля, после бесконечного заседания Совета министров, руководители ведомств выходили на улицу в страшном возбуждении. Особенно волновался В.Н. Коковцов: «О бирже я не говорю, на бирже будет полный крах. Но что будет в России, что будет в Санкт-Петербурге» [15, с. 125]. На уверения окружающих, что ничего не будет, презрительно пожимал плечами. Коковцова успокаивал морской министр А.А. Бирилев: «Что за вздор. А вот пусть попробуют, приведу из Кронштадта несколько флотских экипажей и всех на штыках разнесем» [15, с. 125]. С.Е. Крыжановский впоследствии подмечал, что по насмешке судьбы именно экипажи взбунтовались на следующий день [15, с. 125].

В ту ночь в самом центре столицы шло активное передвижение войск, что смутило некоторых депутатов [25, с. 207 – 208]. Эти опасения были не напрасны. В отличие от многих своих коллег Горемыкин был настроен весьма решительно. Бесшумно расхаживая в мягких тапочках по коврам своего кабинета на Фонтанке, он повторял: «Нужна только твердость». Когда же один генерал предостерегал против роспуска Думы, указывая на возможные народные волнения, премьер возразил: «Народ не тронется, и если революционная чернь пойдет на Петергоф, то уж, конечно, назад не вернется» [23].

Поздно вечером 8 июля после трудного дня, полного суеты и забот, аудиенции у императора и совещаний с министрами И.Л. Горемыкин вернулся домой и приказал ни в коем случае не будить его ни под каким предлогом, так как он очень устал. Может быть, он что-то знал или нечто предчувствовал, а может быть, его действительно одолевал сон, но именно в эту ночь ему пришел пакет от императора с предписанием приостановить действия, направленные на роспуск Думы. Но Горемыкин спал, а в это время манифест о роспуске печатался, войска в Петербурге концентрировались, а также вешались замки на двери Таврического дворца. За утренним чаем, перед тем как раскрыть пакет из Петергофа, он прочитал «Правительственный вестник». И лишь убедившись, что Манифест о роспуске Думы уже опубликован, распечатал конверт, дабы убедиться, что опасения его были не напрасны [1, с. 286], [2, с. 419], [8, с. 571], [9, с. 176], [11, с. 167], [13, с. 192], [14, с. 125 – 126], [16, с. 71], [17, с. 399], [21, с. 96], [22, с. 15].

Уже после своей отставки, 19 июля 1906 г., И.Л. Горемыкин подал новую записку императору, в которой обобщал свой опыт на посту председателя Совета министров. Горемыкин признавал, что в итоге реализовался тот вариант, который им считался маловероятным: Дума заняла антигосударственную позицию и поэтому была разогнана. С учетом того, что возвращение к прежнему режиму управления было уже невозможным, перед правительством стояла задача выработать глубоко обдуманную линию поведения по отношению к Думе нового созыва. Его политика не могла быть «реакционной», так как она способствовала бы лишь большей дестабилизации внутриполитической ситуации в стране [5, л. 11]. Однако «во всяком случае в расчет надо принимать наихудшие условия и, с такой точки зрения, следует допускать, что новый состав Думы может быть хуже распущенного ныне – в том смысле, что революционные элементы будут в нем многочисленнее нынешнего» [5, л. 12]. Правительство будет вынуждено вновь распустить представительное собрание и уже всерьез задуматься о реформе избирательного законодательства, чтобы предотвратить разрастание кризисных явлений в сфере государственного управления [5, л. 12об].

Для того чтобы законотворческий процесс стал более эффективным и предсказуемым, Горемыкин предлагал реформировать и Государственный совет. По его мнению, верхняя палата должна была выполнять особую стабилизирующую функцию в механизме взаимодействия представительной и исполнительной властей. Во-первых, она не должна была позволять Думе напрямую противостоять верховной власти. Во-вторых, ей следовало уравнивать интересы народные, представленные в нижней палате, государственными интересами. Иными словами, Государственному совету суждено было предлагать альтернативное видение злободневных проблем не с точки зрения частных нужд, а исходя из «высших потребностей государственного бытия» [5, л. 14об]. Однако, по словам Горемыкина, верхняя палата пока не справлялась со своими обязанностями. «Причина этому лежит, как бы это не казалось странным, в составе членов Совета по назначению» [5, л. 15]. Реформированный Государственный совет автоматически пополнился всеми членами этого учреждения, назначенными и до 1906 г. При этом не учитывалось, что они были назначены совсем в другую эпоху и многие из них не подходили для работы в законодательном органе власти. Более того, они так и не поняли, в чем заключается их истинная роль в верхней палате. «Они не сочли себя солидарными с действиями верховной власти государственного управления, представителями правительства в Совете, а усвоили себе, каждый в соответствии со своими политическими взглядами, не согласованное с потребностями государственными положение» [5, л. 15об]. В итоге Государственный совет стал непредсказуемым и не соответствовал предначертанной ему роли. Его члены колебались между правительством и Думой и, по ощущениям Горемыкина, склонялись в сторону народных избранников, не желая действовать вопре-

ки господствовавшим общественным настроениям. Подобная ситуация бывшему председателю Совета министров представлялась нетерпимой, так как она расшатывала основы государственности. «Невозможно допустить такое положение, чтобы верховная власть назначала в Государственный совет половину его членов для того, чтобы не только не встретить в ней той опоры, которую она признает нужной, а для того, чтобы при участии этих членов образовалось в Совете оппозиционное большинство» [5, л. 16об]. Впредь правительство должно относиться к подбору членов верхней палаты с величайшей осмотрительностью. Председатель же Государственного совета должен находиться в тесном контакте с представителями высшей бюрократии [5, л. 18].

В записках Горемыкина была заключена своего рода правовая концепция, в которой отзывалось заметно модифицированное славянофильское учение. В деле управления страной бывший премьер отводил ведущую роль бюрократическому аппарату, возглавляемому самодержцем. Не отрицал он и народных представителей, защищавших общественные интересы и выполнявших роль приглашенных экспертов для принятия политических решений. Эти две столь непохожие силы должны были по возможности мирно сосуществовать, найдя столь необходимый *modus vivendi*. Горемыкинская модель весьма противоречива. Бывший глава правительства отказывал Совету министров в самостоятельной политической роли и в то же время требовал, чтобы это учреждение стало полноценным объединенным кабинетом. Совету министров следовало стать послушным механизмом в руках императора, и одновременно с тем именно он и должен был отвечать за все политические решения перед Думой.

В Царском селе о Горемыкине не забыли, и в начале 1914 г. ему было суждено вновь возглавить правительство. Сам Горемыкин так объяснял Коковцову свое назначение: «Я напоминаю старую енотовую шубу, которая давно уложена в сундук и засыпана камфарою, и совершенно недоумеваю, зачем я понадобился; впрочем, эту шубу так же неожиданно уложат снова в сундук, как вынули из него» [13, с. 267]. И теперь, по прошествии 8 лет с момента роспуска Думы I созыва, «горемыкинский стиль» ведения заседаний Совета министров не изменился. А.Н. Наумов впоследствии вспоминал: «Горемыкин был скуп на слова. В Совете министров Иван Логгинович производил на меня впечатление человека, который готов внимательно слушать прения, но вместе с тем думает про себя свою собственную думушку. Думушкой этой он делился лишь с одним своим государем, настраивая Его Величество следовать его, Горемыкина, взглядам и советам» [18, с. 356]. При этом, по словам Наумова, существенного влияния на назначения министров Горемыкин не оказывал [3, л. 180]. Бывший государственный секретарь барон Ю.А. Икскуль считал, что подлинные бразды правления оказались в руках главноуправляющего земледелием и земледелием А.В. Кривошеина. В Го-

сударственном совете были уверены, что Кривошеин должен сменить Горемыкина, когда «почтенный старец окончательно рассыплется» [3, л. 180]. Министр финансов П.Л. Барк даже называл Кривошеина «душой» Совета министров [4, л. 1874], В.Н. Коковцов – «серым кардиналом», который намеренно выдвинул кандидатуру Горемыкина в премьеры, зная, что при этом главе правительства именно Кривошеин будет вершить все дела, не принимая на себя никакой политической ответственности [13, с. 266]. Думские лидеры, искавшие контактов с правительством, вели переговоры с Кривошеиным, а не с Горемыкиным [12, с. 48].

Все это не прибавляло единства правительству. Министр внутренних дел Н.А. Маклаков не скрывал своего неприятия Кривошеина и в беседах с мало-знакомыми людьми подвергал его беспощадной критике [18, с. 284 – 285]. У морского министра И.К. Григоровича были весьма натянутые отношения с министром путей сообщений А.Ф. Треповым и министром торговли и промышленности князем В.Н. Шаховским [18, с. 361]. Многие ведомства (в том числе и МВД) зачастую игнорировали позицию правительства [18, с. 358 – 359]. Это касалось и министра путей сообщений Трепова, который в 1916 г. внес в Думу «большую железнодорожную программу» без какого-либо обсуждения в Совете министров, а лишь с санкции императора [18, с. 369]. Решения военного, морского ведомств, Министерства иностранных становились «сюрпризами» для их коллег. Так, С.Д. Сазонов в 1915 – 1916 гг. вел переговоры о доставке шведской стали Румынии и о снабжении последней автомобильными шинами и лошадьми, не ставя в известность другие правительственные учреждения [18, с. 362]. «Произвол отдельных министров, общая несогласованность, злоупотребление волей и именем государя, явный раскол среди коллегии, отсутствие сильного объединяющего лица», – таково было первое впечатление А.Н. Наумова от участия в заседании правительства 10 ноября 1915 г. [18, с. 350].

И все же горемыкинский стиль руководства вновь оказался востребованным. Торжествовала и его политическая модель, соединявшая несоединимое. В этом, прежде всего, сказалась неспособность императора однозначно ответить себе на вопрос, поставленный еще весной 1906 г.: ограничена ли теперь власть самодержца или нет. Фигура Горемыкина как будто бы позволяла не замечать этой проблемы, что способствовало лишь возникновению новых проблем, не менее существенных. И в итоге отказываясь занять определенную позицию и утрачивая всякий контроль над ситуацией, дезорганизованная и многоголовая правительственная власть невольно скользила навстречу неизвестности.

1. *Бельгард, А.В.* Воспоминания / А.В. Бельгард; вступ. статья, подгот. текста Е.Н. Андреевой; коммент. Г.М. Пономаревой, Т.К. Шор, Н.Г. Патрушевой. – М., 2009.
2. *Богданович, А.В.* Три последних самодержца / А.В. Богданович; предисл. А. Боханова. – М., 1990. – 608 с.
3. ГА РФ. – Ф. 102. – Оп. 265. – Д. 1011.
4. ГА РФ. – Ф. 102. – Оп. 265. – Д. 1036.
5. ГА РФ. – Ф. 543. – Оп. 1. – Д. 520.
6. ГА РФ. – Ф. 555. – Оп. 1. – Д. 1670. – Ч. 2.
7. ГА РФ. – Ф. 583. – Оп. 1. – Д. 69.
8. *Гурко, В.И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / В.И. Гурко; вступ. ст. Н.П. Соколова и А.Д. Степанского; публ. и коммент. Н.П. Соколова. – М., 2000.
9. *Джунковский, В.Ф.* Воспоминания: в 2 т. / В.Ф. Джунковский; под общ. ред. А.Л. Паниной; предисл. и примеч. И.М. Пушкаревой и З.И. Перегудовой. – М., 1997. – Т. 1.
10. *Извольский, А.П.* Воспоминания / А.П. Извольский. – М., 1989.
11. *Киреев, А.А.* Дневник, 1905 – 1910 гг. / А.А. Киреев; сост., авт. предисл. и коммент. К.А. Соловьев. – М., 2010. – 472 с.
12. *Клячко, Л.М.* Повести прошлого / Л.М. Клячко. – Л., 1929.
13. *Коковцов, В.Н.* Из моего прошлого: Воспоминания, 1903 – 1919 гг.: в 2 кн. Кн. 1 / В.Н. Коковцов; вступ. ст. В.И. Бовыкина; примеч. А.К. Сорокина. – М., 1992.
14. *Крыжановский, С.Е.* Воспоминания: Из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи / С.Е. Крыжановский. – СПб., 2009.
15. *Крыжановский, С.Е.* Заметки русского консерватора / С.Е. Крыжановский // Вопросы истории. – 1997. – № 3. – С. 121 – 139.
16. *Курлов, П.Г.* Гибель императорской России / П.Г. Курлов. – М., 1991.
17. *Милуков, П.Н.* Воспоминания: в 2 т. / П.Н. Милуков; сост. и вступ. ст. М.Г. Вандальковской; коммент. и указ. А.Н. Шаханова. – М., 1990. – Т. 1.
18. *Наумов, А.Н.* Из уцелевших воспоминаний, 1868 – 1917: в 2 кн. Кн. 2 / А.Н. Наумов. – Нью-Йорк, 1955.
19. *Оболенский, В.А.* Моя жизнь, мои современники / В.А. Оболенский. – Париж, 1988.
20. Особые журналы Совета министров царской России. 1906 год. – М., 1982. – Ч. 1.
21. Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: в 7 т. / под ред. П.Е. Щеголева. – М.; Л., 1927. – Т. 7.
22. *Рейн, Г.Е.* Из пережитого, 1907 – 1918: Врачебно-санитарная реформа и учреждение Министерства народного здравия, очерк главнейших политических течений в России за последние годы царствования императора Николая II: в 2 т. / Г.Е. Рейн. – Берлин, 1938. – Т. 1.
23. Речь: газ. – 1914. – № 32. – 2 февраля.
24. *Тыркова-Вильямс, А.В.* Воспоминания: То, чего больше не будет / А.В. Тыркова-Вильямс; послесл. В.В. Шелохаева. – М., 1998.
25. *Френкель, З.Г.* Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути / З.Г. Френкель. – СПб., 2009.

**ЛИБЕРАЛ-ЦЕНТРИСТ К.К. АРСЕНЬЕВ: РАЗМЫШЛЕНИЯ
ПО ПОВОДУ 50-ЛЕТИЯ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ В РОССИИ***

В статье рассматривается противостояние видного идеолога русского либерализма К.К. Арсеньева попыткам фальсификации отечественной истории в период празднования 50-летия Великих реформ в России.

К.К. Арсеньев, 50-летие Великих реформ в России, фальсификация истории, М.О. Меньшиков, П.А. Столыпин.

The article considers the opposition of the prominent ideologist of Russian liberalism K.K. Arsenjev to the attempts to falsify the history during the 50th anniversary of the Great Reforms in Russia.

K.K. Arsenjev, the 50th anniversary of the great reforms in Russia, falsification of the history, M.O. Menshikov, P.A. Stolypin.

«Календарь знаменательных дат» уходящего 2011 года предоставил немало поводов для актуализации событий «давно минувших дней». Два юбилея привлекли особое внимание власти и общества, «подлив масла в огонь» современных дискуссий об историческом опыте и перспективах российской модернизации. Это – 150-летие отмены крепостного права и 100-летие со дня трагической гибели П.А. Столыпина. Грядущее в 2012 г. празднование 150-летия со дня рождения этого последнего крупного реформатора в истории Российской империи также позволяет, наводя мосты между прошлым и настоящим, в очередной раз задуматься над поразительно устойчивыми закономерностями взаимодействия власти и общества в России. Выбрать правильный «угол зрения» на события рубежа XIX – XX вв. и, таким образом, противостоять очередным попыткам мифологизации нашей истории – это значит признать необходимость объективной, «многомерной» оценки не только известных личностей, но и проявить должное внимание к мнениям незаслуженно забытых современников ушедшей эпохи, чьи голоса звучат сегодня удивительно живо, внушая сторонникам демократического обновления России исторический оптимизм, но вместе с тем и предупреждая об опасностях на этом многотрудном пути.

Яркий представитель когорты «забытых исполнителей» в истории нашей общественности – Константин Константинович Арсеньев (1837 – 1919), юрист, публицист, литературный критик, один из основателей Партии демократических реформ (1906) – первого опыта партийного объединения либералов-центристов (условно говоря, между кадетами и октябристами). Имя Арсеньева было широко известно в кругах российской интеллигенции на рубеже XIX – XX вв. Да и впоследствии он не был обделен вниманием историков и правоведов. Однако до сих пор нет обобщающего биографического исследования, посвященного этой незаурядной исторической личности.

Великие реформы Александра II стали определяющим событием в судьбе Арсеньева. По его словам, идеи законопроектирования, просвещения и свободы заняли главное место в системе его жизненных ценностей уже к концу 1850-х годов [1, с. 305]. Тогда же Арсеньев оказался в атмосфере непосредственной причастности к подготовке реформ, посещая заседа-

ния одного из первых юридических кружков, «образованного в преддверии судебной реформы, с целью приготовления к ней» [1, с. 305]: «Во главе кружка стал Д.В. Стасов, в доме которого собирались не только юристы, но и выдающиеся ученые, художники, литераторы» [1, с. 305 – 306]. Общеизвестной в ту пору была первостепенная важность Крестьянской реформы: «Что крепостное право было явным анахронизмом, что уничтожение его если не сверху, то снизу было неизбежно – это понимали даже самые ретроградные советники императора» [1, с. 309]. Арсеньев вспоминал о том, что членов кружка Стасова нередко тревожило чувство «неустойчивости и непоследовательности правительственной политики», окончательно окрепшее после отставки в апреле 1861 г. министра внутренних дел С.С. Ланского и его сподвижника Н.А. Милютина, одного из главных разработчиков Крестьянской реформы. «Поворот в направлении крестьянского дела заставлял опасаться не только за его дальнейшую судьбу, но и за участь других реформ, уже поставленных на очередь и необходимых для обновления русской жизни. И вот почему год освобождения крестьян стал годом первых антиправительственных выступлений» [1, с. 308]. Реакцией самого Арсеньева на «растущее неудовольствие» в обществе было подписание осенью 1861 г. петиции об освобождении арестованных студентов, а весной 1862 г. – участие (вместе с В.Д. Спасовичем, Д.В. Стасовым и В.П. Гаевским) в защите тверских мировых посредников, преданных суду Сената.

Арсеньев был хорошо осведомлен не только о ситуации в «верхах». У него имелся также и собственный, заслуживающий доверия источник информации о положении дел в провинции. Это – его брат, по долгу службы участвовавший в сенаторских ревизиях Калужской, а затем (в 1862 – 1863 гг.) Владимирской губерний. Результаты ревизий оказались диаметрально противоположными. Если под руководством калужского губернатора В.А. Арцимовича, человека «широко просвещенного, непреклонно честного», близкого к Милютину, «помогавшему ему и его друзьям во время работы редакционных комиссий», работа по проведению в жизнь Крестьянской реформы шла «быстро и успешно, вызывая вопли крепостников, но успокаивая и умиротворяя массу населения» [1, с. 308], то во Владимирской губернии

было обнаружено немало ошибок и злоупотреблений, связанных с деятельностью губернатора Самсонова, «поддавшегося влиянию помещичьей партии». «И если Арцимович, вполне оправданный сенатором-ревизором, все-таки должен был оставить свой пост, а во Владимирской губернии и после ревизии положение дел изменилось мало, то это бросало яркий свет, с одной стороны, на неудовлетворительность порядков, при которых столь многое зависело от личных качеств администратора, с другой – на печальные плоды «нового курса», водворившегося в министерстве внутренних дел», – приходил к выводам 26-летний Арсеньев [1, с. 309].

«Я в то время еще менее чем потом был прямолинейным... и это делало меня иногда как бы колеблющимся, – свидетельствовал сам Арсеньев о своих взглядах и убеждениях, сложившихся к середине 1860-х гг. – Сознавая... неудовлетворенность современного социального строя, я не был социалистом; понимая неизбежность, при известных условиях насильственного переворота, я не был революционером, хотя бы только в теории. Мой либерализм имел отчасти характер того, что тогда называли постепенщиной; несмотря на признаки реакции, к 1866 г. уже весьма ясные, я верил в торжество реформ...» [6, с. 27].

Арсеньев всегда старался вносить посильный вклад в реализацию преобразований, начатых при Александре II, открыто заявлял о недопустимости отхода от принципов Великих реформ. С 1866 г. он состоял присяжным поверенным, являлся одним из создателей русской адвокатуры. В марте 1878 г. Арсеньев купил имение Покровское (Лужский уезд Петербургской губернии) и переселился туда на постоянное жительство, так как считал, что «на обязанности людей более достаточных и образованных лежит сделать все возможное... для сближения с народом и для улучшения его положения, что особенно удобно и легко в деревне» [6, с. 28]. С 1880 г. он неоднократно избирался уездным и губернским земским гласным, а также на другие должности местного самоуправления, был признан современниками одним из лидеров земского движения в России.

Имя Арсеньева стоит и в ряду крупнейших публицистов конца XIX – начала XX века. Главной трибуной для него стал журнал «Вестник Европы», основанный М.М. Стасюлевичем в 1866 г. и просуществовавший вплоть до 1918 г. Особую значимость имели ежемесячные аналитические обзоры текущих событий, автором которых являлся Арсеньев («Внутреннее обозрение» – в 1880 – 1912 гг., «Общественная хроника» – в 1882 – 1905 гг.). По словам П.Д. Боборыкина, это – «летопись русской жизни за ряд десятилетий, какую никто еще так не вел в нашей публицистике» [7, 17 октября]. В пореформенный период «Вестник Европы» явился не только «площадкой» для оформления русского либерализма, но также идеологической и организационной базой для зарождения и развития в нем центристского течения, примечательного в истории отечественной общественной мысли попыткой либерально-демократически-консервативного синтеза. Просвещать, образовывать Россию и таким путем удерживать общество и власть от крайностей консерватизма и ра-

дикализма, разъяснять необходимость продолжения реформ – в этом члены либеральной «команды» Стасюлевича видели свою миссию. Читатели отмечали спокойный, корректный тон публикаций «Вестника Европы», характеризовали его как чрезвычайно выдержанный, умеренно-либеральный и честный орган. Журнал старался оправдывать эти оценки и при освещении в 1911 г. 50-летнего юбилея отмены крепостного права в России.

Свидетельства Арсеньева-«летописца» являются одним из важных источников по истории трансформации правительственной политики в пореформенный период. «В период „преобразований наоборот“ начинают казаться ошибками все „великие реформы“, не исключая и величайшей, послужившей фундаментом для остальных. Отсюда, в 1886-м году, запрещение чествовать двадцатипятилетие 19-го февраля; отсюда опека над крестьянами, созданная три года спустя [имеется в виду „Положение о земских участковых начальниках“, изданное 12 июля 1889 г. – Н.Х.] и обострявшаяся затем все больше и больше. И вот тогдашнее настроение, которому слишком рано, в короткий момент надежд и увлечений, была прочитана отходная, возрождается вновь, едва соблюдая внешнее приличие», – такой представлялась Арсеньеву в 1911 г. основная траектория реформ в России на протяжении полувека [1, с. 309 – 310]. Один из немногих уцелевших к тому времени, кто «сознательно пережил достопамятные февральские и мартовские дни 1861-го года» [1, с. 303], он и на склоне лет не мог позволить себе быть равнодушным наблюдателем отхода от принципов Великих реформ в период деятельности правительства П.А. Столыпина. Возмущение Арсеньева вызывали попытки «лейб-литераторов» не только исказить сущность и значение Крестьянской реформы 1861 года, но и воспрепятствовать празднованию юбилея освобождения крестьян, объявляя это «огромной ошибкой и даже преступлением» («грандиозным нарушением закона, запрещающего возбуждение одной части населения против другой») [5, 28 января].

Как тревожный симптом очередного перехода в наступление сторонников «отжившей старины» Арсеньев расценил статью М.О. Меньшикова «Ненужный юбилей», вызвавшую заметный общественный резонанс [4, 11 января]. Свое отношение к празднованию 50-летия отмены крепостного права ведущий публицист суворинского издания сформулировал уже в названии своей публикации. Он уверял, что «рабства у нас никогда не было, что его русский народ не вынес бы, что утверждать противное – значит „клеветать на Россию“ или, по меньшей мере, обнаруживать „либеральное недомыслие“. А если не было рабства, то не было и не могло быть и *освобождения*, а был только „выход на волю“: крестьяне перестали „нести государственную службу“, состоявшую в „содержании чиновников государства“» [1, с. 310]. Меньшиков надеялся, что «прозвище *освободитель*, данное Александру II-му кучкою либеральных писателей, долго не продержится», а кроме того, высказал сожаление по поводу официального объявления дня 19 февраля народным праздником.

«Если бы это были только слова писателя, имя которого давно уже стало нарицательным, как ярлык,

приклеенный к наиболее отталкивающим чертам современной действительности, – достаточно было бы указать на них и пройти мимо, – замечал Арсеньев, – но за единичным голосом чувствуется здесь нечто коллективное, грозящее бедой и позором и потому требующее ответа» [1, с. 310]. Можно ли назвать рабством крепостное право в России? По убеждению Арсеньева, ответ на этот вопрос должен быть однозначно утвердительным. Обосновывая свою позицию, он ссылаясь не только на мнение «гиганта русской литературы» («Увижу ль я, друзья, народ неугнетенный и *рабство*, падшее по манию царя...»). Арсеньев напоминал также, что «авторское право» на сравнение крепостного крестьянина с «помещичьей вещью» принадлежало самому Николаю I, непререкаемому авторитету для «эпигонов политического и социального застоя» [1, с. 310]. Вместе с тем Арсеньев считал необходимым подвергнуть более глубокому анализу доводы последних против трактовки крепостного права как рабства. «Настоящее, типичное рабство – говорят нам – предполагает... право жизни и смерти над рабами, – излагал Арсеньев, в частности, мнение Меншикова. – Между тем... истязание и убийство помещиком крепостного человека всегда считалось уголовным преступлением. Рабство, следовательно, существовало в Риме, где „рабов увечили и убивали без всякой за то ответственности“, но не существовало в России» [1, с. 311]. Опровергая эту аргументацию, Арсеньев напоминал, что «реально обеспеченная самая жизнь подневольного человека считаться не может, что бы на этот счет ни устанавливала буква закона, раз что ему фактически – и, тем более, юридически – закрыты все пути для защиты своих прав. Именно таково было положение крепостных людей у нас в России, особенно со времен Екатерины II-й...» [1, с. 311] «Балансированием на тонком, как конец иголки, различии между рабством и крепостною зависимостью нельзя уничтожить историю, – заключал Арсеньев. – Пускай крепостную зависимость формально, юридически правильнее не называть рабством; отсюда еще не следует, что ошибались наши лучшие писатели, наши лучшие люди, применяя к ней именно это слово... И никакие иезуитские *distingue* [фр. – различия] между свободой и волей не уничтожат того факта, что 19-го февраля миллионам русских крестьян была дана именно *свобода* – „прекрасную зарю“ которой не было дано увидеть Пушкину» [1, с. 312].

Арсеньев выступил с критикой еще одного довода («из разряда сентиментальных и псевдопатристических») против отождествления крепостного права с рабством, который сводился к тому, что для народа якобы оскорбительно утверждение, «будто он когда-то был сплошь рабом, частной собственностью» [1, с. 312], а потому недопустимо «навязывать русскому народу состояние, которого каждый народ должен стыдиться». «Ничего оскорбительного, ничего постыдного нет и не может быть в исторической правде, – убеждал Арсеньев. – „Быль молодцу не укор“, гласит русская поговорка. Только смотря прямо в глаза прошлому, ничего в нем не утаивая и не прикрашивая, можно извлечь из него полезные уроки для настоящего и будущего. И чем тяжелее, чем безобразнее был порядок, угнетавший народную массу,

тем естественнее вспоминать с благодарностью о людях, способствовавших его отмене, тем *нужнее* юбилейное их чествование... Для народа избавление от векового зла – все равно, что для отдельного лица избавление от болезни. И не так еще далека от нас болезнь крепостного права, чтобы можно было относиться к ней пассивно и индифферентно» [1, с. 312 – 313].

Как стремление не только оправдать, но и реабилитировать крепостное право, Арсеньев рассматривал утверждение, будто бы в случае с крепостным правом речь идет об «известном политическом и экономическом подчинении крестьян к помещикам», которое «государственная власть, к сожалению, не сумела регулировать и ввести в твердые правовые нормы». Схожими по своей сути и преследуемым целям были для Арсеньева и некоторые другие трактовки крепостного права. Так, например, он выступил с критикой стремления правоконсервативных кругов характеризовать крепостничество как устойчивую систему, «своеобразный *семейный* быт, где образованное сословие пользовалось правами старших в семье», и трактовать отмену крепостного права как отмену «дисциплинарной власти образованного общества над необразованной массой» [1, с. 313].

Показывая несостоятельность попыток поставить «знак равенства» между сословием помещиков и образованным обществом, Арсеньев обращался к опыту земской реформы 1864 г., когда правительство на деле показало, что оно «верит в способность крестьян заняться местными хозяйственными делами» [3, с. 305]. В дни юбилейных торжеств в 1911 г. та же мысль прозвучала и в речи С.Ю. Витте в заседании Государственного совета. В призыве крестьян к участию в земском самоуправлении – на равных правах с помещиками – Витте видел доказательство того, что «правительство считало их достаточно сознательными и культурными для этого дела». Однако в том же заседании верхней палаты мнение Витте было оспорено сенатором А.С. Стишинским, одним из лидеров «правых», который настаивал на неправомерности подобного толкования действий правительства [3, с. 305].

Арсеньев в очередной раз был возмущен искажением исторической правды. И 50 лет назад, и теперь, – разъяснял он очевидные, на его взгляд, вещи, – недопустимо представлять крестьянство, т.е. большую часть населения России, как «бессознательный элемент» – людей, «не поднявшихся еще практическими навыками и здравым смыслом», а потому нуждающихся в опеке и «присмотре» со стороны «сознательных» руководителей. Именно земская реформа 1864 г., по мнению Арсеньева, наметила верный курс на развитие демократии в России через совместную – на равноправных условиях и на благо страны – работу всех сословий. «Для меня... с первых же шагов моих в земстве стало ясно, что средний гласный-крестьянин столь же способен вникать в существо вопросов, хотя бы и выходящих за пределы будничной, текущей жизни... как и средний гласный-горожанин или землевладелец» [3, с. 306]. Арсеньев открыто заявлял о том, что «некультурность» крестьян – это фикция, используемая верховной властью и ее опорой – дворянством, для сохранения *status*

quo в социально-политическом устройстве России. По его мнению, после реформы местного самоуправления, проведенной в царствование Александра II, задача всех последующих «искусственных комбинаций» по преобразованию земства, включая мероприятия правительства П.А. Столыпина, состояла «не в том, чтобы обеспечить возможно лучшее ведение земского дела, а в том, чтобы охранить сословные или классовые интересы, в данную минуту обретающиеся в авантаже» [3, с. 306]: «В 1890 г. новое Земское Положение было проведено в видах поднятия поместного дворянства; теперь защитники действующего порядка, как и сторонники „благоразумных“ в нем переделок, озабочены поощрением „сильных“, хотя бы и в ущерб „слабым“» [3, с. 306].

Арсеньев обращал внимание на тревожную тенденцию: «крестьянству, освобожденному полвека тому назад, принадлежит теперь в местной жизни менее видная роль, чем отведенная ему вслед за освобождением» [3, с. 308]. «А между тем общий уровень крестьянства очень сильно поднялся: в этом легко мог убедиться каждый, участвовавший в 1906 и 1907 годах в выборах в Государственную думу. Крестьяне (из числа мелких землевладельцев), выступавшие на предвыборных собраниях, поражали зрелостью мысли и самостоятельностью взглядов... Не подлежит сомнению, — продолжал убеждать Арсеньев, — что при другой избирательной системе, более благоприятной для массы сельского населения, при другой организации местного суда, управления и самоуправления, обеспечивающей самостоятельность избирателей и гласных, земство вступило бы, наконец, на путь непрерывного развития, какой намечался для него в уме передовых людей шестидесятих годов и никогда с тех пор не переставал служить конечною целью друзей народа» [3, с. 308 – 309].

Однако насколько реальным самому Арсеньеву представлялось в 1911 г. развитие по такому оптимистичному сценарию? Размышляя над «странностями» новейшей истории России, он вынужден был признать, что «в ближайшем будущем не предвидится устранения этой несправедливости, исправления этой ошибки» [3, с. 308]. Напротив, как предполагал Арсеньев, основной вектор правительственной политики будет определяться настроениями, все более укоренявшимися в официальной и правоконсервативной прессе и даже в Государственной думе: «Масса, и до сих пор необразованная, не нуждается ли в установлении над нею „дисциплинарной власти“, конечно, „регулируемой“ и „введенной в твердые правовые начала“? А материал для организации такой власти не имеется ли налицо в среде „образованного общества“ — т.е. тех общественных сфер, которые приняли наследство бывшего помещичьего класса? Нельзя ли создать суррогат той „жизненной системы“, которую легкомысленно разрушило 19-ое февраля? И на эти вопросы поддается утвердительный ответ», — констатировал Арсеньев [1, с. 313 – 314].

Арсеньев обращал внимание на ряд примеров уже состоявшегося в России частичного возвращения к прошлому. Это — и создание института земских на-

чальников, и незаконные телесные наказания («прямое наследие татарщины и крепостничества»), введенные зимой 1905 – 1906 гг. во время карательных экспедиций, следовавших за Манифестом 17 октября 1905 г. «Не думаем, чтобы можно было найти что-нибудь подобное в новейшей истории западно-европейских стран, — подчеркивал Арсеньев. — Вот почему нас так глубоко возмущает всякая попытка идеализировать крепостное право, затушевать или скрасить его мерзость, найти в нем что-нибудь достойное похвалы или подражания. Юбилей, с такою беззастенчивостью объявляемый *ненужным*, нужен, необходим именно для того, чтобы, еще раз оглянувшись на мрачное прошлое, бесповоротно осудить все его заветы» [1, с. 314 – 315].

Итак, очевидно, что празднование в России 50-летия Крестьянской реформы 1861 г. стало, прежде всего, подтверждением известной закономерности — стремления власти, а также различных общественных сил использовать юбилейные торжества как повод для обсуждения «болевых точек» современности, а также упрочения своих позиций. «Вокруг юбилея освобождения крестьян происходит нечто настолько любопытное, что самый юбилей как-то отступает на задний план, а вперед выдвигается самая близкая, самая жестокая злоба сегодняшнего дня», — отмечалось в самом начале 1911 г. на страницах журнала «Вестник Европы» [2, с. 281]. В общем, то же самое можно сказать и о современных дискуссиях в связи с празднованием 150-летия отмены крепостного права и еще в большей мере — о разворачивающихся «столыпинских» мероприятиях, организуемых на правительственном уровне. Вместе с тем, вспоминая о заслугах П.А. Столыпина, важно не замалчивать крайне противоречивый характер его преобразований и их последствий. Представляется полезным (для лучшего понимания как прошлого, так и настоящего) услышать в дни торжеств не только голоса апологетов очередного «героя дня», но еще и мнения (зачастую вовсе не «юбилейные») его выдающихся современников, таких, например, как К.К. Арсеньев.

** Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-01-00168а.*

Литература

1. Вестник Европы: журн. науки, политики, лит. — СПб., 1911. — № 2.
2. Вестник Европы: журн. науки, политики, лит. — СПб., 1911. — № 3.
3. Земское дело: журн. для разработки земских вопросов и всестороннего освещения деятельности и нужд земского самоуправления в России. — СПб., 1911. — № 4.
4. Новое время: полит. и лит. газ. — СПб., 1911.
5. Речь: полит., экономич. и лит. газ. — СПб., 1911.
6. Российский либерализм середины XVIII — начала XX века: энцикл. / отв. ред. В.В. Шелохаев. — М., 2010.
7. Русское слово: ежедн. газ. — М., 1908.

Сведения об авторах

АМВРОСОВА Ольга Айваровна / AMVROSOVA Olga Aivarovna	Аспирант, старший лаборант кафедры дефектологического образования, Череповецкий государственный университет / Postgraduate student, Senior laboratory assistant, Department of Defectology Education, Cherepovets State University. E-mail: amvroaska@mail.ru
БАЛАКШИНА Юлия Валентиновна / BALAKSHINA Julia Valentinovna	Кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры русской литературы, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург) / Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Doctoral Student, Department of Russian Literature, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St.-Petersburg). E-mail: jbalaksh@mail.ru
БЕРКОВИЧ Маргарита Израилевна / BERKOVICH Margarita Izrailevna	Доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления, директор Института управления, экономики и финансов, Костромской государственный технологический университет / Doctor of Science (Economics), Professor, Department of Economics and Management, Director of the Institute of Management, Economics and Finances, Kostroma State Technology University. E-mail: ecdepart@kstu.edu.ru
ВИНОГРАДОВ Алексей Иванович / VINOGRADOV Aleksey Ivanovich	Кандидат технических наук, доцент кафедры металлургии, машиностроения и технологического оборудования, Череповецкий государственный университет / Candidate of Science (Technology), Senior Lecturer, Department of Metallurgy, machine building and technological equipment, Cherepovets State University. E-mail: vai@chsu.ru
ВОЛОДИНА Наталья Владимировна / VOLODINA Natalya Vladimirovna	Доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций, Череповецкий государственный университет / Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Applied Communications, Cherepovets State University. E-mail: natalivolodina@mail.ru
ГАРБЕР Эдуард Александрович / GARBER Eduard Alexandrovich	Доктор технических наук, профессор кафедры металлургии, машиностроения и технологического оборудования, Череповецкий государственный университет / Doctor of Science (Technology), Professor, Department of Metallurgy, machine building and technological equipment, Cherepovets State University. E-mail: mamz@tchercom.ru
ГОНЧАРОВ Константин Алексеевич / GONCHAROV Konstantin Alekseevich	Кандидат технических наук, доцент кафедры строительной механики, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург) / Candidate of Science (Technology), Associate Professor, Department of Building Mechanics, Ural Federal University (Ekaterinburg). E-mail: gonkonstant@yandex.ru
ГУСЬКОВ Владимир Константинович / GUSKOV Vladimir Konstantinovich	Аспирант кафедры всеобщей истории Вологодского государственного педагогического университета, заведующий отделом «Центр информационных технологий» Вологодской областной универсальной научной библиотеки им. И.В. Бабушкина / Postgraduate student, Department of General History, Vologda State Pedagogical University. Head of the department «Center of information technology» Vologda regional universal scientific library named after I.V. Babushkin. E-mail: teachervg@mail.ru
ДЕНИСОВ Евгений Юрьевич / DENISOV Evgeniy Yurievich	Аспирант кафедры экономики организаций, Волжский государственный инженерно-педагогический университет (г. Нижний Новгород) / Postgraduate Student, Department of Economics of Organizations, Volzhsk State Engineering and Pedagogical University, Nizhniy Novgorod. E-mail: eugen188@yandex.ru
ДОБРЫЧЕВА Анна Александровна / DOBRYCHEVA Anna Alexandrovna	Старший преподаватель кафедры русского языка, Сахалинский государственный университет (г. Южно-Сахалинск), аспирант кафедры современного русского языка Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток) / Assistant professor of Sakhalin State University (Yuz-

	hno-Sakhalinsk), The Russian Language department, post-graduate student of Far-East Federal University (Vladivostok). E-mail: 21ncdf@mail.ru
ЕГОРОВ Андрей Николаевич / EGOROV Andrey Nikolaevich	Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, Череповецкий государственный университет / Doctor of Science (History), Professor, Head of History Department, Cherepovets State University. E-mail: anegorov65@mail.ru
ЕРМИЛОВ Владимир Витальевич / ERMILOV Vladimir Vitalievich	Кандидат технических наук, доцент кафедры химической технологии и оборудования, Череповецкий государственный университет / Candidate of Science (Technology), Associate Professor, Department of Chemical Technology and Equipment, Cherepovets State University. E-mail: vladimir-ermilov@yandex.ru
ЕРШОВ Евгений Валентинович / ERSHOV Evgeniy Valentinovich	Доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой программного обеспечения вычислительной техники и информационных систем, Череповецкий государственный университет / Doctor of Sciences (Technology), Professor, Head of the Department of Computer Science and Information Systems, Cherepovets State University. E-mail: eve@chsu.ru
ЗАБЕГАЛИНА Светлана Викторовна / ZABEGALINA Svetlana Victorovna	Кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии, Ульяновский государственный университет / Candidate of Sciences (Psychology), Senior lecturer, Department of Psychology, Ulyanovsk State University. E-mail: svetlanvictorovn@mail.ru
ЗАПЕСОЦКАЯ Ирина Владимировна / ZAPESOTSKAYA Irina Vladimirovna	Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии здоровья и коррекционной психологии, Курский государственный медицинский университет / Candidate of Science (Psychology), Associate Professor, Department of Psychology of Health and Correctional Psychology, Kursk State Medical University. E-mail: Zapesotskaya@mail.ru
ИЛЬИНА Оксана Сергеевна / ILYINA Oksana Sergeevna	Аспирант кафедры русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург) / Post-graduate student, Department of the Russian Language, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St.-Petersburg). E-mail: lucky-today@yandex.ru
КАБАКОВ Зотей Константинович / KABAKOV Zotey Konstantinovich	Доктор технических наук, профессор кафедры металлургии, машиностроения и технологического оборудования, Череповецкий государственный университет / Doctor of Science (Technology), Professor, Department of Metallurgy, machine building and technological equipment, Cherepovets State University. E-mail: mt@chsu.ru
КОЛОБОВ Александр Владимирович / KOLOBOV Alexander Vladimirovich	Кандидат технических наук, технический директор ЗАО «Северсталь ТПЗ-Шексна» (г. Череповец) / Candidate of Science (Technology), Technical Director, CJSC “Severstal TPZ-Sheksna” (Cherepovets). E-mail: avkolobov@severstal.com
КОЛОКОЛЬЧИКОВА Римма Станиславовна / KOLOKOLCHIKOVA Rimma Stanislavovna	Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Череповецкий государственный университет / Candidate of Science (History), Associate Professor, Department of History, Cherepovets State University. E-mail: retinovka@mail.ru
КУЛЕШОВА Наталья Юрьевна / KULESHOVA Natalya Yurievna	Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ) / Candidate of Science (History), Associate Professor, Department of History and Cultural Studies, Moscow State Automobile & Road Technical University. E-mail: nat.kuleshova@mail.ru
КУТИПОВ Руслан Анатольевич / KUTIPOV Ruslan Anatoljevich	Аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, Елабужский государственный педагогический университет (г. Набережные Челны, Республика Татарстан) / Postgraduate student, Department of Russian and Foreign Literature, Elabuga State Pedagogical University, (Naberezhnye Chelny, Republic of Tatarstan). E-mail: 1923@list.ru

ЛЕТАВИН Михаил Иванович / LETAVIN Mikhail Ivanovich	Доктор физико-математических наук, профессор кафедры информационной безопасности, Череповецкий государственный университет / Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Department of Information Security, Cherepovets State University. E-mail: mt@chsu.ru
ЛЕХАНОВА Ольга Леонидовна / LEKHANOVA Olga Leonidovna	Кандидат педагогических наук, доцент кафедры дефектологического образования, Череповецкий государственный университет / Candidate of Science (Pedagogy), Associate Professor, Department of Defectology Education, Cherepovets State University. E-mail: lehanovao@mail.ru
ЛИСУНЕЦ Николай Леонидович / LISUNETS Nickolay Leonidovich	Кандидат технических наук, доцент кафедры технологии и оборудования трубного производства, заместитель директора по учебной работе Института непрерывного образования, Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС» (Московский институт стали и сплавов) / Candidate of Science (Technology), Associate Professor, Department of Technology and Equipment of Pipe Production, Deputy Director on Educational work of the Institute of Continuous Education, National Research Technological University «MISA» (Moscow Institute of Steel and Alloys). E-mail: Nlisunec@misis.ru
МАГСУМОВ Тимур Альбертович / MAGSUMOV Timur Albertovich	Кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории, Набережночелнинский государственный педагогический институт (г. Набережные Челны) /Candidate of Science (History), Lecturer, Department of History, Naberezhnye Chelny State Pedagogical Institute. E-mail: nabonid1@yandex.ru
МАРАЛОВ Владимир Георгиевич / MARALOV Vladimir Georgievich	Доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, директор Института педагогики и психологии, Череповецкий государственный университет / Doctor of Science (Psychology), Professor, Department of Psychology, Director of the Institute of Pedagogy and Psychology, Cherepovets State University. E-mail: maralovvg@chsu.ru
МАРАЛОВА Татьяна Петровна / MARALOVA Tatyana Petrovna	Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Череповецкий государственный университет / Candidate of Science (Psychology), Associate Professor, Department of Psychology, Institute of Pedagogy and Psychology, Cherepovets State University. E-mail: maralovvg@chsu.ru
МАУТКИНА Татьяна Михайловна / MAUTKINA Tatyana Mikhailovna	Аспирант кафедры художественного образования, Череповецкий государственный университет / Postgraduate student, Department of Art Education, Cherepovets State University. E-mail: tatyana_mautkina@mail.ru
МИШИНЦЕВА Ирина Юрьевна / MISHINTSEVA Irina Yurievna	Аспирант кафедры германской филологии и межкультурной коммуникации, Череповецкий государственный университет / Postgraduate Student, Department of Germanic Philology and Intercultural Communication, Cherepovets State University. E-mail: irahighspirits@mail.ru
НЕМИРОВСКИЙ Андрей Александрович / NEMIROVSKIY Andrey Alexandrovich	Аспирант кафедры теории и проектирования машин и механизмов, Вологодский государственный технический университет (г. Вологда) / Postgraduate Student, Department of Theory and Design of Machines and Mechanisms, Vologda State Technical University (Vologda). E-mail: andreynem@mail.ru
НИКИШИНА Вера Борисовна / NIKISHINA Vera Borisovna	Доктор психологических наук, профессор кафедры психологии и педагогики, Курский государственный медицинский университет / Doctor of Science (Psychology), Professor, Department of Psychology and Pedagogy, Kursk State Medical University. E-mail: VBNikishina@mail.ru
ОСИПОВ Юрий Романович / OSIPOV Yuriy Romanovich	Доктор технических наук, заслуженный деятель науки и техники Российской Федерации, профессор кафедры теории и проектирования машин и механизмов, Вологодский государственный технический университет (г. Вологда) / Doctor of Science (Technology), Honoured Scientist of Russian Federation, Professor, Department of Theory and Design of Machines and Mechanisms, Vologda State Technical University (Vologda). E-mail: iur.osipov2012@yandex.ru

ПАВЗДЕРИН Артем Игоревич / PAVZDERIN Artyom Igorevich	Аспирант кафедры математики, Череповецкий государственный университет / Postgraduate student, Department of Mathematics, Cherepovets State University. E-mail: a.pavzderin@gmail.com
ПАНИНА Елена Владимировна / PANINA Elena Vladimirovna	Аспирант кафедры практической психологии, Омский государственный педагогический университет (г. Омск) / Postgraduate student, Department of Practical Psychology, Omsk State Pedagogical University (Omsk). E-mail: panina.ev@mail.ru
ПАНОВ Борис Васильевич / PANOV Boris Vasilievich	Кандидат технических наук, доцент кафедры автоматизации и систем управления, Череповецкий государственный университет / Candidate of Science (Technology), Associate Professor, Department of Automation and Control System, Cherepovets State University. E-mail: borispanov@yandex.ru
ПАНФИЛОВА Елена Николаевна / PANFILOVA Elena Nikolaevna	Аспирант Института лингвистических исследований, Российская академия наук (г. Санкт-Петербург) / Postgraduate student, Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St.-Petersburg). E-mail: panfilova_elena@list.ru
ПАРФЕНОВА Анастасия Васильевна / PARFENOVA Anastasia Vasiljevna	Аспирант кафедры общей физики, астрономии и методики обучения физике, Вологодский государственный педагогический университет / graduate Department of Physics, Astronomy and methods of teaching physics of the Vologda State Pedagogical University. E-mail: 13pav84@mail.ru
ПЛАШЕНКОВ Валерий Владимирович / PLASHENKOV Valerey Vladimirovich	Доктор военных наук, профессор, директор Инженерно-экономического института, Череповецкий государственный университет / Doctor of Science (Military Engineering), Professor, Director of the Institute of Engineering and Economics, Cherepovets State University. E-mail: plashenkov@chsu.ru
ПОНОМАРЕВА Татьяна Александровна / PONOMAREVA Tatyana Alexandrovna	Доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и журналистики XX – XXI вв., Московский педагогический государственный университет / Doctor of Science (Philology), Professor, Department of Russian Literature and Journalism of XX – XXI-th cent., Moscow State Pedagogical University. E-mail: taponomareva@mail.ru
ПОПОВА Анна Ивановна / POPOVA Anna Ivanovna	Аспирант, Учреждение Российской академии наук Институт социально-экономического развития территорий РАН (г. Вологда) / Postgraduate student, Institute of Socio-Economic Development of Territories, Institution of Russian Academy of Sciences. (Vologda). E-mail: aipopova@yandex.ru
ПЯТАКОВА Оксана Александровна / PYATAKOVA Oksana Alexandrovna	Аспирант кафедры педагогики, Вологодский государственный педагогический университет / Postgraduate student, Department of Pedagogy, Vologda State Pedagogical University. E-mail: oksana1911@yandex.ru
РАДЮК Александр Германович / RADUK Alexander Germanovich	Доктор технических наук, профессор кафедры технологии и оборудования трубного производства, Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС» (Московский институт стали и сплавов) / Doctor of Science (Technology), Professor, Department of Technology and Equipment of Pipe Production, National Research Technological University «MISA» (Moscow Institute of Steel and Alloys). E-mail: radjuk@rambler.ru
РЯБОВА Любовь Николаевна / RYABOVA Lubov Nikolaevna	Аспирант кафедры психологии профессионального развития, Волжский государственный инженерно-педагогический университет (г. Нижний Новгород) / Postgraduate student, Department of Psychology of Professional Development, Volzhsk State Engineering-Pedagogical University (Nizhniy Novgorod). E-mail: smeshnaya_zaya@mail.ru
САПЧЕНКО Любовь Александровна / SAPCHENKO Lubov Alexandrovna	Доктор филологических наук, профессор кафедры филологии, Ульяновский государственный университет / Doctor of Science (Philology), Professor, Department of Philology, Ulyanovsk State University. E-mail: ssj-sla@mail.ru

САРДУШКИНА Юлия Анатольевна / SARDUSHKINA Julia Anatolievna	Аспирант Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (г. Самара), заместитель декана экономического факультета, Самарская академия государственного и муниципального управления / Postgraduate Student, Povolzhsk State Academy of Social Sciences and Humanities, Vice Dean of the Faculty of Economics, Samara Academy of State and municipal government (Samara). E-mail: Sardushkina@yandex.ru
САХАРОВА Анна Сергеевна / SAKHAROVA Anna Sergeevna	Аспирант кафедры экономики и управления, Костромской государственной технологической университет / Postgraduate student, Department of Economics and Management, Kostroma State University of Technology. E-mail: anna_saharova@bk.ru
СОЛОВЬЕВ Кирилл Андреевич / SOLOVJOV Kirill Andreevich	Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России нового времени, Российский государственный гуманитарный университет (Москва) / Candidate of Science (History), Associate Professor, Department of Modern History of Russia, Russian State Humanitarian University (Moscow). E-mail: 89265259405 kirillsol22@yandex.ru
СОЛОВЬЕВА Елена Евгеньевна / SOLOVYOVA Elena Evgenievna	Кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций, Череповецкий государственный университет / Candidate of Science (Philology), Assistant professor, Department of Russian Philology and Applied Communications, Cherepovets State University. E-mail: esk63@mail.ru
СПОЛОХОВА Елена Александровна / SPOLOKHOVA Elena Alexandrovna	Кандидат филологических наук, заведующая кафедрой художественного образования Института педагогики и психологии, Череповецкий государственный университет / Candidate of Science (Philology), Head of the Department of Art Education, Institute of Pedagogy and Psychology, Cherepovets State University. E-mail: roni230375@mail.ru
СУХАРЕВ Александр Николаевич / SUKHAREV Alexander Nikolaevich	Специалист по информационным технологиям Федерального государственного унитарного предприятия «Федеральный комплекс „Кремлевский“», Управление делами Президента Российской Федерации (г. Москва) / Information Technology Specialist, Federal State Unitary Enterprise FC “Kremlevskiy”, Administration of the President of Russian Federation (Moscow). E-mail: alsnow@bk.ru
ФЕДОТОВ Евгений Сергеевич / FEDOTOV Evgeney Sergeevich	Аспирант кафедры металлургии, машиностроения и технологического оборудования, Череповецкий государственный университет / Postgraduate student, Department of Metallurgy, Machine Building and Technological Equipment, Cherepovets State University. E-mail: esfedotov@severstal.com
ХАЙЛОВА Нина Борисовна / KHAYLOVA Nina Borisovna	Кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической истории, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации / Candidate of Science (History), Associate Professor, Department of Economic History, University of Finance of the Russian Federation Government. E-mail: nkhaiлова@yandex.ru
ЧЕРНЯК Валентина Даниловна / CHERNYAK Valentina Danilovna	Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка филологического факультета, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург) / Doctor of Science (Philology), Professor, Head of the Department of the Russian Language of Philological Faculty, Russian State Pedagogical University named after Herzen (St.-Petersburg). E-mail: vdcher@yandex.ru
ЧЕРНЯК Мария Александровна / CHERNYAK Maria Alexandrovna	Доктор филологических наук, профессор кафедры новейшей русской литературы, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург) / Doctor of Science (Philology), Professor, Department of Modern Russian Literature, Russian State Pedagogical University named after Herzen. (St.-Petersburg) E-mail: ma-cher@yandex.ru

ШАБАЛОВ Виктор Александрович / SHABALOV Victor Alexandrovich	Кандидат технических наук, доцент кафедры автоматизации и систем управления, Череповецкий государственный университет / Candidate of Science (Technology), Associate Professor, Department of Automation and Control Systems, Cherepovets State University. E-mail: shabvic@mail.ru
ЯГУДИН Игорь Владимирович / YAGUDIN Igor Vladimirovich	Аспирант кафедры металлургии, машиностроения и технологического оборудования, Череповецкий государственный университет / Post-graduate student, Department of Metallurgy, Machine Building and Technological Equipment, Cherepovets State University. E-mail: yagudin_igor@rambler.ru

Условия и порядок приема рукописей

1. Редакция принимает к публикации материалы на русском языке по темам, соответствующим основным научным направлениям журнала. Научные статьи принимаются в течение года и при условии положительных результатов независимой экспертизы включаются в очередной номер журнала.

2. В журнале публикуются статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости. В статье должны быть изложены основные научные результаты исследования. Авторами их могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

3. Авторы предоставляют в редакцию журнала на электронный адрес vestnik-chsu@yandex.ru один файл формата Microsoft Word, содержащий статью и сведения об авторе. Имя файлу присваивается следующим образом: **Фамилия И.О._научное направление статьи** (при наличии двух и более авторов указывается фамилия только первого автора). Файлы, инфицированные вирусами, не обрабатываются и не принимаются к опубликованию.

4. Поступившие в редакцию материалы регистрируются, и в течение трех дней автору (авторам) по электронной почте высылается подтверждение о получении статьи.

5. Статьи, не соответствующие условиям публикации и требованиям к оформлению, не рассматриваются.

6. Если рецензия содержит рекомендации по исправлению и доработке статьи, то она направляется автору с предложением учесть рекомендации при подготовке нового варианта статьи. Датой поступления статьи в данном случае считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

7. **Аспирантам к статье** необходимо приложить сканированную копию отзыва научного руководителя, заверенную его подписью и печатью организации.

8. Корректур авторам не высылаются, присланные материалы не возвращаются.

9. Гонорар за публикацию статьи не выплачивается.

10. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Адрес редакции:

162600 Вологодская обл., г. Череповец, Советский пр., 8, к. 302, Генералова Юлия Александровна, тел. 8(8202) 51-72-40, e-mail: vestnik-chsu@yandex.ru

Требования к публикуемым статьям и их оформлению

Форматирование основного текста	1. Формат страницы – А4 (книжный). 2. Поля – все по 20 мм. 3. Абзацный отступ – 0,5 см. 4. Шрифт – Times New Roman, обычный; размер кегля (символов) – 12 пт. Весь текст должен быть набран обычным шрифтом без стилей. 5. Междустрочный интервал – полуторный. 6. Номер страницы располагается внизу справа.
Объем статьи	7 – 8 страниц
Требования к составу публикуемой статьи	Статья должна включать в себя следующие последовательно расположенные элементы: 1. Наименование раздела журнала, в который должна быть помещена статья. 2. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК) – слева, обычным шрифтом. Индекс УДК должен соответствовать заявленной теме. 3. Инициалы автора (авторов) и фамилия (фамилии) – справа курсивом на русском языке. 4. ДЛЯ АСПИРАНТОВ! В правом верхнем углу ниже фамилии автора пишется: <i>Научный руководитель: степень, звание, И.О. Фамилия.</i> 5. Название статьи – по центру полужирным шрифтом прописными буквами на русском языке. 6. Инициалы автора (авторов) и фамилия (фамилии) – справа курсивом на английском языке. 7. Название статьи – по центру полужирным шрифтом прописными буквами на английском языке. 8. Аннотация (до 6 строк) и ключевые слова (5 – 10 слов) обычным шрифтом на русском языке. 9. Аннотация и ключевые слова обычным шрифтом на английском языке. 10. Текст статьи. 11. Список литературы – по центру обычным шрифтом. Элементы статьи отделяются друг от друга одной пустой строкой.
Библиографический список	1. Список цитируемой литературы приводится в соответствии с требованиями ГОСТ 7.1-2003. Источники в списке литературы располагаются в алфавитном порядке. 2. Для связи списка литературы с текстом статьи используются ссылки. Ссылка в тексте статьи оформляется следующим образом: [Апресян 1995: 22].

<i>Примечания и комментарии</i>	Нумерация сносок постраничная.
<i>Иллюстрации (схемы, диаграммы, фотографии и т.д.)</i>	1. Принимается не более трех иллюстраций, выполненных в графическом редакторе Visio 3.0. или Word. Все элементы одного рисунка должны быть сгруппированы. 2. Иллюстрации должны быть вставлены в текст. Схемы выполняются с использованием штриховой заливки. При сканировании изображений количество точек на дюйм должно быть не менее 450 (450 dpi/дюйм). Изображения плохого качества не принимаются. 3. В тексте статьи на иллюстрации даются ссылки, например: (рис. 2). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений. 4. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений, размещенных под рисунком.
<i>Таблицы</i>	1. Таблицы должны быть выполнены в текстовом редакторе Microsoft Word 2003 (2007) с расширением doc (docx), набраны 10 кеглем и пронумерованы по порядку. 2. Таблиц должно быть не более трех. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и заголовок. 3. Максимальный объем таблицы не должен превышать страницу формата А4. 4. Все графы в таблицах должны иметь заголовки. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТ 7.12-93, 7.11-78. 5. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается.
<i>Единицы физических величин</i>	Размерность всех физических величин рекомендуется указывать в системе единиц СИ.
<i>Формулы</i>	1. Набор формул осуществляется в редакторе Math Type версии 5.2. или в текстовом редакторе Microsoft Word 2003 (2007). 2. Нумерация формул – сквозная, арабскими цифрами справа в конце строки в круглых скобках. 3. Номер ставится посередине системы уравнений и выравнивается по правому краю границы текста. 4. Нумерация осуществляется вне редактора формул. Нумеруются те формулы, на которые есть ссылки в тексте. 5. Кегль набора формул: основные символы – 10, подстрочные и надстрочные индексы первого порядка – 7, подстрочные и надстрочные индексы второго порядка – 6. 6. Пронумерованные формулы выносятся отдельной строкой и располагаются по центру текста: $\left\{ \begin{array}{l} \tau'_{xy}(\tau) = \tau'_{xz}(\tau) = \tau'_{yz}(\tau) = \sigma'_x(\tau) = 0, \\ \sigma'_y(\tau) = \sigma'_z(\tau) = \sigma'(\tau) = -\frac{\alpha_t E(\tau)}{1-\nu} [T(x, \tau) - T(x, 0)], \end{array} \right. \quad (1)$
<i>Сведения об авторе (авторах)</i>	После статьи в таблице приводятся сведения об авторе (авторах). В 1-м столбце указывается Ф.И.О. полностью. Во 2-м столбце указывается: 1. Ученая степень (при наличии) полностью. 2. Ученое звание (при наличии) полностью. 3. Место работы (организация, структурное подразделение, должность). 4. Контактная информация для переписки по одному из авторов: полный почтовый адрес с указанием индекса, телефон, e-mail. Все сведения, кроме п. 4, приводятся на русском и английском языках.

Связь с авторами осуществляется через указанную ими электронную почту.

Лицензия А № 165724 от 11 апреля 2006 г.

Подписано в печать 27.10.11. Зак. 1363.
Тир. 300 (1 з-д - 70). Уч.-изд. л. 23,4. Усл. п. л. 21.
Формат 60 × 84 ¹/₈. Гарнитура Таймс.